Юрий Васильевич Емельянов
Европа судит Россию

Юрий Емельянов
Европа судит Россию

Предисловие

Попытки запечатлеть текущую жизнь, исчезающую в прошлом, предпринимались человеком с незапамятных времен. Как только появилась письменность, люди стали записывать историю своих стран и народов. Эти усилия имели и практическую цель, ибо опыт прошлого служил надежным пособием для людей в настоящем. На основе этого опыта формулировались правила поведения людей в природной среде и в обществе, составлялись своды государственных законов, складывались моральные принципы поведения людей, открывались законы природы, определялись технические нормы, возникали основы естественных и гуманитарных наук, в том числе и исторической науки.

По мере нарастания противоречия между постепенными переменами в их жизни и устаревшими правовыми, моральными и техническими нормами людям приходилось осмысливать вновь обретенный опыт и соответственным образом менять сложившиеся правила своей общественной организации. Порой такие противоречия принимали острые формы, и в этих случаях совершались революции, охватывавшие отрасль знания, какую-либо сферу жизни или весь общественный уклад.

Менялись, нередко радикально, и сами представления о прошлом стран, народов и всего человечества по мере того, как ученые обнаруживали свидетельства, которые не были учтены в архаических преданиях или оказались утраченными потомками. В течение последних двух-трех столетий историческая наука раздвинула и уточнила временные границы человечества и цивилизованного общества. Были открыты забытые культуры и цивилизации. Многие сложившиеся представления о событиях прошлого, древних законах и обычаях правителей давних времен и даже об их физическом облике были пересмотрены благодаря упорному труду ученых разных специальностей.

Являясь постоянно развивающейся наукой, история беспрестанно обнаруживает новые свидетельства и предлагает новые интерпретации давно ушедшему времени, что нередко в

корне меняет сложившиеся в обществе представления о событиях прошлого, их участниках и целых эпохах. В то же время, являясь плодом трудов многочисленных исследователей, историческая наука является местом столкновения различных, нередко противоположных оценок ушедшего времени. Лишь в борьбе мнений вырабатываются взгляды на прошлое, учитывающие сложность и противоречивость любого общественного явления. Историческая наука отвергает однозначные суждения, рожденные поверхностным знанием предмета. Попытки вынести «окончательный, безапелляционный вердикт» «суда истории» чужды исторической науке и лишь свидетельствуют об антиисторизме таких самозванных судей.

Из далекого и близкого прошлого известно, что пересмотр истории зачастую осуществлялся для того, чтобы оправдать стремление переделать жизнь в угоду интересов тех или иных людей, социальной группы или какого-либо государства. Еще в Древнем Египте имена некоторых фараонов вычеркивались их преемниками, а их деяния приписывались иным правителям. Но и потом подлинная история неоднократно подменялась политически конъюнктурным вымыслом на исторические темы. Составлялись мнимые родословные царей и ложные предания о них для того, чтобы обосновать «право» страны на захваты земель и порабощение других народов. Предлагались ложные гипотезы происхождения народов и рас, утверждавшие их «право» на мировое господство. Одновременно фальсификаторы истории стремились уничтожить свидетельства подлинной истории, исторические памятники и историческую память народов.

Исторический опыт человечества показывает, что попытки изменить настоящее путем произвольной интерпретации прошлого зачастую направлены на то, чтобы повернуть вспять ход общественного развития. Известно, что вожди и идеологи нацизма, такие как А. Гитлер и А. Розенберг, исходя из расистских теорий, повторяли расхожие идеализированные оценки одних народов прошлого и демонизировали другие древние народы. Например, всемерно восхваляя добродетели римлян, греков и тевтонов, они фактически принимали как должное жестокость и кровожадность, присущие жизни этих народов. В то же время они видели в этрусках, сирийцах и ряде других народов Средиземноморья воплощение порочности, полностью отрицая наличие у них добродетелей. Эти невежественные оценки использовались для обоснования планов создания «жизненного пространства» для «высшей германской расы», а затем использовались для осуществления беспримерного геноцида народов мира. Этот пример показывает, к чему могут привести попытки переписать историю на основе ее вульгарной и однозначной интерпретации.

О том, что и в наши дни история используется в политических целях, свидетельствуют дискуссии на Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), результатом которых стала резолюция от 25 января 2006 года. В ней утверждалось, что «тоталитарные коммунистические режимы, которые правили в Центральной и Восточной Европе в прошлом столетии… все без исключения характеризуются массовыми нарушениями прав человека». Резолюция призывает не только осудить эти «нарушения», но и заняться «переоценкой истории коммунизма».

Из содержания резолюции ясно, что авторы резолюции видят в «нарушениях прав человека» главное в «истории коммунизма». Среди этих «нарушений» перечислены: «индивидуальные и коллективные убийства и казни, смерть в концентрационных лагерях, голод, высылки, пытки, рабский труд и другие формы массового физического террора, преследования на этнической или религиозной почве, нарушения свободы совести, мысли и самовыражения, свободы прессы, а также – недостаток политического плюрализма».

Авторы резолюции утверждают, что эти «преступления были оправданы теорией и принципом диктатуры пролетариата», что «интерпретация обоих принципов узаконивала ликвидацию людей, которые рассматривались как вредные при строительстве нового общества и, так же, как враги тоталитарных коммунистических режимов. Обширное количество жертв в каждой заинтересованной стране были ее собственными подданными. Это имело место в особенности среди народов бывшего СССР, которые намного превзошли другие народы количеством жертв».

Хотя в следующем пункте резолюции говорится, что, «несмотря на преступления тоталитарных коммунистических режимов, некоторые европейские коммунистические партии сделали вклады в достижение демократии», из этого заявления неясно, что это были за вклады и как они соотносятся с «преступлениями» «тоталитарных коммунистических режимов».

Авторы резолюции сожалеют о том, что до сих пор «общественное понимание преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами, крайне слабое», но сулят предотвращение перечисленных в ней преступлений в будущем, если произойдет пересмотр истории в направлении, указанном авторами резолюции. В резолюции говорится: «Ассамблея убеждена, что понимание истории – одно из предварительных условий для ухода от подобных преступлений в будущем. Кроме того, моральная оценка и осуждение совершенных преступлений играют важную роль в образовании молодых поколений. Ясная позиция международного сообщества по прошлому может стать рекомендацией для их будущих действий». Можно предположить, что резолюция предусматривает пересмотр учебных и общеобразовательных программ в ее духе и запрет учебных, научно-популярных, а также художественно-исторических материалов, которые противоречат резолюции.

Резолюция выражает сожаление, что «падение тоталитарных коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе не сопровождалось во всех случаях международным расследованием преступлений, ими совершенных. Кроме того, авторы этих преступлений не были подвергнуты судебному преследованию международным сообществом, как это имело место с ужасными преступлениями, совершенными национал-социализмом (нацизмом)». Авторы резолюции не удосужились объяснить, почему так получилось. Может создаться впечатление, что в ходе судов над нацистскими преступниками в середине 40-х годов «международное сообщество» по забывчивости упустило из виду необходимость расследовать деятельность «коммунистических режимов». О том, что Советский Союз (то есть «коммунистический режим») сыграл решающую роль в разгроме нацистской Германии, а затем стал одним из учредителей Международного трибунала над нацистскими преступниками, авторы резолюции не упоминают.

Таким образом, ПАСЕ, во-первых, предприняла попытку судить «коммунистические режимы» в Европе «посмертно», что является беспрецедентным событием в современном международном праве. Посмертные суды над правителями устраивались лишь в далекие времена. Тогда не раз совершались символические казни трупов, вытащенных из могил. Однако с тех пор человечество отказалось от таких диких процедур.

Во-вторых, ПАСЕ не является международным форумом специалистов по истории, а собранием политических деятелей. Это международное политическое учреждение имеет не больше оснований для принятия оценок по вопросам исторической науки, чем по проблемам теоретической физики или иному научному предмету. Ясно, что авторы резолюции ПАСЕ руководствовались мнениями лишь части историков XX века и совершенно игнорировали мнения других специалистов по ушедшему веку, представляющих значительную часть современных историков. Следует также учесть, что решения историков, как и ученых в других областях, по тем или иным научным вопросам не принимаются голосованием.

О том, что резолюция ПАСЕ не может внести вклад в изучение истории, а лишь послужить средством для решения определенных политических целей, следует из ее текста. Авторы резолюции выражают сожаление по поводу того, что «коммунистические партии законны и активны в некоторых странах, даже если в ряде случаев они не дистанцировались от преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами в прошлом». Нетрудно предположить, что резолюция была разработана противниками коммунистических партий, которые стремятся к их устранению с политической сцены. Можно не быть коммунистом, но осознавать опасность запретов партий по идейно-политическим соображениям. Не следует забывать, что в XX веке запрещение коммунистических партий обычно осуществлялось сразу же после установления фашистских и многих авторитарных режимах различных стран мира. За этим обычно следовали запреты других партий,

общественных движений, массовые аресты и кровавые расправы.

Резолюция ПАСЕ также напоминает, что «тоталитарные коммунистические режимы… все еще находятся у власти в нескольких странах мира», что «тоталитарные коммунистические режимы все еще активны в некоторых странах мира, и преступления продолжают совершаться». Очевидно, авторы резолюции имеют в виду такие страны, как Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Республика Куба, а также ряд других стран, в которых у власти находятся коммунистические партии. Осуждая строй, существующий в этих странах, резолюция фактически предлагает идейно-политическое обоснование для развязывания идейно-политической кампании против этих стран с общим населением более 1 миллиарда человек. Как известно, в свое время Гитлер также выдвигал идейно-политические аргументы для обоснования своего «крестового похода» против СССР. Также известно, что агрессия гитлеровской Германии не ограничилась СССР. Даже те, кто не разделяет идеологии, господствующей в Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Лаосе и на Кубе, могут осознать, насколько опасно развертывать идейно-политическую подготовку похода против этих стран. Очевидно, что попытка ревизовать историю XX века, предпринятая ПАСЕ, прокладывает путь к новым войнам, в том числе и мировым.

Следует учесть, что эти положения резолюции ПАСЕ непосредственно затрагивают и Россию. Как известно, Коммунистическая партия Российской Федерация, запретить которую фактически предлагает резолюция ПАСЕ, является одной из ведущих политических партий страны и играет важную роль в центральных и местных органах власти. Запрет КПРФ и других коммунистических партий страны по указке ПАСЕ означал бы грубое вмешательство во внутренние дела России.

Также следует заметить, что Россия поддерживает дружеские отношения со странами, которые резолюция ПАСЕ квалифицирует как «тоталитарные коммунистические режимы». Любая попытка оказать политическое давление на эти страны идет вразрез с интересами России.

Затрагивает Россию и положение резолюции, в котором говорится о возмещении ущерба тем, кто был бы объявлен жертвами «тоталитарных коммунистических режимов». Об этом свидетельствует пункт резолюции, гласящий: «Ассамблея верит, что жертвы преступлений, которые все еще живы, или их семейства, заслуживают симпатии, понимания и признания их страданий». «Признание страданий» «жертв коммунистических режимов» на деле означает предъявление претензий к современной России с требованием компенсировать моральный ущерб за пребывание в составе СССР или в военно-политическом объединении стран Варшавского договора. Следует учесть, что еще в конце 80-х годов в прибалтийских республиках были подготовлены счета к оплате в качестве компенсации за «советскую оккупацию». Было подсчитано, что удовлетворение этих компенсаций позволит населению прибалтийских стран жить безбедно в течение нескольких десятков лет. Повторяя эти претензии теперь, некоторые лица в Эстонии недавно заявили, что они готовы принять в качестве компенсации леса Новосибирской области.

Выдвинуты претензии к России некоторыми бывшими жителями Карельского перешейка, выселенными после завершения советско-финляндской войны 1939-1940 годов в Финляндию. Есть претензии к России и со стороны значительных групп в Польше. Готовят свои претензии к России на Украине за жертвы голода 1932-1933 годов. Таким образом, резолюция открывает возможность использовать «переоценку истории коммунизма» для предъявления огромных компенсаций России. Их удовлетворение может разорить Россию или опутать ее огромными финансовыми долгами.

Казалось бы, для всех граждан России должно быть ясно, что резолюция ПАСЕ служит предлогом для нового похода против нашей страны, целью которого является ее разорение и порабощение. Однако в России нашлись люди, которые поддержали эту резолюцию. Это не удивительно. Известно, что в нашей стране есть немало лиц, тесно связанных своими

интересами со странами Запада, их ведущими финансовыми и промышленными компаниями, являющимися проводниками их интересов и зависящих от них. Они имеют немалые вложения в предприятия Запада, земельную собственность в этих странах, их дети и внуки обучаются на Западе. По сути, они уже давно оторвались от России, и поэтому они могли бы стать проводниками политики, направленной на разграбление и порабощение России, рассчитывая при этом урвать себе немалый куш.

Значительная часть этих людей никогда не отказывалась от надежд на реставрацию досоветских порядков и реституцию за утраты после 1917 года. Эти люди, которые, как правило, уже давно говорят на русском языке с сильным акцентом, сейчас вспоминают о своем русском происхождении в надежде получить немалую компенсацию за утрату их дедами и прадедами собственности и иных богатств. По этой причине они ищут и находят общий язык с теми «новыми русскими», которые в свою очередь стремятся правдами и неправдами обрести «благородное» происхождение, дабы смелее претендовать на свою долю при разграблении страны.

За давно утратившими связь с Россией потомками князей и графов идут те, в чьих жилах нет ни капли крови Рюриковичей, но зато в сознании доминирует неуемная жажда разбогатеть в ходе нового передела России. Известно, что если в первые десятилетия после Октябрьской революции по Стране Советов бродили липовые родственники лейтенанта Шмидта, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые эксплуатировали уважение их современников к ведущим деятелям пролетарской революции, то за последние 15 лет в России появилось немало лиц, выдающих себя за потомков древних княжеских родов. Деятели из различных общественных фондов и объединений под личиной заботы о восстановлении «исторической справедливости» активно сотрудничают с потомками дореволюционных аристократов и белых эмигрантов, чтобы принять участие в дележе еще не разграбленных богатств России.

К сожалению, усилия этих людей получают немалую поддержку в нашей стране. Следует учесть, что смене общественно-политического строя в нашей стране предшествовала кампания по очернению прошлого нашей страны. Мнимое устранение «белых» пятен в истории, осуществлявшееся усилиями средств массовой информацией под руководством видных руководителей СССР, на деле служило их политической цели: изменению государственного и общественного строя в нашей стране. Ликвидация советской власти и распад СССР лишь расширили масштабы кампании по объявлению советского прошлого преступным. Эта кампания не прекращается и ныне с целью доказать правильность действий тех, кто уничтожал советский строй.

В результате в общественном сознании России широко распространены установки, которые не противоречат или даже полностью соответствуют положениям резолюции ПАСЕ. Широко распространено представление о том, коммунистическая теория, разработанная в середине XIX века Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, якобы изначально ошибочная, порочная и разрушительная, имела целью лишь разжигание гражданских войн и не могла служить для созидательной деятельности. Многие люди уверены в том, что марксистская теория была завезена в Россию людьми, глубоко чуждыми нашей стране, а то и наемниками иностранных держав с целью ее разрушения. Многие люди в нашей стране считают, что воплощение в жизнь марксистской теории в России принесло лишь смерть, нищету и горе миллионам людей. При этом они полностью игнорируют и реальную историю 74 лет советской власти, и весьма вероятную перспективу использования политизированных версий этой истории для порабощения современной России.

Люди, объявляющие себя патриотами России и даже искренне считающие себя таковыми, не хотят признавать того, что оказались в союзе со злейшими врагами нашей страны, испокон веков мечтающих поработить ее. Они не хотят замечать того, что нынешняя кампания против советского прошлого по сути ничем не отличается от традиционной русофобской кампании, которая испокон веков велась против нашей страны.

Совершенно очевидно, что *для* того чтобы сорвать очередной поход против нашей

Родины, необходимо восстановить подлинные черты прошлого, которое было сфальсифицировано в угоду политической конъюнктуре. При этом совсем не обязательно быть коммунистом для того, чтобы постараться дать объективную оценку коммунистической теории и практики, а также советского прошлого.

Для этого необходимо обратиться к свидетельствам, позволяющим увидеть многоплановую картину событий прошлого. Эти свидетельства можно найти на страницах книг, посвященных мировой истории, международному коммунистическому и рабочему движению, советской истории. Эти свидетельства имеются в документах, статистических справочниках, воспоминаниях очевидцев событий прошлого, художественных произведениях, написанных живыми свидетелями или со слов таких свидетелей. Многие из этих свидетельств были еще не так давно широко известны в нашей стране. Но они давно уже перестали использоваться в качестве пособий для изучения прошлого. Теперь ведь с историей знакомятся либо по учебникам, в которых правда о прошлом тщательно дозирована, а факты, неудобные нынешним властям, старательно устранены, либо по «историческим» телефильмам, авторы которых изумляют своим невежеством и стремлением подогнать историю под политическую конъюнктуру.

Часть 1
Чего добивались коммунисты до 1917 года?

Как и большинство современных критиков коммунизма, авторы резолюции ПАСЕ исходят из порочности основных принципов коммунистической идеологии. Ныне многие убеждены в том, что коммунистическая идеология являлась изначально утопичной, а потому разрушительной и антиобщественной. Для обоснования этих утверждений обращается внимание на то, что основоположники коммунистического учения Маркс и Энгельс полагали, что первые пролетарские, или социалистические, революции произойдут в Западной Европе. На самом деле таких революций не произошло. Также отмечается, что в то время как Маркс и Энгельс исходили из сравнительно быстрого краха капитализма вследствие объективных причин экономического развития, капиталистический строй сохранился и по-прежнему господствует в мире. Утверждается, что коммунисты, в погоне за несбыточными целями или же лишь прикрываясь ими, а на деле стремясь к личной власти, ввергали различные страны в кровавые революции, устанавливали жестокие репрессивные режимы, подвергая население различных стран лишениям, голоду, бесправию.

Создается впечатление, что без коммунистов мир пребывал бы в счастливом состоянии, не зная кровавых гражданских и международных войн, репрессий, голода, рабства. И если бы не злокозненная деятельность коммунистов, то капиталистический строй развивался бы мирно без классовой борьбы в сторону демократии и свободы, «от прецедента к прецеденту», как это якобы происходило в Великобритании, если поверить строкам из известного стихотворения Альфреда Теннисона.

Отрицая классовую борьбу как химеру, придуманную коммунистами, апологеты капитализма замалчивают многовековую историю человеческого общества, построенного на классовом неравенстве, игнорируют подлинную историю первоначального накопления капитала, буржуазных революций и борьбы рабочего класса против буржуазии. Изображая же коммунистическое учение утопическим измышлением группы западноевропейских интеллектуалов, антикоммунисты скрывают роль, которую сыграло учение Маркса – Энгельса в становлении социалистических партий, их борьбе за права рабочего класса и демократизацию жизни общества. Антикоммунисты отрицают, что многие из ныне существующих социальных и политических завоеваний в капиталистическом обществе были вырваны у капиталистов упорной борьбой рабочих, во главе которых стояли последователи коммунистического учения Маркса и Энгельса.

Чтобы восстановить правду о коммунистической теории и практике первых семи десятилетий существования коммунистического движения, следует рассмотреть их

исторические истоки. Одновременно следует взглянуть на прошлое капиталистического общества, против которого коммунисты поднялись на борьбу в 1848 году.

Глава 1
Насилие и преступления раннего капитализма

Хотя попытка переписать историю с помощью столь влиятельной международной организации, как ПАСЕ, является первой в своем роде, попытки обвинить коммунизм в преступной деятельности, высказанные в резолюции, не являются оригинальными и возникли вместе с появлением коммунизма на исторической арене. «Манифест Коммунистической партии», написанный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом и объявлявший в 1848 году о рождении коммунистического движения, открывался ставшей хорошо известной ироничной фразой: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». Впоследствии демонизацией коммунизма и социализма занимались английские консерваторы и либералы, канцлер Бисмарк, многие монархи Старого и президенты Нового Света.

По словам резолюции ПАСЕ, «преступления… тоталитарных коммунистических режимов были оправданы теорией классовой борьбы и принципом диктатуры пролетариата». Действительно, о важном месте классовой борьбы в истории сказано уже в начале первой политической программы коммунистов – «Манифесте Коммунистической партии»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Однако признание того, что общество разделено классовым неравенством, возникло задолго до появления коммунистической идеологии и отражало объективную реальность социального устройства любого общества, кроме первобытно-общинного. Еще в китайском источнике VII века до н. э. говорилось: «Правители царств кормятся налогами, сановники городами, ученые кормятся полями, простой народ своим трудом». Такие выдающиеся мыслители древности, как Платон и Аристотель, полагали, что классовое неравенство является неотъемлемой частью божественного порядка. Отмечая классовое расслоение общества, французский историк XVIII века Г. Мабли писал: «Собственность разделяет нас на два класса – богатых и бедных». По мнению английского экономиста XVIII века Адама Смита, общественный продукт распадается на три части и «составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль с капитала». «Это, – утверждал А. Смит, – три главных, основных и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе». А. Смит считал такой порядок естественным.

Однако этот «естественный» порядок неоднократно вызывал протесты со стороны угнетенных классов. Свидетельством тому были восстания рабов, восстания крестьян, перераставшие в настоящие войны против своих угнетателей. Изучение прошлого убеждало историков в том, что классовое неравенство ведет к борьбе между классами. В начале XIX века ряд видных историков Франции (Гизо, Тьерри, Минье и Тьер) разработали теорию классовой борьбы, в которой они увидели, по словам Ф. Энгельса, «ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков».

Глубоко понимая историю, Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории». В своих работах они неизменно опирались на подлинные исторические факты, оценивая их в контексте событий прошлого, исходя из исторической закономерности тех или иных событий и не пытаясь их объяснить лишь чьей-то злой волей. Маркс, Энгельс и их многочисленные последователи никогда не обращались к истории для того, чтобы, перечислив различные нарушения прав человека в капиталистическом обществе или других общественных формациях, попытаться доказать, что история могла пойти по другому пути, если бы праведные и добрые люди восторжествовали над неправедными и злыми. Им был чужд подход Жан Жака Руссо, который писал: «Первый, кто, отгородив участок земли, придумал заявить: "Это моё!" и

нашел людей, достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы себе подобным: "Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!"»

Исходя из закономерности общественных процессов, Маркс и Энгельс рассматривали капиталистический строй и буржуазию как исторически обусловленные явления в развитии человеческого общества и отмечали как их позитивные, так и негативные стороны. В «Манифесте Коммунистической партии» они писали: «Буржуазия… впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы… Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»

Однако эти и другие оценки позитивного вклада буржуазии и капиталистического строя в развитие человечества не означали, что Маркс и Энгельс не замечали, чем обусловлены достижения капиталистического общества. В своем главном труде «Капитал» Маркс писал: «У капитала одно-единственное жизненное стремление – стремление увеличивать свою стоимость, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда. Капитал – это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает».

Сознавая ту плату, которую несло человечество за буржуазный прогресс, Маркс привел в «Капитале» цитату неизвестного автора статьи в журнале «Квотерли ревью», процитированной Т. Дж. Даннингом в книге «Профсоюзы и забастовки» (1860). Объясняя природу капиталистических производственных отношений, а заодно зависимость между нормой капиталистической прибыли и человечностью, автор писал: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком малой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентов нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Доказательство: контрабанда и торговля рабами». (Впоследствии эта цитата даже стала приписываться Марксу.)

Рассказывая об истории капитализма в «Манифесте», Маркс и Энгельс писали: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-Индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена вообще дали неслыханный толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадающемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента».

Другой стороной этой деловой активности являлись вопиющие злодеяния, совершенные капиталом в точном соответствии с законом, выведенным анонимным автором статьи из журнала «Квотерли ревью». Капитал Европы расцвел благодаря работорговле, пиратским налетам на корабли, перевозившие золото и серебро из Америки. Это золото и серебро было получено в результате вопиющего ограбления и жесточайшей эксплуатации местного населения. Непокорных беспощадно убивали. Законы, в том числе и нормы

международного права, освящали преступное уничтожение народов мира и разграбление их богатств. Договор 1494 года, подписанный в испанском городе Тордесильяс, разделил земной шар между Испанией и Португалией. Этот раздел был лишь несколько видоизменен Сарагосским договором 1529 года. Так две страны Пиренейского полуострова получили «право» на порабощение целых континентов и расхищение их богатств.

Феодальные государства Испании и Португалии возродили рабовладение на захваченных ими американских землях. Историк Гальдамес писал: «Испанцы даже не считали индейцев людьми; по их мнению, индеец представлял не большую ценность, чем лошадь или собака». Историк У. Фостер писал: «Индейцы не хотели работать на плантациях. Многие из них гибли от непривычного тяжелого труда под палящим солнцем, другие умирали под плетями надсмотрщиков, третьи поднимали бунты и убегали». В результате беспощадной эксплуатации через 30 лет после захвата испанцами Вест-Индских островов на них не осталось ни одного индейца.

Жестоко уничтожались индейцы и в английских колониях Северной Америки. Американский этнограф Рут Бенедикт писала: «Англичане хотели получить земли индейцев, но без индейцев. Первые королевские дарственные грамоты на землю в Новом Свете даже не содержали упоминания о коренном населении, жившем на этой земле, словно речь шла о совершенно необитаемых пространствах. Поселенцы всячески старались как можно скорее создать для себя такое приятное положение». У. Фостер писал: «Белые колонисты превосходили индейцев жестокостью; они поголовно вырезали все мирное население – мужчин, женщин и детей; пытали пленных, сжигали их на кострах, скальпировали».

Стремясь извлечь максимум прибыли из серебряных рудников, их испанские владельцы подвергали индейцев нещадной эксплуатации. На рудниках четверо из пяти индейцев умирали в первый же год работы. Католический священник Молина рассказывал, что дороги и пещеры вокруг рудников в Мексике были так усеяны трупами и скелетами индейцев, погибших от голода, что там трудно было пройти, не ступая по человеческим костям. Испытывая нехватку в рабочей силе, испанские колонизаторы устраивали охоту за рабами. В некоторых таких экспедициях участвовало до нескольких тысяч человек. Главным центром таких экспедиций был Сан-Пауло. Только с 1614 по 1639 год «паулисты» обратили в рабство 300 тысяч индейцев.

Некоторые администраторы испанских колоний стали выражать возмущение «расточительным» отношением к местному населению. Один из них, Лас-Касас, опубликовал книгу «Уничтожение Индии» («Индией» тогда в Испании называли также и Америку. – *Примеч. авт.),* в которой обратился к испанскому королю с просьбой изменить обращение с местным населением. В результате была введена система эксплуатации, основанная на полурабском труде индейцев на полях помещиков. Так, в Чили индейцы должны были отработать на помещика 160 дней в году. И все же в ряде мест (например, в Бразилии) сохранился рабский труд индейцев. Ответом на угнетение и беспощадную эксплуатацию стали многочисленные индейские восстания.

В это время начался экспорт более выгодных и покорных рабов из Африки. (Если раб-индеец стоил в Бразилии 5 долларов, то африканский раб – 75 долларов.) Ежедневно тысячи рабов, захваченных в Африке, везли в испанские, португальские, французские и английские колонии в Америке. Карл Маркс имел основание писать: «Подобно машинам, кредиту и пр., …рабство представляет собою краеугольный камень буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство дало значение колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Следовательно, рабство представляет собою в высшей степени важную экономическую категорию».

Английский миссионер Джон Смит так описал начало рабочего дня раба в Британской Гвиане: «Около 6 часов утра раздается звук колокола или рожка, который возвещает о выходе на работу. Еще не успел отзвучать сигнал, а черные надсмотрщики, громко хлопая кнутами, уже рыщут в лачугах, выгоняя из них своих соплеменников. Они делают это почти

так же, как вы выгоняли бы из загона лошадей, время от времени ударяя кнутом ту или иную лошадь, которая, по вашему мнению, идет слишком медленно». Работа продолжалась до 6 вечера. Вместо денег рабы получали на неделю два фунта соленой рыбы, свинину, говядину или селедку, немного сала, бананы. Раз в полгода раб получал по 6 ярдов красной и 6 ярдов желтой материи.

Порой рабы не выдерживали тяжелых условий труда и поднимали восстание. Описывая восстание рабов в Гвиане в 1763 году, его очевидец П.М. Нетшер в своей книге «История колоний Эссекибо, Демерара и Бербисе» характеризовал его как «могучее проявление накопившегося гнева и чувства мести нецивилизованной массы, которая в течение многих лет страдала от плохого обращения». Голландские рабовладельцы жестоко расправились с участниками восстания после его подавления. Одни были сожжены на медленном огне, другие четвертованы, третьи повешены.

После того как Утрехтский мир 1713 года закрепил за Англией монопольное право на поставку рабов из Африки в Америку, английские суда вывезли из Африки почти в 4 раза больше рабов, чем корабли всех остальных стран вместе взятых. Работорговля дала новый толчок для развития капитализма в Англии. Одновременно охота на рабов нанесла огромный ущерб Африке. За четыре века работорговли Африка лишилась более 100 миллионов человек, включая убитых во время охоты за рабами и погибших в пути. Премьер-министр Гайаны Чедди Джаган писал: «Из Африки в Вест-Индию рабов перевозили как скот. На корабле, чтобы предотвратить возможность мятежа или самоубийства, мужчин заковывали парами в цепи и ножные кандалы, а женщин и детей оставляли свободными. Теснота, ужасные санитарные условия часто приводили к эпидемиям и высокой смертности среди рабов. Уровень смертности нередко составлял 50 % числа всех невольников, перевозимых на борту судна. В тех же случаях, когда на судне испытывался недостаток воды или пищи, капитаны судов, не раздумывая, выбрасывали часть рабов за борт».

Колонизаторы приносили разорение и в другие части света. В ходе экспансии в Индию британские колонизаторы разграбили богатейший субконтинент Азии. Обвиненный в чудовищных хищениях руководитель Ост-Индской компании Роберт Клайв в своей оправдательной речи перед палатой общин заявил: «Богатый город был у моих ног, могущественное государство было в моей власти; мне одному были открыты подвалы сокровищницы, полной слитков золота и серебра и драгоценных камней. Я взял всего 200 тысяч фунтов стерлингов. Джентльмены, я до сих пор удивляюсь собственной скромности!» Клайв был оправдан, а вскоре он стал членом палаты лордов. Между тем ограбление Индии приняло катастрофический характер. Из Бенгалии сообщали: «Рынки, пристани, склады, зернохранилища полностью разрушены. В результате насилий торговцы со своими людьми, ремесленники и крестьяне бежали».

Разграбление захваченных земель в Азии, Африке и Америке и связанное с ним накопление богатств у западноевропейских захватчиков дало импульс для развития товарно-денежных отношений в Европе и обострившейся борьбе за передел вновь обретенных богатств. Неслучайно XVI век – век Великих географических открытий – в Европе был отмечен невиданными прежде по своим масштабам кровавыми событиями. Варфоломеевская ночь и последовавшие после нее войны между католиками и гугенотами унесли сотни тысяч жизней во Франции. Именно этот период в истории многих европейских стран известен именами правителей, прославившихся своей жестокостью и массовыми репрессиями. Иван Грозный был далеко не единственным жестоким правителем этого столетия и на его правление приходится далеко не самое большое число жертв политических репрессий. Еще более масштабными репрессиями и жестокостями прославились король Испании Филипп II, английский король Генрих VIII и другие правители западноевропейских государств. В значительной степени это объяснялось обострением социально-экономических и политических противоречий этих стран в период становления капитализма.

Капитализация экономики Англии сопровождалась экспроприацией земель бедных крестьян и их разорением. Маркс писал:

«Пролог переворота, создавшего основу капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и первые десятилетия XVI столетия. Масса поставленных вне закона пролетариев была выброшена на рынок труда благодаря роспуску феодальных дружин… Сами крупные феодалы… создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с занимаемых ими участков». Очевидец этих событий Гаррисон в книге «Описание Англии» свидетельствовал: «Я мог бы порассказать кое-что о городах и деревнях, которые были разрушены и превращены в пастбища для овец и от которых остались только помещичьи дома». Маркс замечал: «Люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи… массами превращались в нищих, разбойников, бродяг – частью добровольно, в большинстве случаев под давлением необходимости».

В стране росло число обнищавших, обездоленных людей. В одной проповеди, произнесенной в лондонской церкви в 1550 году, говорилось: «Сколько бедных, слабых, хромых, слепых, увечных, больных, к которым примешиваются и праздные бродяги и негодные преступники, лежат и ползают, прося милости на грязных улицах». В это время только в столице Англии насчитывалось 50 тысяч пауперов. Правительство принимало самые жестокие меры против бродяг и нищих. Король Генрих VIII приказал бичевать «работоспособных» бродяг и нищих и прибегать к бичеванию в случае вторичного задержания за бродяжничество. В случае третьего нарушения закона виновный подлежал казни. В царствование этого короля в стране было казнено около 100 тысяч бродяг. Маркс писал, что в царствование Эдуарда VI (1537-1553) «всякий, уклонявшийся от работы, отдается в рабство тому лицу, который донесет на него, как на праздношатающегося». При этом рабов клеймили, как скот, а хозяин мог «надеть железное кольцо на шею, ноги или руки своего раба, чтобы легче отличать его от других и затруднить ему возможность скрыться». Маркс замечал, что «такого рода рабы… сохранились в Англии вплоть до XIX века». Выступления рабов и крестьянские восстания XVI века в Англии беспощадно подавлялись.

Исключительно жестоко были подавлены участники Крестьянской войны 1524-1525 годов в Германии, спровоцированной растущей капитализацией хозяйства. Более 100 тысяч крестьян было уничтожены.

Становление капитализма и начало колониальной экспансии европейских стран в Азию, Африку и Америку, сопровождались многочисленными войнами и в самой Европе. Испания, обогатившаяся после начала колонизации Америки, и Франция стали делить земли Италии. В течение 65 лет (с 1494 по 1559 год) между этими государствами не прекращались так называемые итальянские войны, опустошавшие государства Апеннинского полуострова. В ходе этих войн войска короля Испании и одновременно германского императора Карла вторглись в Рим в 1527 году. В течение многих дней Вечный город находился во власти испанских солдат и немецких ландскнехтов. Город был разграблен, а часть его полностью разрушена, несколько тысяч горожан убиты.

На севере Европы в этом же веке произошла Северная семилетняя война между Швецией и Данией (1563-1570 гг.) за контроль над торговыми путями через Балтику. Эта война, захватившая прибалтийские земли, принесли им разорение и гибель многих людей.

Хотя Тридцатилетняя война в Западной Европе (1618-1648 гг.) между габсбургским блоком (Испания, Австрия, католические князья Германии, Речь Посполита) и антигабсбурской коалицей (Франция, Швеция, Голландия, Дания, Россия, протестантские князья в Германии) была по форме религиозной, она была вызвана стремлением правящих кругов влиятельных западноевропейских стран к переделу границ в свою пользу.

Военные действия сопровождались уничтожением не только солдат, но и мирного населения. После битвы у Белой горы 8 ноября 1620 года, в ходе которой были разгромлены чешские противники Габсбургов, в Чехии начались конфискации и изгнания протестантов, их массовые казни. Участник Тридцатилетней войны Гриммельсгаузен в своей книге «Симплициссимус» оставил описание грабежей, насилий и других бедствий, принесенных этой войной германскому народу. Он так изобразил город Гельнгаузен после

Нердлингенской битвы: «Городские ворота были отперты, частью, впрочем, сожжены, частью завалены мусором.

Я вошел в город, но не встретил ни одного живого человека. Зато улицы были завалены мертвыми; некоторые были раздеты догола, на других были оставлены рубашки. Мне стало страшно». Рассказывая о поездке солдат в деревню «за фуражом», Гриммельсгаузен писал: «Во время этих поездок мы с большими трудностями и опасностью для жизни налетали на деревню, забирали и воровали все, что возможно, мучили и грабили крестьян. Если же беднягам это приходилось не по вкусу, либо они были настолько дерзки, чтобы протестовать (как это, впрочем, довольно часто случалось в Гессене), то их убивали или поджигали их дома».

Оценивая последствия Тридцатилетней войны для Германии, Фридрих Энгельс писал: «В течение целого поколения в Германии вдоль и поперек хозяйничала самая разнузданная военщина, какую только знает история. Повсюду налагались контрибуции, совершались грабежи, поджоги, насилия и убийства. Больше всего страдал крестьянин там, где в стороне от больших армий действовали на свой собственный страх и риск и по своему произволу мелкие вольные отряды, или, вернее, мародеры. Опустошение и обезлюдение было безгранично. Когда наступил мир, Германия оказалась поверженной – беспомощной, растоптанной, истекающей кровью». Почти треть населения Германии была уничтожена.

Завершение Тридцатилетней войны и подписание Вестфальских договоров в 1648 году не принесли прочного мира Западной Европе. Во второй половине XVII века произошло несколько войн Голландии против Англии и против Франции. При этом англо-голландские войны распространились на другие части земного шара, включая Америку и Индонезию, и привели к утрате Голландией Нового Амстердама (будущего Нью-Йорка) и приобретением ею Суринама. В ходе же франко-голландских войн, которые велись на территории Голландии, сельское хозяйство этой страны подверглось разорению, а ее ирригационная система была сильно разрушена.

Победоносный исход Тридцатилетней войны для антигабсбургской коалиции, одной из главных участниц которой была Швеция, вдохновил правящие круги этой страны на новые агрессивные действия против своих соседей. В ходе войн Швеции против Дании, Речи Посполитой и России (1655-1658) сильному разорению подверглась территория Польши. В результате войны шведский король Карл X завоевал южноскандинавские земли и Северную Лифляндию. Война 1675-1679 гг. Карла XI была менее удачной для Швеции. В ходе Северной войны (1700-1721 гг.), охватившей Прибалтику, Польшу, Померанию, Данию, Финляндию, западные области России и Украину, шведский король Карл XII утратил многие владения, завоеванные ранее его коронованными предшественниками.

Тем временем на крайнем западе Европы развернулась многолетняя война за Испанское наследство (1701-1714 гг.) коалиции ряда государств во главе с Англией против Франции. Экономические успехи Англии по мере развития капиталистических отношений предопределили победу антифранцузской коалиции.

Правда, в ходе войны за Австрийское наследство (1740-1748 гг.) Франция попыталась восстановить свою главенствующую роль на европейском континенте. Одновременно в Центральной Европе заметно усилилась Пруссия, захватившая Силезию.

Начавшаяся вскоре Семилетняя война (1756-1763 гг.) была вызвана прежде всего борьбой Англии и Франции за колонии. Военные действия шли в Северной Америке, Индии и в Западной Европе. Хотя в результате этой войны границы в Европе не изменились, ее следствием стало расширение колониальных владений Англии за счет Франции.

Совершенно очевидно, что насилие над людьми в самых вопиющих формах стало важнейшим условием для развития капиталистических отношений. Отдавая должное прогрессу, достигнутому человеческим обществом по мере развития капиталистических отношений, коммунисты, начиная с Маркса и Энгельса, прекрасно понимали, что он был оплачен огромной ценой в виде бесчисленных человеческих жертв, понесенных входе войн, жестоких массовых репрессий, разорения и обращения в рабство миллионов людей.

Глава 2
Буржуазные революции и их цена

«Манифест» подчеркивал: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль». Развитие капитализма требовало революционных перемен в общественном строе. Следствием этого стали буржуазные революции. Первой из них явилась революция 1566 года в Нидерландах, являвшихся владением Испании. Революция была в значительной степени спровоцирована ухудшением экономического положения в стране после введения испанским королем Филиппом II мер, мешавших бурно развивавшемуся в Нидерландах капиталистическому производству. Жестокие же преследования католической инквизицией протестантов, сопровождавшиеся казнями на кострах еретиков, лишь способствовали росту революционных настроений в этой стране.

Революция началась с погромов 5500 католических церквей и монастырей. Участники погромов уничтожали иконы и статуи святых, захватывали драгоценную церковную утварь и передавали ее магистратам на нужды бедных. В ответ испанские власти, контролировавшие Нидерланды, беспощадно расправлялись с восставшими жителями страны, называя их «недосожженными». В ходе репрессий, предпринятых испанским герцогом Альба, было казнено около 10 тысяч человек. Спасаясь от репрессий, жители Нидерланд эмигрировали из страны. В тоже время участники активного сопротивления убивали испанских солдат и тех местных жителей, которые с ними сотрудничали, а также католических священников и монахов. Восставшие разрушали дамбы и затопляли целые районы страны, оккупированные испанцами. На эти действия восставших испанцы отвечали массовыми убийствами местного населения. Так, во время взятия центра восставших города Гент в 1576 году испанцы убили и замучили несколько тысяч жителей этого города, сожгли около 1000 городских зданий.

Революционные войны Нидерланд, переросшие в голландско-испанские войны, продолжались несколько десятилетий и завершились лишь в 1609 году. Значительная часть Нидерландов, оставшаяся под властью Испании (Фландрия и Брабант), оказалась разоренной. Их города были опустошены, сельское хозяйство пришло в упадок, население резко сократилось. В то же время на севере страны восторжествовал буржуазный строй, который способствовал быстрому превращению Голландии в одну из самых развитых стран Европы.

Как и в Нидерландах, буржуазной революции в Англии (1640-1649 гг.) предшествовало ухудшение экономического положения в стране и усилившиеся жестокие преследования противников короля и официальной англиканской церкви. Следствием религиозных преследований стала массовая эмиграция из Англии пуритан. Только между 1630 и 1640 годами из Англии эмигрировало около 65 тысяч человек, из них 20 тысяч – в американские колонии. Выступление парламента против короля Карла I привело к началу в 1642 году гражданской войны, длившейся более шести лет. Вскоре парламент принял законы, ликвидирующие права рыцарства и высшей церковной иерархии, поддерживавшей короля, на земли. Эти законы уничтожили феодальный строй поземельных отношений и способствовали развитию капиталистических отношений в стране.

Обе гражданские войны (1642-1648 годов и 1648 года) сопровождались массовыми расправами с обеих сторон и казнями, в том числе и короля Великобритании Карла 1. Вскоре победившая революционная власть стала жестоко подавлять тех, кто выступал за осуществление принципов всеобщего равенства (левеллеры, диггеры).

Под руководством генерала Кромвеля была осуществлена интервенция в Ирландию, где было беспощадно подавлено восстание ирландского народа. Защитники восставших городов уничтожались поголовно. После экспедиции Кромвеля в Ирландию (1649-1651 гг.) ее население, составлявшее прежде полтора миллиона человек, сократилось вдвое. Не менее жестокой были расправы над мирным населением и в ходе шотландского похода Кромвеля (1650-1651 гг.), результатом которого стало окончательное присоединение Шотландии к

Англии.

По мере усиления роли военных в руководстве республики, провозглашенной в мае 1649 году, О. Кромвелю и его окружению стал мешать парламент. 20 апреля 1653 года Кромвель явился в парламент и произнес речь, в которой стал обвинять то одного, до другого парламентария в коррупции. Завершив речь, Кромвель вызвал отряд войск и приказал им выдворить спикера палаты общин, а затем выгнал и остальных 100 членов палаты. В стране была установлена единоличная диктатура Кромвеля, который был объявлен лордом-протектором Англии, Шотландии и Ирландии. Кончина Кромвеля в 1658 году ускорила кризис революционного строя, и в 1660 году в Великобритании была реставрирована монархия.

В конце XVIII века произошло восстание в английских колониях Северной Америки, которое американские историки часто именуют революцией. В «Декларации независимости», принятой 4 июля 1776 года членами конгресса восставших колоний, говорилось: «Все люди являются равными» и перечислялись «неотъемлемые права людей». Будучи последователем Руссо, Томас Джефферсон, один из соавторов «Декларации», настоял на том, что в перечне этих прав наряду с такими, как право на «жизнь» и «свободу», было упомянуто «стремление к счастью» вместо предлагавшегося упоминания о праве на «собственность». Однако параграф об осуждении рабства был вычеркнут из первоначального варианта «Декларации» по требованию представителей рабовладельческих штатов.

Несмотря на то, что вожди нового американского государства (Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон и другие) не ставили своей целью радикально изменить общественный строй, их борьба за независимость от Англии объективно способствовала развитию американского капитализма и его экспансии на Запад американского континента. Кроме того, война против англичан приобрела и черты гражданской войны. В своих попытках подавить восстание американских колоний англичане опирались на широкую поддержку части американских колонистов (так называемых лоялистов), а также немалую часть индейцев и рабов-негров. Хотя многие негры сражались на стороне восставших, к англичанам перебежало около 100 тысяч негров-рабов, составлявших пятую часть этой категории населения. Предложения отменить рабство, чтобы прекратить бегство негров-рабов к англичанам, были отвергнуты. Это обстоятельство во многом способствовало затягиванию войны и умножению числа жертв.

Одновременно американские войска беспощадно уничтожали селения индейцев, присоединившихся к англичанам. После же завершения войны за независимость границы поселений белых американцев были раздвинуты на Запад и начались так называемые индейские войны, сопровождавшиеся массовым уничтожением местного населения. Американский генерал Фил Шеридан сформулировал принцип, которым руководствовались власти США в отношении индейцев: «Хороший индеец – это мертвый индеец».

В ходе многолетней войны за независимость пострадала и часть белых колонистов. Собственность лоялистов (сторонников английского короля), составлявших около 5% населения восставших колоний, была конфискована. Спасаясь от преследований новой революционной власти, они эмигрировали из вновь созданных Соединенных Штатов Америки.

Хотя буржуазные революции способствовали прогрессу всего общества, их организаторами были, как правило, представители высших общественных классов. При этом подготовка революции в ряде стран осуществлялась тайными масонскими ложами, первоначально занимавшимися критикой клерикализма и пропагандой идей Просвещения. Тайный и элитарный характер масонских лож превратил их в удобный инструмент захвата власти узкими группировками из представителей буржуазии и интеллектуальной элиты общества. К концу XVIII века масонами были опробованы методы буржуазных революций в Северной Америке, Франции и Великобритании (провалившая буржуазная революция 1780 года под руководством так называемого Союза протестантов во главе с шотландским лордом

Гордоном).

В то же время по мере разрастания революционного процесса в него вступали все более широкие слои населения, что придавало революции все более радикальный характер. Наиболее радикальные формы приняла Французская буржуазная революция конца XVIII века. По мере ее развития в стране были ликвидированы сословия, церковное имущество было передано в распоряжение нации, были устранены цеха и другие ограничения, препятствовавшие развитию промышленности и торговли, отменены различные феодальные повинности. Впервые человек, вне зависимости от своего происхождения и положения, объявлялся свободным от рождения. Антифеодальная революция предоставила невиданные прежде права и свободы и обеспечила гораздо более надежную защиту интересов отдельной личности от произвола. Распространению света знаний и движению человеческой энергии теперь не мешали светские и церковные барьеры феодализма.

В 1793 году руководители революционной власти во Франции приняли закон о продаже на льготных условиях земель, конфискованных у контрреволюционных эмигрантов. Были отменены все феодальные права, поборы и повинности, члены правящего Конвента приняли Декларацию прав человека и гражданина, объявившую правами человека свободу, равенство, безопасность и собственность, а целью общества – «всеобщее счастье». Вдохновляемые идеями Руссо о равенстве, революционные власти одобрили так называемые вантозские декреты, в соответствии с которыми у врагов революции конфисковывалась собственность и она распределялась бесплатно среди неимущих сторонников революции. В соответствии же с законами о максимуме 1793-1794 года были установлены пределы цен и заработной платы.

Ликвидация феодальных порядков вызвала активное сопротивление свергнутых классов и их сторонников извне, организовавших контрреволюционные выступления внутри страны и интервенцию ряда европейских государств. К 1793 году две трети территории Франции оказались в руках врагов революции.

В ответ республика принимала жестокие меры для разгрома интервентов и подавления внутренней контрреволюции. В ходе так называемых Вандейских войн 1791-1795 годов, вызванных сопротивлением революции на западе страны, с обеих сторон погибло около 600 тысяч человек.

Гражданская война и интервенция породили трудности в снабжении городского населения самыми элементарными продуктами питания. В романе Анатоля Франса «Боги жаждут», в котором изображена жизнь Парижа 1793 года, мать главного героя «гражданка Гамлен» сетовала: «Хлеб все дорожает, да он теперь и не чистый, пшеничный. На рынке не найти ни яиц, ни овощей, ни сыру. А питаясь каштанами, сам станешь каштановым… Я видела на улице женщин, которым нечем кормить младенцев». В ответ ее сын, художник Гамлен, отвечает: «В недостатке съестных припасов, от которого все мы страдаем, матушка, виноваты скупщики и спекулянты… Нельзя терпеть ни минуты: необходимо… гильотинировать всех, кто спекулирует съестными припасами, сеет в народе смуту или завязывает преступные сношения с заграницей. Конвент только что учредил Чрезвычайный трибунал для дел о заговорах… Будем надеяться на Робеспьера: он добродетелен». Вскоре Гамлен сам стал одним из членов революционного трибунала.

В ответ на наступление контрреволюции революционные власти и революционные массы осуществляли политику террора. Только в ходе сентябрьских расправ 1792 года с аристократами погибли десятки тысяч человек. Вскоре были казнены король ЛюдовикXVI, королева Мария-Антуанетта, а наследник престола брошен в тюрьму, где и умер. 17 сентября 1793 года Конвент принял закон о «подозрительных», и тогда круг жертв революционного террора расширился, а их число существенно умножилось по мере того, как «подозрительными» объявлялись невиновные граждане республики.

Жестокость и произвол объяснялись необходимостью «защиты отечества» и «справедливым возмездием». Один из руководителей революции, Максимилиан Робеспьер, заявлял: «Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость;

следовательно, он является проявлением добродетели… он – вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде… Когда речь идет о спасении отечества, то доказательство, основанное на свидетельских показаниях, не может заменить свидетельства Вселенной, а доказательство, основанное на документе, – самую очевидность». На основе «свидетельств Вселенной» и «очевидности» революционные трибуналы, в которых заседали невежественные в вопросах права, но восторженные почитатели революции, вроде художника Эвариста Гамлена, выносили смертные приговоры.

Внутренняя борьба в правящих кругах революционной власти сопровождалась уничтожением правящими якобинцами своих политических противников. После же переворота, совершенного 27 июля (9 термидора по революционному календарю) 1794 года, якобинцы стали жертвами террора «термидорианцев». Пришедшие к власти выдвинули лозунг «Революция против тирании». Вскоре стало ясно, что новые руководители республики используют революционную риторику для прикрытия корыстных целей. Спекуляция, биржевой ажиотаж, махинации, связанные с падением денежного курса, казнокрадство, взяточничество, коррупция охватили руководящий слой революционной республики. Впоследствии слово «термидор» стало символом перерождения революции. В то же время заговоры и контрзаговоры, сопровождавшиеся разгонами парламента и арестами, не прекращались в течение последующих пяти лет.

9 ноября (18 брюмера) 1799 года прославившийся к этому времени военными успехами генерал Бонапарт объявил, что республике угрожает заговор якобинцев. Выступив в Совете старейшин, Бонапарт уверял, что в другой палате парламенте (Совете пятисот) находятся люди, «которые хотели бы вернуть нам Конвент, революционные комитеты и эшафоты». Он повторял, что он не Кромвель, не Цезарь, что ему чужда мысль о диктатуре. Однако депутаты стали протестовать против выступления генерала и его с трудом вынесли на руках его гренадеры.

После этого в зал заседаний под барабанный бой ворвались гренадеры во главе со сторонником Бонапарта Мюратом. Со словами: «Вышвырните всю эту свору вон!» он приказал гренадерам очистить помещение. Члены парламента спасались от военных бегством. Так была установлена власть трех консулов, во главе которых стал Бонапарт. А вскоре Наполеон Бонапарт провозгласил единоличную диктатуру, а затем в мае 1804 года объявил себя «императором французов».

Оборонительные войны Франции против контрреволюционных интервентов постепенно переросли в захватнические. Огромный материальный ущерб и урон населению принесли наполеоновские войны другим странам Европы. Только в ходе Итальянского похода 1796-1797 годов наполеоновскими войсками были разграблены многие итальянские города. Большим числом жертв была отмечена шестилетняя (и безуспешная) кампания Наполеона в Испании, сопровождавшаяся беспощадной борьбой против восставшего населения. Непосильными поборами обложил Наполеон покоренные германские земли. Последствиями нашествия Наполеона в Россию стали гибель сотен тысяч русских людей, разорение временно оккупированных земель, сожжение Москвы.

Но следствием похода в Россию стала и гибель наполеоновской «Великой армии». В конце наполеоновского правления Франция утратила все свои территориальные обретения со времени начала революционных войн. Страна понесла огромные людские потери. Только в ходе войн 1804-1814 годов в ряды французской армии было призвано 3 млн 153 тыс. человек. Из них за этот период погибло на полях сражений и скончалось от полученных ран 1 млн 750 тыс.

Всякий раз за революцией следовали попытки восстановить дореволюционный строй. Такие усилия безуспешно предпринимали Испания в ходе войн против Нидерландов, Англия в ходе войны 1812-1814 годов против США. Реставрации были временно осуществлены в Англии в 1660 году и во Франции в 1814 и 1815 годах. Во время реставрации многие революционные порядки были отменены, а революционный строй объявлялся преступным. Однако эти реставрированные режимы оказались непрочными.

После завершения революций и реставраций историки, писатели, публицисты достаточно подробно описали противоречивый характер этих общественных процессов и указали на те огромные жертвы, с которыми они были связаны. Вне зависимости от времени и места революции в ходе ее борьбы против контрреволюции устанавливалось чрезвычайное правление во главе с революционным правительством, наделенным диктаторскими полномочиями. Революционные власти зачастую разгоняли парламенты, а оппозиционные партии – запрещали. Репрессии в отношении политических противников зачастую принимали огульный характер. Все эти революции и гражданские войны сопровождались «ликвидацией людей» представителями противоборствующих классов.

В ходе революций их руководители не могли быстро решить те острые проблемы, которые они обещали устранить. Нередко следствием революции становился хозяйственный развал, острые продовольственные трудности, а то и голод. Порой гнет и насилие в отношении части населения со стороны революционной диктатуры лишь усугублялся. В ряде стран во время революции преследовались лица иных религиозных верований, уничтожались священники иных исповеданий, а в революционной Франции была предпринята попытка упразднить религию. В ряде стран жестоким преследованиям и массовому уничтожению были подвергнуты национальные меньшинства. Некоторые страны под революционными лозунгами осуществили вооруженную экспансию в сопредельные страны, их разграбление и уничтожение их населения. Совершенно очевидно, что эти стороны революций нельзя было объяснить применением теории классовой борьбы, которой тогда еще не существовало, а объективными законами истории, порождением революционного времени и гражданских войн.

По прошествии некоторого времени во всех странах, переживших охарактеризованные выше революции, в общественном мнении сложилось устойчивое отношение к ним, мало изменившееся за последние столетия. Хотя авторы ряда классических художественных произведений обратили внимание на негативные стороны революций (например, в романах В. Гюго «93-й год», А. Франса «Боги жаждут», Ч. Диккенса «Повесть о двух городах»), в этих же книгах, а также многих других сказано немало об оправданности революционных «эксцессов» и о сочувствии революционным силам. В то же время для ряда авторов характерно полное оправдание революционных событий. Так, Шарль де Костер в романе «Легенда о Тиле Уленшпигеле», не скрывавший своих горячих симпатий к восставшим жителям Нидерландов, постарался сгустить черные краски при описании испанского короля Филиппа II и испанской инквизиции, но изобразить погромы католических церквей и монастырей как забавное происшествие.

Дореволюционные режимы (а также реставрации или попытки реставраций) в конечном счете были оценены, как правило, негативно. Свержение дореволюционного строя оценивалось положительно, и многие руководители революций стали народными героями. Позитивная оценка главных последствий революционных перемен в различных странах, способствовавшие ускорению их развития, заметно перевешивает критические замечания в адрес революционного террора и войн, которые вели революционные правительства. В ряде стран центральные события революций стали национальными праздниками (День провозглашения Декларации независимости в США 4 июля; День взятия Бастилии 14 июля во Франции). Со школьных лет юные граждане стран, переживших эти революции, приучаются уважать их руководителей. В честь первых президентов США сооружены величественные мемориалы в столице и по всей стране, включая их циклопические изображения, высеченные из скал горы Рашмор. Дни их рождения отмечаются как праздники в этой стране. Ореолом уважения и славы окружена во Франции память Наполеона Бонапарта.

Никто в настоящее время не пытается подвергнуть посмертному суду лиц, стоявших во главе буржуазных революций в Нидерландах, Англии, США и Франции, или хотя бы пересмотреть историю, с тем чтобы, осудив злодеяния революций, создать «условия для ухода от подобных преступлений в будущем» (как сказано в резолюции ПАСЕ о

«коммунистических режимах»).

Глава 3
Почему рабочие не могли больше терпеть капитализм?

Ныне под воздействием упорно распространяемой пропаганды у многих людей сложилось впечатление о том, что коммунисты, социалисты и другие левые спровоцировали классовую борьбу рабочих против капиталистов. Без их деятельности рабочие якобы жили в мире с хозяевами-предпринимателями и для их выступлений против капиталистов не было никаких причин и оснований. На деле было не так.

Буржуазные революции, а также разграбление стран Африки, Азии и Америки и победоносные войны против своих конкурентов не улучшили положения трудящихся капиталистических стран. По мере быстрого развития капиталистических отношений все сильнее проявлялось вопиющее неравенство условий жизни верхов и низов капиталистических стран. Это было ясно, например, такому писателю, как Виктор Гюго, далекому от коммунистических идей, который в своем романе «Отверженные» писал: «Англия… превосходно создает материальные богатства, но плохо распределяет их. Такое однобокое решение роковым образом приводит ее к двум крайностям: чудовищному богатству и чудовищной нужде. Все жизненные блага – одним, лишения – другим, то есть народу, причем привилегии, исключения, монополии, власть феодалов являются порождением самой формы труда. Положение ложное и опасное, ибо общественное могущество зиждется тут на нищете частных лиц, а величие государства – на страданиях отдельной личности. Это – дурно созданное величие, где сочетаются все материальные его основы и куда не вошло ни одно нравственное начало». Гюго оговаривался: «Само собой разумеется, что словами: Венеция, Англия мы называем здесь не народ, а определенный общественный строй, – олигархии, стоящие над нациями, а не самые нации».

В своих произведениях Ч. Диккенс постоянно показывал контраст в положении верхов и низов Англии в середине XIX века. В романе «Холодный дом» он так описал поместье сэра Лестера Дедлока. «Дом с фронтонами, трубами, башнями, башенками, темной нишей подъезда, широкой террасой и пылающими розами, которые оплетали балюстраду и лежали на каменных вазах, казался почти призрачным, – так он был легок и вместе с тем монументален, в такую безмятежную, мирную тишину он был погружен». Особняк Дедлока был окружен садами и парками.

Иным было жилище рабочего-кирпичника из того же романа: «Это была убогая лачуга, стоявшая у кирпичного завода среди других таких же лачуг с жалкими палисадниками, которых ничто не украшало, кроме грязных луж, и свиными закутами под самыми окнами, стекла которых были разбиты. Кое-где были выставлены старые тазы, и дождевая вода лилась в них с крыш или стекала в окруженные глиняной насыпью ямки, где застаивалась, образуя прудики, похожие на огромные торты из грязи».

Мрачными красками изобразил Диккенс быстро растущие индустриальные города Англии. В романе «Лавка древностей» он писал: «По обеим сторонам дороги и до затянутого мглой горизонта фабричные трубы, теснившиеся одна к другой в том удручающем однообразии, которое так пугает нас в тяжелых снах, извергали в небо клубы смрадного дыма, затемняли Божий свет и отравляли воздух этих печальных мест. Справа и слева, еле прикрытые сбитыми наспех досками или полусгнившим навесом, какие-то странные машины вертелись и корчились среди куч золы, будто живые существа под пыткой, лязгали цепями, сотрясали землю своими судорогами и время от времени пронзительно вскрикивали, словно не стерпев муки. Кое-где попадались закопченные, вросшие в землю лачуги – без крыш, с выбитыми стеклами, подпертые со всех сторон досками с соседних развалин и все-таки служившие людям жильем. Мужчины, женщины и дети, жалкие, одетые в отрепья, работали около машин, подкидывали уголь в их топки, просили милостыню на дороге или же хмуро озирались по сторонам, стоя на пороге своих жилищ, лишенных даже дверей. А за

лачугами снова появлялись машины, не уступавшие яростью дикому зверю, и снова начинался скрежет и вихрь движения, а впереди нескончаемой вереницей высились кирпичные трубы, которые все так же изрыгали черный дым, губя все живое, заслоняя солнце и плотной темной тучей окутывая этот кромешный ад».

Впрочем, так жили тогда рабочие в большинстве капиталистических стран. Авторы первого тома коллективного труда «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» так характеризовали жилищные условия рабочих Западной Европы тех лет: «Многим приходилось добираться на фабрику из окрестных деревень: даже скверное городское жилье было не по средствам бедняку. Часть рабочих должна была всю неделю жить в фабричных общежитиях – плохо отапливавшихся помещениях с узкими окнами и жалким оборудованием. Крайняя бедность заставляла рабочие семьи селиться в сырых подвалах, на чердаках, лишенных отопления, жить в грязных трущобах, непригодных для жилья… Теснота и скученность, отрепья вместо одежды, мешки со стружками или соломой, заменяющие постель, подчас полное отсутствие мебели, грязь рабочих кварталов – так выглядел быт городских пролетариев в раннюю пору промышленной революции».

Покорное согласие рабочих жить в нищете и выполнять тяжелую работу объяснялось тем, что возможности для трудовой самодеятельности постоянно сокращались по мере развития капитализма. Крестьяне, ремесленники, разоряемые быстро растущими капиталистическими хозяйствами, пополняли ряды безработных. Их количество особенно резко возрастало в результате постоянно случавшихся банкротств отдельных предприятий и в ходе периодических кризисов капиталистического производства. В этих условиях капиталисты могли навязывать рабочим самые тяжелые условия труда.

Рабочий день в промышленности в Англии составлял в 1830-х годах 12-14 часов (иногда 16 часов). Заработной платы едва хватало для поддержания жизни. Комиссия, обследовавшая в 1840-е годы положение ткачей в городе Аштон-андер-Лайн, установила, что на средний недельный заработок семья из четырех человек могла бы купить только 12 килограммов хлеба и ничего больше; в то время как квартирная плата и другие расходы отнимали у рабочих более половины заработка. Рабочих обирали и с помощью штрафов. На фабрике в Манчестере штраф взимался, если рабочий открывал окно в мастерской, опаздывал на работу хотя бы на одну минуту, не ставил на место масленку, работал при газовом освещении, когда уже было светло.

В 1832 году французский барон де Мооpг, собрав сведения о доходах рабочих Франции, пришел к выводу, что прожиточный минимум средней рабочей семьи составляет 860 франков в год. В то же время, как установил барон, средняя рабочая семья зарабатывает в год лишь 760 франков (отец – 450 франков, мать – 160, дети – 150). Перепроверив этот анализ на основе огромной массы архивных и опубликованных материалов через сто лет, комиссия французских экономистов и социологов во главе с Ж. Блонделем лишь немного скорректировала подсчеты де Мооpга, определив средний доход такой семьи в 790 франков. Комиссия пришла к выводу об абсолютной невозможности французским рабочим в 1830-х годах поддерживать хотя бы «анемичное физиологическое существование» на средства, которые они зарабатывали.

Получая скудную заработную плату, рабочие различных стран были вынуждены отдавать ее часть на различные налоги и поборы. Так, ткачи Силезии были вынуждены платить особый налог помещикам за право заниматься промышленным трудом. В 1844 году заработная плата ткачей упала, а цены на продукты питания (ржаная мука, картофель) поднялись. Силезские ткачи питались и одевались хуже, чем английские рабочие. В германских газетах 1844 года сообщалось: «Для того, чтобы утолить голод куском хлеба, ткачи должны были продавать свои кровати, платье, белье и мебель… Ткачи бродят по деревням, как тени». Рассказывая о жизни силезских рабочих в 1844 году устами Анзорге, одного из героев его пьесы «Ткачи», Г. Гауптман писал: «Три талера я должен заплатить налога за дом, талер уходит на поземельный налог, три талера за аренду дома. А зарабатываю я талеров четырнадцать в год. Значит у меня остается семь талеров на весь год.

На это нужно кормиться, топить комнату, одеваться, обуваться, чинить и штопать платье, – а еще квартира и все другое… Мы здесь не живем и не умираем, – плохо нам, совсем плохо! Бьешся-бьешься, пока сил хватает, а потом и сдаешься».

О том, что означало «семь талеров на год» в 1844 году в Германии, можно понять из воспоминаний Августа Бебеля, который, рассказывая о скудных доходах своего отчима (надзирателя тюрьмы) в 1844-1845 гг., писал: «Кроме казенной квартиры (две комнаты), освещения и отопления, отчим получал в месяц около восьми талеров жалования. На эти деньги должны были жить пять человек». Бебель рассказывал, что в детстве он «был очень хилым мальчиком, чему во многом обязан плохому питанию. Так, в течение многих лет ужин наш состоял из ломтя хлеба, намазанного тонким слоем масла или повидла. Когда же мы пробовали жаловаться – а мы это делали ежедневно, – что мы еще не наелись, то получали от матери один и тот же ответ:"Иногда приходится закрывать мешок и тогда, когда он еще не совсем полон"». На почти такую же сумму, которая, судя по словам Бебеля, была слишком мала для содержания семьи в течение месяца, силезский ткач был вынужден существовать вместе с семьей в течение года.

Ткачи Силезии остро ощущали разницу в положении между ними и их хозяевами. Старый Баумерт из той же пьесы Гауптмана говорил: «Два года тому назад я в последний раз ходил к причастию и сейчас после того продал сюртук, в котором причащался. На эти деньги мы купили тогда свинины. С тех пор я не ел мяса до сегодняшнего дня». Ему с горечью отвечает другой ткач, Егер: «Зачем нам мясо, – за нас его едят фабриканты! Они зато лопаются от жиру. Кто не верит, пусть сходит в Билау и в Петерсвальдау. Там есть на что поглазеть: все замки, да замки, дворцы, да дворцы, – а хозяева все фабриканты. Зеркальные окна, башни с железными шпицами. Там о плохих временах не слыхать. Там едят до отвалу и пьют, сколько влезет. Денег хватает и на экипажи, и на гувернанток, и на черт знает что! Не знают, что и придумать от баловства и спеси».

Тяжелые условия были и у ткачей Лиона. За 300 рабочих дней ткач зарабатывал 450 франков, что было значительно ниже прожиточного минимума. Рабочий день ткачей составлял 15 часов.

Женщины, занимавшиеся первоначальной обработкой коконов, умирали молодыми; чахотка была их профессиональным заболеванием. Они жили в старых, зловонных кварталах. Их положение особенно ухудшилось в 1831 году, когда, воспользовавшись безработицей, скупщики продукции снизили расценки.

Такие условия труда и жизни были типичны для многих рабочих на капиталистическом производстве. В коллективном труде «Международное рабочее движение» говорится: «Промышленная революция… привела к резкому возрастанию количества труда, который должен был выполнить рабочий, умножая богатства капиталиста. Это увеличение достигаюсь прежде всего удлинением рабочего дня, путь к этому открыло применение машины… В большинстве отраслей он продолжался от зари до наступления темноты с короткими перерывами для приема пищи, т. е. 13-14 часов, но обычным явлением был и 15-16 часовой рабочий день. Иногда, в частности в производствах непрерывного действия (доменная плавка), он достигал 18-19 часов. 'Трудовое наполнение" рабочего дня на фабрике было гораздо изнурительнее, чем в ремесленно-мануфактурном производстве былых времен, когда, во-первых, существовало множество нерабочих дней (религиозные праздники составляли более 1/3 года!), а во-вторых, значительное число работников могло более вольно распоряжаться своим временем». Авторы обратили внимание на то, что введение газовой горелки «удлинило рабочий день зимой; кроме того, при наличии газового освещения фабрики могли работать и в ночное время – практика, ранее вообще неведомая. Отныне ночной труд уже не являлся чем-то экстраординарным. Постепенно распространялась работа и по воскресным дням. При этом рабочий день был одинаков для мужчин, женщин и подростков. Отпуска вовсе отсутствовали».

Широко применялся труд женщин, которым платили меньше под предлогом меньшей производительности их труда. Известны случаи, когда в Англии работницы, выносившие

корзины с углем из шахт, продолжали трудиться во время беременности и вновь приступали к работе через несколько дней после родов.

На фабриках и заводах много работало детей и подростков. При этом они трудились столь же долго, сколько и взрослые. Нередко, работая в качестве учеников или домашней прислуги, они лишались даже подобия свободы. Вспоминая годы своего ученичества у токаря, Август Бебель писал: «Учение было строгое, рабочий день – длинный. Работа продолжалась почти без всякого перерыва с пяти часов утра до семи часов вечера. От станка мы отправлялись к обеду, а от обеда опять к станку… Выходить из дома в будни мне разрешалось очень редко, вечером никогда. Не лучше бывало и в воскресенье, которое считалось у нас главным базарным днем… Не разя плакал от досады, когда видел, как по воскресеньям, в хорошую погоду, мои товарищи отправлялись на прогулку, а я оставался в лавке ждать покупателей».

Говоря о широком использовании детского труда в Англии, авторы монографии «Международное рабочее движение» писали: «Дети 5-7 лет, зачастую попавшие на предприятия из сиротских домов, работали по 14-15, а то и 20 часов кряду. Обращение с ними было самым жестоким. Нередко надсмотрщики требовали, чтобы машины смазывались на ходу, тем самым детей подвергали опасности быть искалеченными машиной, и случаи такого рода происходили сплошь и рядом. За снижение темпов работы избивали плетьми. Особенно усердствовали надсмотрщики к концу рабочего дня, когда дети засыпали от усталости, и ночью, чтобы поддерживать их в бодрствующем состоянии. При попытке бежать им надевали на ноги деревянные колодки. О детях, работавших на текстильных фабриках, говорили, что они находятся в худшем положении, чем рабы в Вест-Индии».

По этому поводу в монографии «История XIX века», выпущенной под редакцией французских историков Э. Лависса и А. Рамбо, сказано: «На бедных маленьких рабов, страдавших на фабриках и шахтах, в течение долгого времени никто не обращал внимания… В 1831 году член парламента Томас Садлер предложил ограничить детский труд 10 часами в день. Произведенное обследование раскрыло бездну жестокости и страданий в эксплуатации детей». Однако, став объектом резкой критики со стороны защитников интересов промышленников, Садлер не был переизбран в парламент и инициатива по сокращению рабочего дня детей была отвергнута.

По мере интенсификации производства ухудшались условия труда. Авторы монографии «Международное рабочее движение» обратили внимание на некоторые из последствий интенсификации труда: «Забитые людьми рабочие помещения; воздух, насыщенный нездоровыми испарениями (особенно в ситцепечатном производстве, в красильнях и т. п.) и частицами хлопковой или металлической пыли; отсутствие вентиляции; духота летом, холод зимой; несмолкаемый шум машин; грязная одежда, пропитанная машинным маслом (спецодежду рабочим не выдавали), – такова обычная обстановка на предприятии, подрывающая и разрушающая рабочего». О рабочих металлургических заводов Южной Франции современник писал в 1830-х гг.: «Ломовые лошади, которые, впрочем, и работают по шесть часов в день, пользуются лучшим обхождением, чем эти люди, подвергающиеся в течение 12 часов значительному утомлению, к чему добавить влияние температуры, которая – по крайней мере на месте работы плавильщика – часто достигает 40 и 45 градусов».

Нещадно эксплуатируя рабочих, предприниматели к тому же пренебрегали безопасностью на производстве. В ходе своих посещений английских фабрик Диккенс смог убедиться, насколько вреден для здоровья многих рабочих их труд. Он привел слова ирландской работницы, которая трудилась на фабрике по производству свинцовых белил: «Одни отравляются свинцом быстро, а другие потом, а некоторые никогда, но таких немного».

В монографии «Международное рабочее движение» сказано: «Никакой охраны труда не существовало, и несчастные случаи на производстве представляли обычное явление. Чаще всего это были травмы рук: рука рабочего или работницы, оглушенных шумом станков и

утомленных многочасовой монотонной работой, попадала в колесо передаточного механизма. В шахтах из-за отсутствия надлежащих креплений нередко случались обвалы, а также пожары, причинявшиеся скоплениями рудничного газа, против которых не принимались своевременные меры; металлурги зачастую получали ожоги, теряли зрение и т. д. Парламентское обследование 1833 г. выявило, например, в Дербишире (Англия) массу калек, пострадавших на фабриках (главным образом потерявших руку). В 1801-1836 гг. в одном из английских угольных бассейнов погибло в результате катастроф в забоях не менее 185 человек (из 15 тыс.); в бассейне Луары до 1816 года ежегодно погибало около 100 шахтеров».

Герой романа Диккенса «Тяжелые времена» Стивен Блекпул, тяжело раненный после падения в заброшенную шахту, говорит: «Я упал в яму, которая на памяти еще ныне живущих стариков стоила жизни сотням и сотням людей, отцам, сыновьям, братьям, любимым тысячами и тысячами родных, чьими кормильцами они были. Я упал в яму, которая сгубила рудничным газом больше народу, нежели гибнет в кровавом бою. Я читал прошение, – и каждый может прочесть его, – где люди, работающие в копях, Христом Богом молили издать такие законы, чтобы труд их не убивал, а пощадил ради жен и детей, которых они любят не меньше, нежели богатые и знатные любят своих. Когда эта шахта работала, она зазря убивала людей; и ныне, уже брошенная, она все еще убивает зазря. Видишь, мы каждый божий день умираем зазря, так ли, сяк ли, – морока да и только!»

В монографии «Международное рабочее движение» говорится: «С распространением фабричной системы сокращалась продолжительность жизни рабочих. Металлисты Шеффилда, работавшие на сухих точилах, умирали обычно в возрасте 28-32 лет, шахтеры – в 34 года, манчестерские землекопы доживали лишь до 40 лет, средняя продолжительность жизни мюлузского ткача равнялась 22 годам… Медицинские трактаты и отчеты рисуют мрачную картину распространенности профессиональных и общих заболеваний среди рабочих (туберкулез, астма, болезни глаз, детский рахит, сколиоз); они рассказывают об эпидемиях (холеры и т. д.), охватывавших огромные районы и косивших тысячи людей, чей организм, подорванный лишениями, не мог противостоять инфекциям. Особенно велика была смертность среди пролетарского населения английских городов». Французский историк Ж.-П. Риу писал: «Рабочий мир – мир больных».

Исходя из общеизвестных тогда фактов о положении пролетариата, вожди коммунизма Маркс и Энгельс подчеркивали: «Современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того, чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом».

Далекий от революционных идей английский писатель Чарльз Диккенс вложил в уста своего героя Стивена Блекпула слова отчаяния и укора власть имущим: «Оглянитесь вокруг в нашем городе – богатом городе! – и посмотрите, сколько людей родится здесь для того лишь, чтобы всю жизнь, от колыбели до могилы, только и делать, что ткать, прясть и кое-как сводить концы с концами. Посмотрите, как мы живем, где живем и как много нас, и какие мы беззащитные, все до одного; посмотрите – фабрики всегда работают, всегда на ходу, а мы? Мы все на той же точке. Что впереди? Одна смерть. Посмотрите, кем вы нас считаете, что вы про нас пишете, что про нас говорите, и посылаете депутатов к министрам, и всегда-то вы правы, а мы всегда виноваты, и сроду, мол, в нас никакого понятия не было. Из года в год, от поколения к поколению, что дальше, то больше и больше, хуже и хуже. Кто же, сэр, глядя на это, может, не кривя душой, сказать, что здесь нет мороки».

Но писатель отмечал, что рабочие не всегда столь покорно, как Стивен, воспринимали свой несчастный жребий. В романе «Лавка древностей» Диккенс описывает обычную ночь индустриального города, «когда толпы безработных маршировали по дорогам или при свете факелов теснились вокруг своих главарей, а те вели суровый рассказ о всех несправедливостях, причиненных трудовому народу, и исторгали из уст своих слушателей яростные крики и угрозы; когда доведенные до отчаяния люди, вооружившись палашами и горящими головешками и не внимая слезам и мольбам женщин, старавшихся удержать их, шли на месть и разрушение…».

В 30-50-х годах XIX века в Великобритании развернулось массовое движение рабочих под лозунгом борьбы за проведение Народной хартии (People's Charter), в которой содержались требования всеобщего избирательного права для мужчин, равенства избирательных округов, тайного голосования, отмены имущественного ценза для кандидатов. Таким образом, сторонники Народной хартии, или чартисты надеялись добиться решения жизненно важных проблем рабочих. Чартисты организовывали массовые демонстрации, проводили митинги среди рабочих.

В романе «Тяжелые времена» Диккенс изобразил одного из чартистских ораторов, выступавших перед промышленными рабочими: «"О друзья мои, товарищи по несчастью, товарищи по труду, братья и ближние мои! Настал час, когда мы должны слиться в единую сплоченную силу, дабы стереть в порошок наших притеснителей, которые слишком долго жирели потом наших лиц, трудом наших рук, силой наших мышц, грабя наши семьи, попирая Богом созданные великие права человечества и извечные священные привилегии братства людей!" "Правильно! Верно, верно! Ура!" и другие одобрительные возгласы неслись со всех концов битком набитого душного помещения».

Характеризуя настроения доведенных до отчаяния силезских ткачей, герой пьесы Г. Гауптмана говорил: «Задать перцу фабрикантам с превеликим удовольствием согласен. Если бы нам всем да сговориться и действовать согласно, так мы бы такую баню задали фабрикантам, что им бы конец пришел. Не нужно нам для этого ни короля, ни начальства».

В своем романе «Отверженные» Виктор Гюго так описывал настроения в рабочих кварталах Парижа 30-х годов XIX века: «Один рабочий сказал: "Нас триста человек, дадим каждый по десять су – вот вам сто пятьдесят франков на порох и пули". Другой сказал: "Мне не нужно шести месяцев, не нужно и двух. Не минет и двух недель, как мы сравняемся с правительством. Собрав двадцать пять тысяч человек, можно схватиться вплотную". Третий заявил: "Я почти совсем не сплю, всю ночь делаю патроны"».

Порой возмущенные речи говорились в открытую при скоплении людей. Гюго воспроизвел отрывки из подобных выступлений: «Выбор возможен лишь один: действие или противодействие, революция или контрреволюция. Ибо в нашу эпоху больше не верят ни бездеятельности, ни неподвижности. С народом или против народа – вот в чем вопрос. Другого не существует».

Рабочие Западной Европы повсеместно поднимались на борьбу. Восстание рабочих Лиона 1831 года, чартистское движение рабочих в Великобритании в 30-х – 40-х годах XIX века, восстание ткачей в Силезии в 1844 году и другие пролетарские выступления показывали, что промышленные рабочие способны так же решительно выступить против капиталистов, как в течение многих веков выступали крестьяне против помещиков.

Самым крупным выступлением пролетариата Европы в середине XIX века явилось июньское восстание 1848 года в Париже. Поводом для выступления явилось решение правительства Франции закрыть Национальные мастерские, которые были созданы для решения проблемы безработицы, а безработных отправить в провинцию. Массовая демонстрация протеста 22 июня переросла в восстание. Улицы Парижа и его пригородов покрылись баррикадами. К 26 июня восстание рабочих было подавлено.

Расправа с восставшими была жестокой. Значительную часть жертв составляли повстанцы, расстрелянные уже после подавления восстания. В романе «Воспитание чувств» Гюстав Флобер описал, как обращались с заключенными в подвале дворца Тюильри: «Их

было там девятьсот человек, брошенных в грязь, сбитых в кучу, черных от пороха и запекшейся крови, трясущихся в лихорадке, кричащих от ярости; а когда кто-нибудь из них умирал, труп не убирали… Когда заключенные подходили к отдушинам, солдаты национальной гвардии, стоявшие на часах, пускали в ход штыки, чтобы не дать им расшатать решетку». Расстреливали задержанных на улице с оружием и просто людей в рабочей одежде. Официальная цифра расстрелянных без суда и следствия – 1500 человек – считается историками сильно приуменьшенной.

Однако поражения рабочих восстаний не приводили к прекращению выступлений пролетариата в различных странах Европы. Растущий антагонизм между пролетариатом и буржуазией привел Карла Маркса и Фридриха Энгельса к выводу о том, что дальнейшее развитие общества зависит от исхода борьбы этих классов. Обращая внимание в «Манифесте» на то, что в ходе преодоления периодических кризисов капиталистического производства буржуазия невольно «подготовляет более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им», Маркс и Энгельс утверждали: «Орудие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии. Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, пролетариев… Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт».

Принимая во внимание уже происшедшие выступления рабочего класса, авторы «Манифеста» писали: «Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество… С развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны».

Победа пролетариата, в соответствии с представлениями Маркса и Энгельса, должна была увенчаться установлением диктатуры пролетариата, подобно тому, как прежние революции во Франции, Англии, Нидерландах и других странах венчалась установлением революционной диктатуры буржуазии. Понятие «диктатура пролетариата» Маркс впервые употребил в своей работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», написанной в 1850 году. Целью диктатуры пролетариата провозглашалось уничтожение всякой эксплуатации человека человеком.

Определяя свое отношение к идеям классовой борьбы и диктатуры пролетариата, Маркс в письме к Вейдемейеру писал: «1) **существование классов** связано лишь **с определенными историческими фазами развития производства,** 2)…классовая борьба необходимо ведет **к диктатуре пролетариата,** 3)…эта диктатура сама составляет лишь переход **к уничтожению всяких классов** и **к обществу без классов»,** а не «ликвидацию **людей** », «вредных при строительстве нового общества», как это утверждалось в резолюции ПАСЕ.

Глава 4
Почему рабочие стали бороться за социализм?

Ставя задачи, которые должны быть осуществлены пролетариатом после завоевания власти, Маркс и Энгельс писали в «Манифесте»: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий

класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

В «Манифесте» Маркс и Энгельс определили главные черты нового общественного строя, который должен был прийти на смену капиталистическому: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Авторы «Манифеста» видели в пролетарской революции также средство прекратить разорительные и кровавые войны, провозглашая принцип братства рабочих всего мира. «Манифест» завершался главным лозунгом коммунистов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Маркс и Энгельс справедливо оценили возрастающую энергию пролетарских выступлений. Если в первой половине 50-х годов XIX века стачки в Германии (вроде крупной стачки красильщиков Бармена – Эльберфельда в сентябре 1855 г.) были еще исключением, то с 1857 года они становятся постоянным явлением. Бастовали горняки, ткачи, суконщики, печатники, железнодорожные и портовые рабочие, отвоевывая одну за другой уступку у класса буржуазии. Так, забастовка лондонских строителей 1859-1860 гг., продолжавшаяся около года, увенчалась их победой: они добились сокращения рабочего дня с 10 до 9,5 часа.

Правительства различных стран прибегали к судебным преследованиям стачечников. Вплоть до 1864 года во Франции действовал закон Ле Шапелье, рассматривавший коллективное сопротивление хозяевам как уголовное преступление. Там только с 1853 по 1855 г. состоялось 345 судебных процессов над участниками забастовок. В Англии только в 1863 году состоялось 10 393 процесса по делам об участии в стачках. Запрещены стачки были и в Пруссии. Вплоть до 1868 года в Испании все рабочие организации находились вне закона.

Несмотря на эти преследования, рабочее движение становилось все более организованным. Правительства ряда стран Европы были вынуждены отменить запреты на рабочие организации. В других странах рабочие союзы создавались вопреки правительственным запретам. По словам Августа Бебеля, рабочие организации в середине XIX века возникали в Германии «как грибы после теплого летнего дождя».

Оправдывались и надежды основоположников коммунистической теории на силу международной пролетарской солидарности. В ходе лондонской забастовки строителей их поддержали рабочие Франции, Швейцарии и других стран. Международная пролетарская солидарность проявилась и в ходе выступлений рабочих Англии и Франции против вмешательства английского правительства в Гражданскую войну в США. В ноябре 1863 года представители лондонских рабочих направили обращение к рабочим Франции, в котором ставилась задача объединения усилий рабочих различных капиталистических стран в борьбе за повышение заработной платы. Ответ французских рабочих завершался фразой: «Наше спасение в солидарности». С этого года предпринимаются меры по созданию международной организации пролетариата.

Хотя многие участники рабочего движения находились под различным идеологическим влиянием (тред-юнионизма, утопического социализма, прудонизма, мадзинизма), идеи «Коммунистического манифеста» захватывали умы все большего числа членов рабочих организаций. Лондонское коммунистическое просветительное общество немецких рабочих приняло активное участие в создании Международного товарищества рабочих (1-го Интернационала) 28 сентября 1864 года. Будучи членом этого общества, Карл Маркс участвовал в подготовке учредительного манифеста и устава Международного товарищества рабочих. Учитывая, что в состав Интернационала входят представители рабочих организаций разных идейных направлений, Маркс не внес в эти документы упоминания о «диктатуре пролетариата». Однако он добился принятия в программных документах следующих положений: «освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом»; «завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса».

Провозглашая стратегические цели пролетариата, основоположники коммунистической теории не забывали и о текущих задачах по облегчению невыносимого положения рабочих. С этой целью 1-й Интернационал установил связи с профсоюзным движением. В 1866 году Карл Маркс подготовил «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», которая была в основном принята на Женевском конгрессе Интернационала. В нем была намечена программа борьбы рабочего класса на несколько десятилетий вперед: за 8-часовой рабочий день, ограничение труда детей и женщин, за развитие трудового политехнического образования, за развитие рабочих кооперативов. В инструкции была предложена схема обследования условий труда и жизни рабочих.

Интернационал и входившие в него организации развертывали активную борьбу за повышение заработной платы, улучшение условий труда, решение наиболее наболевших жизненных проблем рабочих. В монографии «Международное рабочее движение» отмечалось: «Огромным достижением пролетариата Европы и Америки в годы Интернационала были совместные выступления в поддержку стачечного движения… В обстановке нарастающего революционного кризиса сама стачечная борьба европейских рабочих проделала за 5-6 лет эволюцию от разрозненных, случайных забастовок к классовым боям, в которых сотням рабочих, сплотившихся под знаменем Интернационала, противостояла вся власть капитала, опиравшаяся на вооруженную силу буржуазного государства. Стремительный рост классовой солидарности, характеризующий экономическую борьбу пролетариата в эти годы, останется непонятным, если не учесть могучего организаторского воздействия, которое оказывали на массы в каждой стране и их боевой штаб, – Генеральный Совет Интернационала в Лондоне».

Следствием этой борьбы стали: отмена в ряде стран законов, запрещающих рабочие организации, сокращение рабочего дня, повышение заработной платы рабочих в ряде отраслей производства, облегчение условий труда и жизни трудящихся. Таким образом, коммунистическая идеология, разрабатывавшаяся Марксом и Энгельсом с первых же лет ее существования, стала служить орудием борьбы за улучшение жизни миллионов людей и доказала свою гуманистическую направленность.

В то же время Маркс подчеркивал, что реализация экономических требований рабочего класса потребует принятия законодательных решений и таким образом перерастет в политическую борьбу. Одновременно с участием в борьбе за решение сиюминутных насущных требований рабочих Интернационал расширял пропаганду идей построения социализма. В различных странах Западной Европы создавались просветительские рабочие общества, в которых изучались идеи социализма. Идеи построения социалистического, а затем и коммунистического общества, в котором все люди получали равные возможности трудиться и равные возможности удовлетворять свои потребности, раскрывать свои способности, развиваться как личность, вдохновляла тех, кто прежде думал лишь о том, как выжить в условиях беспощадной эксплуатации.

П.А. Кропоткин, участвовавший в рабочем движении Западной Европы с начала 1870-х годов, писал: «Нужно было жить среди рабочих, чтобы понять, какое влияние имел на них быстрый рост Интернационала, как верили они в движение, с какой любовью говорили про него и какие делали для него жертвы. Изо дня в день, из года в год тысячи работников жертвовали своим временем и деньгами, чтобы поддержать свою секцию, основать газету, покрыть расходы по устройству какого-нибудь национального или международного съезда или просто присутствовать на собраниях и манифестациях. Глубокое впечатление произвело также на меня то облагораживающее влияние, которое имел Интернационал. Большинство парижских интернационалистов не пили спиртных напитков, все оставили курение: "Зачем я стану потакать этой слабости?" – говорили они. Все мелкое, низменное исчезало, уступая место величественному и возвышенному».

В 1869 году в Эйзенахе состоялся первый съезд Социал-демократической партии Германии. Принятая на ней программа в основном отвечала положениям марксизма. Ее содержание свидетельствовало о том, что марксистская партия ставит решение задач, в

которых были заинтересованы не только рабочие, но и подавляющая часть народа.

Первый раздел программы провозглашал: «Социал-демократическая рабочая партия стремится к учреждению свободного народного государства».

Главные черты «свободного народного государства» были определены в 3-м разделе программы. В нем говорилось: «При агитации от имени Социал-демократической рабочей партии следует подчеркивать следующие ее требования: 1. Введение всеобщего, равного, прямого избирательного права (при тайном голосовании) для всех мужчин, начиная с двадцатилетнего возраста, при выборах в парламент, в ландтаги отдельных государств, в провинциальные, общинные и прочие представительные органы. Избранные представители должны получать достаточное депутатское вознаграждение.

2. Установление прямого законодательства (то есть право народа вносить и отвергать законопроекты).

3. Отмена всех привилегий – сословных, наследственных, а также связанных с собственностью и вероисповеданием.

4. Организация народного ополчения вместо постоянного войска.

5. Отделение церкви от государства и школы от церкви.

6. Обязательное обучение в народных школах и бесплатное обучение во всех общественных учебных заведениях.

7. Независимость судов, введение судов присяжных и ремесленных судов, введение гласного и устного судопроизводства и бесплатного отправления правосудия.

8. Отмена всех законов о печати, союзах и коалициях; введение нормального рабочего дня, ограничение женского и детского труда.

9. Уничтожение всех косвенных налогов и введение только одного прямого прогрессивного подоходного налога и налога на наследство.. Поощрение кооперации со стороны государства и предоставление государственных субсидий свободным производительным рабочим обществам под демократические гарантии».

Эйзенахская программа получила одобрение Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Подобные программы были затем выдвинуты и другими социалистическими, профсоюзными и другими демократическими организациями Западной Европы, Северной Америки, Австралии и других регионов мира. Осуществление этих требований достигалось в упорной борьбе против власть имущих. Как и в период появления «Манифеста Коммунистической партии», социалисты, а также сотрудничавшие с ними рабочие и другие массовые демократические организации были объектами чудовищных обвинений и гонений. Борьба за достижение части этих требований составила целую эпоху преобразований, существенным образом изменивших политические и социальные условия во многих капиталистических странах в сторону их улучшения. Однако ныне забывают, что среди первых руководителей этой борьбы выступали авторы «Манифеста Коммунистической партии» и их единомышленники.

В то же время основоположники коммунистической теории продолжали подчеркивать, что главной целью борьбы рабочего класса является создание социалистического, а затем коммунистического общества. Первая попытка создать такое общество была предпринята в дни Парижской коммуны (18 марта – 28 мая 1871 года). Уже в первые дни своего существования Парижская коммуна упразднила постоянную армию, заменив ее вооружением народа. Церковь была отделена от государства. Был установлен максимум жалованья государственных служащих, равный заработной плате высококвалифицированного рабочего.

Один из руководителей Парижской коммуны, Лео Франкель, написал Карлу Марксу 30 марта 1871 года письмо, в котором просил его прислать указания о необходимых социальных реформах, Франкель указывал: «Если нам удастся осуществить коренное преобразование социальных отношений, то революция 18 марта останется в истории как наиболее плодотворный из всех бывших до сих пор переворотов». Были отменены произвольные штрафы и вычеты из заработной платы рабочих. Часть брошенных

предпринимателями предприятий были национализированы и на них была возобновлена работа. Было принято постановление, предусматривавшее обязательный минимум заработной платы. Коммуна выступила за введение обязательного образования. Эти и ряд других мероприятий свидетельствовали о том, что Парижская Коммуна приступила к осуществлению социалистических преобразований.

Поражение Парижской коммуны сопровождалось жестокими расправами с рабочими Парижа. Более 40 тысяч коммунаров были без суда расстреляны и замучены. Общее число расстрелянных, сосланных на каторгу, заключенных в тюрьмы достигло 70 тысяч человек, а вместе с покинувшими Францию в связи с преследованиями – 100 тысяч.

Однако разгром Парижской коммуны не остановил рабочего и социалистического движения в мире. Ф. Энгельс писал в 1878 году: «Движение рабочего класса все более и более выступало на передний план текущей политики». В монографии «Международное рабочее движение» сказано: «Показателем происходящих изменений служило колоссальное по масштабам и силе забастовочное движение. Если раньше стачечная борьба обычно выступала как форма реакции наемных рабочих на нетерпимые условия продажи рабочей силы и возникала лишь при обострении ситуации, то теперь пролетариат многих стран начал воспринимать стачку как обыденную, общепринятую форму противодействия поползновениям капитала…. Отличительной чертой многих забастовок в конце 70-х – 80-х годах были больший размах и длительность… Требования, выдвигавшиеся бастующими в различных странах, во многом совпадали: повышение заработной платы, введение 10-, а затем и 8-часового рабочего дня, социальное страхование на случай болезни, инвалидности и старости, ограничение женского и детского труда, обязательные меры по охране труда, установление ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве, отмена штрафов, улучшение жилищных условий и т. д… Особое значение имели крупные забастовки. Даже если они и не завершались непосредственной победой рабочих, под их влиянием капиталисты и правящие круги были вынуждены предпринимать определенные шаги в области социального законодательства».

Под давлением выступлений рабочих в ряде капиталистических стран получило развитие фабричное законодательство, отчасти ограничившее безудержное ограбление рабочих. Кое-где были приняты законы, запрещающие выплату заработка продуктами. Были приняты некоторые меры по защите труда детей и подростков. На предприятиях стали появляться обязательные правила санитарии, безопасности труда. Сбывался прогноз Ф. Энгельса о том, что «организация рабочих, их постоянное растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для *роста нищеты*».

Однако, несмотря на достигнутые успехи, условия труда и жизни рабочих в развитых странах Запада оставались тяжелыми. Несмотря на рост реальной заработной платы, рабочие не имели возможности выйти за узкие границы прожиточного минимума. Рабочие первыми страдали от спадов экономического производства, когда они лишались работы и оставались без средств к существованию. В то же время, хотя рабочее время повсеместно сокращалось, в ряде отраслей производства в конце XIX века по-прежнему сохранялся 14-часовой рабочий день. Рабочие семьи жили скученно, нередко в антисанитарных условиях. Во 2-м томе монографии «Международное рабочее движение» сказано: «В Берлине, согласно переписи 1890 г., половина квартир имела только одну отапливаемую комнату… Как правило, в такой комнате жили всей семьей (4-5 человек), а иногда еще и сдавали «угол» одиноким рабочим. Десятки тысяч семей вообще не имели постоянного жилья – вместо него использовались сараи, старые железнодорожные вагоны и т. п.». В Вене большинство рабочих квартир также были однокомнатными, в каждой ютилось по 5-10 человек. Смертность в рабочих районах Вены превышала смертность в буржуазных кварталах города в 3 раза. Перенаселенность рабочих жилищ в чешских землях, «даже по официальным данным городских властей, вдвое превышала допустимый уровень. В одной кровати часто спали по несколько человек, многие не имели кровати вообще и лежали на полу на соломе».

В официальном отчете о состоянии жилых рабочих кварталов Чикаго 1880-х годов

говорилось о «полуразрушенных зданиях, в которых ютятся в невообразимой тесноте тысячи рабочих, о несоблюдении элементарных правил устройства и содержания канализации, водопровода, освещения и вентиляции, о нарушении правил противопожарной безопасности и безопасности от несчастных случаев, о полнейшей антисанитарии, об ужасном состоянии канализационных отводов и уборных, о грязных, закопченных комнатах, битком набитых людьми, о плохих и недоброкачественных продуктах, которыми они питаются, о таких же грязных улицах и переулках, о дворах, заваленных гниющим мусором, и с множеством вонючих луж».

Обследования, проведенные в Англии в 1890-х годах, показали, что до 30 % населения и не менее 40 % рабочего класса принадлежали к бедноте. В таких американских городах, как Нью-Йорк и Чикаго, не менее 25 % населения жили ниже «границы нищеты».

Из-за нарушения норм безопасности на производстве тысячи человек погибали, а десятки тысяч становились калеками. О том, что нормы безопасности, охраны труда, особенно женского, далеко не соблюдались на многих видах производства ярко свидетельствовал роман Эмиля Золя «Жерминаль», материал для которого писатель собирал в шахтерском районе.

Рассказывая о рабочем дне своей героини юной Катрин, Эмиль Золя изобразил невероятную тяжесть шахтерского труда. «В шахте Жан-Берт Катрин работала уже целый час, подталкивая вагонетки до 'подставы": она обливалась потом, ей приходилось останавливаться на секунду, чтобы вытереть лицо… Работа шла на глубине в семьсот восемь метров… В этом глубоком штреке… нестерпимую жару поддерживало то, что рядом находилась выработка очень глубокой заброшенной шахты Гастон-Мари, где десять лет тому назад произошел взрыв гремучего газа, вызвавший пожар, – пласт угля до сих пор горел там, за построенной глиняной перемычкой, которую постоянно поддерживали, чтобы пожар не распространился дальше… Уголь горел уже десять лет, накаляя глиняную плотину, как кирпичи в печке до такой степени, что она так и обдавала жаром тех, кто проходил мимо нее. И как раз вдоль этой раскаленной стены, тянувшейся на протяжении ста метров, Катрин и приходилось вести откатку при температуре в шестьдесят градусов. После двух таких путешествий Катрин совсем задохнулась… С трудом загребая лопатой уголь, Катрин наполнила наконец вагонетку, потом покатила ее… Да что это с нею сегодня?… Ноги точно ватные, кости будто размякли. Должно быть, все от духоты. Вентиляция не доходит до такого далекого закоулка. Воздух спертый, да еще из угольного пласта с легким бульканьем и журчанием выбиваются какие-то пары, и подчас их бывает так много, что лампы еле-еле горят; о гремучем газе и говорить нечего – никто на него и внимания не обращает: столько его нанюхаются рабочие, что больше и не замечают. Катрин хорошо знала этот "мертвый воздух", как говорили углекопы, – внизу тяжелые, удушливые газы, вверху легкие – те, которые вдруг вспыхнув, взрывают все выработки, убивают сотни людей единым ударом грома. С детства она много наглоталась гремучего газа, удивительно, почему она сегодня так плохо его переносит, почему у нее так звенит в ушах, так першит в горле».

«Нет больше сил! Сорвать, сорвать с себя рубашку! Ведь это сущая пытка, малейшая складочка режет, жжет тело… И, раздевшись теперь догола, жалкая, несчастная, словно голодная собака, что семенит в грязи по дорогам в поисках пропитания, – она надрывалась, как ломовые клячи, перемазанные по самое брюхо жидкой черной грязью. Она ползла на четвереньках и толкала вагонетку. Но муки не стихали, нагота не принесла ей облегчения… В ушах стоял оглушительный звон, виски как будто сдавило тисками. Она упала на колени… Вдруг лампа потухла. И тогда все полетело в черную бездну; в голове как будто вращался мельничный жернов, сердце сразу остановилось, перестало биться, словно тоже оцепенело от той бесконечной усталости, которая сковала все тело Катрин. Она упала навзничь, задыхаясь в пелене удушливых газов, стлавшихся над землей».

Несмотря на упорную борьбу рабочих за сокращение рабочего дня, до середины 70-х годов его продолжительность составляла в Англии и США 10 часов в среднем, в Германии – от 10 до 12 часов, во Франции и Италии – от 11 до 12, в Голландии – 12, в Испании – от 12 до

13, в Бельгии – от 13 до 14, в Японии – от 12 до 16 часов. Однако у ряда категорий трудящихся рабочий день был еще дольше. Четверть рабочих США трудилась по 11-13 часов ежедневно. Английские железнодорожники работали по 12 часов и более, а порой и по 20 часов подряд. Торговые служащие, включая подростков, трудились по 75-90 часов в неделю.

Требование сократить рабочий день стало главным для многочисленных выступлений пролетариата в 70-х и 80-х годах XIX века. В мае 1886 года в США в ряде крупных городов прошли массовые демонстрации под лозунгами установления 8-часового рабочего дня. 1 мая 1886 года в Чикаго на улицы вышло 40 тысяч рабочих. 3 мая полиция расстреляла забастовщиков у чикагского завода сельскохозяйственных машин Маккормика: 6 человек было убито, 50 ранено. На другой день на площади в Чикаго состоялся митинг против произвола властей. Неизвестный человек швырнул бомбу в полицию, прибывшую на митинг. Один полицейский был убит, несколько полицейских ранено. В ответ власти прибегли к массовым арестам. Восемь руководителей чикагских рабочих были преданы суду. А вскоре 7 из них были приговорены к смертной казни. Через 7 лет губернатор Иллинойса признал, что вина казненных не была доказана. Несмотря на жестокую расправу с чикагскими рабочими и их организаторами, движение за 8-часовой рабочий день продолжало развиваться в США и других странах.

Порой выступления рабочих приобретали революционный характер. В набросках к роману «Жерминаль» Золя так описывал развитие его сюжета: «…Перехожу к рабочим. Вот главные моменты борьбы. Страшная нужда приводит к возмущению, они объявляют забастовку. В это время Компания, сама пострадавшая в связи с промышленным кризисом, хочет еще более понизить заработную плату, результатом чего и является бунт». Намечая содержание пятой части, Золя писал: «Нестройное пение "Марсельезы' , крики: "Хлеба! хлеба!" Искаженные лица, растрепанные волосы, вся сцена происходит при заходе солнца, которое заливает шествие кровавыми лучами; страшная картина восстания, пробуждения, которое когда-нибудь все сметет ("Да здравствует социальная революция! Смерть буржуазии!")».

О том, что роман «Жерминаль» правдиво и глубоко изображал положение рабочих и их конфликты с капиталистами, свидетельствовал не только успех книги Золя (сразу же после выхода романа в свет в 1885 году, он был выпущен несколькими изданиями и был переведен на несколько европейских языков). Выступления шахтеров часто обретали политическую окраску. Забастовка шахтеров в Кармо (Франция) в 1892 году была вызвана увольнением шахтера Кальвиньяка в связи с избранием его мэром города. Против 2800 безоружных шахтеров было брошено 1500 жандармов и солдат. После 80 дней забастовки власти были вынуждены уступить и восстановили Кальвиньяка на работе. Это была первая политическая забастовка рабочих во Франции.

Рабочие во всех странах мира в упорной борьбе добивались признания права на существование своих организаций и на забастовки. Так, в 1875 году английский парламент отменил архаический закон «О хозяевах и слугах». В том же году было узаконено право рабочих на забастовку. В 1884 году французские профсоюзы добились своей легализации. В Италии в 1889 году было признано право рабочих на стачки.

Рабочие постепенно отвоевывали право на участие в парламентских выборах. В Германии это право для рабочих-мужчин было достигнуто лишь в 1884 году. Однако в подавляющем большинстве стран Западной Европы и Северной Америки вплоть до начала XX века в голосовании на парламентских выборах участвовало лишь 10-15 % населения.

Между тем политические требования все чаще выдвигались в ходе забастовок рабочих разных профессий. В мае 1891 года в Бельгии началась забастовка 250 тысяч рабочих (более трети всех рабочих страны) с требованием введения всеобщего избирательного права. Забастовка сопровождалась митингами и демонстрациями. Через неделю после начала забастовки парламент принял закон о введении всеобщего избирательного права, в результате чего число избирателей возросло в 10 раз. Активную роль в организации забастовки сыграла Рабочая партия Бельгии.

К этому времени в Западной Европе уже сложились массовые политические рабочие партии, стоявшие на позициях социализма. В январе 1877 году социал-демократы Германии получили около полумиллиона голосов и 13 мест в рейхстаге. Но уже в октябре 1878 года канцлер Германии Бисмарк добился принятия «исключительного закона, который запрещал деятельность организаций, социал-демократические, социалистические и коммунистические стремления которых имеют своей целью свержение существующего государственного и общественного строя». Организации социал-демократической партии оказались на нелегальном положении, почти все ее газеты были закрыты, запрещены митинги и собрания ее сторонников. Многие руководители партии были высланы из крупных городов или брошены в тюрьмы, некоторые из них эмигрировали. Однако, несмотря на запреты при выборах в рейхстаг в 1890 году, за кандидатов партии проголосовало і 427 тысяч избирателей (19 %). В сентябре 1890 года «исключительный закон» был отменен.

В октябре 1879 года была создана Рабочая партия Франции. В том же году была создана Социалистическая партия Бельгии, затем превратившаяся в Бельгийскую рабочую партию. В странах Западной Европы возникли и другие партии, программы которых строились на основе марксизма (Португалия – 1875 г., Дания – 1876 г., Испания – 1879 г., Норвегия – 1887 г., Швейцария – 1888 г., Швеция – 1889 г., Болгария – 1891 г., Италия – 1892 г., Румыния – 1893 г.; несколько социалистических партий было создано на территории Австро-Венгрии). В США были созданы Социалистическая рабочая партия (1876 г.), а затем Социал-демократическая партия (1897 г.). Социалистические организации стали создаваться в ряде стран Латинской Америки и Японии.

Хотя численность этих партий была невелика и доля их членов была небольшой относительно числа рабочих, они оказывали огромное влияние на умонастроения рабочих пролетариата и особенно на их организованные выступления. К тому же ряды социалистических партий быстро росли. Так, в двух социалистических партиях Германии к 1875 году насчитывалось около 25 тысяч членов, а в 1890 году в единой Германской социал-демократической партии состояло уже свыше 100 тысяч человек.

14 июля 1889 года в 100-летнюю годовщину начала французской революции в Париже открылся Международный рабочий конгресс, на котором собрались делегаты от социалистических партий из 20 стран мира. Это был первый международный съезд марксистских партий после роспуска Интернационала в 1876 г. и смерти Карла Маркса в 1883 году. Хотя Фридрих Энгельс не принял непосредственного участия в Международном рабочем конгрессе 1889 года, он осуществил основную организационную работу по его созыву. Среди собравшихся в Париже преобладали ученики и сторонники К. Маркса и Ф. Энгельса. Поэтому решения конгресса строились на коммунистической теории, разработанной Марксом и Энгельсом.

В резолюции конгресса о международном трудовом законодательстве и охране труда подчеркивалось, что «освобождение труда и всего человечества может быть достигнуто только пролетариатом, организованным как класс и в интернациональном масштабе, который должен завоевать политическую власть с целью осуществления экспроприации капитала и превращения средств производства в общественную собственность». Таким образом, задачи улучшения положения рабочего класса в условиях капиталистического общества увязывались с осуществлением главной цели социалистического движения – достижения победы социализма.

В то же время в резолюции о трудовом законодательстве и охране труда были выдвинуты требования ограничения рабочего дня 8 часами, запрещения детского труда, ограничения труда подростков и женщин, особой регламентации ночных работ и вредных производств, установления обязательного еженедельного дня отдыха, запрещения выдачи заработной платы продуктами и через заводские лавки, создания государственного института фабричных инспекторов. Специальный пункт резолюции требовал «равной оплаты за равный труд для рабочих обоих полов и без различия национальности», а также «неограниченного, полностью свободного права союзов и коалиций». В резолюции подчеркивалось, что

осуществление этих требований «абсолютно необходимо во всех странах, где господствует капиталистический способ производства», в целях «противодействия разрушительным влияниям существующего экономического строя».

Хотя конгресс не принял решения о создании новой международной организации социалистических и рабочих партий, по сути, он положил начало созданию 2-го Интернационала. Важным решением, направленным на сплочение рабочего класса всего мира, явилась резолюция конгресса об одновременном проведении во всех странах 1 Мая 1890 года – в память о выступлении чикагских рабочих 1 мая 1886 года. «Это лучшее из того, что сделал наш конгресс», – писал Фридрих Энгельс.

Празднование 1 мая 1890 года превратилось в мощную демонстрацию солидарности рабочих разных стран. В Германии, Франции, Дании на ряде предприятий произошли забастовки. Во многих городах мира произошли массовые демонстрации. В Вене на улицы вышло 100 тысяч человек, в Будапеште – 60 тысяч, в Марселе и Лионе – 40-50 тысяч, в Праге – 35 тысяч, в Рубе, Лилле, Стокгольме, Чикаго и многих других городах – 20-30 тысяч, в Варшаве – 20 тысяч. Несмотря на запреты демонстрации состоялись в Италии. В Испании и Англии День международной солидарности трудящихся отмечался в первое майское воскресенье – 4 мая. В Барселоне в демонстрации участвовало около 100 тысяч человек.

Самая мощная демонстрация состоялась 4 мая 1890 года в лондонском Гайд-парке. Очевидец вспоминал: «Казалось, что все население Лондона устремилось в парк». В демонстрации «участвовали докеры, шедшие в грубой рабочей одежде, похожие на джентльменов наборщики в лайковых перчатках и цилиндрах, работницы из Ист-Энда в пышных нарядах, украшенных перьями». Демонстранты требовали 8-часового рабочего дня. На трибуну митинга поднялся Фридрих Энгельс вместе с Лафаргом, Степняком-Кравчинским, Эвелингом и другими социалистическими деятелями. Позже Энгельс писал: «Насколько хватало глаз, видно было одно сплошное море голов. Присутствовало 250-300 тысяч человек, из них свыше трех четвертей составляли рабочие… Это было самое грандиозное собрание из всех когда-либо происходивших здесь… Чего бы я не дал, чтобы Маркс дожил до этого пробуждения».

На следующий год в майской демонстрации в Лондоне приняло участие уже 500 тысяч человек. На майских митингах и демонстрациях все чаше звучал гимн международного социалистического и рабочего движения – «Интернационал», сочиненный в июне 1871 года французским поэтом-коммунаром Эженом Потье и положенный в 1888 году на музыку композитора Пьера Дегейтера. «Интернационал» был впервые исполнен на рабочем празднике в Лилле в июне 1888 года, а затем переведен на многие языки мира. Теперь в разных странах собрания рабочих-социалистов завершались исполнением песни, в которой звучали слова:

«Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем».

Казалось, что рабочее движение под руководством социалистических партий уверенно идет вперед к новым победам, а торжество международной пролетарской революции не за горами.

Глава 5
Разногласия в социалистическом движении

В августе 1891 года в Брюсселе состоялся новый Международный рабочий конгресс, который затем стал считаться 2-м конгрессом II Интернационала. Еще перед началом работы конгресса в Германской социал-демократической партии вскрылись разногласия с некоторыми молодыми членами партии, которые настаивали на более «решительных действиях» руководства, требовали ознаменовать 1 мая всеобщей стачкой. На конгрессе

стало ясно, что не все участники рабочего движения разделяли марксистскую идеологию. Обнаружились резкие разногласия с анархистами. Некоторые из них были удалены с конгресса.

Маркс и его последователи вели борьбу с анархизмом с первых лет своей идейно-политической деятельности. Еще в теоретических работах, написанных до «Коммунистического манифеста», Маркс и Энгельс критиковали анархические взгляды Штирнера, Прудона, а затем во времена I Интернационала боролись с главой анархистского движения М.А. Бакуниным. Анархизм выражал настроения наиболее отчаявшихся слоев трудящихся, стремившихся разом покончить со всеми формами угнетения и немедленного перейти к социалистическому обществу. Анархисты выступали за немедленное уничтожение государства. В своей работе «Государственность и анархия» М.А. Бакунин был категоричен: «Если есть государство, то непременно есть и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо – вот почему мы враги государства». Критикуя анархизм, В.И. Ленин в то же время писал: «Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу отмены государства как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой *цели* необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима диктатура пролетариата». Однако идея «диктатуры пролетариата» отторгалась анархистами. В своей работе «Государственность и анархия» М.А. Бакунин писал: «Мы уже несколько раз высказывали глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работниками если не последний идеал, то по крайней мере как ближайшую главную цель – *основание народного государства,* которое, по их объяснению, будет не что иное, как «пролетариат, возведенный на ступень господствующего сословия»».

Следует заметить, что, критикуя принцип «диктатуры пролетариата», М.А. Бакунин справедливо указал на невнимание социалистов Западной Европы к проблемам крестьянства, третирование его исключительно как «мелкобуржуазную стихию». Справедливо обратил внимание Бакунин и на националистическую подоплеку рассуждений ряда социал-демократов о «ведущей» роли германского рабочего класса в грядущей мировой пролетарской революции, установку на то, что Россия являетя оплотом реакции в Европе. Эти ошибочные рассуждения западноевропейских социал-демократов Бакунин использовал для обоснования своего неприятия положения о диктатуре пролетариата. Он писал: «Если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, остается еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии».

Отрицательное отношение к ведущей роли пролетариата проявилось у Бакунина и его последователей в отрицании ими необходимости в текущей политической борьбе рабочего класса. Эту борьбу Бакунин и другие анархисты стремились подменить подготовкой к социальной революции, или, по их терминологии, «социальной ликвидации», осуществляемой узкой организацией революционеров. С начала 1890-х годов ряд анархистов перешел к методам индивидуального террора. Многочисленные покушения, осуществленные анархистами во Франции, Италии, Швейцарии и других странах, привели лишь к дискредитации идей социализма и усилению репрессий против рабочего движения.

К этому времени в рабочем движении выявились разногласия и с теми, кто выступал против революционных методов и социалистических целей борьбы. Прежде всего против них выступала так называемая «рабочая аристократия». Так называли квалифицированных рабочих, заработная плата которых была существенно выше, чем у большинства. В монографии «Международное рабочее движение» говорилось: «Разрыв между высшими и

низшими заработками рабочих достигал двух-, трех – и четырехкратной величины. На отдельных предприятиях он мог быть и больше. Так, квалифицированные рабочие-сталелитейщики получали в 5 раз больше, чем подручные, работавшие рядом с ними».

В предисловии к своей работе «Положение рабочего класса в Англии», написанном в 1892 году, Фридрих Энгельс писал: «Организации механиков, плотников и столяров, каменщиков являются каждая в отдельности такой силой, что могут даже, как например, каменщики, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 года значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более пятнадцати лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они хозяевами. Они образуют рабочую аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным». По различным оценкам, в конце XIX века к «рабочей аристократии» можно было отнести от 1/6 до 1/4 рабочего класса Англии, до 9 % рабочих Германии.

В монографии «Международное рабочее движение» говорилось: «Английской рабочей аристократии свойственно было отождествлять себя в социальном отношении с ремесленниками, мелкими торговцами, с теми, кого принято было относить к "низшему среднему классу". Стремясь выглядеть достаточно «респектабельно», она старалась подражать им в образе жизни, одежде, поведении. Многие рабочие этого круга имели собственные дома, расположенные в сравнительно благоустроенных районах. По своему жизненному стандарту, да и по всему мировосприятию они действительно подчас мало отличались от мелких буржуа». Поэтому неудивительно, что среди этой части рабочего класса очень многие выступали против многих насущных требований рабочего и социалистического движения. Ветеран английского рабочего движения Т. Манн вспоминал, что когда он поставил вопрос на собрании профсоюза механиков о необходимости 8-часового рабочего дня, то из 80 присутствовавших лишь пятеро поддержали это требование.

Идейным выражением мировоззрения рабочей аристократии стал реформизм. Впервые реформистские идеи проявились в теории и практике Фердинанда Лассаля, основателя Всеобщего германского рабочего союза. Лассаль возлагал неоправданные надежды на решение острейших социальных проблем с помощью производственных кооперативов, создаваемых в условиях капитализма рабочими за счет собственных сбережений. Лассаль выдвинул также требование организации производительных ассоциаций прусской монархией. В этом Лассаль видел путь движения к социализму. Поэтому Лассаль выступал против создания профсоюзов и ведения рабочими экономической борьбы.

Впоследствии в германской социал-демократии реформистские взгляды проявились в движении за «государственный социализм». Выразитель этих взглядов Фольмар утверждал, что с отставкой Бисмарка ликвидировано сопротивление реформам. Он считал, что рабочая партия должна направить силы на проведение в жизнь «позитивной программы действий», которая привела бы к постепенному преобразованию общества в социалистическом стиле.

Во Франции выразителями реформистских взглядов, исходивших из возможности нереволюционного перерастания капитализма в социализм, была группа «независимых социалистов» во главе с А. Мильераном. В Англии идеи реформизма проповедовало Фабианское общество, члены которого (например, супруги Вебб, драматург Б. Шоу) не имели ничего общего с рабочим классом. Они выдвигали идеи постепенного достижения социализма путем реформ, проводимых через парламент и муниципальные органы власти.

Наиболее последовательным выразителем реформистских взглядов стал один из видных деятелей германской социал-демократии Э. Бернштейн. Ревизуя краеугольные положения марксизма, в одной из своих статей Бернштейн писал: «Я говорю открыто, что вижу чрезвычайно мало смысла в том, что обычно разумеют под "конечной целью социализма". Эта цель, какова бы он ни была, для меня ничто, а движение – всё». Бернштейн стал главным идеологом ревизионизма.

Отказ части рабочих и социал-демократов от целей пролетарской революции и построения социализма совпал с расширением контактов между правящими кругами

капиталистических стран и видными социалистическими деятелями. Свидетельством этого были контакты Лассаля с канцлером Пруссии и Германии Бисмарком. В 1899 году А. Мильеран вошел в состав правительства Франции. Это положило начало течению в среде французских социалистов – «министериализму».

Разногласия в рядах социалистического движения относительно целей и методов борьбы, а также по отношению к существующему строю и правительствам возникли в то время, когда усилилась милитаризация капиталистических стран. Анархисты на 2-м конгрессе II Интернационала требовали «на всякое объявление войны ответить призывом народа к всеобщей стачке», что было нереальным в тогдашней обстановке. В то же время реформисты постепенно отказывались от борьбы с капиталистическим строем и становились на его службу. Эти разногласия показывали, что международное социалистическое движение не является однородным по своим взглядам что служило предвестником грядущих перемен и расколов в его рядах.

Глава 6
Мир вступает в эпоху империалистических войн

К этому времени развитие капиталистических отношений привело к обострению противоречий между капиталистическими государствами в их борьбе за источники сырья, рынки сбыта, политическое влияние в различных регионах мира. Одновременно рост производительных сил нашел выражение в растущей разрушительности средств ведения войны.

Проявлением этих черт развития капитализма в конце XIX века стала Франко-прусская война 1870-1871 годов. Война, в ходе которой Франция потерпела сокрушительное поражение, сопровождалась большим числом жертв с обеих сторон. Кроме того, в монографии французских историков под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо отмечалось: «Строжайшими, беспощадными репрессиями (немецким) войскам была гарантирована безопасность от нападений… Вольные стрелки (т. е. французские партизаны. – *Примеч. авт.)* были объявлены вне военных законов, и те селения, где ими был убит или ранен немец, несли круговую ответственность и карались с крайней строгостью. Абли, Этрепаньи, Шеризи, а также деревни Мезьер, Пармен, Даннемуа и Муаньи в окрестностях Манта были сожжены… Немцы вообще довели систему военного террора до совершенства. Они брали заложников из среды гражданского населения и отсылали их в Германию. Они сажали на паровозы местных нотаблей – мэров, муниципальных советников, крупных землевладельцев, – чтобы удерживать вольных стрелков от покушений на поезда. Мансийских рабочих заставили работать в принудительном порядке, пригрозив в случае отказа расстрелом всех старших мастеров». Комментируя эти слова, советский историк Е. Тарле писал в 1938 году: «Зверства германских войск, организованные и деятельно поощряемые командованием, были планомерной системой терроризирования местного населения. За весь XIX век в 1870-1871 годах впервые над населением проделывались такие неистовства».

Но если такие репрессии в Европе были еще в новинку, то за пределами европейского континента массовые жестокие расправы колонизаторов творились в XIX столетии постоянно и отнюдь не только немцами. Покорение французами Алжира в 1830-1845 гг. осуществлялось вопреки упорному сопротивлению местного населения, во главе которого стоял Абд-аль-Кадир. В ходе колониальной войны французские войска применяли тактику «выжженной земли».

Однако уже в 1848 году вспыхнуло новое восстание против колонизаторов. Центром восстания стал оазис Заача. После захвата оазиса французскими войсками под руководством полковника Карнобера, как сказано в монографии «История XIX века», «победители не пощадили ни одного из защитников Заачи». Е. Тарле добавлял: «Были перебиты даже женщины с грудными детьми. Надо заметить при этом, что Карнобер считался гуманнейшим

из всех действовавших в Алжире французских генералов. Можно по этому судить, каковы были не столь милосердные, как он, другие покорители Алжира – Пелисье, Сент-Арно, Бюжо. Эти зверства продолжались в течение всего царствования Наполеона III и несколько даже обострились в начале Третьей республики, в годы завоевания Туниса».

Тарле отмечал: «Время усмирения восстаний 1861-1866 годов было страшным временем *идя* арабов. Французские солдаты и офицеры забирали буквально всё, что только могли унести, угоняли стада у немирных и у подозреваемых мирных арабских племен. Голод 1867 года был подготовлен этим долгим, систематическим грабежом». В монографии Лависса и Рамбо говорилось: «Множество голодающих толпилось на дорогах, у околиц деревень и городских ворот, всюду оставляя трупы. К голоду присоединился тиф… Погибло до 300 000 арабов».

Завоевание Алжира позволило Франции продолжить экспансию на Восток и в 1881 году захватить Тунис после тяжелой и кровопролитной войны. Последняя треть XIX века ознаменовалась завершением раздела Африки между ведущими колониальными державами Западной Европы. Если к началу 70-х годов европейским державам принадлежало 11 % всей территории Африки, то через тридцать лет свыше 90 % всего континента оказалось в руках восьми европейских стран (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Португалия, Бельгия) вопреки упорному сопротивлению народов Африки.

В течение большей части XIX века и в начале XX века в различных частях Африки одновременно велись колониальные войны. Некоторые из них длились десятки лет. Заплатив сотнями тысяч жизней, африканцы вынуждены были уступить под натиском хорошо вооруженных и хорошо обученных солдат. Захват Африки открыл колонизаторам новые возможности для обогащения за счет использования естественных богатств и установления контроля над торговыми путями. Одновременно колониальные державы стремились завладеть выгодными позициями в военно-стратегическом отношении. На покоренных африканских землях колонизаторы вводили систему эксплуатации, более жестокую, чем в метрополии, не считаясь ни с какими правилами охраны труда и безопасности на производстве.

Стремление капиталистических стран Запада завладеть стратегически важными маршрутами и при этом беспощадно эксплуатировать труд местного населения проявилось в деятельности «Всеобщей компании морского Суэцкого канала». За 10 лет строительства Суэцкого канала (1859-1869), позволившего открыть прямую морскую связь между Атлантическим и Индийским океанами через Средиземное и Красное моря, от непосильного труда и эпидемий погибло 120 тысяч строителей. За каждые три метра канала (его длина составляет 173 километра) заплатили своими жизнями два строителя.

Хотя компания Суэцкого канала стала совместным англофранцузским предприятием, Англия предпринимала усилия для укрепления своих позиций в зоне канала и во всем Египте. В 1881 году англичане подвергли 10-часовому обстрелу с моря Александрию, которая затем была захвачена. В 1882 году ими был захвачен и Каир. С этого времени началась английская оккупация Египта. Захват Египта стал важным звеном в ходе осуществления английского плана установления полосы колониальных владений от Каира до Кейптауна.

Осуществляя этот план, англичане попытались овладеть Восточным Суданом. Упорная борьба в течение 18 лет народов Судана под водительством Мухаммеда Ахмеда (Махди), а после его смерти под руководством его последователей потребовала немалых усилий англичан, сумевших лишь в конце 1898 года разбить восставших суданцев и занять их центр – Омдурман, а также столицу Судана – Хартум. В 7-м томе «Всемирной истории» сказано: «Победители подвергли беззащитный город (Омдурман) страшному разгрому. На стенах Омдурмана и Хартума были выставлены отрубленные головы пленных. Прах Махди извлекли из мавзолея и сожгли в топке парохода».

Тем временем французские колонизаторы продолжили расширять свои захваты на западе континента. Рассказывая о покорении французами Сенегала и земель, расположенных

к западу от него, в 50-х годах XIX века, французские историки оценивали захватнические действия под руководством губернатора Сенегала Федэрба как «оборонительные». Комментируя эти слова, Е. Тарле писал: «Не было племени, которое бы раз по десять не просило бы Федрэба о мире, но французский захватчик, проводя свою "великую идею"… не хотел и слышать о каких бы то ни было условиях, кроме полнейшего подчинения французам с наложением дани и с выдачей заложников. "Великая идея" заключалась в том, чтобы успеть захватить Центральную Африку раньше, чем англичане опомнятся и смогут организовать противодействие. Перед ужасами, которым подвергались туземцы Центральной Африки при этом захвате, меркнет всё, что испытали, например, алжирские арабы».

Стремясь создать непрерывную полосу своих владений в Африке от Атлантического до Индийского океана, французские колонизаторы разгромили африканские государства, расположенные к западу от Сенегала. Сопротивление французам в Западном Судане продолжалось полвека и было окончательно сломлено лишь в 1898 году.

Когда англичане двинулись на юг Судана, то обнаружили там, в городе Фашода, французский отряд. Дело чуть не дошло до крупного вооруженного конфликта. В конечном счете французы уступили: им так и не удалось протянуть непрерывную полосу своих владений через Африку с запада на восток. Зато англичане продвинулись в своей экспансии с севера на юг африканского континента.

Только после серии англо-ашантийских войн, войн французских колонизаторов против народов Дагомеи, германских военных походов в Камеруне и Того, Англия, Франция и Германия установили колониальный режим в Западной Африке. В ходе двух войн французские колонизаторы сумели установить колониальный режим на Мадагаскаре в 1895 году, однако сопротивление захватчикам не прекращалось. Лишь в Эфиопии народ этой страны сумел отстоять свою независимость перед лицом агрессии Италии, захватившей к этому времени Сомали и Эритрею.

В захвате африканских земель приняла участие и маленькая Бельгия. По инициативе бельгийского короля Леопольда II была создана Международная ассоциация Конго, преобразованная в 1885 году в Свободное государство Конго. Главой нового государства стал король Леопольд И. Фактически весь бассейн Конго стал бельгийской колонией. Разоблачая жестокость методов эксплуатации Конго, Марк Твен в своем памфлете «Монолог короля Леопольда в защиту его величества в Конго» писал о том, как бельгийские власти облагают «население непомерными, прямо-таки грабительскими налогами, и туземцы, добывая каучук в невероятно тяжких, с каждым днем все более тяжких условиях, не могут заработать даже на налоги и должны сдавать все, что они вырастили на собственных клочках земли; а когда… изнемогая от непосильного труда, голода и болезней, отчаявшиеся люди бросают родной кров и бегут в леса, спасаясь от наказаний… чернокожие солдаты, завербованные» бельгийцами «из враждебных племен, по наущению и под руководством… бельгийцев устраивают облавы, безжалостно убивают их, сжигают деревни».

Марк Твен приводил строки из книги английского священника А.Э. Скривенера, который описал, каким образом местных жителей Конго заставляли собирать каучук. Как писал священник, жителей заставляли выполнять эту работу бесплатно и под угрозой оружия. Тех, кто отказывался идти в лес за каучуком, расстреливали на месте. «Вот падает один, за ним другой, на глазах у жен и товарищей. Поднимается неистовый плач, люди просят отпустить их похоронить убитых, но им не разрешают. Всем немедленно отправляться на работу! Как, без пищи? Да, вот так! Несчастных угоняли в лес, не дав им захватить даже огнива. Многие умерли в лесах с голоду и погибли от непогоды, но еще больше пало жертвами собственных солдат местного гарнизона. Несмотря на все усердие людей, сбор каучука падал, и многим это стоило жизни. Меня водили по всей местности, показывали, где прежде находились деревни их вождя. По точным подсчетам, здесь в радиусе около четверти мили, жило семь лет назад две тысячи человек. Сейчас едва ли насчитывается двести, и они так угнетены и подавлены, что быстро вымирают».

«Неподалеку от дома, где я остановился, прямо на траве, валялось много человеческих черепов, костей и целых скелетов. Я насчитал 36 черепов и заметил также немало скелетов без головы. Подозвав местного жителя, я спросил, что это означает. Он объяснил мне: "Пока белые вели с нами переговоры насчет каучука, солдаты перестреляли столько народу, что нам надоело хоронить, а очень часто нам это даже запрещали; приходилось оттаскивать мертвецов в траву и оставлять там". Но я уже повидал более чем достаточно и не в силах был больше слушать рассказы мужчин и женщин о пережитых ими ужасах. Болгарская резня – пустяки по сравнению с тем, что творилось здесь!»

Британский консул Кейзмент сообщал: «Каждый раз, когда капрал отправляется за каучуком, ему дают патроны, и все не стрелянные он обязан вернуть, а за каждый стрелянный – доставить отрубленную правую руку… В районе реки Мамбонго израсходовано за 6 месяцев 6000 патронов; это означает, что 6000 человек было убито или ранено. Впрочем, даже больше, так как я не раз слышал, что солдаты убивают детей прикладами».

Колониальные захваты и укрепление колониального режима продолжались и в Азии. С конца 1850-х годов французские колонизаторы начали покорять Вьетнам. Однако продвижение колониальных экспедиций в глубь страны было нелегким. Вьетнамцы оказывали упорное сопротивление. В монографии «История XIX века» признавалось: «Французские войска изнурялись в бесцельной погоне за неуловимым врагом, образованный класс находился в состоянии непрерывного заговора, сельская масса… была не уверена в завтрашнем дне и потому держалась если не враждебно, то во всяком случае недоверчиво». Каждый взятый город давался ценой больших жертв как со стороны вьетнамцев, так и французов.

К югу от Индокитая расширяли свои владения в Индонезии голландские колонизаторы. Эдвард Деккер, ставший свидетелем того разбоя, который творили его соотечественники в Голландской Индии, опубликовал в 1860 году книгу «Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества». К этому времени всем в Голландии было известно, что процветание этой страны в значительной степени обеспечено доходами от кофе, какао, пряностей, сахара, которые везли из Явы, Суматры, Целебеса (Сулавеси). В своей книге Деккер объявлял: «Голландия занимается разбоем. Каждый мешок кофейных зерен – это обездоленная семья. Каждый ящик сахара – умирающие дети».

Хотя разоблачения Деккера вызвали шок в Западной Европе, они не остановили голландских колонизаторов. На севере Суматры голландцы с 1873 года осуществляли завоевание Ачхе, продолжавшееся из-за упорного сопротивления местного населения более 30 лет. Вооруженным путем были покорены острова Бали, Ломбок и другие территории. На завоеванных землях голландцы устанавливали систему эксплуатации труда населения путем введения системы принудительных культур. В пятом томе «Советской исторической энциклопедии» говорится: «Жесточайшая эксплуатация обрекла целые районы Явы на голод, принесла населению бедствия, усугублявшиеся монополией на соль, опиум и т. д., высокими пошлинами на ввозные товары». Восстания индонезийцев против колониального гнета беспощадно подавлялись.

К северо-западу от Индонезии и к западу от Индокитая в Бирме осуществлялась экспансия английских колонизаторов. В ходе трех англо-бирманских войн (1824-1826,1852,1885) захватчикам оказывалось упорное сопротивление. Однако силы были неравными, и к 1885 году Бирма оказалась под властью английских колонизаторов.

Свидетельством непрочности колониального режима стало «сипайское» восстание в Индии против английских колонизаторов (1857-1859 гг.). Колонизаторы беспощадно подавляли восстание. После захвата Алахабада там было казнено 6 тысяч человек. Карательные отряды превращали деревни в развалины, грабили, истязали и вешали крестьян, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. Взяв Канпур, англичане казнили 10 тысяч жителей этого города. Когда же англичане после долгой осады овладели Дели, то за этим последовала свирепая расправа над безоружными жителями. Губернатор Бомбейской провинции лорд

Эльфинстон писал в частном письме: «Преступления, совершенные нашей армией после взятия Дели, неописуемы. Мы обрушили месть поголовно на всех – и на друзей и врагов». В монографии «История XIX века» сказано: «Все население Дели было на некоторое время изгнано из города; индусам вскоре позволили вернуться, но по отношению к мусульманам обнаружили больше злопамятства. Город и его округ целый год оставался на осадном положении. Здесь было совершено множество казней, часто бесчеловечных: повстанцев привязывали к дулам заряженных пушек, из которых затем стреляли».

В ходе подавления восстания погибли сотни тысяч человек. Многие села и города Индии были обращены в руины. Множество людей лишились имущества. Следствием этой войны явился страшный голод в Индии, погубивший миллионы людей.

Одновременно Англия предпринимала попытка подчинить себе Китай. Еще в конце XVIII века английская Ост-Индская компания стала ввозить в Китай опиум, производившийся в Бенгалии. Распространение наркотика и его продажа англичанами быстро росли (от нескольких тысяч ящиков в год в начале XIX века до 40 тысяч ящиков в 1838 году). Как отмечалось в шестом томе «Всемирной истории», «опиум быстро стал основной и наиболее доходной статьей английской торговли с Китаем. Поскольку эта торговля оказалась для англичан весьма прибыльной, вслед за ними стали ввозить опиум в Китай торговцы США, а также Португалии и других стран… Усиленный ввоз опиума привел к массовому распространения опиокурения в Китае, к разрушению здоровья сотен тысяч китайцев и к утечке из страны огромного количества серебра».

Попытки китайского правительства пресечь торговлю опиумом привели к так называемой первой опиумной войне Англии против Китая (1840-1842 гг.). Вооруженные по последнему слову техники английские войска одерживали победы над плохо вооруженными китайскими войсками. Китай был вынужден подписать в 1842 году кабальный Нанклнский договор, в соответствии с которым Англия получила право на почти беспошлинную торговлю в Китае, а Гонконг был передан Англии на вечное пользование. Китаю была навязана обременительная денежная контрибуция. Продажа опиума в Китай еще более возросла и достигла 55,6 тысячи ящиков в 1851 году.

Посетивший Китай в конце 1853 года русский писатель И. А Гончаров писал, что «за опиум… китайцы отдают свой чай, шёлк, металлы, лекарственные, красильные вещества, пот, кровь, энергию, ум, всю жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берут все это, обращают в деньги и также хладнокровно переносят старый, уже заглохнувший упрек за опиум. Они, не краснея, слушают его и ссылаются одни на других. Английское правительство молчит – одно, что остается ему делать, потому что многие, стоящие во главе правления лица сами разводят мак на индийских своих плантациях, сами снаряжают корабли и шлют в Янсекиян… Английское правительство оправдывается тем, что оно не властно запретить сеять в Индии мак, а присматривать-де за неводворением опиума в Китай – не его дело, а обязанность китайского правительства… Бестыдство этого… народа доходит до какого-то героизма, чуть дело коснется до сбыта товара, какой бы он ни был, хотя яд!.. Но что понапрасну бросать еще один слабый камень в зло, в которое брошена бесполезно тысяча? Не странно ли: дело так ясно, что и спору не подлежит; обвиняемая сторона молчит, сознавая преступление, и суд изречен, а приговора исполнить некому!» Писатель возмущался тем, что англичане не признают китайцев за людей, «на их же счет обогащаются, отравляют их да еще и презирают свои жертвы!»

Разорение Китая иностранцами при попустительстве, а часто и соучастии местных властей стало причиной так называемого тайпинского восстания 1851-1864 годов. Заняв Нанкин, тайпины разрешили свободный ввоз иностранных товаров в Китай, но запретив торговлю опиумом. Это стало главной причиной второй опиумной войны (1856-1860). На сей раз Англию поддержали Франция и США. В конце октября 1856 года английская эскадра подвергла Гуанчжоу бомбардировке, в результате которого в городе было сожжено около 5 тысяч домов. К военным действиям англичан присоединились и американцы, которые без объявления войны обстреливали форты в Гуанчжоу и истребляли местные деревни.

В 1858 году в Тяньцзине были подписаны англо-китайский и франко-китайские договоры, в соответствии с которыми была легализована торговля опиумом. Однако после того как англичане и французы направили военную эскадру из 19 кораблей по реке Байхэ в нарушение договора, китайцы открыли по ним огонь. В ответ иностранная интервенция была возобновлена. Английская «Дейли телеграф» писала: «Так или иначе, нужно действовать террором, довольно поблажек!.. Китайцев надо проучить и научить ценить англичан, которые выше их и которые должны стать их господами».

В 6-м томе «Всемирной истории» говорится: «В июне 1860 года англо-французские войска развернули военные действия на Ляодунском полуострове и в Северном Китае. Они захватили Тяньцзинь, подвергнув его жителей ограблению и насилиям… Путь на столицу Китая был открыт. Войска, которыми командовал лорд Элгин, разграбили сокровища знаменитого Летнего дворца императоров и затем сожгли его, чтобы скрыть следы своих преступлений». Отвечая английскому капитану Батлеру, назвавшему военную экспедицию в Китай доблестной и почетной, Виктор Гюго сравнил Англию и Францию, которые разграбили и подожгли Летний дворец, с двумя бандитами: «Один из победителей набил карманы, другой, глядя на него, наполнил сундуки; и оба, взявшись за руки, довольные вернулись в Европу. Такова история двух бандитов».

Захваты земель в других частях света сопровождались притоком колонистов из европейских метрополий в эти покоренные земли. Часть рабочих из Парижа после восстания 1848 года вывезли в Алжир, где им предоставили земли, захваченные у арабов. Постоянный приток колонистов направлялся из Великобритании в ее заокеанские владения (Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Африка и другие страны). Если в 1783 году в этих странах проживало 50 тысяч выходцев с Британских островов и Ирландии, то к середине XIX века их уже было полтора миллиона. С 1846 года по 1870 год более 4 600 000 эмигрантов покинули Соединенное Королевство.

Зачастую эмиграция была вызвана безысходностью положения людей у себя на родине. Так, причиной для массовой эмиграции из Ирландии стал голод. Он был вызван болезнью картофеля, погубившей урожай. В монографии «История XIX века» говорится: «Голодающие питаются травой и мхом, собирают отбросы в городах; на дорогах валяются трупы ирландцев, умерших от недоедания; целыми толпами ирландцы уезжают в Америку. В 1846 году на общее число 130 000 эмигрантов из Соединенного Королевства ирландцев приходилось 110000… В 1847 году была сделана попытка направить поток ирландской эмиграции в Канаду. Несчастные набивались битком на первые попавшиеся суда; дельцы-предприниматели перевозили их на разваливающихся кораблях, без лекарств, без врачей; почти в каждой партии обнаруживалась чахотка, заразные болезни, лихорадка; более шестнадцати процентов эмигрантов умирали на судах или в карантинах, где их выдерживали по прибытии».

Эмиграция была нередко и насильственной. До 1868 года местом ссылки служила Австралия, куда было сослано около 155 тысяч человек, в том числе и за политические преступления (чартисты, участники ирландских восстаний).

Однако многие из колонистов, ставших жертвами политических репрессий, или бежавших от нищеты на родине и с риском для жизни преодолевших дальний путь, оказавшись в колониях, проявляли крайнюю жестокость по отношению к местному населению. Выходцы из Великобритании беспощадно уничтожали местное население Австралии. Если к началу колонизации Австралии число местных жителей (аборигенов) составляло около 300 тысяч человек, то в течение XIX века оно сократилось в 5-6 раз. Оставшихся в живых аборигенов загоняли в резервации. Местное население большого острова Тасмания было уничтожено полностью.

Массовый приток колонистов в Новую Зеландию после обнаружения на Южном острове золота (в 1868 году число выходцев из Европы составило 225 тысяч человек) сопровождался захватом земель местного населения (маори), составлявшего около 300 тысяч человек. В отличие от австралийских аборигенов маори оказали упорное сопротивление

пришельцам. В 1848-1872 годах на островах Новой Зеландии не прекращались так называемые маорийские войны, которые, по словам монографии под редакцией Лависса и Рамбо, «были продолжительны и кровопролитны… Число туземцев сильно уменьшилось в результате войны и вызванного ею голода. Одно племя с 18 000 человек сократилось до 2279. В 1867 году общее число туземцев исчислялось в 38 000».

Изгнанием местного населения, его физическим уничтожением было отмечено и продвижение колонистов в Южной Африке. Еще в середине XVII века в ходе колонизации Южной Африки голландскими переселенцами началось оттеснение в пустынные районы и истребление местного населения (бушмены и готтентоты). В конце XVIII века к завоеванию Юга Африки присоединились и англичане, вскоре захватившие Капскую колонию. Однако племя коса оказывало упорное сопротивление колонизаторам. Следствием этого явилась череда так называемых кафрских войн, продолжавшихся более 100 лет (с конца 70-х годов XVIII века до начала 80-х годов XIX века). Обострение противоречий между потомками голландских колонистов (африканеров, или буров) и английскими колонистами привело к массовому перемещению буров на север, что сопровождалось изгнанием ими племен коса, басуто, зулу и других с их земель. Открытие алмазов на берегу реки Оранжевая, а затем золота в Трансваале привело к усилению притока эмигрантов, жаждавших быстрого обогащения. Добыча золота и алмазов стала монопольным делом компании «Де Бирс», во главе которой стоял Сесиль Родс, ставший в 1890 году премьер-министром Капской колонии.

Родс был инициатором продвижения английской колониальной экспансии на север. В ходе военных действий против местных племен в 90-х годах, как признавалось в монографии «История XIX века», «было убито множество туземцев, много их также было задушено дымом в пещерах». Е. Тарле прокомментировал эти слова: «Когда во французской прессе («Журналь де Деба», «Матэн» и др.) выражалось возмущение по поводу варварского удушения туземцев дымом в пещерах, то английские газеты во главе с «Тайме» поспешили напомнить, что англичане в данном случае являются лишь учениками французского генерала Пелисье, который еще в начале сороковых годов изобрел этот способ борьбы с туземцами во время завоевания Алжира. Французы отвечали, что они теперь порицают Пелисье, на что англичане (в «Дейли мейл») ответили: «И мы тоже через пятьдесят лет будем порицать наших генералов». По свидетельству Тарле, в ходе этой войны было истреблено «по скромному подсчету 200 000 туземцев». По словам историка, было осуществлено «*планомерно проведенное* уничтожение населения, которое молило о мире и пощаде в 1893 году и которое продолжали вырезывать до весны 1897 года».

Продолжалось уничтожение индейского населения и в Америке. В 1840-х годах почти все индейские племена были изгнаны за Миссисипи. В ходе этого изгнания одно из самых больших племен, чироки, потеряло 4 тысячи человек из общей численности в 14 тысяч. Некоторые же племена были поголовно истреблены. Но вскоре и на Западе США началось изгнание индейцев с их земель. Историк Бирд писал: «Против индейцев был предпринят военный поход, который длился четверть века и навсегда разрешил эту давнюю проблему. За это время произошло свыше тысячи вооруженных столкновений, из которых многие были крайне ожесточенными и кровопролитными… Все эти столкновения неумолимо вели к вытеснению краснокожих с земель, на которые зарились фермеры, старатели и строители железных дорог». Американские поселенцы на Западе истребляли стада бизонов, чтобы лишить индейцев пропитания. В итоге индейцы были побеждены и загнаны в резервации.

Продвижение Соединенных Штатов на запад сопровождалось не только войнами против индейских племен. В ходе войны против Мексики 1848 года Соединенные Штаты захватили половину мексиканской территории. В 1863-1887 годах Франция предприняла попытку захватить оставшуюся часть Мексики. Однако марионеточный режим императора Максимилиана I, опиравшийся на французских интервентов, был свергнут мексиканским народом в ходе кровопролитной войны.

В Западном полушарии происходили также войны между освободившимися в начале

XIX века бывшими колониями Испании и Португалии. Одной из наиболее кровопролитных стала Парагвайская война 1864-1870 годов, в которой против Парагвая воевали Бразилия, Аргентина и Уругвай. В результате войны Парагвай потерпел поражение, страна оккупирована и 4/5 его населения было истреблено. Историк Кроу писал: «Страна вышла из войны совершенно разоренной; поля были опустошены, мужское население уничтожено, города разрушены; физические силы и дух населения сломлены… Из населения, насчитывавшего в начале войны около 1337 тысяч, в Парагвае после заключения мира осталось всего 220 тысяч и в их числе только 28 750 мужчин. После этого беспримерного разгрома страна так никогда и не оправилась».

Конфликты между странами Латинской Америки и внутренние конфликты в этих странах между противоборствующими политическими группировками в верхах, сопровождавшиеся большим количеством жертв, использовались крупными капиталистическими странами для укрепления своего влияния в этом регионе. В ходе борьбы с Англией и Францией за овладение стратегически важным Панамским перешейком США организовали отторжение от Колумбии провинции Панамы, а затем подписали с правительством этой новой страны договор о строительстве канала, соединившего Тихий океан с Атлантическим. Как и при строительстве Суэцкого канала, число жертв среди строителей было огромным – 60 тысяч человек. Таким образом, на каждые 4 метра канала общей длиной в 81,6 километра приходилось 3 погибших строителя.

Стремясь упрочить свое положение в Карибском море, США развязали в 1898 году войну против Испании, сохранившей часть своих владений в Америке (острова Куба и Пуэрто-Рико в Карибском море). Впрочем, война шла и на Тихом океане, где испанцы владели рядом островов, включая Филиппины. Бывшие испанские владения перешли к США. Хотя Куба получила номинально независимость, фактически она на долгие годы оказалась под американским протекторатом.

Местное население на Филиппинах поддерживало американцев в их войне с испанцами. Однако, когда США попытались установить на островах свой колониальный режим, народ Филиппин не пожелал менять испанское владычество на американское и поднялся на борьбу за независимость. Война против филиппинского народа (1899-1901 гг.) велась с исключительной жестокостью. Американские войска сжигали поселения, опустошали целые районы, беспощадно расправлялись с местным населением. По приказу командующего американскими войсками на Филиппинах генерала Отиса каратели прибегали к массовым расстрелам, а также пыткам пленных и мирных жителей. В своем памфлете «Человеку, ходящему во тьме» Марк Твен привел письмо американского солдата в штат Айова своей матери. В нем говорилось: «В живых мы не оставили никого. Раненых приканчивали на месте штыками».

В другом своем очерке «В защиту генерала Фанстона» Марк Твен писал: «Вспомним, например, о страшных пытках водой, которым подвергали филиппинцев, чтобы вынудить у них признания… о всех тех зверствах, которые наше военное министерство скрывало от нас год или два, и о прогремевшем на весь мир приказе генерала Смита проводить *массовую резню* на Филиппинах; содержание приказа было передано печатью на основе показаний майора Уоллера: «Жгите и убивайте, теперь не время брать в плен. Чем больше вы убьете и сожжете, тем лучше. Убивайте всех, кто старше десятилетнего возраста. Превратите Самар в голую пустыню»».

Методы, которые применяли США на Филиппинах, были обычными в колониальных войнах. Новым было, пожалуй, то, что испано-американская война и покорение американцами Филиппин открыли эпоху империалистических войн, когда ведущие державы мира стали делить уже поделенный мир. Одной из первых империалистических войн стала и англо-бурская война (1899—1902 гг.).

Еще задолго до начала этой войны Великобритания и Германия стремились завладеть землями республик Оранжевая и Трансвааль, на которых были открыты огромные запасы золота и алмазов. (К концу XIX века на бурские республики приходилось 28 % мировой

добычи золота.) Кроме того, и та и другая держава строили грандиозные планы, исходя из важного стратегического положения бурских республик. В Германии многие видные деятели мечтали о создании «Новой Великой Германии», собираясь соединить германскую Юго-Западную Африку с землями бурских республик. Правящие круги Великобритании и прежде всего министр колоний Джозеф Чемберлен стремились укрепить пояс английских колоний от мыса Доброй Надежды до Порт-Саида.

На первых порах буры одержали успехи в военных действиях против англичан. Однако численный и технический перевес английских войск (у англичан было 450 тысяч солдат; у буров – 60 тысяч) способствовал продвижению англичан в глубь территорий республик. Буры вели против оккупантов партизанскую войну. В ходе войны англичане действовали в отношении белых африканских жителей так же жестоко, как они и другие колонизаторы поступали с представителями «цветных» народов Азии, Африки, Америки, Океании. В ходе контрпартизанских действий против буров англичане стали создавать систему блокгаузов – укрепленных пунктов, находившихся вблизи друг от друга и прикрывавших пути сообщения, главным образом железные дороги. Из блокгаузов велся огонь по любой движущейся цели, и всякий приближавшийся к полотну железной дороги расстреливался на месте. Сменивший в ноябре 1900 г. лорда Робертса на посту главнокомандующего лорд Китченер, прославившийся своим жестоким подавлением движения Махди в Судане, приказал сооружать концентрационные лагери. В эти первые в мире концентрационные лагеря заключали женщин, детей, стариков, находившихся в родстве с повстанцами. Тысячи людей умирали в них от голода и болезней. Только детей, погибших от голода в концлагерях, было свыше 20 тысяч.

Лорд также взял на вооружение тактику «выжженной земли»: фермы буров сжигали, их скот угоняли. Используя свое численное преимущество, англичане методически загоняли отряды повстанцев в загоны из колючей проволоки и принуждали их к сдаче. В конечном счете буры были вынуждены сложить оружие. Так на рубеже XIX и XX веков завершилась одна из первых империалистических войн.

Чтобы оправдать применение самых бесчеловечных методов угнетения других народов или их тотального уничтожения были разработаны расистские лжетеории. Для оправдания практики расизма американский антрополог С.Дж. Мортон и его ученики, фальсифицируя данные науки, выдвинули в 40-х – 60-х годах XIX века «теорию», утверждавшую, что негры представляют особую, примитивную разновидность людей.

Расистские теории активно использовались не только для оправдания национального угнетения и политики геноцида в отношении других народов, но и для обоснования классового господства. В 50-х годах французский социолог А. Гобино объявил причиной социального неравенства антропологические расовые различия. Он провозгласил превосходство германской расы. Развивая взгляды А. Гобино, французский антропосоциолог В. де Лапуж в своих книгах, опубликованных в конце 90-х годов, утверждал, что господствующие классы Франции принадлежат к долихоцефалам (длинноголовым), а трудящиеся – к брахицефалам (короткоголовым). В своих трудах англичанин Х. Чемберлен развивал идеи о превосходстве германской расы.

На деле переход к империалистическим войнам знаменовал не расовое превосходство победителей в этих войнах над остальным человечеством, а их моральную деградацию. Говоря о генерале Фанстоне, который был одним из американских карателей на Филиппинах, Марк Твен справедливо обращал внимание на моральное падение тех, кого в США считали «защитниками Отечества» и «патриотами Америки». Писатель с горькой иронией замечал: «Ведь не сам же Фанстон создал свою натуру. Он с ней родился! Она, то есть натура, подбирала ему общество и товарищей по своему вкусу и заставляла водить компанию только с ними, а всех остальных отвергать… Его натуру всегда тянуло к моральному шлаку… С молодым задором она наблюдала, как гибнут простодушные люди, откликнувшиеся на ее зов, когда она, теряя силы, молила о пище. Без сожаления она читала укор в их гаснущем взоре… Она уполномочила действовать за себя генерала Фанстона,

своего верного слугу от рождения; прикрывшись формой американского солдата и шествуя под сенью американского флага, она творила свое черное дело, показывая пример чудовищной неблагодарности и вероломства. И вот теперь она возвращается домой учить наших детей ПАТРИОТИЗМУ! Итак, генерал Фанстон перед нами; он существует, и мы за него отвечаем. Встает вопрос, что нам с ним делать, как бороться с этой катастрофой?»

Моральная «катастрофа», о которой писал Марк Твен, произошла не только с Америкой, но и со всем миром. Однако в тогдашнем мире многие не замечали падения в бездну бесчеловечности, так как внимание общества было зачаровано достижениями промышленного и научно-технического прогресса XIX и начала XX века. XIX век, который открывался как век пара, завершался как век электричества, которое применялось не только в быту, но и в промышленности. С 70-х годов XX века до 1917 года протяженность железных дорог в мире возросла в 4 раза. Тоннаж парового флота с середины XIX века к 1913 году вырос в 33 раза. Был изобретен двигатель внутреннего сгорания и появились первые автомобили. В начале XX века в воздух поднялись первые самолеты, которые держались в воздухе несколько минут, а уже к 1914 году самолеты могли развивать скорость в 200 км в час и лететь на расстояние в 1000 км. В начале XX века люди впервые ступили на Северный и Южный полюса. К началу века в быт развитых стран мира вошел телефон и стал популярным кинематограф. Была изобретена звукозапись. В конце столетия было изобретено радио. На рубеже веков Беккерель открыл существование радиоактивности, супруги Кюри получили первые граммы радия из ураносодержащей руды, а Альберт Эйнштейн выдвинул теорию относительности.

Но научно-технический и промышленный прогресс проявлялся и в растущем совершенствовании средств уничтожения людей. Дальнобойность и скорострельность оружия резко возросли. Станковые пулеметы, изобретенные в 80-х годах XIX века, были взяты на вооружение многими армиями мира уже в первые годы XX века. Были созданы автоматические винтовки. Самолеты строились не только для быстрой перевозки людей на дальние расстояния, но и для бомбардировок мирных городов. На верфях закладывались все более мощные боевые корабли. Создание двигателя внутреннего сгорания и электродвигателей позволило наладить производство подводных лодок. В начале XX века были разработаны первые проекты бронированных вездеходных машин на гусеничной тяге, а через десяток лет началось производство первых танков. В различных странах создавались удушливые, слезоточивые, нарывные и другие ядовитые газы. Позже В.И. Ленин констатировал: «Первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней». В восьми крупнейших государствах мира только за 1908-1913 гг. военные расходы увеличились на 25 %. Только прямые военные государственные расходы в расчете на душу населения превышали затраты на народное образование в Италии и Германии в 4 раза, во Франции – в 5,5 раза, в Англии – в 6 раз.

Учащавшиеся в начале XX века международные кризисы (боснийский 1908 г., марокканский 1911 г.), локальные войны (итало-турецкая 1911-1912 гг.; балканские 1912-1913 гг.) не раз грозили перерасти во всеобъемлющий глобальный конфликт. Первыми жертвами в локальных войнах были люди из простого народа, взятые на военную службу. Только в ходе ливийской кампании 1911-1912 годов Италия понесла потери в 70 тысяч человек. В грядущей мировой войне счет жертв трудящихся стран земного шара пошел бы на миллионы. По этой причине социал-демократические партии всего мира все активнее выступали против милитаризации и предупреждали правящие классы о своем стремлении сорвать исполнение их захватнических планов. На каждом конгрессе II Интернационала принимались резолюции, осуждавшие подготовку к войне, а во многих странах Западной Европы социал-демократы организовывали массовые выступления против милитаризма и подготовки к войне. Деятельность созданных в конце XIX века первых молодежных социалистических организаций (первой была создана в 1886 году организация бельгийской социалистической молодежи «Молодая гвардия») была в значительной степени связана с

антивоенной пропагандой и работой среди солдатской молодежи.

Одновременно социал-демократическое движение не прекращало борьбы за решение насущных проблем рабочего класса. Промышленный и научно-технический прогресс не привел к существенному облегчению положения рабочих. Более того, поскольку новая техника использовалась капиталистами прежде всего для извлечения все больших прибылей, ее применение сопровождалось интенсификацией труда рабочих. Это вело к увеличению числа несчастных случаев на производстве. Если в Англии в 1904 году число погибших на производстве составляло 4 тысячи, а число рабочих, получивших увечья, – 115,5 тысячи, то в 1910 году на производстве погибло 4,5 тысячи и 154,5 тысячи получили увечья. В США каждые 16 минут у станка погибал один рабочий.

Хотя под натиском пролетарских выступлений рабочий день в ведущих капиталистических странах сократился, он все еще был достаточно продолжителен. Средняя продолжительность рабочей недели в США в 1910 году составляла 54 часа, а в Европе – 60 часов. Во Франции рабочий день продолжительностью в 10,5 часа был установлен на 37 % предприятий, 12-часовой рабочий день – на 27 % предприятий. При этом рабочие полуремесленного производства продолжали трудиться по 14-18 часов в день.

В ряде стран и ряде отраслей производства рабочие добились увеличения заработной платы. Однако вследствие роста дороговизны реальная заработная плата почти не повышалась, а то и сокращалась. Средняя реальная заработная плата промышленных рабочих всего мира в 1909-1914 годах была почти на 1 % ниже, чем в 1903-1908 годах. И это несмотря на то что, благодаря применению современной техники, производительность труда быстро росла. Заработная плата рабочих по-прежнему едва-едва позволяла им сводить концы с концами. Хотя средняя реальная заработная плата рабочих в США была выше других стран (на 70 % выше, чем в Англии, а зарплата в Германии была на 32 % ниже чем в Англии), она покрывала менее 2/3 официального «минимального» бюджета «здоровья и приличия».

Положение рабочих особенно ухудшалось в периоды промышленных кризисов. Так, во время кризиса 1907-1908 годов компания «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» сократила число рабочих на 45 тысяч, а заработную плату оставшихся на работе уменьшила на 22 %. Даже в периоды подъема производства сохранялась армия безработных. В экономическом цикле 1908-1914 гг. уровень безработицы составлял для Англии 4 %, для США – 10,5 %, для Германии – 2,6 %. В 1908-1914 гг. число безработных в развитых капиталистических странах составляло 4-6 миллионов человек. Это вместе с их семьями означало, что от 15 до 20 миллионов человек пребывали в состоянии крайней нищеты, теряя надежду на выживание.

Сохранявшиеся, а кое-где и обострявшиеся проблемы рабочего класса были причиной нараставших его выступлений против капитала по мере того, как рабочее движение росло и становилось более организованным. К 1914 году в профессиональных союзах состояло 14-16 миллионов человек. В рабочих потребительских кооперативах 23 стран состояло почти 20 миллионов членов.

Значительно возросло число стачек. Так, в Германии в 1910-1913 годах их число увеличилось в 1,6 раза по сравнению в 1908-1909 годами, число их участников возросло в 2 раза, а число забастовочных человеко-дней – в 2,8 раза. В Англии число рабочих дней, потерянных в год в результате забастовок в 1900-1909 гг., составляло примерно 2-3 миллиона, в 1910 и 1911 гг. – примерно по 10 миллионов дней, в 1912 г. – около 41 миллиона, в 1913 г. – 11,6 миллиона. В Португалии в первой половине 1910 г. произошло 85 забастовок, почти столько же, сколько их было за предшествующие 60 лет.

Все чаще забастовщики одерживали победы над предпринимателями. Доля забастовок, которые не имели успеха, снизилась до 19 % (1908 г. – 34 %). В Англии в 1901—1905 гг. забастовщики не добились успеха в ходе половины стачек, в 1906-1909 гг. – в ходе 1/4 стачек, в 1910 и 1912 гг. примерно1/7 стачек потерпели поражение, в 1911 г. – около 1/10, в 1913 г. – около 1/5.

Порой власти прибегали к оружию, чтобы подавить стачечников. Так, в ходе 45-дневной забастовки сталелитейщиков в Маккис-Роксе (США) в 1909 году 13 забастовщиков

было убито, а более 50 ранено. В ходе 13-месячной забастовки горняков в Колорадо (США) в 1914 году между стачечниками и войсками происходили настоящие бои. Войска убивали забастовщиков, сжигали их дома. Кровавыми столкновениями ознаменовалась забастовка землекопов в предместье Парижа Дравье в 1908 году. 31 августа 1913 года в Дублине войска стреляли по митинговавшим забастовщикам. Двое было убито, десятки рабочих были ранены.

Рабочие других стран солидаризировались с выступлениями своих товарищей по классу. Дублинская стачка 1913 года вызвала движение солидарности в Англии (сбор средств, посылка пароходов с продовольствием и т. д.). В июне 1911 года произошла международная стачка моряков торгового флота Англии, Бельгии, Голландии.

В ходе своих выступлений рабочие выдвигали нередко и политические требования. Это проявилось в ходе борьбы за демократизацию избирательного права в Германии, достигшей особого размаха в 1910 году, во время всеобщей стачки в 1913 году бельгийских рабочих, добивавшихся пересмотра конституции, в течение выступлений венгерских рабочих за всеобщее избирательное право.

Этими выступлениями рабочих все активнее руководили социал-демократические партии. Их популярность росла. Численность социал-демократической партии Германии (СДПГ) выросла с 720 тысяч в 1910 году до 1 млн 68 тыс. в 1914 году. В ходе голосования в рейхстаг за СДПГ проголосовало 4,25 миллиона избирателей и ее фракция стала самой многочисленной в рейхстаге (ПО депутатов). В рядах Социал-демократической партии Австрии (СДПА) в 1913 году состояло 326 тысяч членов (142 тысячи в австро-немецкой и 184 тысячи в чешской). На первых же выборах, проведенных в 1907 году после введения всеобщего избирательного права, СДПА получила свыше 1 миллиона голосов и 87 депутатских мест. На следующий год СДПА увеличила свое представительство на 2 места и стала крупнейшей партией в рейхсрате. В 1914 году в Социалистистической партии Франции (СФИО) состояло около 77 тысяч членов, то есть в 2 раза больше, чем в 1906 году. Число депутатов парламента возросло с 51 (1910 г.) до 74 (1910 г.) и 103 (1914 г.). Количество членов Итальянской социалистической партии (ИСП) выросло с 29 тысяч в 1912 году до 48 тысяч в 1914 году. ИСП получила более 900 тысяч голосов на выборах 1913 года, при этом в 9 крупнейших промышленных центрах кандидаты ИСП получили до 1/3 голосов избирателей. Число депутатов парламента от ИСП выросло с 41 в 1912 году до 52 в 1914 году. Численность Социалистической партии США увеличилась с 41 тысячи в 1909 году до 150 тысяч к маю 1912 года. За социалиста Юджина Дебса, выдвинутого кандидатом в президенты США на выборах 1908 года, проголосовало 420 тысяч избирателей, а в 1912 году – более 900 тысяч.

В 1914 году в социал-демократических партиях мира состояло уже более 4,2 миллиона человек. В 14 странах мира за социалистов проголосовало 10,5 миллиона человек. Социалисты имели 646 места в парламентах 14 стран и свыше 22 тысячи мандатов в местных представительных органах.

Выступления рабочего класса под руководством социал-демократов в борьбе за свои права, за демократизацию политической жизни, против милитаризации становились все более мощными, более массовыми. О крайнем обострении конфронтации рабочего класса с власть имущими свидетельствовали выступления горняков Англии и Германии. Порой выступления рабочего класса приближались к революционной борьбе за власть.

В ответ на милитаристский и антидемократический курс властей 23 мая 1912 года рабочие Венгрии по призыву социал-демократов двинули свои отряды к венгерскому парламенту в Будапеште под лозунгами «Да здравствует народный парламент!», «Долой классовое господство!», «Долой графскую банду!», «Да здравствует революция!» Это выступление сопровождалось столкновениями с полицией, строительством баррикад. Такие же выступления произошли на следующий день во многих городах Венгрии (Мишкольце, Дьёре, Пече, Братиславе, Кошице, Темишоаре, Араде и других городах). День 23 мая 1912 года вошел в историю Венгрии как «Красный четверг». Выступления в 1909 году

трудящихся Каталонии переросли в баррикадные бои с требованиями установления республиканского строя (эти события получили название Кровавая неделя). В 1911 году в ходе выступлений рабочих на улицах Вены развернулись уличные бои. Всеобщая пятинедельная забастовка в Брисбене (Австралия) в 1912 году сопровождалась фактическим захватом рабочими власти, когда без разрешения стачечного комитета не могло работать ни одно государственное учреждение.

Особого накала достигли выступления в Италии в июне 1914 года. Расстрел антивоенной демонстрации 7 июня в Анконе вызвал протесты по всей стране. В считанные часы экономическая жизнь Италии оказалась парализованной. По призыву социалистов, синдикалистов, анархистов, профсоюзных руководителей были закрыты промышленные предприятия, магазины, не работал городской транспорт, было прервано железнодорожное сообщение. На улицах Рима, Милана, Флоренции, Анконы сооружались баррикады. Забастовщики захватывали оружие. Правительственные учреждения подвергались осаде. В выступлениях, продолжавшихся неделю (эти дни стали называться Красной неделей), приняло участие более 1 миллиона человек.

Многие руководители социал-демократического движения были уверены в том, что в капиталистических странах складывается предреволюционная ситуация. Выступая на Магдебургском съезде партии, Август Бебель говорил: «Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам». Казалось, что пролетарская революция, о неизбежности наступления которой впервые было сказано в «Манифесте Коммунистической партии» в 1848 году, почти через семь десятилетий была близка к осуществлению.

Совершенно очевидно, что история второй половины XIX и начала XX века доказала правоту идей Маркса и Энгельса о нарастающих противоречиях между постоянно возрастающими созидательными и разрушительными возможностями капиталистических отношений, о противоположности интересов пролетариата и буржуазии и нарастании борьбы между этими классами. Там же, где выступления рабочего класса возглавляли социал-демократы, руководствующиеся коммунистической теорией Маркса и Энгельса, рабочие добивались все больших успехов в отстаивании своих требований, а возможности подавляющего большинства населения для участия в политической жизни существенно расширились. Вопреки апологетическим заявлениям тогдашних властей и обслуживающих их идеологов, грабительский и разбойничий характер тогдашнего капитализма теперь, в начале XXI века, уже многим очевиден. Вопреки тогдашним клеветническим обвинениям, которые выдвигались против социалистов всего мира об их якобы разрушительной деятельности против общества, борьба рабочего класса против невыносимых условий труда и жизни, борьба за демократизацию общественно-политической жизни была справедливой. Однако ныне пытаются забыть, что завоевания рабочих всего мира, демократические перемены в политической жизни многих стран во второй половине XIX и начале XX века стали возможными главным образом благодаря усилиям рабочего движения, направляемого коммунистическими идеями Маркса и Энгельса. Вера рабочих в провозглашенные Марксом и Энгельсом цели – осуществление социалистической революции, а затем создание общества социальной справедливости, общества без классов и эксплуатации – вдохновляли рабочих различных стран на все более активную и решительную борьбу.

Глава 7
Первая мировая война и кризис мировой социал-демократии

Возглавляя массовые партии и другие организации рабочего класса, руководители многих социал-демократических партий постоянно напоминали об окончательных целях борьбы, определенных основоположниками марксизма. О верности марксизму постоянно говорили такие руководители социал-демократических партий и II Интернационала, как К. Каутский (СДПГ), Р. Макдональд (Лейбористская партия Англии), А. Тома (СФИО), Э.

Вандервельде (Бельгийская социалистическая партия), О. Бауэр (АСДП). Редактор главного печатного органа Итальянской социалистической партии «Аванти!» Бенито Муссолини в своих передовицах писал о том, что «частная собственность является кражей» и поэтому должна быть ликвидирована по мере того, как «Италия через коллективизацию перейдет к окончательной цели – коммунизму». Однако в разгар «красной недели» редактор «Аванти!», как и ряд других видных руководителей социалистического движения, растерялся и не смог предложить рабочим достаточно ясную программу их борьбы, чтобы добиться ее перерастания в революцию. Выступления миллиона рабочих в Италии в июне 1914 года плохо координировались и в конечном счете выдохлись.

Подъемы рабочего движения не переросли в революции также и потому, что к такому повороту событий не была готова значительная часть рабочего класса стран Западной Европы. Успехи, достигнутые рабочим движением в своей борьбе, успокаивали ее участников, а рост рядов «рабочей аристократии» окончательно расхолаживал их. У многих создавалось впечатление, что переход к социализму может быть достигнут путем постепенной эволюции общества. А определенная часть рабочих, удовлетворенная своим положением, вообще теряла интерес к достижению революционной цели. Эти настроения отражались и в позиции руководства социал-демократии.

То обстоятельство, что предвыборные кампании за завоевание мест в парламенте занимали все большее место в текущей деятельности социал-демократических партий, способствовало и тому, что окончательные цели борьбы пролетариата уходили на второй план, а то и забывались. В 3-м томе монографии «Международное рабочее движение» отмечалось: «Отвергая на словах министериализм, многие социалисты-парламентарии на деле все больше навязывали партии такой курс "левого блока", при котором платой за участие в правительстве являлся отказ от социалистической революционной линии». На конгрессах II Интернационала многие лидеры социал-демократических партий отказывались решительно осудить ревизионизм, фактически отрицавший революционную цель пролетарского движения. На 6-м конгрессе И Интернационала в Амстердаме против резолюции, осуждавшей ревизионизм, выступили лидер АСДП В. Адлер, лидер бельгийских социалистов Э. Вандервельде, один из видных деятелей СФИО Ж. Жорес, а К. Каутский проявил колебания в ходе голосования.

На этом же конгрессе была принята резолюция, которая провозгласила массовую стачку «крайним средством» борьбы. Таким образом, ставилась под сомнение возможность перерастания массовых выступлений пролетариата в вооруженное восстание. В это же время руководители ряда профсоюзов выступали против стачек. Так, в руководстве французской Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) стали говорить, что нужно избегать стачек, разрешая конфликты с предпринимателями путем переговоров.

И все же, несмотря на явные свидетельства отказа от методов решительной борьбы рабочего класса и забвения целей этой борьбы, создавалось впечатление, что социал-демократическое движение, как и во времена «Союза коммунистов» и I Интернационала, готово поднять пролетариев мира на «последний и решительный бой» против капитала. В резолюции 7-го Штутгартского конгресса II Интернационала (1907 г.) говорилось: «В случае возникновения войны социалисты обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами стремиться использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов». На 10-м Базельском конгрессе (1912) был принят манифест, в котором говорилось: «Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса они не могут развязать войну, не подвергая опасности самих себя… Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов». Начало Первой мировой войны стало суровым испытанием верности социал-демократов принятым антивоенным обязательствам солидарности с рабочими других стран и готовности превратить империалистическую войну в пролетарскую революцию.

Гонка вооружений, ускорявшаяся в течение нескольких десятилетий, а также столкновение противоречий во всех частях земного шара превратили ведущие капиталистические страны мира в два вооруженных противостоящих лагеря. Многочисленные армии были готовы обрушить все более совершенную технику уничтожения людей против друг друга. С началом войны страны Антанты и их союзники (сначала это были: Великобритания, Франция, Россия, Бельгия, Сербия, Черногория) мобилизовали в вооруженные силы 6179 тысяч человек. В их распоряжении было 12 134 легких и 1013 тяжелых орудий. Германская коалиция (на первых порах в ее рядах были лишь Германия и Австро-Венгрия) в рядах вооруженных сил имела 3568 тысяч человек, 11 232 легких и 2244 тяжелых орудий (не считая крепостной артиллерии). Эта масса вооруженных людей и военной техники была предназначена для того, чтобы сеять смерть и разрушение.

Однако в первые дни августа 1914 года мало кто думал о неизбежных мрачных сторонах наступившей войны. Значительная часть населения всех участников войны была охвачена энтузиазмом. В Лондоне, Париже, Берлине, Вене и других столицах воюющих стран восторженные толпы провожали солдат на фронт, уверенные в скором их возвращении победителями в целостности и сохранности. Уверенность в неминуемой победе над врагом в открытом сражении странным образом соединялась с паническими страхами перед тайными происками того же вездесущего врага в тылу.

Американский историк Луи де Йонг писал: «В Германии в начале августа 1914 года немцы думали, что в стране находится много французских и русских агентов, причем некоторые из них носили немецкую форму. Многие немецкие офицеры и солдаты подвергались придиркам и аресту, так как их принимали за переодетых шпионов. В Берлине и других местах иногда задерживали и опрашивали священников и монахинь. Ходили слухи, будто через Германию перевозится огромное количество золота, направляемого из Франции в Россию; в результате проезжавшие автомобили стали задерживать и обыскивать. Наступил момент, когда из-за этого едва не приостановились все военные перевозки. Некоторые офицеры и гражданские лица, отказывавшиеся остановить свои машины или замедлить ход, были убиты или получили ранения. «Самых безобидных людей принимали за шпионов, если они по своей внешности чем-то выделялись из окружающей публики, – писала одна англичанка, являвшаяся супругой немецкого аристократа. Охота за французскими агентами, которые якобы перевозили в Россию золото на самых обычных автомашинах, распространилась и на Австрию».

Шпиономания охватила и страны Антанты. Л. де Йонг писал: «В августе 1914 года, то есть в первый месяц войны, во Франции тоже ходили слухи, будто в Париже и его окрестностях появилось много немецких офицеров во французской форме, пытающихся разрушить мосты. Особенно яростная кампания развернулась против швейцарской фирмы «Магги», работавшей с привлечением немецких капиталов; эта фирма якобы снабжала население Швейцарии отравленным молоком… На первом этапе войны многие попадали под подозрение только потому, что они несколько необычно одевались или разговаривали вполголоса, причем голоса были похожи на немецкие».

В атмосфере шовинистического угара и шпиономании многие европейцы, еще вчера рассуждавшие о единстве европейской культуры, теперь спешили объявить себя лютыми врагами других наций. В этих условиях лидеры многих социал-демократических партий, еще вчера выражавшие солидарность с трудящимися других стран Европы и заявлявшие о своей готовности превратить межимпериалистическую войну в международную пролетарскую революцию объявляли о своей поддержке войны. Депутаты от СДПГ в рейхстаге и депутаты от СФИО во французском Национальном собрании голосовали за военные кредиты. Лидер Бельгийской социалистической партии Э. Вандервельде заявил: «Мы будем голосовать за все кредиты, которые потребует правительство для защиты нации». Вскоре Вандервельде стал министром бельгийского правительства. После начала мировой войны в правительства своих стран вошли лидеры СФИО Ж. Гед, М. Самба и А. Тома, один из лидеров Лейбористской партии А. Гендерсон. В поддержку правительства выступили и лидеры Австрийской социал-

демократической партии. Центральный орган партии газета «Арбайтер-цайтунг» писала: «Теперь, когда… немецкое отечество в опасности, социал-демократия выступает на защиту родины… Никогда политическая партия не поступала более возвышенно, чем ныне немецкая социал-демократия».

В первые дни войны Б. Муссолини в своих редакционных статьях осуждал войну, как чисто «капиталистическое дело». Однако уже в ноябре 1914 года он вышел из партии и создал новую газету «Иль пополо д' Италиа», в которой стал призывать к участию Италии в войне против Австро-Венгрии с целью завладеть Триестом, Далмацией и другими землями. А в декабре 1914 года он встал во главе только что созданной группы «фашистов», выступавших за вступление Италии в войну.

Так, в считанные дни распалось международное социалистическое движение, которое до 1914 года постоянно провозглашало свое намерение начать пролетарскую революцию в случае начала мировой империалистической войны. Разумеется, социал-демократы не несли вины за ее развязывание. Но, уступив шовинистическим настроениям, они упустили исторический шанс, когда не только можно было сорвать начало мировой бойни, но и добиться массовых революционных выступлений рабочего класса во многих странах Западной Европы и Северной Америки. Вместо участия в революционных боях против класса капиталистов и их наемников, рабочие стран Европы пошли на поля сражения против своих братьев по классу.

С первых же дней войны стало ясно, что в начавшейся войне правовые нормы и мораль оказались попраны так же, как их уже давно попирали ведущие державы мира в колониальных и империалистических войнах за пределами Европы. 2 августа 1914 года немецкие войска вступили в нейтральный Люксембург, а 4 августа – в нейтральную Бельгию. Историк Барбара Тачмэн в своей книге «Пушки августа» писала, что в ответ на сопротивление бельгийского народа этой наглой агрессии командующий 1-й германской армией генерал фон Клюк с самого начала своего вступления в Бельгию своей армии «счел необходимым принять, говоря его собственными словами, "суровые и безжалостные репрессии", включая "расстрел людей и сожжение домов"». Тачмэн писала: «Сожженные деревни и убитые заложники стали вехами на пути германской армии». В небольшом городке Аэршот было расстреляно 150 жителей. «Число жертв в аналогичных случаях росло, – отмечала Тачмэн, – по мере того, как эти действия повторяла армия фон Бюлова в Арденнах. В городе Динант армией Хауссена было расстреляно 664 жителя. Прибегали к следующей процедуре: жителей собирали на главной площади, женщин отводили в одну сторону, мужчин – в другую. Из мужчин выбирали каждого десятого, или каждого второго, или же забирали всех мужчин, в зависимости от прихоти того или иного офицера. Их вели в ближайшее поле или на пустырь у железной дороги и расстреливали. В Бельгии до сих пор много городов с кладбищами, на которых находятся бесконечные ряды камней. На них стоят надписи с именами и одинаковыми надписями: «Расстрелян немцами»».

Военные действия, репрессии и откровенный грабеж разорили Бельгию. В стране было уничтожено 100 тысяч домов. Из 8800 километров железных дорог уцелело лишь 5150 километров. Из 57 имевшихся в Бельгии доменных печей 26 было разрушено.

Такое же разорение принесла война и всем другим странам, где шли военные действия и хозяйничали оккупанты. В ходе войны только в Северной Франции было уничтожено 23 тысячи промышленных предприятий, 4 тысячи километров железных дорог, 50 доменных печей, 9700 железнодорожных мостов, 290 тысяч жилых домов, а всего разрушено 500 тысяч зданий.

Участник войны Анри Барбюс в своей книге «Огонь» описал, как военные действия уничтожали целые селения: «Мы в Суше. Деревня исчезла. Никогда я еще не видел подобного исчезновения… Среди истерзанных деревьев, окружающих нас, как призраки, всё потеряло первоначальный облик; нет даже обломка стены, решетки, двери, и под грудой балок, камней и железной рухляди странно видеть остатки мостовой: здесь была улица. Это похоже на грязный болотистый пустырь в окрестностях города, куда годами сваливали хлам,

всякие отбросы, старую утварь; среди этих разнообразных куч мусора пробираешься очень медленно, с большим трудом. После бомбардировок изменился весь облик местности; даже речонка повернула в сторону от мельницы, течет куда попало и образует пруд посреди маленькой разрушенной площади, где стоял крест. В ямах, вырытых снарядами, гниют огромные, раздувшиеся трупы лошадей; кое-где валяются изуродованные чудовищной раной останки того, что когда-то было человеческим существом».

Средства ведения войны отличались невиданной прежде массовостью поражения и жестокостью. 18 февраля 1915 года Германия объявила неограниченную подводную войну. Помимо военных судов жертвами действий подводных лодок стали многие торговые и пассажирские суда, в том числе и нейтральных стран. В ходе войны помимо 630 боевых кораблей и 1000 вспомогательных судов было уничтожено около 6 тысяч торговых судов, общим тоннажем свыше 13,3 миллиона тонн. Жертвы уничтоженных судов зачастую гибли в море.

22 апреля 1915 года, во время атаки англо-французских позиций у города Ипр, германские войска в нарушение международной конвенции применили отравляющие вещества. Было отравлено 15 тысяч человек, при этом 5 тысяч скончались. После этого боя химические средства стали применяться армиями обеих воюющих коалиций. Многие солдаты гибли от ядовитых газов, другие становились инвалидами на всю жизнь.

Участник войны Эрих Мария Ремарк так описал одну из химических атак: «Глухие хлопки химических снарядов смешиваются с грохотом разрывов. Между разрывами слышно гудение набатного колокола; гонги и металлические трещотки возвещают далеко вокруг: «Газ, газ, газ!»… В эти первые минуты решается вопрос жизни и смерти: герметична ли маска? Я помню страшные картины в лазарете: отравленные газом, которые еще несколько долгих дней умирают от удушья и рвоты, по кусочкам отхаркивая перегоревшие легкие… Моя голова в противогазе звенит и гудит, она, кажется, вот-вот лопнет. Легкие работают с большой нагрузкой: им приходится вдыхать все тот же горячий, уже не раз побывавший в них воздух, вены на висках вздуваются. Еще немного, и я наверное задохнусь… Но вот в нескольких метрах подальше кто-то поднимается с земли… он не падает, он что-то ищет глазами и делает несколько шагов, – ветер разогнал газ, воздух чист. Тогда и я тоже с хрипом срываю с себя маску и падаю. Воздух хлынул мне в грудь, как холодная вода, глаза вылезают из орбит, какая-то темная волна захлестывает меня и гасит сознание».

Возросшая мощь военной техники Первой мировой войны превратила солдата в беспомощное существо. Ремарк писал: «Среди ночи мы просыпаемся. Земля гудит. Над нами тяжелая завеса огня… Блиндаж дрожит, ночь ревет и мечет молнии… Каждый ощущает всем своим телом, как тяжелые снаряды сносят бруствер окопа, как они вскапывают откос блиндажа и крошат лежащие сверху бетонные глыбы… Фронт – это клетка, и тому, кто в нее попал, приходится, напрягая нервы, ждать, что с ним будет дальше. Мы сидим за решеткой, прутья которой – траектории снарядов; мы живем в напряженном ожидании неведомого. Мы отданы во власть случая. Когда на меня летит снаряд, я могу пригнуться, – и это всё; я не могу знать, куда он ударит, и никак не могу воздействовать на него… Меня могут убить, – это дело случая. Но то, что я остаюсь в живых, – это опять-таки дело случая. Я могу погибнуть в надежно укрепленном блиндаже, раздавленный его стенами, и могу остаться невредимым, пролежав десять часов в чистом поле под шквальным огнем. Каждый солдат остается в живых лишь благодаря тысяче разных случаев. И каждый солдат верит в случай и полагается на него».

Ожидание смерти в ходе артобстрела сменялось атакой, и тогда солдаты деловито готовились к беспощадной схватке, в которой не признают никаких правил, не знают никакой жалости. Война, утверждал Ремарк, уничтожала в солдатах все человеческое: «Мы превратились в опасных зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши фанаты не в людей, – какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках?… Сжавшись в комочек, как кошки, мы бежим, подхваченные этой неудержимо увлекающей нас волной, которая делает нас жестокими,

превращает нас в бандитов, убийц, я сказал бы – в дьяволов, и, вселяя в нас страх, ярость и жажду жизни, удесятеряет наши силы… Мы утратили всякое чувство близости друг к другу, и когда наш затравленный взгляд останавливается на ком-нибудь из товарищей, мы с трудом узнаем его. Мы бесчувственные мертвецы, которым какой-то фокусник, какой-то злой волшебник вернул способность бегать и убивать».

Захват вражеских позиций позволял солдатам завладеть трофейной едой. Ремарк писал: «Трофейная тушенка славится по всему фронту. Она даже является иногда главной целью тех внезапных ударов, которые время от времени предпринимаются с нашей стороны, – ведь кормят нас плохо, – и мы постоянно голодны». Борьба с голодом, как показал Ремарк, это тоже часть солдатских будней, как борьба с вшами и огромными крысами, питавшимися трупами солдат.

Описания боев и фронтовой жизни по другую линию боевых позиций, которое оставил Анри Барбюс в романе «Огонь», мало отличаются по содержанию от романа Ремарка. Французский писатель свидетельствовал: «Вокруг нас дьявольский шум. У меня небывалое ощущение беспрерывного нарастания, бесконечного умножения всемирного гнева. Буря глухих ударов, хриплых, яростных воплей, пронзительных, звериных криков неистовствуют на землей, сплошь покрытой клочьями дыма; мы зарылись по самую шею; земля несется и качается от вихря снарядов… Ружейные выстрелы, канонада. Над нами везде треск или грохот – продолжительные раскаты или отдельные удары. Черная огненная гроза не стихает никогда, никогда. Уже больше пятнадцати месяцев, уже пятьсот дней в этом уголке мира перестрелка и бомбардировка идут непрестанно: с утра до вечера и с вечера до утра. Мы погребены в недрах поля вечной битвы…»

Еще один участник войны, английский писатель Ричард Олдингтон, так рассказал об артподготовке перед наступлением: «Всё происходившее не поддавалось описанию – ужасающее зрелище, грандиозная симфония звука. Дьявол-постановщик этого спектакля был мастером, по сравнению с которыми все другие создатели величественного и ужасного были просто младенцами. Рёв пушек превосходил остальной шум – он был полон мощной, ритмичной гармонии, супер-джазом громадных барабанов. Это был "полёт валькирий", исполненный тремя тысячами пушек. Интенсивный треск пулеметов вёл сопровождающую мелодию ужаса. Было слишком темно, чтобы разглядеть наступающие войска, но Уинтерборн понимал с ужасом, что каждая из этих устрашающих вибраций звука означает смерть и уничтожение. Он думал о рваной линии британских войск, которые, спотыкаясь, бредут вперед в дыму и огне, крошась под напором немецкого защитительного огня и резервной линии пулеметов. Он думал о немецкой линии обороны, уже уничтоженной под беспощадным ливнем взрывов и летящего металла. Ничто не могло остаться в живых в зоне действия этого шторма, разве что благодаря чудесному случаю. Уже за полчаса этой бомбардировки сотни и сотни людей были жестоко убиты, раздавлены, разорваны, раздолблены, раздроблены, покалечены».

Число участников войны увеличилось в ходе войны. На стороне Германии и Австро-Венгрии выступили Османская империя и Болгария. На стороне Антанты – Япония, Китай, Италия и ряд других стран. К концу войны число ее участников достигло 33 (из 59 независимых государств) с населением свыше 1,5 миллиарда человек (что тогда составляло 87 % населения планеты). Военные действия происходили в Европе, Азии, Африке и на островах Тихого океана.

Хотя масштабы военных действий в Африке были гораздо более скромными, чем в Европе, людские потери и там были значительными, главным образом за счет местного населения. Пока Бельгия была оккупирована немцами, ее колониальная армия вела войну в Африке против немецких колониальных войск. В то время как бельгийцы потеряли в африканских сражениях 257 человек, потери конголезцев составили 2,5 тысячи. Число же местных носильщиков, погибших от тяжелого труда в ходе этих кампаний, составило более 20 тысяч человек.

Жертвами мировой войны стало армянское население Турции, которое с апреля 1915

года было подвергнуто геноциду. Уцелевшие в ходе насилий свидетельствовали: «Некоторые жертвы подвергаются целому ряду пыток, производящихся с таким безупречным искусством, чтобы дольше продлить жизнь мученика…» Зверские расправы с армянами под предлогом их сотрудничества с наступавшими российскими армиями привели к уничтожению 1,5 миллиона людей.

Число погибших в ходе этой войны было беспрецедентным в мировой истории. Из 73 515 тысяч мобилизованных всеми воюющими странами было убито и умерло от ран около 10 миллионов человек, ранено и искалечено 20 миллионов. Около 10 миллионов умерло от голода и эпидемий.

Мировая война нанесла огромный урон хозяйству многих стран мира. Сильно сократилось производство гражданских видов продукции. Это порождало товарный голод, повышение цен, спекуляцию. Изнашивалось и не заменялось оборудование на заводах, разрушался транспорт. Пришло в упадок и сельское хозяйство. Сократилось и поголовье скота, особенно лошадей. Реальная заработная плата во многих странах сократилась. В Германии резко сократилось потребление продовольствия: многие страдали от недоедания. Зато прибыли капиталистических предприятий росли. Чистая прибыль 416 германских акционерных обществ выросла в первые два года войны в 1,5 раза. Чистые прибыли американских корпораций США увеличились за годы войны более чем в 2 раза.

Хотя в мире многие осуждали войну, массовой борьбы против войны сначала не велось. Подавляющее большинство руководителей социал-демократических партий выступили либо в поддержку правительств воюющих стран, либо не стали призывать к выполнению антивоенных решений предвоенных конгрессов II Интернационала. Лишь 38 социал-демократов Европы собралось в швейцарской деревне Циммервальд в сентябре 1915 года, чтобы осудить империалистический характер мировой войны. В работе конференции принял участие руководитель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) В.И. Ленин. Вопреки позиции большинства социал-демократов мира Ленин и большевики громко заявляли о том, что в ходе войны проявился человеконенавистнический характер капитализма и следует положить конец и бесчеловечной войне, и породившему ее строю.

Полностью забывая о многочисленных жертвах преступной и бесчеловечной бойни, устроенной ради захвата чужих территорий и умножения прибылей капиталистических компаний, нынешние критики Ленина, говоря о его участии в Циммервальдской конференции, обвиняют его в принятии пораженческой позиции и таким образом в предательстве национальных интересов России. На самом деле Ленин и другие участники Циммервальдской конференции лишь подтвердили верность тем принципам, которыми руководствовались коммунисты и социалисты в течение всего своего существования. В принятом конференцией Манифесте говорилось: «Никогда раньше в мировой истории не было более настоятельной, более высокой, более благородной задачи, выполнение которой должно явиться нашим общим делом. Нет таких жертв, нет таких тягот, которые были бы слишком велики для достижения этой цели: мира между народами. Рабочие и работницы! Матери и отцы! Вдовы и сироты! Раненые и искалеченные! Ко всем вам, кто страдает от войны и через войну, ко всем вам мы взываем: Через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни – **пролетарии всех стран, объединяйтесь!»**

Тем, кто теперь с пеной у рта осуждает тогдашнюю позицию Ленина, стоило бы оказаться на месте героев романов Ремарка, Барбюса, Олдингтона и испытать на себе окопную жизнь, голод, газовые атаки, артобстрелы и другие ужасы Первой мировой войны. Совершенно очевидно, что Ленин и большевики выступали против мирового безумия и варварства, в которые был ввергнут мир по вине тогдашних капиталистических заправил.

Проанализировав характер мировой войны и предшествовавших ей империалистических войн, В.И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 году, утверждал, что противоречия капиталистического способа производства обострились до крайности в период империализма. В статье

«Империализм и раскол социализма» Ленин писал: «С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, "почить на лаврах" эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс*, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения».

В своей брошюре «Социализм и война» Ленин писал: «Нельзя знать, в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении». Было очевидно, что, реалистично оценивая революционный потенциал международной социал-демократии, Ленин не мог наверняка говорить о близости социалистической революции. Выступая в начале января 1917 года на собрании в Цюрихе с докладом, В.И. Ленин заявил о неизбежности революционных потрясений в различных странах мира, включая Россию, но заметил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Но и помимо Ленина, вплоть до начала 1917 года, почти никто в мире не верил в скорую победу социалистической революции.

Краткие выводы

Нет сомнения в том, что обвинения, выдвигаемые авторами резолюции ПАСЕ против коммунизма, имеют одной из задач скрыть жестокие стороны капиталистических отношений, органично им присущие. Беспощадная эксплуатация трудящихся, безжалостное порабощение народов Азии, Африки и Америки, отставших в своем экономическом развитии от Запада, уничтожение миллионов людей в кровавых войнах на протяжении целого ряда столетий свидетельствовали о той цене, которую заплатили угнетенные массы за капиталистический прогресс. «Индивидуальные и коллективные убийства и казни, смерть в концентрационных лагерях, голод, высылки, пытки, рабский труд и другие формы массового физического террора, преследования на этнической или религиозной почве, нарушения свободы совести, мысли и самовыражения, свободы прессы, а также – недостаток политического плюрализма», – эти обвинения, выдвинутые ПАСЕ в своей резолюции, можно переадресовать любой стране, в которой развивался, а затем восторжествовал капиталистический способ производства. В то же время этот перечень обвинений не полностью перечисляет тяжкие преступления, совершенные буржуазией в погоне за прибылями, как до победы буржуазных революций, так и после прихода буржуазии к власти.

Жестокий гнет и преступления, совершаемые капиталистическими режимами, толкали рабочих во всех странах мира к самой решительной борьбе за свои права, против несправедливого и жестокого строя. Борьба коммунистов против капитализма была вызвана не желанием внести конфликт в общественное развитие, а стремлением помочь рабочему классу отстаивать свои права, добиваться лучшей жизни и вести его к окончательной победе над бесчеловечным строем.

За семь десятилетий борьбы за свои идеалы социалисты и коммунисты мира сумели прийти к власти лишь ненадолго в Париже в 1871 году. Поэтому ряд краеугольных марксистских положений о переходе от капитализма к социализму носил лишь теоретический характер. К тому же непоследовательность многих видных деятелей в социал-демократических партиях стран Западной Европы, а затем и целых партий в отстаивании марксистских принципов привела их к сотрудничеству с правящими верхами, проводившими политику жестокой эксплуатации и войн. Постепенное сворачивание борьбы за общество социальной справедливости и отказ от принципов международной солидарности трудящихся всех стран в конечном счете сделало многие социал-демократической партии пособниками

правящих кругов ведущих капиталистических стран в развязанной ими Первой мировой войны, войны преступной и бесчеловечной.

В то же время на протяжении большей части семи десятилетий социалистические (социал-демократические) партии, созданные на основе идей марксизма, были авангардом рабочего движения, наиболее последовательными выразителями его интересов. Правота марксистских идей была подтверждена значительными успехами рабочего и социал-демократического движения в отстаивании интересов рабочего класса и укрепления демократии в различных странах мира.

Утверждать же, что в основе коммунистической идеологии и семидесятилетней практики партий, разделявших идеи Маркса и Энгельса, лежало стремление к установлению жестокого репрессивного режима подавления свобод, голода и геноцида, значит полностью искажать историю. Нетерпимость к коммунизму испытывали прежде всего те, кто выступал против рабочего и демократического движения, кто ставил свои корыстные интересы превыше всего, кто был готов ради увеличения своих прибылей сохранять жестокую эксплуатацию трудящихся и бесправие, ввергать мир в бесчеловечные войны. Именно эти силы стали первыми сочинителями и организаторами антикоммунистической пропаганды, которая особенно широко распространилась в XX веке.

Часть 2
Россия как стартовая площадка социалистической революции

Ныне, после отмены празднования в России дня Великой Октябрьской социалистической революции, в материалах средств массовой информации, главным образом электронных, выступлениях отдельных политических деятелей утверждается, что 7 ноября (25 октября) 1917 года произошел «октябрьский переворот». Это понятие назойливо внедряется в употребление средствами массовой информации в противовес заявлению В. И. Ленина 25 октября (7 ноября) 1917 года о совершившейся в тот день «рабоче-крестьянской социалистической революции» и постоянно употреблявшемуся в Советской стране с начала 1918 года словосочетанию: «Великая Октябрьская пролетарская революция», или «Великая Октябрьская социалистическая революция». (Одним из первых так назвал Октябрьскую революцию И. И. Бухарин во время своей речи на заседании Учредительного собрания 5 (18) января 1918 года.)

Переквалификация Октябрьской революции в переворот понадобилась для того, что объявить это событие следствием заговора политических авантюристов. Повторяя разоблаченные еще в 1917 году обвинения в адрес Ленина, авторы невежественных телефильмов, журнальных статей и книжек стараются убедить зрителей и читателей в том, что Октябрьская революция в России была делом рук авантюриста Парвуса и германской разведки, стремившейся вывести Россию из Первой мировой войны. При этом, например, творцы фильма «Кто заплатил Ленину?» уверяли, будто7-8 ноября 1917 года все союзники Германии собирались подписать сепаратный мир со странами Антанты, но «переворот», организованный Лениным, якобы сорвал завершение Первой мировой войны в конце 1917 года.

История России, особенности ее геополитического положения, исторического и культурного развития, факты об отчаянном положении миллионов трудящихся до революции остаются за скобками в рассказах об «октябрьском перевороте». На основе представлений, внедряемых в массовое сознание, складывается впечатление, что до 25 октября (7 ноября) 1917 года существовала процветавшая Россия, мирно шествовавшая к еще более процветающей и демократической жизни. Поскольку Октябрьская революция объясняется заговором, то ничего не говорится об истории рабочего движения в России, о крестьянских восстаниях, бегло рассказывается о революции 1905-1907 годов и Февральской революции. В то же время в рассказах о революциях 1905-1907 годов и

Февральской революции не раскрывается сложность и противоречивость этих событий, в организации которых на первоначальном этапе большевики не играли никакой роли.

История Октябрьской революции и последовавших за ней гражданских войн излагается таким образом, что создается впечатление об уникальности жертв, происшедших в ходе этих событий. Умалчивается о том, что подобные революции и гражданские войны имели место в истории почти всех стран мира и почти всегда сопровождались огромными жертвами и разрушениями. Ответственность же за человеческие жертвы и разрушения последовавших гражданских войн возлагается исключительно на большевиков (коммунистов), а число жертв невероятно преувеличивается: утверждается, что в ходе «красного террора» все дворяне, капиталисты, государственные служащие, офицеры, священники и значительная часть крестьянства были уничтожены. В этих материалах нельзя найти ни единого слова осуждения действий противников большевиков в ходе Октябрьской революции и гражданских войн. Об иностранной интервенции и роли иностранных держав в развязывании гражданских войн в России также ничего не говорится.

В то же время в этих пропагандистских материалах ничего не говорится о действиях, предпринятых большевиками (коммунистами) России в первые же дни после установления советской властидля решения вековых проблем страны. Ни слова не говорится о том, что впервые в мире воплощались в жизнь идеалы построения общества на принципах политического и национального равноправия, социальной справедливости. Умалчивается и о том, что Октябрьская революция была встречена поддержкой многих выдающихся деятелей политики и культуры в различных странах мира, а пример Октября послужил образцом для осуществления широких социальных и политических преобразований во всем мире, для развертывания национально-освободительного движения.

Глава 8
Россия среди стран и народов мира

Много критиков коммунизма утверждают, что идеи Маркса – Энгельса были порочны и оторваны от практики, а поэтому их внедрение не могло не привести к плачевным результатам. Но немало и тех, кто считает, что справедливые и гуманные принципы марксизма были извращены русскими большевиками (коммунистами) в силу общей отсталости России, а потому именем марксизма творились жестокие преступления и злодеяния. Если это было так, то каковы же были особенности России, которые либо позволили проявиться злокозненным свойствам коммунизма, либо вступили в полное противоречие с позитивными его идеями? Возникает также вопрос: действительно ли реализация идей коммунизма в России принесла лишь неисчислимые бедствия ей и другим народам мира?

Действительно, социалистические и коммунистические учения, возникнувшие в Западной Европе, не учитывали опыта исторического развития России. Это не было случайным. Для многих видных мыслителей Западной Европы Россия не имела никакого отношения к западноевропейским странам. В своем перечне «христианских народов Европы» Г. Гегель не упомянул русских. С точки зрения О. Шпенглера, Россия вообще не являлась европейской страной. Он утверждал: «Одно только слово «Европа» с возникшим под его влиянием комплексом представлений связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство. Здесь в культуре воспитанных на книгах читателей голая абстракция привела к чудовищным фактическим последствиям». Убежденный в несовместимости России и Западной Европы Астольф де Кюстин провозглашал: «Между Францией и Россией непоколебимо стоит китайская стена: славянский язык и славянский характер».

Многие наблюдатели в XIX и XX веках говорили о том, что, занимая пространство между «развитой» Европой и «отсталой» Азией, Россия представляет собой некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той, ни другой части света. «Русское

искусство по сей день пребывает в "междустилье"», утверждал О. Шпенглер.

Эти выводы и оценки лишь свидетельствовали о неспособности их авторов понять Россию, увидеть ее специфику и дать им адекватную оценку. Испытывая постоянно культурное влияние окружавших ее стран Азии и Европы, Россия по характеру своей культуры не была лишь средней арифметической величиной между этими регионами мира. Хотя в России были представлены все наиболее значительные религиозные конфессии мира, господствующей среди них было православие, принятое из Византии. После покорения турками-османами Византии и сопредельных с ней балканских государств, Россия на многие века оставалась единственной православной страной мира, в которой сохранялась независимость. А ведь с точки зрения Арнольда Тойнби, православная цивилизация представляет собой одну из 21 формы оригинальных цивилизаций, когда-либо существовавших в истории человечества. Православная культура во многом определила и культурную специфику России.

К тому же Россия не была небольшой страной, расположенной между Западной Европой и Азией, между миром католицизма и протестантизма, с одной стороны, и миром ислама и буддизма – с другой. По своим размерам Россия сравнима с такими же континентами и частями света, как Африка или одна из Америк. Главный же фактор географического положения России сводится к тому, что ее значительная часть, на которой располагаются ее основные жизненные центры, находится в северных широтах Евразии. В отличие от регионов мира, окружающих Россию, цивилизованное освоение подавляющего большинства российских земель началось значительно позже, и до этого там не существовало никаких прежних цивилизаций. Подавляющая часть территории России находится в зоне устойчивого снежного покрова в течение нескольких месяцев. Вегетационный период здесь до предела сокращен. Выращивание теплолюбивых культур ограничено, а урожаи не могут быть столь обильны, как в Южной Азии, расположенной в низких широтах, или в Западной Европе, обогреваемой Гольфстримом.

В отличие от расположенных к югу от России азиатских стран на подавляющей части России было невозможно организовать поливное земледелие. В отличие от Западной Европы, обеспеченной благодаря близости к Атлантическому океану устойчивыми осадками, а, стало быть, устойчивыми урожаями, Россия постоянно испытывала неравномерность в осадках и урожаях. А это зачастую порождало в России голод в таких размерах, который редко случался в других странах мира. Так, длительные дожди в 1601 году помешали созреванию хлебов, а ранние морозы погубили остальное зерно. Озимые были загублены сильными морозами 1602 года. В результате в 1603 году поля засевать было нечем. Считается, что во время голодных лет в царствование Бориса Годунова вымерла треть населения Русского царства.

Однако выжить в России было нелегко и в урожайные годы без засух, чрезмерных дождей или ранних морозов. Строительство жилья и других помещений в условиях сурового климата требовало дополнительных затрат и человеческих усилий по сравнению со строительством в более теплых регионах мира, окружавших Россию. Эти обстоятельства создавали огромные трудности для хозяйственного развития страны. Одежда и средства передвижения должны были быть приспособлены для летнего и зимнего времени. В то же время таяние обильных снегов после наступления весны и осенние дожди делали непроходимыми дороги, превращали на несколько недель пахотную землю в непролазное болото. Даже небольшие речки, разливаясь по окрестным лугам, становились непреодолимыми водными преградами. При этом постоянно повторявшиеся паводки разрушали дороги и переправы через реки. Погодные условия до предела ограничивали время полевых работ и могли превращать даже несложную трудовую операцию в изнурительную пытку. Рассказывая об условиях жизни сибирских крестьян, писатель А.П. Чехов подчеркивал, что местный крестьянин «девять месяцев не снимает рукавиц и не распрямляет пальцев: то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето – спина болит от работы и тянутся жилы».

Тяжелые условия жизни в России усугублялись и наличием агрессивных соседей со всех ее сторон. Испокон веков с юго-востока на Русь из Великой степи наступали кочевые народы, двигавшиеся на запад – в сторону Европы. Поэтому первый удар конные орды наносили по Руси. В то же время немецкие рыцари, осевшие в Прибалтике, а также Литва, Польша, Швеция старались покорить Русь, чтобы затем двинуться на восток, в Северную Евразию.

На неблагоприятные условия, в которых развивалась Россия, не раз обращали внимание многие наблюдатели. Так, в своей книге об истории революции 1917 года Л.Д. Троцкий писал: «Население этой гигантской и суровой равнины, открытой восточным ветрам и азиатским миграциям, было приговорено к длительной отсталости… Основной и наиболее неизменной чертой русской истории являются медленный темп ее развития, экономическая отсталость, примитивность общественных форм и связанный с этим низкий уровень культуры». Подобные заявления бесконечное число раз повторялись в политической литературе XIX и начала XX века. На их основе расцвели мифы о «российской дикости и варварстве», о «вечной рабской покорности русских», о «безволии русских». В подтверждение этих мифов ссылались на существование самодержавного строя, преобладание крестьянства среди населения и долгое сохранение в России крепостного права.

Однако эти суждения нельзя принять без существенных оговорок. Неблагоприятные природные и международные условия, в которых развивалась Россия, не только тормозили ее развитие, но и заставляли мобилизовать скрытые интеллектуальные и моральные ресурсы народов нашей страны, и прежде всего русского народа. То обстоятельство, что в XIX—XX веках ни в одной стране мира не проживало столь много населения в условиях столь холодного климата и с такими перепадами температур, как в России, свидетельствовало о значительных достижениях ее народов в преодолении природных трудностей. То обстоятельство, что на землях, которые до прихода русских поселенцев были либо необитаемыми, либо населенными малочисленными кочевыми племенами охотников, были созданы очаги цивилизации, свидетельствовало об огромном культурном потенциале России.

Преобладание крестьянства в населении России зачастую служило обоснованием для мифа о дикости и варварстве русского народа. На деле, хотя большинство крестьян было неграмотным, а их труд не был высокопроизводительным, в условиях суровой природы у них развились такие качества, как требовательность к себе, взаимовыручка, выносливость, терпение, наблюдательность, способность к верным и надежным импровизационным решениям. Они обрели немалые знания о природе и освоили навыки выживания в суровых природных условиях. В крестьянской среде сложилась культура взаимопомощи, особенно остро необходимая в тяжелых условиях жизни в России. Эти качества и традиции служили прочными основами оригинальной и созидательной крестьянской культуры. Сильные качества выходцев из крестьянских общин, сформированные в условиях общинной культуры, позволили им в дальнейшем быстро осваивать профессии промышленных рабочих и служащих, навыки городского труда. Уже в XVIII веке блестящим примером талантливости выходцев из крестьянской среды стал выдающийся ученый, поэт, видный организатор науки и образования М.В. Ломоносов.

Создание крепнувшего централизованного самодержавного государства означало не только укрепление классового господства верхов над низами. Суровые природные и сложные международные условия, в которых веками существовала Россия, способствовали развитию таких отношений между людьми и норм поведения, которые бы позволяли объединять общество на борьбу с природными стихиями или вражеским нашествием. В русском обществе с давних пор готовность защищать Отечество воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Жестокие поражения в ходе нашествий Золотой Орды на Киевскую Русь вынуждали русских князей постепенно отказываться от феодальных распрей, подчиняясь власти централизованной монархии.

В отличие от стран Западной Европы, не находившихся под давлением таких тяжелых

природных условий и столь острых внешнеполитических угроз, Россия сравнительно быстро преодолела феодальную раздробленность и ограниченность власти центрального правителя, обусловленную огромными полномочиями местных князей. Централизованное московское военизированное государство было создано как орудие борьбы всех русских людей за свое освобождение от Золотой орды и возрождение единства страны. Жесткая система управления самодержавного государства позволяла его подданным не только освободиться от золотоордынского ига, но и в конечном счете победить наследников Золотой орды на Волге и в Западной Сибири. Однако, как подчеркивал историк Ф.Ф. Нестеров, «беззаветное служение» государству отнюдь не предполагало превращение людей в бессмысленных автоматов или бессловесных рабов.

Утверждения о «вечной рабской покорности» русского народа, как и об «извечном рабстве» русских крестьян, игнорируют исторический контекст. С одной стороны, крепостное право в России стало вводиться намного позже, чем во многих стран Западной Европы. С другой стороны, окончательное закрепощение крестьянства произошло в конце XVI века, когда в ряде стран Европы (Англия, Франция, Испания, Северная и Средняя Италия) крепостная зависимость крестьян от феодалов уже исчезала (в таких странах, как Норвегия и Швеция, она никогда не существовала). Однако в ряде стран Центральной и Восточной Европе (например, в Германии, Дании, Чехии, Венгрии, Польши, Литве) в XV—XVII веках начался процесс «вторичного закрепощения крестьян». В значительной степени это было связано с возникновением капиталистического производства в Западной Европе, обусловившим резкое увеличение потребности в хлебе из Восточной и Центральной Европы. Этот процесс не обошел и Россию.

Окончательная же отмена крепостного права в Чехии, Моравии, Галиции, Венгрии, Дании произошла лишь в 80-х годах XVIII века. Освобождение немецких крестьян от крепостной зависимости происходило (в зависимости от отдельных государств) с 1783 года по 1831 год. При этом барщина и другие виды феодальной повинности во многих германских государствах сохранились до 1849 года, а выкуп повинностей закончился лишь в конце XIX века. Россия, сохранявшая крепостное право до 1861 года, лишь на несколько десятилетий отстала от стран Центральной Европы. (Следует также учесть, что в США лишь в 1863 году президент А. Линкольн отменил рабство, а на практике этот закон был осуществлен лишь после завершения Гражданской войны между северными и южными штатами в 1865 году. В Бразилии же рабство было отменено лишь в 1888 году.)

Русское крестьянство отнюдь не молчаливо и покорно терпело гнет крепостной зависимости. Об этом свидетельствовали восстание И.И. Болотникова 1606-1607 годов, крестьянские войны в России под предводительством С.Т. Разина 1670-1671 годов и под руководством Е.И. Пугачева 1773-1775 годов. Помимо этих мощных выступлений, охватывавших значительную часть России, во всех губерниях постоянно вспыхивали крестьянские бунты, вызванные протестом против невыносимого угнетения.

Следует также учесть, что, в отличие от небольших европейских стран, контроль российских помещиков над своими крестьянами было крайне затруднен в стране с бескрайними просторами, на которых было легко затеряться. Из-за постоянных побегов крестьян, недовольных своим положением, власти принимали законы о сыске и возвращении «беглых холопов». В то же время на севере Европейской России постоянно сохранялось так называемое «черное», или «черносошное», крестьянство, не знавшее крепостного права. Свободными были и крестьяне, селившиеся в Сибири. Кроме Севера и Сибири беглые крестьяне направлялись в южные края, заселявшиеся со второй половины XV века вольными людьми – казаками. Парадоксальным образом вольное казачество стало надежным защитником самодержавного и крепостнического строя. Это обстоятельство стало также одной из важных особенностей России.

Казачество сыграло огромную роль в расширении границ России. Несмотря на частые войны с целью раздвинуть границы во все стороны, основным направлением расширения русского государства в течение тысячи с лишним лет его существования было северо-

восточное, где были расположены почти необитаемые земли Сибири, Дальнего Востока, Аляски. О мощи России свидетельствовало и то, что она стала державой, сумевшей взять контроль над центрально-азиатскими землями, которые в течение многих тысячелетий служили средой обитания кочевых племен. Огромные конгломераты этих племен не раз в течение нескольких тысячелетий нападали на цивилизованные страны Европы и Азии, грабя и разрушая их до основания. После того как Россия установила общие границы с Китаем и другими цивилизованными государствами Азии, вековая угроза разрушительных нашествий из Центральной Азии была устранена. Казаки, осевшие на новых границах империи, противопоставили кочевникам более передовой способ производства – земледелие и более передовую организацию быта – оседлость.

Несмотря на отставание России по уровню материально-технического развития от Западной Европы, в стране успешно развивалась национальная культура. С начала XIX века выдающиеся достижения России в культуре постепенно стали обретать мировое признание. Произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и других русских писателей стали включать в многотомные собрания мировой литературы, издававшиеся за пределами России. Их изучали в высших учебных заведениях многих стран мира. Симфонические произведения русских композиторов зазвучали во всех концертных залах мира. Оперы и балеты на музыку П.И. Чайковского, М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, А.П. Бородина ставились в мировых музыкальных театрах. Открытия Д.И. Менделеева, И.П. Павлова и других произвели настоящие революции в целом ряде естественных наук и получили достойное признание во всем мире. «Низкий уровень культуры» России, о котором писал Троцкий, был измышлением, которое любили повторять те, кто был заражен русофобией и преувеличивал достоинства западной культуры.

Огромный потенциал России, проявившийся в великих достижениях культуры и науки, позволял ей не раз совершать неожиданно быстрые рывки в своем развитии и сокращать сложившееся веками отставание от западных держав. Так произошло в царствование Петра I, когда Россия, увеличив промышленное производство и освоив достижения передовой науки и техники, сумела разбить до тех пор непобедимую армию шведского короля Карла XII и добиться выхода к Балтийскому морю. В ходе своей борьбы друг с другом европейские державы не раз привлекали Россию в свои коалиции, видя в ней мощного союзника. Приняв участие в Семилетней войне 1756-1763 годов на стороне Франции, Австрии, Швеции и Саксонии, Россия добилась крупных военных успехов, разбив войска короля Пруссии Фридриха Великого, и русские армии заняли столицу Прусского королевства – Берлин. В 1798-1799 гг., сражаясь на стороне Австрии и Англии против Франции, армии русского генералиссимуса Суворова вступили в Швейцарию и Северную Италию, а флот русского адмирала Ушакова – в Грецию и Южную Италию. Деля Европу после своих побед, Наполеон уже в ходе переговоров в Тильзите в 1807 году предложил Александру I взять под свой скипетр Польшу и Финляндию. В ходе очередной войны против Швеции Финляндия вошла в состав России, а Польшу тогда царь брать отказался. Военные успехи России, ставшие во многом возможными благодаря исключительным боевым качествам русских солдат, их смелости, отваге, смекалке, убедительно опровергали миф о «русском безволии».

Лишь Россия сумела разгромить до тех пор непобедимые армии Наполеона и возглавить поход по освобождению Европы от французского владычества, завершившийся триумфальным вступлением русских войск в Париж 19 (31) марта 1814 года. По словам очевидцев, в этот день парижане толпились на улицах, «и даже кровли были покрыты любопытными зрителями. Из окон свешивались белые скатерти. Женщины в окнах и с балконов махали белыми платками». Русские войска были встречены в Париже радостными возгласами: «Vive Alexandre! Vivent les russes!» («Да здравствует Александр! Да здравствуют русские!») Отвечая на приветствия парижан, Александр I заявил: «Je ne viens pas en ennemi. Je viens vous apporter la paix et le commerce. (Я пришел не как враг. Я пришел, чтобы принести вам мир и торговлю.)» Один парижанин, сумевший подойти поближе к императору, сказал:

«Nous vous attendions depuis longtemps (Мы вас давно ждали)». Венский конгресс 1814-1815 гг. закрепил за Россией положение одной из ведущих мировых держав.

Значительная часть дворянской интеллигенции России видела вопиющее противоречие в том, что держава, без которой стало невозможным решать мировые дела, отстает от многих западноевропейских стран, в том числе и малых, по своему уровню хозяйственного развития и в ней сохраняется крепостное право. Эти мысли разделяли участники тайных обществ, многие из которых были масонами. Они были идейно связаны с центрами международного масонства, которые уже не раз организовывали буржуазные революции или предпринимали попытки государственных переворотов в странах Западной Европы и Северной Америке. Справедливо ставя вопрос о необходимости отмены крепостного права и других общественных преобразованиях в России, декабристы слепо подражали примерам Западной Европы и были склонны пренебрегать национальными особенностями России. Они организовали попытку государственного переворота в декабре 1825 года. Подавление декабрьского восстания, аресты и казни декабристов способствовали ужесточению мер против инакомыслия.

Многие идеи декабристов разделяли и на национальных окраинах России. Среди заговорщиков, собиравшихся выступить против царской власти в Польше, были члены организации «Национальное масонство». Как и декабристы, они были связаны с идейно-политическими центрами буржуазных революций Запада. После начала восстания в Польше в 1830-1831 годах Россия силами 115 тысяч солдат смогла разбить армии повстанцев (55 тысяч). В битве при Остроленке поляки потеряли более 8 тысяч человек. Восстание было подавлено. Бежавшие из России в Западную Европу польские эмигранты рассказывали о своей борьбе против царских войск и активно вели антироссийскую пропаганду.

При этом справедливое негодование по поводу лишения польского народа права на независимость сопровождалось огульным осуждением России как страны и русских как народа. Пушкин с негодованием осуждал кампанию против своей Родины в стихотворении «Клеветникам России». С одной стороны, он указывал на давние истоки польско-русских конфликтов. С другой стороны, он обращал внимание на родство судеб всех славянских народов, включая русских и поляков, и отвергал суждения тех, для кого «безмолвны Кремль и Прага» и кто ненавидит всех славян. (Знаменательно, что, когда в 1846 году австрийцы подавили восстание в Кракове, в ходе которого была провозглашена Польская республика, Австрийская империя не стала объектом столь громкого всеобщего осуждения в Западной Европе, каким стала Россия после 1830 года.)

Менее чем через два десятилетия к польским эмигрантам в Западной Европе присоединились венгерские, также утратившие родину после вступления в Венгрию русских войск. В мае 1848 года по просьбе австрийского императора Франца-Иосифа в области Австрийской империи (Венгрия и Трансильвания), охваченные революцией, были введены российские войска общей численностью в 140 тысяч человек. Лишь благодаря российской помощи революционные силы были разбиты, Австрийская империя была сохранена, а Франц-Иосиф удержался на троне. В России многие видные общественные деятели приветствовали царскую помощь венскому двору. Россия представлялась им несокрушимой твердыней, неподвластной общественным бурям, которые сметали европейские режимы. В 1848 году русский поэт и дипломат Федор Тютчев в своем стихотворении «Море и утес», написанном под впечатлением революционных событий в Европе, уподобил самодержавную страну «неподвижному, неизменному», «спокойному и надменному» утесу, который гордо возвышается над «адскими» волнами и «мутной пеной» Революции.

Однако революционеры и все политические силы, оппозиционные существовавшим в Европе режимам, негодовали по поводу действий России. Россия окончательно обрела в глазах либеральной и революционной общественности Западной Европы репутацию главного оплота европейской реакции. Хотя участие русских войск в подавлении восстаний в Европе за пределами России в 1848 году был единственным случаем такого рода в XIX веке, Россию стали именовать «жандармом Европы».

Негативное отношение к России разделяли не только революционеры стран Западной Европы и их сторонники, но и значительная часть общественности этих стран. Сознание того, что лишь Россия оказалась способной сокрушить Наполеона, привело к тому, что ее стали бояться. В то же время свидетельства о хозяйственной отсталости России и о ее необыкновенных богатствах убеждали многих в том, что она может стать удобным объектом для нападения и лакомым куском для будущих захватов.

Эти наблюдатели изображали Россию не оплотом монархических режимов существовавших в Западной Европе, а олицетворением темных сил, выступающих против цивилизации. Еще в 1835 году Алексис де Токвиль, противопоставляя в своей книге «Демократия в Америке» Соединенные Штаты России, утверждал: «Американец борется против естественных препятствий, стоящих у него на пути; противниками русского являются люди; первый сражается с дикостью и дикарями; второй – с цивилизацией, применяя для этого все виды оружия и искусства: поэтому первый достигает успеха с помощью плуга; второй – с помощью меча. Англо-американец… предоставляет полную свободу неконтролируемым действиям и здравому смыслу своих граждан; русские концентрируют всю власть в одних руках: главная цель первых – свобода; у вторых – рабство».

Впоследствии обвинение России в стремлении покорить цивилизованный мир повторяли многие в течение более чем полутора столетий. Так, Збигнев Бжезинский, разделив площадь России на число лет ее существования, получил следующий результат: «В течение века это означало ежегодное присоединение к Москве территории, равной по площади Голландии или Вермонту», то есть чуть более 30 тысяч квадратных километров. На основе этих и многих подобных заявлений можно подумать, что Россия являлась страной-людоедом, поглощавшей ежегодно по небольшому цивилизованному государству или по провинции большой цивилизованной державы. Если же так было, то непонятно, каким образом России удавалось «поедать» одну страну за другой, а весь цивилизованный мир много веков терпел это безобразие.

Разумеется, эти оценки строились на произвольной манипуляции историческими фактами и их односторонней интерпретации. Пользуясь методом Бжезинского, можно разделить рост территории США с 1776 по 1867 год и убедиться в том, что эта страна ежегодно расширялась более чем на 100 тысяч квадратных километров. Следуя логике Бжезинского, можно сказать, что каждый год США захватывали территорию в три раза больше площади Голландии, или равную Исландии.

На самом деле наибольшие приращения к своей территории Россия получила во времена царствования Алексея Михайловича, когда в ее состав вошли почти необитаемые земли Сибири и большей части российского Дальнего Востока, Вопреки манипуляциям Бжезинского в дальнейшем скорость увеличения размеров российских земель постоянно убывала. Если за XVIII век площадь России выросла на одну треть, то за сто лет, от 1815 до 1914 года, вновь обретенные земли (Армения, Туркмения, Кокандское ханство, Приморье, Приамурье, Сахалин и еще ряд сравнительно небольших территорий) увеличили площадь империи примерно на 5 %. Однако после продажи Аляски в 1867 году площадь России сократилась более чем на 5 %. Таким образом, за целый век общая площадь империи несколько уменьшилась. В это же время колониальные владения различных стран, кроме России, постоянно возрастали и во все более быстром темпе. Только с 1876 по 1914 год Великобритания, Франция, Германия, США и Япония стали обладателями новых колониальных владений общей площадью в 22,2 миллиона квадратных километров и с населением в 190 миллионов человек. Это составило 38 % обшей площади и треть населения колониальных владений этих стран. За эти годы территория России возросла лишь за счет небольшого приращения в районе Батума и Карса, а также некоторых районов в Туркмении.

Следует также учесть, что для того, чтобы доказать превосходство американцев над русскими, де Токвилю пришлось не считать людьми «дикарей», которых безжалостно истребляли американцы. Правда, через несколько лет после американской аннексии Техаса в 1845 году и начала войны США с Мексикой 1846-1848 годов заявление де Токвиля о

неспособности американцев поднять руку на цивилизованный народ утратило силу. Затем США многократно применяли силу для того, чтобы расширить свои владения за счет цивилизованных стран, в частности в войнах XIX века против Мексики и Испании.

Страх перед «русской угрозой» стал обыденным в странах Западной Европы. Иван Васильевич, герой повести В.А. Соллогуба «Тарантас», написанной в 1840 году, «замечал, что, куда бы он ни показывался, в какую землю бы он ни приезжал, – на него смотрят с каким-то недоброжелательным, завистливым вниманием. Сперва приписывал он это личным своим достоинствам, но потом догадался, что Россия занимает невольно все умы и что на него так странно смотрят единственно потому, что он русский. Иногда за табльдотом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Россия завладеет всем светом? правда ли, что в будущем году Царьград назначен русской столицей? Все газеты, который попадались ему в руки, были наполнены соображениями о русской политике. В Германии панславизм занимал все умы. Каждый день выходили из печати глупейшие насчет России брошюры и книги, написанные с какой-то лакейской досадой и ровно ничего не доказывающие, кроме бездарности писателей и опасений Европы».

Многие наблюдатели изображали Россию в виде дикой орды, стремившейся покорить остальные народы. Посетивший Россию в 1839 году маркиз де Кюстин писал: «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим более ста лет назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится… Научный дух отсутствует у русских… у них нет творческой силы, ум у них по природе поверхностный и ленивый. Если они и берутся за что-то, то только из страха… Вечные дети, они могут на миг стать победителями в сфере грубой силы, но никогда в области мысли». При этом маркиз говорил, что Россия стремится к мировому господству. А поэтому он писал: «Будущее в Европе представляется мне в мрачном свете». Он предрекал «новое нашествие с Востока» и уверял: «Нам грозит вечное азиатское иго».

Шумная и широко распространявшаяся в странах Западной Европы и Северной Америки антироссийская пропаганда, с одной стороны, позволяла скрыть пороки строя, существовавшего в этих странах, а, с другой стороны, мешала увидеть подлинные черты России, со всеми ее сложностями и противоречиями, в том числе и в ее внешней политике. Страхи о том, что Россия стремится напасть на Западную Европу и поработить ее, были по меньшей мере преувеличенными. Занятие Россией ряда стран на ее западных границах в XVIII—XIX веках был вызван не походами России против Западной Европы, а ее участием в военных коалициях совместно с западноевропейскими странами.

После же завершения этих внутриевропейских войн Россия наравне со своими союзниками делила побежденные страны, как это было принято в те времена. В ходе Северной войны, в которой Россия имела немало западноевропейских союзников, под скипетр Петра I перешли земли, находившиеся под властью шведского короля в Прибалтике. Эти земли были населены не шведами, а эстонцами, латышами и другими народами, никогда не имевшими своей государственности. Хотя Речь Посполита была трижды подвергнута расчленению Пруссией, Австрией и Россией, в ходе этих трех разделов России достались земли, населенные преимущественно не поляками, а литовцами и – главным образом – родственными русским восточно-славянскими народами и единоверцами русских – белорусами и украинцами. После Тильзитского мира с Наполеоном последний предложил России занять Финляндию и Польшу. Последняя стала частью России по решению Венского конгресса 1815 года после того, как польские войска приняли активное участие в походе Наполеона на Россию. В то же время, учитывая политические традиции Польши, присоединенная к России часть этой страны была названа Царством Польским. Там до 1830 года действовала конституция (в остальной части Российской империи этого не было) и избирался сейм.

Экспансия России отнюдь не вела к уничтожению цивилизации, как следовало из слов Токвиля или де Кюстина. Например, захват Россией Финляндии у Швеции в 1809 году привел к становлению государственности в этой северной стране, веками порабощенной шведами. Хотя главой Великого княжества Финляндского стал российский император, Финляндия впервые за свою историю обрела выборный четырехсословный парламент (сейм).

Без его согласия царь не мог ввести новый или отменить старый закон, вводить налоги. Финляндия получила свою таможню по торговле с Россией. Доходы княжества не вливались в общеимперскую казну, а целиком использовались на внутренние нужды. В 1860 году в Финляндии была введена своя монета. После присоединения к России в Финляндии активно развивалась национальная культура. В 1835 году был впервые опубликовано главное произведение финского эпоса «Калевала». В 1838 году было создано финское научное общество, в 1846 году – Художественное общество. В 1872 году в Гельсингфорсе был основан финский Национальный театр. В финляндском княжестве расцветали таланты национальных художников, скульпторов, архитекторов, композиторов, затем прославивших свою страну во всем мире.

Завоевание Россией Эстляндии, Лифляндии и Курляндии способствовало ослаблению 700-летнего национального угнетения народов этих стран немецкими феодалами. В Эстляндии, Лифляндии и Курляндии уже в 1804 году было отменено крепостное право (больше чем за полвека до его отмены в остальной России). Если при власти немцев и шведов местным жителям нередко запрещали появляться на территории городов, то после присоединения к России было упразднено принудительное членство в гильдиях городских ремесленников, что позволило эстонцам и латышам селиться в городах, где до тех пор господствовали немцы.

Выходцы из прибалтийской эмиграции западные историки Р. Мисиунас и Р. Таагепера утверждали, что даже политика русификации, которую считали главной напастью для культур национальных меньшинств в России, принесла блага Эстонии и Латвии. Они писали: «Рост национального сознания… был ускорен политикой русификации… Эта политика была направлена против провинциальной администрации, судов, системы образования, являвшимися бастионами привилегированных германских элементов. Это давление помогало политической активности растущих элементов Эстонии и Латвии… В 1904 году эстонцы добились большинства в муниципальном совете в Таллине. Между 1897 и 1906 годами латвийцы получили большинство в муниципальных советах четырех больших городов».

Национальному освобождению эстонцев и латышей от немецкого господства способствовало и распространение православия. Только в Лифляндии 75 тысяч крестьян перешло в православие. Р. Мисиунас и Р. Таагепера писали: «Распространение русской православной веры оказалось успешным в ряде округов, и это явилось противовесом для лютеранской церкви, в которой господствовали немцы. Соревнование между двумя церквами способствовало расширению публикаций на латышском и эстонском».

Становление национальной культуры в Эстонии и Латвии (например, публикация основных эпических произведений «Калевипоэг» и «Лачплесис») произошло лишь после их вступления в состав Российской империи. Эстонский публицист Якоб Хурт писал в 1874 году: «Буквально на днях эстонский язык впервые прозвучал со сцены в драматических спектаклях… Национальные элементы не угасают, а приходят в движение». Р. Мисиунас и Р. Таагепера писали: «Урбанизация сопровождалась расширением образования на родных языках. К концу XIX века эти балтийские провинции (Лифляндия, Курляндия, Эстляндия) были уникальны в Российской империи тем, что в них фактически была ликвидирована неграмотность». И это не мешало людям на протяжении многих лет считать заявления Токвиля о войне России против цивилизации верными и даже пророческими.

Даже там, где войны России сопровождались многочисленными жертвами среди населения покоряемых областей, нельзя было безоговорочно утверждать о том, что русские

войска истребляют цивилизацию. Зачастую в покоряемых Россией племенах сохранялись рабские отношения, практиковался угон людей в рабство и другие проявления жестокостей и насилия. Хотя экспансия России на юг с середины XVI века привела к кровопролитным войнам с народами Северного Кавказа, затем вылившихся в затяжную Кавказскую войну 1817-1867 годов, другой стороной этого продвижения на юг стала защита народов древних цивилизаций Грузии и Армении от Османской империи и Ирана.

Подписание в 1783 году Георгиевского «Дружественного договора» оформило протекторат России над Картлийско-Кахетинским царством. Этот договор позволил Грузии получить помощь русских войск в отражении агрессии со стороны Османской империи и Ирана. Хотя присоединение Картлийско-Кахетинского царства к России привело к ликвидации грузинского государства. и насаждению там порядков, которые зачастую игнорировали особенности грузинской культуры, в ходе последовавших русско-иранских и русско-турецких войн многие земли, населенные грузинами, были освобождены от владычества турок и персов.

В ходе русско-иранских войн 1804-1813 годов и 1826-1828 годов к России отошли некоторые земли, населенные армянами. Местное население встречало русские войска как своих освободителей. После Туркманчайского мира 1828 года 40 тысяч армян переселились из Ирана в российское Закавказье. После завершения Русско-турецкой войны 1828-1829 годов 90 тысяч армян переселилось в занятую русскими Восточную Армению. Вряд ли армяне, переселявшиеся в Россию, стремились попасть под власть жестоких и диких поработителей.

Защиту России искали и народы в Центральной Азии, страдавшие от внешней агрессии. Нападения феодалов Джунгарии на казахов в первой трети XVIII века заставили последних обратиться к России. В 1731 году была удовлетворена просьба хана Малого жуза Абдулхайра, обратившегося к России о принятии жуза под ее подданство. Новые вторжения джунгарцев в казахские земли заставили в 1740 году и правителей Среднего жуза просить Россию принять их в подданство. Еще через сто лет с такой же просьбой обратился к России и хан Старшего жуза. Также добровольно и по схожим причинам вошли в состав России племена Северной Киргизии в 50-70-х годах XIX века.

Хулители России забывали, что она вместе с Францией и Великобританией приняла участие в военных действиях против Турции с целью помочь греческому народу в борьбе за свою независимость. Наваринское морское сражение флотов трех держав против турецко-египетского флота в 1828 году сыграло значительную роль в разгроме османских сил. Окончательный разгром турецких войск в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 года завершился Адрианопольским мирным договором. Одна из статей договора предусматривала автономию Греции, а через год эта страна стала независимой.

Славянские и православные народы Балкан также надеялись на помощь России в освобождении от турецкого гнета, который сопровождался массовым истреблением местного населения. В России формировались вооруженные силы сопротивления османскому игу.

Эти исторические факты свидетельствовали о несостоятельности пропаганды, объявлявшей Россию главным и безжалостным поработителем других народов. Такая пропаганда служила удобным прикрытием для готовящегося нападения стран Западной Европы на Россию. Авантюристическая политика Николая I, попытавшегося предпринять раздел Османской империи и завладеть балканскими странами и черноморскими проливами, не учла размаха русофобии в правящих кругах всех стран Западной Европы, их стремления напасть и поработить Россию. Ее просторы давно уже рассматривались на Западе как столь же удобный объект для колониальной экспансии, как и земли Африки. А отставание России от многих стран Европы в хозяйственном отношении позволяло агрессорам надеяться на легкий успех.

В то же время свои агрессивные планы в отношении России общественность Западной Европы прикрывала русофобскими обвинениями ее в дикости, варварстве и желании

уничтожать цивилизованные народы мира. В начале 1850-х годов, в разгар антироссийской кампании, развязанной накануне Крымской войны, популярный в Англии публицист Уорквορт, ссылаясь на лекции «ученого Мицкевича в Парижском университете», объявил о тождестве русских с ассирийцами – на основе филологии. Прочитав имя ассирийского царя Навуходоносора, как «Небукаднецарр», Уорквορт и Мицкевич объявляли: это «не что иное, как русская фраза, означающая: "нет бога кроме царя"». А поэтому слушатели профессора Мицкевича и читатели популярных статей Уорквορта полагали, что от русских можно ожидать бесчеловечных массовых убийств людей, подобных тем, которые верующие, знакомые с Ветхим Заветом, ассоциировали с ассирийцами времен Навуходоносора. Создавалось впечатление о том, что всё человеческое зло сконцентрировалось в России. Такие фальсификации истории и филологии позволяли скрыть хищнический характер готовившейся войны ведущих капиталистических держав Западной Европы против России.

Великобритания, Франция, а также Сардинское королевство поддержали Османскую империю в войне против России, а затем вторглись на ее территорию. Пруссия, независимость которой отстояла Россия в ходе войн против Наполеона, Австрийская империя, которую спасла Россия от развала в 1848-1849 годах, склонялись к тому, чтобы прямо или косвенно поддержать антироссийскую коалицию. Швеция, видимо не забывшая поражений в войнах против России, также была готова взять реванш. В результате в разгар вторжений англо-французских флотов на Черном, Балтийском, Баренцевом и Белом морях, а также Тихом океане в районе Петропавловска-Камчатского Россия была вынуждена держать значительные войска на своей западной границе. В ходе Крымской войны не покорившиеся горцы Северного Кавказа получали усиленную помощь от Османской империи. По сути, в ходе Крымской войны был предпринят поход различных стран Европы и Азии против России.

Хотя упорное сопротивление русских войск интервентам в Севастополе сорвало их планы захвата русских земель, поражение России в ходе Крымской войны 1853-1856 годов свидетельствовало о глубоком кризисе самодержавного строя. После смерти царя Николая I к власти пришел его сын Александр II, взявший курс на реформирование страны. Хотя отмена крепостного права в 1861 году и другие реформы не привели к ликвидации господства помещиков и не изменили самодержавного строя, они дали мощный импульс для быстрого хозяйственного развития страны.

С 1860 по 1900 год объем промышленной продукции в России вырос более чем в 7 раз. Выплавка чугуна в стране возросла с 1870 по 1900 год в 8 раз, добыча каменного угля – в 23 раза. За 20 лет – с 1870 по 1890 год – добыча нефти в стране выросла в 140 раз. В 1900 году Россия вышла на первое место в мире по производству нефти. В 1891-1900 годах среднегодовой темп промышленного производства составил в России 8,5 процента, что было выше, чем в других крупных странах мира (4,9 – в Германии, 3,3 – в США, 2,4 – в Англии, 1,6 – во Франции). Если в 1860 году в России было лишь 1500 километров железных дорог, то в2 году – 31,2 тысячи. Завершенная в 1892 году Сибирская железная дорога до Иркутска открыла путь для людей и товаров от Балтийского моря до Байкала. Вскоре железная дорога достигла Тихого океана. За 1892-1901 годы протяженность российских железных дорог удвоилась, превысив 56 тысяч километров.

Бурное развитие промышленности и транспорта способствовало росту городов. С начала 1860-х до конца 1890-х годов городское население России выросло в 2 раза. Одновременно страна переживала демографический взрыв. С 1870 по 1900 год население страны увеличилось с 84,5 до 132,9 миллионов человек, то есть более чем в 1,5 раза.

Полагаясь на крепнувшее могущество России, ее цари выдвигали все более амбициозные планы расширения границ империи. При этом их планы входили в противоречие с интересами других ведущих стран мира. Остро сталкивались интересы России с западными державами на Балканах. С одной стороны, экспансия на Балканы и далее на юг была связана с давними захватническими планами царизма. Еще во время царствования Павла I граф Ростопчин по просьбе императора составил в 1800 году записку, в

которой излагался план раздела Османской империи между Россией, Францией, Австрией и Пруссией. Ростопчин считал, что «Романия, Болгария и Молдавия, а по времени и греки и сами подойдут под скипетр российский». Павел I написал на краю записки: «А можно и подвесть». Еще раньше в царских кругах была выдвинута идея овладеть Черноморскими проливами и вернуть Константинополь православию.

С другой стороны, стремление русских царей овладеть этим регионом и особенно черноморскими проливами было объяснимым. Лишь выход России к Балтийскому и Черному морям позволял ей тогда участвовать в международной торговле в условиях мира. В отличие от Великобритании, США, Германии, Японии, Франции и ряда других стран Россия оказывалась полностью отрезанной от мировой торговли в случае начала военных действий в этих морях. Начало Первой мировой войны, в ходе которой российский флот оказался не в состоянии выходить за пределы Черного и Балтийского морей, лишило Россию 99 % импорта и экспорта.

К тому же следует учесть, что экспансия царизма на Балканы получала поддержку многих народов этого региона. Конец 70-х годов XIX века был отмечен подъемом национально-освободительного движения против османского ига. Эта борьба пользовалась поддержкой в России. В ходе сербско-черногорско-турецкой войны 1876 года в Сербию направились русские добровольцы, а славянским народам оказывалась материальная помощь. Непосредственным поводом для Русско-турецкой войны 1877-1878 годов стал отказ османского султана предоставить автономию Боснии, Герцеговине и Болгарии. После начала Русско-турецкой войны на стороне русских войск выступило болгарское ополчение. Несмотря на то что русская армия оказалась вооруженной хуже турецкой (у последней было много более совершенных английских и американских винтовок) и несмотря на плохую подготовку ряда военных операций, война закончилась победой России. Лишь вмешательство Великобритании, направившей эскадру кораблей в Мраморное море, помешало русским войскам войти в Константинополь. Следствием победы России стало создание условий для завоевания независимости Румынией, Болгарией, Сербией и Черногорией.

Другим объектом соперничества с Великобританией стала Средняя Азия. Следствием стремления России продвинуться до Индии (еще Павел I направил казаков Платова в Индию, чтобы вместе с Наполеоном I принять участие в разделе британских колониальных владений в Индостане) стало вторжение русских войск в 60-70-х годах XIX века в три среднеазиатских ханства (Кокандское, Бухарское и Хивинское). После серии вооруженных столкновений Бухара, а также Хива в 1873 году признали протекторат России и эта форма зависимости сохранялась до Октябрьской революции. Кокандское же ханство оказало упорное сопротивление русским войскам и после недолгой, но кровопролитной войны его суверенитет был ликвидирован.

Хотя присоединенные к России азиатские земли стали объектом усиленной эксплуатации, установленный там режим не сопровождался политикой геноцида, которую, как правило, проводили европейские колонизаторы в странах Африки, Америки, Азии и Океании. Русский социалист С.М. Степняк-Кравчинский, отнюдь не склонный к идеализации русской внешней экспансии, в своем исследовании «Русское крестьянство» писал: «Русская завоевательная политика на Востоке проходит через два этапа. На первом этапе, сразу после завоевания или мирного присоединения края, русское управление представляется в самом выгодном свете. Устанавливается порядок, исчезает рабство и расовая дискриминация, вводятся равные законы для всех, и уважение достигается строгостью, умеряемой справедливостью».

Динамичное развитие капиталистических отношений в России способствовало быстрому хозяйственному развитию и ее национальных окраин. За последние 15 лет XIX века площадь хлопковых плантаций на территории нынешнего Узбекистана выросла в 9 раз. Промышленный подъем затронул и Закавказье. Грузия стала обеспечивать около 50 % мировой добычи марганца. За последнее десятилетие века добыча нефти в Баку и его

окрестностях выросла в три раза. Добыча нефти в Баку в 1901 году составила 50 % мировой нефтедобычи. Здесь в считанные годы создавались сказочные богатства предпринимателей, среди которых было немало и представителей российских национальных меньшинств, например Г.Тагиев, М. Нагиев, Ш. Асабуллаев, М. Мухтаров, А. Манташев, Г. Лианозов, П. Гукасов. Появились «нефтебароны» и в других местах нефтедобычи (например, чечененский нефтепромышленник А.М. Чермоев). Местные богачи появились и в других областях Кавказа, переживавших экономический подъем (например, дагестанский помещик Н. Гонинский, коннозаводчик кабардинец П. Коцоев).

В то же время, как и в остальной России, подавляющее большинство населения окраин не обрело богатства и процветания, ставших уделом лишь привилегированного меньшинства. Как отмечал Степняк-Кравчинский, на последующем, втором, этапе колонизации «на смену людям талантливым, энергичным и честолюбивым пришли обыкновенные чиновники, и они начали с того, что стали вводить новые методы «русификации». А их «помошь» новому краю выражалась в том, что они беззастенчиво отбирали землю как у туземцев, так и у своих соотечественников – русских переселенцев».

И все же несмотря на гнет властей и усиливавшуюся эксплуатацию населения в погоне за прибылью, отношения между русскими поселенцами и местным населением ни в коей степени не напоминали те, что существовали между европейскими колонизаторами и покоряемыми ими народами. Это было обусловлено тем, что в их социальном положении между русскими поселенцами и большинством местного населения не было существенных различий. Степняк-Кравчинский писал в 1888 году: «Русскими поселенцами… были исключительно крестьяне; их призывали на новые земли для укрепления позиций империи и поощряли такие переселения… Крестьяне брали себе лишь столько земли, сколько могли обработать собственными руками, никогда не присваивая лишней десятины. К тому же они почти никогда не отказывались входить в дружественные отношения с коренным населением». Ф.Ф. Нестеров подчеркивал: «Не было… материальных причин к тому, чтобы русские крестьяне и казаки становились в непримиримо враждебные отношения к нерусским народам, и не было причин для яростной, слепой ненависти с другой стороны. Нигде русская община не напоминает английскую колонию, нигде не держится обособленно-высокомерно по отношению к «туземцам», повсеместно она органично врастает в окружающую иноплеменную среду, завязывает с ней хозяйственные, дружеские и родственные связи, повсеместно, срастаясь с ней, служит связующим звеном между нерусскими и Россией. Не было комплекса «народа-господина», с одной стороны; не было и реакции на него – с другой, а потому вместо стены отчужденности выковывалось звено связи».

В то время как дети, рожденные от браков (или внебрачных связей) между «белыми» поселенцами и туземцами, во многих странах становились объектами презрения со стороны колонистов, в России ничего подобного не наблюдалось и заключение подобных браков было обычным делом. В официальном издании «Азиатская Россия» (1914 год) отмечалось: «Браки русских с инородцами совершались во множестве. В результате получалось широкое и повсеместное смешание русских со всевозможными инородческими племенами».

Отсутствие в русской культурной традиции расовой или национальной дискриминации способствовало успешной интеграции нерусских народов в русское общество. Бывшие князья Литвы, с которой не раз враждовала Русь, или потомки татарских ханов становились основоположниками видных дворянских родов в России. В высшие слои русского общества принимались люди вне зависимости от их национального происхождения. Выдающимся русским полководцем стал грузинский князь Багратион. В последние годы царствования Александра II армянский дворянин Лорис-Меликов был назначен начальником Верховной распорядительной комиссии и фактически стал диктатором страны. Высшие посты в правительстве России занимали в XIX веке грек Каподистрия и еврей Нессельроде. В правительстве России немцы играли не просто заметную, а часто ведущую роль. Все это свидетельствовало о национальной открытости русского общества, которой, как правило, не существовало на Западе.

Однако во второй половине XIX века представления о России как «тюрьме народов» еще шире распространились на Западе. Этому в не малой степени способствовало подавление русскими войсками польского восстания 1863-1864 годов, когда 120-тысячная царская армия в течение года разбила разрозненные отряды повстанцев общей численностью в 15-20 тысяч человек.

Следствием подавления польского восстания явилось усиление репрессивной политики в российской части Польши. Одновременно умножились и репрессии на территории Литвы, где польское восстание получило поддержку. В 1865 году было запрещено издание литовского букваря с использованием латинского алфавита. В то время как распространение православия и оттеснение лютеранства воспринимались народными массами Эстонии и Латвии как часть борьбы за национальное освобождение, в Литве наступление на католицизм означало ограничение прав в национальной культуре. «Борьба за религиозное равенство стало одним из направлений литовского националистического движения», – отмечали Мисиунас и Таагепера.

Эта борьба получала все возраставшую поддержку извне. Базой для распространения католицизма и антироссийской пропаганды стала Восточная Пруссия. Там была издана первая газета на литовском языке. Газеты и книги, издававшиеся в Тильзите на литовском языке, тайно переправлялись в Литву. Была создана тайная система «школ очага», превратившихся в оплоты борьбы против русского господства.

Борьба литовцев и поляков за национальное освобождение получила широкую поддержку не только в Восточной Пруссии, но и во многих странах Западной Европы. В рядах польских повстанцев сражались добровольцы из разных стран – французы, итальянцы, хорваты, немцы, венгры. Вождь итальянского национально-освободительного движения Д. Гарибальди выражал готовность принять участие в польском восстании. Свое сочувствие восставшим выразил Виктор Гюго.

Другим обстоятельством, усилившим негативные представления о России значительной части европейской общественности, стал «еврейский вопрос», возникший вскоре после разделов Речи Посполитой. Присоединение к России бывших владений польских королей привело к тому, что наряду с литовцами, украинцами и белорусами ее подданными стали сотни тысяч евреев, многие из которых активно занимались торговлей. Уже в 1790 году московские купцы обратились к Екатерине II с челобитной, в которой просили оградить их от конкуренции ее новых подданных. В ней утверждалось, что еврейские купцы «производят розничную торговлю вывозимыми самими ими из-за границы иностранными товарами с уменьшением против настоящих цен, тем самым здешней торговле причиняют весьма чувствительный вред и помешательство. И сия против всех российских купцов через границы продажа явно доказывает не что иное, как тайный через границы провоз и совершенную утайку пошлин». Купцы подчеркивали, что «отнюдь не из какого-либо к ним, в рассуждении их религии, отвращения и ненависти», а исключительно из-за материального ущерба они испрашивали запрещения евреям торговать, изгнания уже поселившихся и исключения записавшихся тайно в московское купечество.

Просьба купцов была удовлетворена, и евреям в декабре 1791 года было запрещено «записываться в купеческие города и порты». Так было положено начало «черте оседлости», за пределами которой евреям запрещали селиться и заниматься коммерческой деятельностью. Попытка административными мерами остановить деловую активность еврейских торговцев, с одной стороны, преодолевалась всяческими ухищрениями, а с другой стороны, стала источником усиливавшегося конфликта между еврейским населением и российскими властями. Конфликт усиливался по мере быстрого роста еврейского населения. В своем исследовании «Двести лет вместе» А.И. Солженицын писал: «От первичного околомиллионного населения при первых разделах Польши – до пяти млн 175 тыс. к переписи 1897-го, то есть за столетие выросло больше чем в **пять** раз. (В начале xix в. российское еврейство составляло 30 % мирового, в 1880-м – уже 51 %.) Это – крупное историческое явление, не осмысленное привременно ни русским обществом, ни российской

администрацией».

Между тем на Западе сумели оценить значение последствия роста населения в пределах «черты оседлости» и, как следствие этого, разраставшегося внутрироссийского конфликта. Одним из свидетельств этого явилась миссия 1846 года в Россию сэра Мозеса Монтефиоре. Он прибыл с рекомендательным письмом от королевы Великобритании Виктории и, как отмечал Солженицын, «с задачей добиться улучшения участи еврейского населения в России». Совершив поездку по областям, населенным евреями, М. Монтефиоре представил Николаю I «обширное письмо с предложением вообще освободить евреев от ограничительного законодательства», «возможно скорее уничтожить ограничения в праве жительства и передвижения в пределах черты оседлости». Требование снятия ограничения с евреев лицемерно выдвигала Великобритания, которая в это время насаждала бесчеловечный колониальный режим на всех континентах планеты и душила свободу многих народов мира, в том числе и в соседней Ирландии.

Созданный в 1860 году Всемирный еврейский союз во главе с бывшим французским министром А. Кремье, как отмечал Солженицын, «не раз обращался к правительству России, заступаясь за русских евреев, хотя часто и невпопад… протестовал Кремье против переселения евреев на Кавказ или на Амур – а такого намерения у русского правительства не было; в 1869-м – что евреев преследуют в Петербурге – но этого не было и жаловался президенту США на предполагаемые им гонения на саму еврейскую веру со стороны еврейского правительства».

Эти заявления не оставались без внимания со стороны руководителей ведущих западных держав. Солженицын обратил внимание на новую миссию сэра Мозеса Монтефиоре в Россию в 1872 году, а также давление «Дизраэли да и Бисмарка на Горчакова на Берлинском конгрессе 1878 года. Стесненный Горчаков там оправдывался, что Россия нисколько же не против религиозной свободы и полностью ее дает, но “не следует смешивать религиозную свободу с предоставлением политических и гражданских прав”».

Мощный импульс выступлениям во всем мире в защиту российских евреев был дан еврейскими погромами на юге России в 1881-1882 годах. До тех пор Россия практически не знала подобных бесчинств, если не считать крупного еврейского погрома, осуществленного греческим населением Одессы. (История подобных погромов началась задолго до возникновения России, Один из наиболее кровавых еврейских погромов был устроен греками в Александрии в середине I века новой эры). Хотя поводом для еврейских погромов стало убийство Александра II 1 марта 1881 года, они начались почему-то лишь через полтора месяца после этого события. Удивительным было и то, что роль евреев в организации этого убийства была ничтожно малой, а поэтому для обвинений евреев в убийстве царя не было серьезных оснований. Лишь Геся Гельфман, проходившая по «процессу 1 марта», была еврейкой. Она же была единственной подсудимой, которая не была казнена, так как ее роль в организации и осуществлении убийства царя не была главной. Евреями не были и остальные подсудимые. Ими не было и подавляющее большинство членов «Народной воли».

Также было удивительно и то, что погромы произошли в городах и местечках Правобережной Украины, которые находились вдали от главных центров политической жизни России. Хотя во время погромов, охвативших сотни населенных пунктов, еврейскому населению был нанесен огромный материальный ущерб, человеческих жертв было немного: в ходе них погиб один человек (по другим сведениям, погибло двое).

Эти погромы вызвали взрыв негодования в Западной Европе и США, хотя известно, что в это время в различных странах мира постоянно творились кровавые расправы (во время разгонов рабочих демонстраций полиция нередко убивала по несколько человек, а в ходе уничтожения населения покоряемых колонизаторами стран Африки и Азии каждый день гибли сотни людей). Также известно, что антисемитизм в Западной Европе был в это время широко распространен. Так, в 1882-1884 года в связи с так называемым Тисса-эслярском деле по обвинению евреев в ритуальном убийстве в Австро-Венгрии прокатилась волна еврейских погромов. Антисемитская кампания вскоре захватила и Францию. В разгар споров

вокруг «дела Дрейфуса» в 1898 году Эмиль Золя писал, что французский народ, «отравленный ядом изуверства… мечется по улицам с воплем: "Долой евреев! Смерть евреям!"». Однако мировая реакция на еврейские погромы в России намного превосходила протесты против жестокостей властей на Западе по отношению к оппозиции или против антисемитизма в странах Западной Европы. Одним из следствий этой кампании стала массовая эмиграция евреев из России.

Хотя в организации погромов многие обвиняли царские власти, для этого не было оснований. Царское правительство не желало дестабилизировать положение внутри страны и поощрять беззаконный самосуд. На местах же полиция действовала исключительно сурово по отношению к погромщикам. Их разгоняли, избивали, арестовывали. Известный публицист Влас Дорошевич рассказывал в очерке «Пытки» о том, как пристав проверял, действительно ли подозреваемый шел на погром или был ошибочно задержан. Он брал нагайку и ударял его по спине. (Пристав хвастал, что ударом своей нагайки он перебивает железный гвоздь.) Если испытуемый корчился от боли и орал благим матом, то пристав отпускал подозреваемого. Если же тот не слишком сильно кричал, пристав заставлял его раздеваться. Обычно оказывалось, что у такого задержанного было одето несколько рубашек. Поясняя свои приемы Власу Дорошевичу, пристав говорил: «Идут на погром, – побольше рубашек на себя надевает. Будут казаки плетьми бить, – чтобы не так больно». Очевидно, что погромщики знали, что они идут на противозаконное дело и им крепко достанется от представителей властей.

Хотя Солженицын высказывает предположение о том, что погромщиков подстрекали враги царского строя – революционеры-народовольцы, его подозрения покоятся на шатком основании. Кроме заявления о том, что погромы приветствовал один из народовольцев Ткачев, Солженицын не смог предъявить иных соображений, а потому ограничился туманным заявлением: «Народовольцы (и ослабшие "чернопередельцы") и не могли долго ждать после того, как убийство царя не вызвало предвидимой и ожидаемой ими мгновенной всеобщей революции. При той растерянности умов, какая возникла в народной массе после убийства царя-Освободителя, – не слишком-то большой и толчок требовался, чтобы шатание умов преклонилось в какую-то сторону». Однако трудно предположить, что умы народовольцев шатались настолько, чтобы для провоцирования революции в России они решили заменить цареубийство разграблением и избиением мелких еврейских хозяев в далеких южных местечках Украины.

В то же время очевидно, что за погромами стояла некая сила, способная организовать массовые выступления громил в разных концах Южной Украины. Не была ли эта сила внешней? Недовольство той или иной этнической группы для дестабилизации России уже не раз использовалось ее внешними врагами в XIX веке. Османская империя поощряла конфликты народов Северного Кавказа с российским государством для того, чтобы ослабить натиск России на турецкие владения. В течение XIX века ряд стран Запада не раз брали на вооружение «польский вопрос» для прикрытия захватнических целей в отношении России. С конца XIX века Германия, а также ряд других стран стали создавать свою агентуру среди национальных меньшинств России. Поскольку известно, что, начиная с 40-х годов XIX века, страны Запада старались поддерживать напряжение в отношениях между евреями и царским правительством, можно предположить, что агентура этих же стран могла спровоцировать погромы во имя превращения евреев в свою «пятую колонну» внутри Российской империи.

Те же силы были заинтересованы и в массовой эмиграции наиболее бедной части еврейского населения (а именно бедняки побежали из России после погромов 1881-1882 годов). В массовой эмиграции были заинтересованы и богатые евреи в России. Спровоцировав эмиграцию, богачи избавлялись от необходимости нести хотя бы часть бремени благотворительности (за счет благотворительных пожертвований богачей жило от 25 % до 38 % всего еврейского населения России).

Провоцирование массовой эмиграции евреев позволяло некоторым западным державами и ведущим международным еврейским финансистам решить ряд задач, не

связанных непосредственно с делами России. Например, создать динамичную прослойку среднего класса в США или основать колонии поселенцев в Палестине. Солженицын обратил внимание на то, что «первую идею о еврейской эмиграции из России в Америку подал съезд Альянса (Всемирного Еврейского Союза) еще в 1869-м – с мыслью, что первые, кто устроится там с помощью Альянса и местных евреев, «стали бы… притягательным центром для русских единоверцев». Солженицын заметил также, что особенно много эмигрировало евреев из Западного края, где и погромов не было. Многие, подобно «мальчику Моттлу» из одноименной повести Шолом-Алейхема, лишь оказавшись на берегу Атлантического океана, наконец, задавали вопрос: «А что же такое погромы?», потому что ни они сами, ни их родственники никогда не были их свидетелями.

Из этой же книги Шолом-Алейхема создается впечатление, что за рубежами России было все готово для начала массовой эмиграции еще до начала погромов. По всей Западной Европе была создана цепочка эмигрантских комитетов, обеспечивавших беглецов бесплатным питанием, временным жильем, денежным вспомоществованием и билетами на поезда и пароходы. Исход евреев из России принял массовый характер, и в результате эмиграции с 1882 по 1908 год из России только в США выехало 1,5 миллиона евреев. Россия же обрела репутацию самого жестокого преследователя евреев.

К этому времени становилось все более очевидным, что сложившаяся практика решения национального вопроса в России, и особенно «русификаторская» политика Александра III, входили в противоречие с интересами быстро развивавшейся национальной буржуазии и национальной интеллигенции ряда народов, населявших Россию. Их не удовлетворяли отношения равноправия, существовавшие на уровне трудящихся России вне зависимости от их национального происхождения. Их не устраивали существовавшие условия для социального продвижения в российском обществе и широкие возможности для развития национальных культур. Влиятельные силы интеллигенции и буржуазии национальных меньшинств стремились оторвать свои народы от России и установить прямые связи с капиталистическим Западом. На окраинах империи сложились мощные центробежные силы, грозившие отделению от нее обширных и богатых земель, в том числе и населенных такими же потомками Киевской Руси, как и русские. Эти планы получали все возраставшую поддержку на Западе, особенно со стороны держав, стремившихся к переделу России.

Даже союзники России, искавшие ее поддержку в угоду своим внешнеполитическим планам, не желали видеть ее сильной. Александр III с горечью констатировал, что у России есть лишь два союзника – армия и флот. Эти соображения не помешали Николаю II, занявшему в 1894 году российский трон после смерти Александра Ш, принять участие в интервенции против Китая вместе с Японией, Великобританией, Германией, США и Францией в 1900 году. Участие России в подавлении восстания китайского народа и разделе китайских земель вместе со своими конкурентами лишь усилило вероятность столкновения между ними в скором будущем. Это и привело к нападению Японии на Россию в начале 1904 года.

Русско-японская война 1904-1905 годов продемонстрировала враждебность ведущих держав мира и влиятельных международных кругов по отношению к России. США, Великобритания и Германия поставляли в Японию вооружение и другие военные материалы. Как отмечала историк Присцилла Робертс, только фирма «Кун и Леб» предоставила правительству Японии в ходе Русско-японской войны пять займов.

При этом, как указывала Робертс, «мотивы, которыми руководствовался Шифф, предоставляя эти займы, были отнюдь не чисто финансовые. Его отвращение к антисемитской политике царского правительства России было так сильно, что он запретил фирме "Кун и Леб" участвовать в предоставлении займов России и просил еврейских финансистов из Британии и других европейских стран ввести аналогичное эмбарго. Шифф надеялся, что поражение России от Японии сможет привести к революции и установлению либерального конституционного правительства, которое прекратит дискриминацию в

отношении пяти или шести миллионов евреев России. Его помощь и поддержка сыграли решающую роль в том, что американские и британские банкиры преодолели свое первоначальное нежелание оказать поддержку барону Такахаши Корекойо, который старался распространить облигации японского военного займа. Банк "Кун и Леб" организовал синдикаты в Нью-Йорке, которые распределяли американские доли ряда военных японских займов… Более того, Шифф был готов мобилизовать услуги многих из европейских банков, с которыми он поддерживал контакты (особенно банка "Варбург и компания"), чтобы распродать эти ценные бумаги. Это, в свою очередь, стало решающим фактором в том, чтобы оказать влияние на британских финансистов принять японские ценные бумаги на хороших условиях. В конечном счете эти ценные бумаги на общую сумму в 535 миллионов долларов (из которых на США – пришлось 196 250 000) были выброшены на европейские и американские рынки. Они покрыли более половины японских военных расходов и стали важным фактором, обеспечившим победу Японии».

Победе Японии способствовала и внешнеполитическая изоляция России. Президент США Теодор Рузвельт стал посредником на русско-японских мирных переговорах, увенчавшихся потерей Порт-Артура, Южно-Маньчжурской дороги, отторжением от России южной части Сахалина и всех Курильских островов.

Но не только правящие круги различных стран мира поддерживали Японию в ходе Русско-японской войны. К этому времени в международном социалистическом движении давно сложилось убеждение, что Россия является главным оплотом мировой реакции и ее военное поражение лишь приблизит час социалистической революции в Европе. В своей статье «Внешняя политика русского царизма», опубликованной в 1890 году, Фридрих Энгельс, говоря об угрозе мировой войны, писал: «Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность… Русское Национальное собрание, которое захочет справиться хотя бы с самыми неотложными внутренними задачами, должно будет решительно положить конец всяким стремлениям к новым завоеваниям… С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны неслыханного размаха и силы. Одно только может остановить ее: перемена строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, – не подлежит никакому сомнению… В тот день, когда падет царская власть, эта последняя твердыня общеевропейской реакции, – в этот день совсем другой ветер подует в Европе».

Через 44 года после публикации этой статьи с ее критикой выступил И.В. Сталин. Он писал: «Энгельс несколько увлекся и, увлекшись, забыл на минуту о некоторых элементарных, хорошо известных вещах». По мнению Сталина, Энгельсом был «упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно момент *империалистической* борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущены роль Англии как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьезное значение и сыгравших потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны».

Комментируя же замечания Энгельса о роли царской России в провоцировании мировой войны, Сталин назвал их «преувеличением». Он писал: «Новый буржуазный строй в России с его "Национальным собранием" не мог бы предотвратить войну хотя бы потому, что главные пружины войны лежали в плоскости империалистической борьбы между основными империалистическими державами… Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также общеазиатской) реакции – в этом не может быть сомнений. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции – в этом позволительно сомневаться».

Однако в начале XX века никто в мировом социалистическом движении не сомневался

в правильности слов Энгельса, так как они отвечали расхожим представлениям о России в самых широких кругах мировой общественности. Многие социалисты связывали свои надежды на революцию в Европе с военными поражениями России. Еще за 10 лет до начала Русско-японской войны Александр Парвус (Гельфанд) высказал предположение о ее неизбежности и неизбежной революции в России под влиянием поражений русских от японцев. По этой причине за поражение России в войне 1904-1905 года выступали самые широкие круги социалистов мира.

Стремлением нанести поражение царской России объясняли и поддержку своих правительств после начала Первой мировой войны многие социалисты Германии и Австро-Венгрии. Указывая на исторические истоки этой позиции, Сталин напоминал: «Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году… где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что "победа Германии есть, стало быть, победа революции", что "если Россия начнет войну, – вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!"». Комментируя слова Энгельса, Сталин замечал: «Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг "защиты буржуазного отечества от царской России, от русского варварства" и т. д.».

Сразу же после начала Первой мировой войны руководящие деятели СДПГ, продолжая заявлять о верности «социалистическим принципам Интернационала», выступили со статьями в печати и на рабочих собраниях с призывами защищать Германию от «реакционных посягательств царизма», «сибирского бескультурья», «диких казаков» и т. д. Аналогичную позицию заняло и руководство социал-демократической партии Австрии.

Русофобия, которая давно стала характерной для общественности Западной Европы, включая социал-демократическое движение, оправдывала измену социалистов этих стран принципам пролетарского интернационализма. Фактически социал-демократы Германии и Австрии солидаризировались с империалистическими кругами мира, развязавшими невиданную до тех пор по своим масштабам и жестокости бесчеловечную бойню, и одобрили поход империалистов своих стран с целью захвата российских земель.

В то же время русофобские лозунги, которые оправдывали агрессивную войну Центральных держав, использовались для поощрения ими национал-сепаратистских движений внутри России. После начала Первой мировой войны правительства Германии и Австро-Венгрии стали создавать военные формирования, во главе которых стояли вожди сепаратистских движений ряда российских провинций. Польский легион под командованием польского социал-демократа Юзефа Пилсудского был вооружен и оснащен Германией и Австро-Венгрией. В распоряжении Центральных держав имелся также Украинский легион, который опирался на слаженную систему подпольных центров внутри России. В Германии был сформирован и финский батальон. С целью склонить военнопленных из Украины, Польши, Грузии, Азербайджана, Средней Азии к вооруженной борьбе против России германские и австрийские власти распространяли среди них пропагандистскую литературу. В Берлине и Вене были организованы центры для повстанческих организаций Литвы, Грузии, Азербайджана и Туркестана.

О том, что вся эта деятельность была направлена на раскол России, стало ясно после того, как 5 ноября 1916 года австро-германские оккупационные власти объявили о создании на захваченной ими российской территории «польского государства». Заявления о дикости и варварстве русских, угнетения ими других народов, враждебности русских цивилизации служили прикрытием для политики, направленной на раздел российских земель и захвата их империалистическими державами Запада.

Глава 9
«Где народ, там и стон…»

Россия, которая для значительной части европейского общественного мнения являлась олицетворением дикости и варварства, на самом деле постепенно догоняла страны Запада по своему уровню капиталистического развития. Одновременно в ней обострялись глубокие противоречия, характерные для этого общественного строя. В то же время в стране сохранялись тяжелые последствия докапиталистического прошлого.

Несмотря на ликвидацию крепостного права, условия жизни крестьянства (свыше 80 % населения страны) существенно не улучшились. Хотя с 1863 по 1913 год сельское население выросло почти в 2 раза, посевные площади хлеба и картофеля увеличились лишь на 12,5 %. Хотя рост урожайности возрос (с 29 пудов с десятины в 1861-1870 годах до 39 пудов в 1891-1900 годах), производительность земледелия оставалась крайне низкой. Поголовье скота увеличилось, но в расчете на душу населения сократилось.

Хотя капитализм быстро развивался в стране, в его сельском хозяйстве сохранялось господство помещичьих хозяйств. По данным переписи, к 1897 году на долю 30 тысяч дворянских семей России приходилось 70 миллионов десятин земли, в то время как 10,5 миллиона крестьянских семей (около 50 миллионов человек) обладали 75 млн десятин. Поэтому многие крестьяне были вынуждены арендовать землю у помещиков. В качестве платы за арендуемую землю они обрабатывали помещичью пашню.

Такая система «отработок», которая фактически представляла форму барщины, была распространена в 17 из 43 губерний Европейской России.

В то же время крестьянская реформа ускорила расслоение в деревне. Уже в 80-х годах XIX века зажиточные крестьяне, составлявшие 20 % всех крестьян, обладали по разным губерниям от 34 до 56 % всей пахотной земли, имевшейся у крестьян. На долю же бедняков, составлявших половину крестьянства, приходилось от 19 до 32 % крестьянской земли.

Следует также учесть, что крестьяне были вынуждены ежегодно платить всевозможные налоги, а также выкупные платежи за обретенную ими землю после освобождения. Сергей Кара-Мурза пишет: «Согласно данным середины 70-х годов XIX века, средний доход крестьянина с десятины в европейской части России составлял 163 копейки, а все платежи и налоги с этой десятины – 164,1 копейки. Тяжелейшей нагрузкой были выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю. В 1902 году они составили 90 миллионов рублей – более трети тех денег, что крестьянство получало от экспорта хлеба».

Вследствие такого положения крестьяне имели минимум денежных средств. Рассказав в своем очерке «После урожая» о том, какое значение для русской крестьянки тех лет имело приобретение иголки стоимостью в грош, писатель Г.И. Успенский замечал: «Никогда ни грош, ни иголка не имели в моих глазах того необычного значения, которое придавала им речь хозяйки. Какая масса затруднений наваливается на крестьянскую женщину из-за одного только гроша, на который можно купить иголку, необходимую в семье постоянно! И оказывается, что бывают моменты, когда *невозможно* купить иголку, нет гроша, нужно идти в люди, просить, кланяться!»

У многих крестьян не было никакой возможности закупать более совершенные орудия труда, и они был столь же архаичными, как и много веков назад. В сборнике очерков «Крестьянин и крестьянский труд» Г.И. Успенский писал: «Хуже той обстановки, в которой находится труд крестьянина, представить себе нет возможности, и надобно думать, что тысячу лет назад были те же лапти, та же соха, та же тяга, что и теперь. Не осталось от прародителей ни путей сообщения, ни мостов, ни малейших улучшений, облегчающих труд… Все орудия труда первобытны, тяжелы, неудобны… Прародители оставили Ивану Ермолаевичу непроездное болото, через которое можно перебраться только зимой, и, как мне кажется, Иван Ермолаевич оставит своему мальчишке болото в том же самом виде. И его мальчонко будет вязнуть, "биться с лошадью", так же как и бьется Иван Ермолаевич».

Писатель сокрушался о том, что такие старательные крестьяне, как Иван Ермолаевич, становились беспомощными жертвами в руках предприимчивых и жадных кулаков. Он писал: «На глазах всех здешних крестьян постоянно, из года в год, происходят такие вещи: местный кулачок, не имеющий покуда ничего, кроме жадности, занимает на свой риск в

соседнем товариществе полтораста рублей и начинает в течение мая, июня, июля месяцев, самых труднейших в крестьянской жизни, покупать сено по пяти или много-много по десяти копеек за пуд; при первом снеге он вывозит его на большую дорогу, где немедленно ему дают тридцать и более копеек за пуд. На глазах всего честного мира человек, не шевельнув пальцем, наживает поистине кучу денег, которые при всех и кладет себе в карман. Каким образом Иван Ермолаевич дорожит гвоздем, говоря: "он денег стоит", и не дорожит сотнями рублей, которые он бросает кулаку на разживу? Ежегодно деревня накашивает до сорока тысяч пудов сена, и ежегодно кулачишко кладет в карман более пяти тысяч рублей серебром крестьянских денег *у всех на глазах,* не шевеля пальцем».

Не замечая, как легко и постоянно их грабили, крестьяне продолжали терпеливо нести бремя своего тяжкого труда, лишь надеясь на хороший урожай, который не обязательно случался на русской земле. Рассказывая про типичную крестьянскую семью в очерке «Урожай», Г.И. Успенский писал: «В наших… местах урожай, да еще такой, который дает хлеба на два года, – явление положительно незапамятное. Старожилы действительно не запомнят ничего подобного… Напротив, весь строй народной жизни… на моих глазах в течение десяти лет был непрерывно изъязвлен отсутствием Божьей благодати и гибельно действовал на душу напряженной, неласковой, неправдивой сущностью явлений окружающей жизни. «Нехватает» быть любящим отцом семейства, «нехватает» быть исправным кредитором, «нехватает» быть исправным плательщиком – и все эти совершенно простые «нехватки» устранялись на моих глазах всегда каким-либо насильственным путем: в семье – семейной ссорой, бранью, причем ребята заснут *с испугу,* забыв про голод, из-за которого и вышла брань; …в недоимке – драньем в волостном правлении, как известно, также заменяющим урожай, и затем в кабаке, как месте забвения всей этой лжи».

И в начале XX века в России продолжали повторять слова Н.А. Некрасова: «Где народ, там и стон…» И. Бунин в своей повести «Деревня», написанной уже в начале XX века, устами своего героя Тихона Ильича размышлял: «Господи Боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, – ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе. А ярмарка? Нищих, дурачков, слепых и калек, – да всё таких, что смотреть страшно и тошно, – прямо полк целый!» Низкий уровень гигиены лишь увеличивал число хронических инвалидов и умерших во время периодически повторявшихся эпидемий. Описывая в той же повести ужасающую антисанитарию деревенской жизни, Бунин писал, что зимой в деревне неизбежно начинались «повальные болезни: оспа, горячка, скарлатина».

В статье «Крестьянство», опубликованной в «Советской исторической энциклопедии», говорилось: «Исключительно неблагоприятные экономические условия жизни крестьянства делали подавляющую массу ее совершенно беззащитной перед лицом частых стихийных бедствий – эпидемий и эпизоотий, заморозков и засух, градобитий и пожаров. С 1860 по 1904-й, по неполным данным, убытки от пожаров составили около 2,7 миллиарда рублей, что превышало всю сумму выплаченных крестьянством выкупных платежей. Неурожаи и голодовки повторялись через каждые 3-4 года. Особенно грандиозными были голодовки 1891 и 1911-го, причем последняя охватила 20 губерний с населением около 30 миллионов человек».

Вспоминая свое крестьянское детство, генерал армии И.В. Тюленев писал: «Лишения и невзгоды, голод и холод постоянно стучались в дверь… Семья у нас, Тюленевых, была большая: шесть человек своих ребят да четверо оставшихся от дяди после его смерти. Отцу с матерью надо было трудиться не покладая рук, чтобы прокормить такую ораву… Земли было мало. Крохотный надел не мог досыта прокормить столько ртов».

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, который был моложе И.В. Тюленева на четыре года и так же, как и он рос в крестьянской семье, вспоминал, что зима 1902 года «для нашей семьи оказалась очень тяжелой. Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей». Летом будущий маршал ловил в

речке рыбу и «делился рыбой с соседями за их щи и кашу».

Хотя потребность в радикальной аграрной реформе и усиленных вложениях в сельское хозяйство была налицо, царское правительство тормозило осуществление подобных планов. Препятствия чинились и планам развития народного образования в деревне. Перепись 1897 года показала, что 73 % населения было неграмотным. Сохранение тогдашних темпов ликвидации неграмотности позволило бы ее ликвидировать в центральной части России не раньше конца XX века, а в Сибири и Средней Азии лишь через несколько столетий.

В деревне не прекращались крестьянские волнения. В 70-х годах многие крестьяне отказывались выплачивать выкупные платежи. Особенно крупными были волнения в Киевской, Воронежской губерниях, среди казаков на Урале и на Дону, а также среди народов Поволжья и башкир. В поисках избавления от тяжелой крестьянской участи многие уходили в города, пополняя ряды растущего рабочего класса.

Бурное увеличение экономического производства в России сопровождалось не менее быстрым развитием капиталистических отношений и классовых противоречий между растущими классами – буржуазией и пролетариатом. К концу XIX века в России насчитывалось около 10 миллионов наемных рабочих. В середине 80-х годов XIX века лишь на 10 % фабрик продолжительность рабочего дня была меньше 12 часов. На 44 % фабрик она составляла 13 и 13,5 часа, а на 5,4 % фабрик – 15 часов и более.

Женщины и дети работали столько же, сколько мужчины. В 1900 году рабочий день составлял в России в среднем 11,2 часа, однако циркулярами министерства финансов разрешались сверхурочные работы и поэтому средний рабочий день зачастую достигал 14 или 15 часов.

Заработная плата рабочих в среднем составляла 48 рублей 50 копеек, что не покрывало минимальных расходов. В середине 1870-х годов дефицит рабочего бюджета составлял 10 %, шахтера и заводского рабочего Урала – 20 %. Исследователь Е.М. Дементьев писал, что заработок рабочего Московской губернии представлял собой «минимум, обеспечивающий от голода», дающий возможность существовать «полуголодной жизнью». К тому же, как отмечалось в VII томе «Всемирной истории», «предприниматели заставляли рабочих покупать продукты в фабричной лавке по грабительским ценам, взыскивали высокую плату за место в тесных и грязных бараках, взимали штрафы, доходившие подчас до половины заработка». На текстильных фабриках в 1880-х годах штрафы составляли от 5 % до 40 % заработка.

Условия труда многих рабочих были крайне тяжелыми. Рассказывая А.И. Куприну и его спутнику об условиях труда на Юзовском заводе, их случайный попутчик говорил: «Как отбарабанили дневные рабочие свою упряжку, двенадцать часов кряду, сейчас их ночные сменяют. И так целую неделю. А на другую неделю опять перемена: дневные ночными становятся, а ночные – дневными».

Объясняя, что означала изнурительная работа для рабочего, герой повести А.И. Куприна «Молох» инженер Бобров, обращаясь к врачу Гольдбергу, говорил: «Работа в рудниках, шахтах, на металлических заводах и на больших фабриках сокращает жизнь рабочего приблизительно на целую четверть. Я не говорю уже о несчастных случаях или непосильном труде. Вам, как врачу, гораздо лучше моего известно, какой процент приходится на долю сифилиса, пьянства и чудовищных условий прозябания в этих проклятых бараках и землянках… Вспомните, много ли вы видели рабочих старее сорока – сорока пяти лет? Я положительно не встречал. Иными словами, это значит, что рабочий отдает предпринимателю три месяца своей жизни в год, неделю – в месяц или, короче, шесть часов в день… У нас, при шести домнах, будет занято до тридцати тысяч человек… Тридцать тысяч человек, которые все вместе, так сказать сжигают в сутки сто восемьдесят тысяч часов своей собственной жизни… Двое суток работы пожирают целого человека… Вы помните из Библии, что какие-то там ассирияне или моавитяне приносили богам человеческие жертвы? Но ведь эти медные господа, Молох и Дагон, покраснели бы от стыда и от обиды перед теми цифрами, что я сейчас привел».

Инженеру Боброву один из хозяев шахт и заводов Донбасса, Квашнин, представлялся как новый Молох, «окровавленное, уродливое и грозное божество, вроде тех идолов восточных культов, под колесницы которых бросаются во время религиозных шествий опьяневшие от экстаза фанатики». Упоенный своей неограниченной властью над десятками тысяч людей Квашнин вещал: «Не забывайте, что мы соль земли, что нам принадлежит будущее… Не мы ли опутали весь земной шар сетью железных дорог? Не мы ли разверзаем недра земли и превращаем ее сокровища в пушки, мосты, паровозы, рельсы и колоссальные машины? Не мы ли, исполняя силой нашего гения почти невероятные предприятия, приводим в движение тысячемиллионные капиталы?.. Знайте, господа, что премудрая природа тратит свои творческие силы на создание целой нации только для того, чтобы из нее вылепить два или три десятка избранников. Имейте же смелость и силу быть этими избранниками, господа!»

К этому «Молоху» обращаются жены рабочих с жалобой на невыносимые жилищные условий. Окружив Квашнина, они голосили: «Помираем от холоду, кормилец… Никакой возможности нету больше… Загнали нас на зиму в бараки, в них нетто можно жить-то? Одна только слава, что бараки, а то как есть из лучины выстроены… И теперь-то по ночам невтерпеж от холоду… зуб на зуб не попадает… А зимой что будем делать9 Ты хоть наших робяток-то пожалей, пособи, голубчик, хоть печи-то прикажи поставить… Пишшу варить негде… На дворе пишшу варим… Мужики наши цельный день на работе… Иззябши… намокши… Придут домой – обсушиться негде».

Тяжелые жилищные условия были обычными для сотен тысяч российских рабочих. Описывая положение питерских рабочих, священник Георгий Гапон отмечал, что многие из рабочих не имеют средств, чтобы снять отдельную комнату «и ютятся по несколько семей в одной комнате». Гапон писал, что «положение на бумагопрядильных производствах много хуже. Обыкновенно какая-нибудь женщина нанимает несколько комнат и пересдает их, так что часто по десяти и даже больше человек живут и спят по трое и больше в одной кровати».

Разумеется, положение различных трудящихся огромной страны сильно отличалось в зависимости от отрасли, местности, а также множества других обстоятельств. Не все фабриканты и заводчики проявляли крайнюю жадность и неуступчивость. И все же, в отличие от рабочих Западной Европы, численность рабочей аристократии в России была крайне мала. В официальных правительственных отчетах, журналистских заметках и очерках, произведениях писателей конца XIX – начала XX века преобладали сведения о крайне тяжелом положении рабочих. Следствием крайнего недовольства невыносимыми условиями жизни и труда стали учащавшиеся забастовки на промышленных предприятиях России в конце XIX – начале XX века.

Глава 10
Социалисты и две революции в России

В то же время ни крестьянские выступления, ни забастовки рабочих не заставили высшие классы России осуществить значительные перемены в положении трудящихся, невольно толкая общество к революционному взрыву. Подъем рабочего и крестьянского движения в России сопровождался появлением подпольных революционных социалистических организаций. Первыми среди них стали народнические группы, которые исходили из того, что, в отличие от Запада, главной революционной силой станет не рабочий класс, а крестьянство. Справедливо обращая внимание на особенности России и ее исторической судьбы, народники неправомерно преувеличивали значение крестьянского общинного строя русской жизни для России XIX века. «Отсюда, – подчеркивал В.И. Ленин, – и вера в возможность крестьянской социалистической революции». Провал попыток поднять после реформенное крестьянство на революцию толкнул часть народников (членов организации «Народная воля») к террористическим актам. С их помощью они надеялись дать импульс к революции. Однако следствиями убийства Александра II и других

террористических актов стали лишь дискредитация представлений о социализме (достаточно вспомнить роман Ф.М. Достоевского «Бесы») и ужесточение преследований революционеров.

В начале XX века часть бывших народников образовала новую партию – социалистов-революционеров (или эсеров), которая также исходила из возможности крестьянской социалистической революции. Эсеры сохранили верность тактике террора, постоянно совершая убийства царских чиновников.

В тоже время некоторые бывшие народники (Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч и другие) порвали с народовольцами и стали организаторами первой социал-демократической организации «Освобождение труда», пропагандировавшей идеи Маркса и Энгельса. Как и социалисты в Западной Европе, Плеханов и другие российские социал-демократы исходили из того, что развитие в России капитализма, а, стало быть, пролетариата неумолимо приведет к созданию в ней тех же условий, которые уже сложились на Западе для подготовки пролетарской социалистической революции.

Отвергая идею о решающей роли крестьянства в грядущей российской социалистической революции, а также террористическую тактику народовольцев, а затем и эсеров, многие социал-демократы вместе с тем были склонны механически переносить опыт западноевропейского социалистического движения на Россию, игнорируя ее особенности. Уже на II съезде Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП) в 1903 году вскрылись серьезные разногласия между сторонниками Ленина (большевиками) и меньшевиками, которые в конечном счете привели к расколу партии.

Прежде всего, ленинизм (большевизм) в наибольшей степени отражал характерные особенности России, ее народов, ее рабочего класса. Некоторые даже считали, что «ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки». Разъясняя особенности ленинского учения в своей работе «Основы ленинизма», Сталин замечал, что это определение «далеко не исчерпывает всей правды», но все же допускал, что «в этом определении есть доля правды».

Характерным отличием России от ведущих стран Западной Европы было преобладание крестьянства в населении страны. Сталин обращал внимание на «равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянству со стороны партий II Интернационала». Как подчеркивал Сталин, Ленин исходил из того, что отчаянное положение большинства крестьян России делало их естественным союзником пролетариата в революции.

Сталин указал и на разногласия по крестьянскому вопросу между большевиками и сторонниками «перманентной революцией», разработанной Парвусом и Троцким в 1904-1905 годах. Он подчеркивал, что, в отличие от Ленина, который «предлагал «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его энергию», «сторонники "перманентной революции" не понимали серьезной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу революционной энергии крестьянства».

В то же время в российском рабочем классе подавляющее большинство составляли недавние выходцы из крестьянства. По своему социальному положению, происхождению и характеру эксплуатации рабочие России напоминали рабочих Западной Европы начала и середины XIX века, когда активные рабочие выступления были часты, а склонность к отказу от борьбы и оппортунизму была минимальной.

Большевизм, как отмечал Сталин, получил поддержку прежде всего среди рабочих крупных промышленных центров России. Сталин утверждал: «Тактика большевиков является тактикой крупнопромышленных пролетариев, тактика тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм – это тактика настоящих пролетариев. С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба замаскирована. Меньшевизм – это тактика полубуржуазных элементов пролетариата», – писал Сталин.

По этой причине другой особенностью ленинизма являлось возрождение революционного настроя социалистических и коммунистических партий середины XIX века. Подражая руководству ведущих социал-демократических партий Западной Европы II Интернационала, меньшевики шли по пути отказа от революционных целей и методов борьбы. В отличие от них сторонники В.И. Ленина (большевики) придерживались последовательно революционных принципов как в организационном построении партии, так и в борьбе за реализацию ее программных целей. Сталин подчеркивал: «Ленин… возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала».

В то же время Сталин не считал, что ленинизм лишь означал применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки и возрождение революционных традиций марксистского движения. Он писал: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции». Таким образом, Сталин, с одной стороны, обращал внимание на неразрывную связь между ленинизмом и марксизмом, а, с другой стороны, указывал на новый этап развития коммунистической мысли в ленинизме. Переход коммунистической теории в новое качество было связано с тем, что глубочайший кризис человеческого общества, проявившийся в ходе империалистических войн, поставил задачу пролетарской социалистической революции в практическую плоскость. Ленинизм отвечал новым реалиям, когда от решения задач защиты рабочего класса социалисты и коммунисты переходили к революционному преобразованию общества.

Революционный путь развития России определялся остротой положения трудящихся, нежеланием верхов пойти им на какие-то уступки и полной невозможностью легальной пропаганды идей о преобразовании общества. По этой причине программа-минимум РСДРП, принятая на II съезде партии как большевиками, так и меньшевиками, предусматривала осуществление не социалистической революции, а демократических преобразований после свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания. О сочетании этих требований постоянно говорилось в большевистских пропагандистских материалах, распространявшихся подпольно. 8 января 1905, то есть за день до начала революции, в Авалабарской подпольной типографии в Тифлисе была тайно отпечатана прокламация И.В. Сталина, в которой говорилось: «Русская революция неизбежна. Она так же неизбежна, как неизбежен восход солнца. Можете ли вы остановить восходящее солнце?» Прокламация завершалась требованием созыва Учредительного собрания и призывами: «Долой царское самодержавие! Да здравствует всенародное Учредительное собрание!»

И все же несмотря на то, что члены РСДРП предвидели приближение кардинальных общественных потрясений, события следующего дня в Петербурге, которые стали началом революции 1905 года, стали неожиданностью для большевиков, и на первых порах они оказались в стороне от ее руководства. (Это лишь свидетельствовало о том, что не большевики были инициаторами первой русской революции, вопреки сложившимся впечатлениям о том, что именно они провоцировали все общественные потрясения в России.) Старт революции был дан событиями 9 (22) января 1905 года, во главе которых стоял руководитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Петербурга» священник Георгий Гапон. Многие из требований, входивших в программу-минимум РСДРП, совпали с теми, что были изложены в смиренном обращении рабочих Петербурга, принявших руководство отца Гапона. 9 января 1905 года рабочие шли не свергать царский строй, а просить царя принять их просьбы. Казалось, что социал-демократы, так долго готовившие выступление рабочих страны под лозунгами упразднения самодержавия и созыва Учредительного собрания, не понадобились трудящимся, и это было первой неожиданностью для марксистов в ходе начавшейся революции.

Многие обстоятельства в истории организации Гапона (связь его лично и возглавляемой им организации с полицией, связь полиции с эсерами, которые были близки к Гапону) свидетельствуют о том, что за спиной священника и его сторонников существовали некие тайные пружины, которые оставались неведомыми для тогдашней общественности, а затем остались во многом скрытыми и от историков. Слишком много сил в России и за ее

пределами было заинтересовано в изменении существовавшего строя. Ликвидировать самодержавный строй желали многие капиталистические круги, деятельность которых сдерживалась тогдашними политическими, социальными и экономическими порядками. Революция была нужна и многим внешним конкурентам России, мечтавшим дестабилизировать ее и одновременно подорвать ее международные позиции. США стремились ослабить позиции России на мировом зерновом рынке. Германия и Австро-Венгрия мечтали о расширении своего влияния на Балканах, чему мешала Россия. Япония воевала с Россией с начала 1904 года и жаждала добиться внутреннего кризиса в стане своего противника.

Очевидно, что для демонстрантов, а также для российских социал-демократов, как, впрочем, и для значительной части российской общественности, реакция властей на эту демонстрацию оказалась неожиданной. С одной стороны, расстрел 9 января 1905 года дал революционерам моральное право для призывов к вооруженной борьбе против строя, который первым прибег к оружию против мирных демонстрантов. Революционеры имели основание полагать, что жертвы революции вызывали у их друзей и родных желание отомстить за павших. Однако другой стороной репрессий стало терроризирование населения. Это стало второй неожиданностью для революционеров.

Наконец, социал-демократы столкнулись и с третьим неожиданным следствием революционных потрясений. Они ждали общего участия в революции пролетариев всей России вне зависимости от их национальности. Однако выступление против существовавшего в России строя послужило для представителей многих национальностей сигналом к развязыванию национал-сепаратистского движения. При этом многие представители национальных меньшинств, входивших в РСДРП, становясь на националистические позиции, сближались с местной буржуазией в борьбе за отделение от России.

Постепенно на такие позиции перешли многие социалисты и социал-демократы Польши, Грузии, Армении, сыгравшие затем видную роль в руководстве вновь образованных государств (например, президент Польши Пилсудский, председатель правительства независимой Грузии в 1918-1921 годах Жордания, лидеры социалистической партии «Дашнакцутюн» и руководители правительств независимой Армении в 1918-1920 годах Каджазнуни, Хатисян, Оганджанян, Врацян).

Призывы революционеров к восстанию против эксплуатации, угнетения и ограбления капиталистами были истолкованы кое-где как поощрение к активным действиям против местной буржуазии. Поскольку же во многих регионах России буржуазия зачастую принадлежала к другой этнической и религиозной группе, чем большая часть населения, то антибуржуазные выступления с помощью провокационных призывов превращались в расправы над «богатыми инородцами». В значительной степени это обстоятельство объясняло еврейские погромы и так называемую «армяно-татарскую резню», охватившие ряд регионов России в 1905 году. В то же время осенью 1905 года еврейские погромы, сопровождавшиеся гибелью нескольких тысяч человек, прошли под откровенно контрреволюционными лозунгами и нередко сопровождались убийством революционеров, не являвшихся евреями. Эти кровавые события лишь способствовали ослаблению революционных сил.

К тому же среди революционных партий не было единства. В то же время в их ряды проникали лица, имевшие цели, весьма далекие от революционного преобразования России. Так, немалую роль в происходивших событиях конца 1905 года сыграла деятельность соавторов теории «перманентной революции» Парвуса и Троцкого. Являясь, как и Троцкий, сыном одесского зернопромышленника, Александр Гельфанд (Парвус) покинул Россию еще в 1990-х годах и в Германии вступил в социал-демократическую партию. Впоследствии он стал видным коммерческим дельцом и крупным финансистом, имевшим прочные связи с влиятельными кругами Германии и Османской империи. Не принадлежа ни к меньшевикам, ни к большевикам, Троцкий, а затем и Парвус стали активно действовать в Петербургском

совете рабочих депутатов с середины октября 1905 года. А затем, воспользовавшись арестом руководителей Совета, фактически стали заправлять его деятельностью. Вместо призывов к всеобщей забастовке рабочих или иным формам революционных выступлений Совет выступил с подготовленным Парвусом «Финансовым манифестом», который призывал население не платить налогов и податей, забирать вклады из сберегательных банков, требовать во всех случаях расплаты золотом, не допускать уплаты государственных долгов по займам, а также «разоблачить перед всем миром финансовое банкротство правительства России». Газеты, которые незадолго до этого купил Парвус не известно на какие средства, усиленно пропагандировали этот «Манифест».

Сообщение о ненадежности банков и неустойчивости российской валюты вызвало массовое изъятие вкладов из сберегательных банков. Объявление же о финансовом банкротстве правительства серьезно повлияло на котировку рубля на мировом финансовом рынке. Разумеется, как и обычно в таких случаях, были не только потерпевшие, но и выигравшие. Можно предположить, что Парвус и его друзья, снабдившие его средствами для скупки петербургских газет, не остались внакладе после этих событий. Последствия «Финансового манифеста» наводят на мысли о том, что за спиной Парвуса стояли влиятельные финансовые и политические силы ведущих европейских стран. Финансовым кризисом в России воспользовались германские банкиры. Они предъявили России требование о высылке в Берлин большой партии золота. Падение рубля заставило правительство России обратиться за срочной помощью к Франции, которая предоставила заем на кабальных условиях. После этого займа, как отмечал историк В.Г. Сироткин, «во Франции появился целый слой рантье, стригущих купоны от русских займов». Однако можно усомниться, что эти действия Петербургского совета как-то продвинули вперед дело революциии. Скорее напротив. Осознав всю чудовищность последствий «Финансового манифеста» для страны, премьер-министр С.Ю. Витте отдал распоряжение конфисковать все газеты, опубликовавшие это произведение Парвуса и арестовать членов Петербургского совета.

Арест членов Петербургского совета совпал с началом широкого контрнаступления царского правительства, которое стало новой неожиданностью для революционеров. Правительство предоставило местным властям право «прибегать к применению чрезвычайных мероприятий без испрошения на то разрешения центральной власти» для борьбы с забастовками на железных дорогах, почте и телеграфе.

К этому времени большевистская партия Ленина возглавила вооруженные выступления в Москве и ряде других городов страны, где к власти пришли созданные в ходе революции Советы, избираемые непосредственно на рабочих собраниях. Однако царские власти сумели довольно быстро разгромить восстание рабочих в Москве, а затем восстания матросов в Севастополе, Кронштадте, Владивостоке, разогнать Советы в Ростове, Новороссийске, Екатеринославе, Горловке, Харькове, Александрове, Красноярске, Чите, Перми, Нижнем Новгороде и других городах. Многие члены Советов арестованы. Немало людей было убито в ходе подавления антиправительственных выступлений. Только в Москве было убито 1059 участников боев. По стране действовали карательные экспедиции. В ходе применения «чрезвычайных мероприятий» с января 1905 года до апреля 1906 года общее число расстрелянных, повешенных и убитых достигло 14 тысяч человек. Число политических заключенных составило 75 тысяч. (В последующие годы репрессии продолжились. В 1907-1909 годах свыше 5 тысяч человек было предано смертной казни, а к 1909 году в тюрьмах находилось 170 тысяч политических заключенных.)

Поражение революции 1905-1907 годов сопровождалось суровыми репрессиями против членов революционных партий, включая большевистскую. Многие организации большевиков были разгромлены и их работа прекратилась. Однако в ряде крупных промышленных районов страны большевики продолжали вести упорную работу в защиту интересов рабочего класса. Примером этого являлась деятельность Бакинского комитета большевистской партии, в состав которого входили Шаумян, Джапаридзе, Орджоникидзе,

Сталин, Фиолетов и другие. Бакинские большевики зарекомендовали себя организациями забастовок и умелым ведением переговоров с предпринимателями, в ходе которых они добивались решения многих социально-экономических проблем рабочих. Одновременно Бакинский комитет решительно требовал от заграничного руководства большевистской партии поворота в сторону защиты интересов российского рабочего класса.

Реформы, осуществленные после разгрома революции 1905-1907 года, не смогли существенно изменить характер самодержавного строя и решить острые проблемы страны. Хотя было объявлено о создании выборного органа представительной власти – Государственной думы, полномочия ее были до предела ограничены. Выборы в нее представителей от различных классов и социальных групп проводились раздельно и по многоступенчатой системе. От участия в голосовании были отстранены женщины, солдаты, молодежь до 25 лет, все кочевые народы.

Выборы не были равными: один выборщик по «землевладельческой курии» избирался от 2000 избирателей, по «городской» – от 7000, по «крестьянской» – от 30 000, по «рабочей» – от 90 000.

День открытия Государственной думы был объявлен нерабочим, и она была торжественно открыта самодержцем в Зимнем дворце 27 апреля 1906 года. Отношение царских властей к Думе изменилось после того, как 104 депутата внесли законопроект по аграрному вопросу, который предусматривал отчуждение помещичьих и прочих частновладельческих земель, превышающих «трудовую норму», создание «общенародного земельного фонда» и введение уравнительного землепользования по «трудовой норме».Затем был предложен и «проект 33», требовавший немедленного уничтожения частной собственности на землю, социализации земли и уравнительного землепользования. Министр внутренних дел П.А. Столыпин заявлял: «Главная позиция, захваченная революцией, – это Государственная дума». 7 июля в ходе встречи Николая II с И.Л. Горемыкиным и П.А. Столыпиным было принято решение о роспуске Думы.

В ночь с 8 на 9 июля Таврический дворец, в котором заседала Государственная дума, был заперт, а входы в него были заняты полицией и войсками. В царском манифесте говорилось, что Государственная дума распускалась, потому что «выборные от населения уклонились в не принадлежащую им область». В тот же день 9 июля в Выборге состоялось собрание 200 депутатов разогнанной Думы, которое приняло воззвание к народу с осуждением действий правительства. Депутаты призывали народ к гражданскому неповиновению, предлагая «не давать рекрутов, не платить податей, не признавать займов». Однако призыв парламентариев к народу поддержать своих избранников не был услышан.

Министр внутренних дел П.А. Столыпин, назначенный 8 июля по совместительству и председателем Совета министров вместо И.Л. Горемыкина, запретил распространение воззвания. Так закончилось 74-дневное существование первого выборного органа власти в России.

Разгон второй Думы, просуществовавшей с 20 февраля по 3 июня 1907 года, ознаменовал окончание первой русской революции. Лишь Государственная дума, созванная в 1907 году, просуществовала свой полный срок. Хотя Государственная дума служила трибуной для выражения различных политических взглядов, их спектр не был пропорционально представлен в ней. К тому же словопрения в Думе, в силу ограниченности ее власти, не влияли существенно на политику правительства.

Столыпинская аграрная реформа, задуманная как способ решения проблем русского села, не привела к коренным переменам в положении крестьянства. Голод 1911 года, от которого пострадало более 30 миллионов крестьян, ярко свидетельствовал о том, что проблемы сельского хозяйства далеки отрешения. (В том же году инициатор аграрной реформы премьер-министр П.А. Столыпин был убит. Поскольку убийца был агентом полиции, обстоятельства гибели Столыпина вызывают подозрения о том, что он стал жертвой заговора внутриправительственных кругов.) Лето 1914 года было отмечено новым подъемом рабочего движения в России, и он был остановлен лишь после начала Первой

мировой войны и мобилизации миллионов людей в ряды вооруженных сил.

Начало Первой мировой войны совпало также с новыми полицейскими репрессиями против большевистской партии. Значительная часть руководства партии находилась в тюрьмах, ссылках (в том числе и Сталин) или в заграничной эмиграции (в том числе и Ленин). Поэтому новые революционные события в России в феврале 1917 года были для многих большевиков опять такой же неожиданностью, как и революционные события января 1905 года, (И это также противоречит широко распространенному представлению о том, что большевики и только большевики были организаторами всех общественных потрясений в России вплоть до 1917 года.)

Судя по мемуарам А.Ф. Керенского, а также другим многочисленным источникам, начиная с первой революции, в политических кругах России возникло несколько тайных центров, стремившихся свергнуть самодержавие. Одним из наиболее разветвленных центров заговорщической деятельности стала масонская организация. По его словам, Керенский вступил в масонскую организацию в 1912 году, после его избрания в Государственную думу.

Из этого следует, что эти организаторы Февральской революции не имели ничего общего с большевизмом и в то же время были, как все масоны, связаны с тайными масонскими центрами Запада, ориентируясь на их цели буржуазной революции.

Во главе одного из заговоров стоял видный лидер «октябристов» А.И. Гучков. Историк В.И. Старцев утверждает, что хотя Гучков не был масоном, он «был окружен масонами со всех сторон», что в возглавляемом им заговоре участвовали видные деятели масонства, такие как Терещенко и Некрасов. Одновременно, как отмечал Керенский, «в 1915 году армейские офицеры организовали серию… заговоров с целью избавить Россию от царя». Даже крайне правые силы страны готовили заговоры с целью убийства Распутина и отстранения от власти безответственных и разложившихся лиц от руководства страны. В свою очередь, дворцовые круги во главе с Распутиным предпринимали усилия для разоблачения и нейтрализации антиправительственных заговорщиков.

Заговорщической деятельности способствовала неспособность правительства найти выход из трудностей, которые переживала страна в ходе мировой войны. Еще в большей степени, чем во время Русско-японской войны, проявилась хозяйственная и техническая отсталость России. По признанию князя Львова, Россия «была вынуждена… вести борьбу с противником, который значительно превосходил ее в области вооружений и военной подготовки». Тогдашний премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж писал в своих мемуарах: «Великое отступление 1915 года, когда русские армии были в беспорядке и с небывалыми потерями оттеснены из Польши и Прибалтики до самой Риги, объяснялось исключительно недостатком у русских артиллерии, винтовок и снарядов… По храбрости и выносливости русский солдат не имел себе равного среди союзников и врагов. Но военное снаряжение русской армии по части пушек, винтовок, пулеметов, снарядов и транспортных средств – было хуже, чем у всех, и по этой причине русских били более малочисленные противники, часто уступавшие русским по боевым качествам; так убивали русских миллионами, в то время как у них не было никакой возможности защиты или мести».

Стремясь закрепить свои успехи на фронтах, Германия и страны Центрального блока предпринимали усилия для того, чтобы поддержать в России силы, выступавшие за подписание сепаратного мира. Страны же Антанты стремились поддерживать те политические силы, которые обещали принять меры для умножения усилий России на фронте. Используя международные связи масонства, французская организация «вольных каменщиков» поддерживала своих «собратьев» в России и их заговорщическую деятельность.

В то же время в своей поддержке России Англия и Франция не были последовательны. С одной стороны, они рассматривали Россию как удобный противовес Германии и источник пушечного мяса. С другой стороны, каждая из этих стран не желала усиления России в ходе мировой войны. Как отмечал английский историк А. Дж. П. Тейлор, Франция всячески противодействовала планам расширения российских позиций за счет Османской империи, а

«у англичан… были свои проблемы с Россией на Ближнем и Среднем Востоке».

Несмотря на то что Россия была союзницей стран Антанты, западные державы не спешили помогать русской армии, которая приняла на себя первый удар и фактически спасла Францию от разгрома осенью 1914 года. Позже Ллойд Джордж признавал: «Если бы французы со своей стороны выделили хотя бы скромную часть своих запасов орудий и снарядов, то русские армии, вместо того чтобы быть простой мишенью для крупповских пушек, стали бы в свою очередь грозным фактором обороны и нападения… Пока русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка винтовок и снарядов, французы копили снаряды, как будто это было золото».

Гибель на фронте миллионов плохо вооруженных или безоружных русских солдат, падение сельскохозяйственного производства, вызванного набором в армию 16 миллионов мужчин, главным образом за счет крестьянства, растущая спекуляция товарами, особенно продовольственными, возмутительное казнокрадство и коррупция стали объективными предпосылками для растущего недовольства в стране. Перебои с продовольствием в Петрограде, вызвавшие волнения в столице, были спровоцированы и умело использованы заговорщиками из масонских кругов, связанными с иностранными державами.

Ни Франция, ни Англия не желали сильной России, а поэтому в Лондоне приветствовали свержение монархии, увидев в этом событии свидетельство ослабления России. Министр иностранных дел Великобритании Бальфур так прокомментировал весть о революции в России: «Если удастся создать совершенно независимую Польшу… то можно будет полностью отрезать Россию от Запада. Россия перестанет быть фактором в западной политической жизни, или почти перестанет быть таковым».

В то же время некоторые американские финансисты (и прежде всего Якоб Шифф), до тех пор отказывавшие России в займах, после сообщения о свержении монархии изменили свою позицию. Якоб Шифф именовал Февральскую революцию «почти чудом, почти более крупное событие, чем освобождение наших предков от египетского плена». Он посылал поздравительные телеграммы новым руководителям России, принимал миссию из России, которая в том году прибыла в Соединенные Штаты, и предоставил Временному правительству конкретную поддержку в форме существенной подписки на заем для России. Он приветствовал декрет от 6 апреля 1917 года, в соответствии с которым отменялись все ограничения прав в отношении евреев в России.

Хотя Февральская революция 1917 года имела видимые черты народного восстания, реальная власть в стране оказалась в руках заговорщиков из верхов страны. Как замечал историк Вадим Кожинов, «из 11 членов Временного правительства первого состава 9 (кроме А.И. Гучкова и П.Н. Милюкова) были масонами. В общей же сложности на постах министров побывало за почти восемь месяцев существования Временного правительства 29 человек, и 23 из них принадлежали к масонству!.. В тогдашней "второй власти" – ЦИК Петроградского Совета – масонами являлись все три члена президиума – А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе – и два из четырех членов Секретариата… Поэтому так называемое двоевластие после Февраля было весьма относительным, в сущности, даже показным: и в правительстве, и в Совете заправляли люди "одной команды"…».

Большевики оказались отстраненными от распределения постов во Временном правительстве и руководстве столичным Советом. В созданных сразу после Февральской революции Советах большевики также заметно уступали эсерам, а кое-где и меньшевикам.

Как свидетельствовал социолог Питирим Сорокин, в дни свержения царской власти «и в Москве, и в Петрограде народ гулял, как на Пасху. Все славили новый режим и Республику. "Свобода! Святая Свобода!" – раздавалось повсюду… Вся страна ликовала. Все – солдаты, служащие, студенты, просто граждане и крестьяне – были полны социальной активностью. Крестьяне привозили в города и в места дислокации воинских подразделений зерно, а подчас отдавали его бесплатно».

Однако эту эйфорию разделяли не все. Хотя В.В. Шульгин лично сыграл немалую роль

в отстранении Николая II от власти, приняв у него акт отречения от престола, его отношение к людям, восторженно выкрикивавшим революционные лозунги, было резко отрицательным. Шульгин с отвращением писал, как «черно-серая гуща, прессуясь в дверях, непрерывным врывающимся потоком затопляла Думу… Солдаты, рабочие, студенты, интеллигенты, просто люди… Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода бросала в Думу все новые и новые лица… Но сколько их не было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное… Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать в берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя».

Совершенно очевидно, что полярные различия по отношению к революции не могли не породить в скором времени кровопролитные столкновения между носителями этих настроений. Между тем революционная эйфория проявлялась в выдвижении требований о немедленном решении всех насущных проблем и даже таких, о которых люди прежде и не смели мечтать. Питирим Сорокин писал, что рабочие и солдаты, которые в первые часы революции несли транспаранты с лозунгами: «Крестьяне к плугу, рабочие к станку, солдаты в окопы!», быстро забыли об этих словах. «Рабочие… на самом деле отказывались от работы и проводили большую часть времени на политических митингах. Они требовали восьмичасового рабочего дня, а нередко – и шестичасового. Солдаты, явно готовые к сражениям вчера, отказывались выполнять приказ под предлогом, что для защиты революции Петроград нуждается в их помощи. Именно в эти дни поступала информация о крестьянских захватах частных усадеб, грабежах и поджогах. На улицах нередко можно было встретить пьяных людей, непристойно ругающихся и горланящих: «Да здравствует свобода! Раз свобода, то все дозволено!» Свобода оборачивалась смутой, и баламуты подняли голову.

Усиливавшаяся поляризация идейно-политических настроений, растущая требовательность трудящихся масс, настаивавших на решении давно назревших острых проблем своего бытия, необходимость приведения разбушевавшейся человеческой стихии в русло созидательной деятельности, – все это свидетельствовало о нараставшем кризисе Февральской революции. Находясь в первые послереволюционные дни в швейцарской эмиграции, Ленин увидел в происходивших событиях возможность быстрого перерастания буржуазной Февральской революции в социалистическую революцию. Он стал добиваться возвращения на родину.

Глава 11
«Есть такая партия!»

Обстоятельства возвращения Ленина в Россию весной 1917 года вскоре стали поводом для обвинений его в сотрудничестве с Германией. Утверждалось, что через посредство Парвуса, который к этому времени открыто сотрудничал с военными кругами Германии, была достигнута договоренность о переправке Ленина и нескольких других революционеров в Россию с тем, чтобы помочь ему прийти к власти и заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на то, что многие фальшивки, которые легли в основу этой версии, были разоблачены еще в 1917 году, она многократно повторялась.

На самом деле как ни пытался Парвус сыграть роль посредника в переговорах между большевиками и германскими властями, он в них не участвовал. К этому времени Ленин уже давно открыто осудил перерождение Парвуса. Переговоры о возвращении Ленина в Россию вели с германскими военными кругами швейцарские социалисты. Возвращение Ленина на родину было обусловлено передачей в Германию ряда подданных кайзера, которые были интернированы в России. Требование же Ленина прекращения войны было не платой за его возвращение, а естественным образом вытекало из его верности антивоенной позиции всего международного социалистического движения, которую он подтвердил в ходе Первой мировой войны на конференции группы социалистов в Циммервальде.

Свою программу выхода России из войны и перехода от буржуазной революции к социалистической Ленин изложил вскоре после возвращения в Петроград в «Апрельских тезисах» и в своем выступлении 4 апреля 1917 года в Таврическом дворце на собрании большевиков, участников Всероссийского совещания рабочих и солдатских депутатов. В своем докладе «О задачах пролетариата в данной революции» Ленин провозгласил курс на отказ от борьбы за парламентскую республику. Целью революции должна была стать, по мысли Ленина, «республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». Он предложил новый лозунг политической борьбы – «Вся власть Советам!» В Советах, избираемых непосредственно рабочими, солдатами и крестьянами, большевики видели прообраз нового прямого народовластия.

Ленин исходил из того, что советская власть должна была осуществить национализацию всего земельного фонда страны, конфискацию помещичьих земель и передачу земли в распоряжение Советов батрацких и крестьянских депутатов, объединить все банки в общегосударственный банк, поставив его под контроль Советов рабочих депутатов, установить рабочий контроль над производством и распределением продуктов.

Однако в то время большевики не имели большинства в Советах, и их влияние заметно уступало эсерам и даже меньшевикам. В этих условиях Ленин пошел на сотрудничество с так называемой Межрайонной группой социал-демократов (не присоединившихся ни к большевикам, ни к меньшевикам). Эту группу возглавлял Троцкий, который решил пойти на союз с большевиками, несмотря на то что до тех пор, в течение 14 лет существования большевизма, он был их активным противником.

Постепенно влияние большевистской партии стало расти, о чем свидетельствовала массовая демонстрация в Петрограде 18 июня во время I съезда Советов. Несмотря на то, что большевики на этом съезде были в меньшинстве, Ленин был уверен в скором переломе в настроениях масс, быстро выходивших из состояния эйфории и разочаровывавшихся во Временном правительстве. В ответ на заявление с трибуны министра Временного правительства и одного из лидеров меньшевиков Церетели о том, что «в настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», Ленин из зала выкрикнул: «Есть такая партия!». Затем в своем выступлении на съезде Ленин пояснил: «Ни одна партия от этого отказываться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Как и в любой стране, переживающей революционный процесс, события в России в 1917 году развивались чрезвычайно быстро. Ход этих событий позволяет увидеть, что приход большевиков к власти был обусловлен не их желанием пренебречь волей народа и навязать стране свою «тоталитарную диктатуру», а стремлением отстоять интересы большинства трудящихся, положение которого лишь ухудшилось в первые месяцы революции. Не «злая воля» большевиков, которые не играли в начале Февральской революции решающей роли, а логика революционных событий вызвала нарастание разрушительных тенденций в обществе.

Повсеместно совершалось ниспровержение властей различных уровней. Как вспоминал один из вождей Февральской революции А.Ф. Керенский, «непопулярные чиновные лица были буквально сметены со своих постов, а многие из них – убиты или ранены. Рабочие на заводах, прекратив работу, принялись устранять неугодных им управляющих и инженеров, вывозя на тачках за пределы предприятий. В некоторых районах крестьяне, памятуя 1905-1906 годы, стали на свой лад решать аграрный вопрос, изгоняя помещиков и захватывая их земли. В городах самозванные "защитники свободы" начали проводить аресты «контрреволюционеров»… После трех лет войны до предела уставшие на фронте солдаты отказывались подчиняться своим офицерам и продолжать войну с врагом». Хаос усилился после того, как по приказу самого Керенского, когда он был министром юстиции, из тюрем были выпущены уголовные преступники, наводя страх и ужас на городские кварталы. Ликвидация самодержавного строя привела к стремительному развитию центробежных сил в стране, и были выдвинуты лозунги отделения от России ряда национальных окраин

(особенно настойчивы были требования у национал-сепаратистов Финляндии и Украины).

Политический и социальный хаос усугублялся развалом экономики. Хотя заработная плата рабочих стала быстро расти после февраля, еще быстрее стали расти цены, которые постоянно увеличивались с начала мировой войны. По данным министерства продовольствия Временного правительства, с августа 1914 года по июль 1917 года пищевые продукты подорожали на 51 % по сравнению с ростом заработной платы. При этом прибыли капиталистов продолжали бешено расти.

К середине 1917 года российская революция достигла переломного момента в своем развитии. Неконтролируемое развитие революционного процесса должно было смениться периодом наведения порядка. Вопрос был лишь в том, какие силы будут наводить этот порядок. Большевики видели выход из хаоса в наведении революционного порядка и дальнейшей радикализации общественных преобразований. Контрреволюционеры мечтали о реставрации дореволюционных порядков «железной рукой». Страна оказалась на грани гражданской войны.

Поражение русской армии в ходе наступления, предпринятого 18 июня и приведшего лишь к гибели 60 тысяч человек, продемонстрировало слабость Временного правительства. Созданное еще в апреле 1917 года крупными промышленниками А.И. Путиловым и А.И. Вышнеградским «Общество содействия экономическому возрождению России» поставило задачу «противодействовать социалистическому влиянию на фронте и во всей стране». Во главе «Общества» был назначен Гучков. Руководство «Общества» решило спровоцировать выступление большевиков, а затем под предлогом его разгрома восстановить дореволюционные порядки. Началу политического кризиса, который должен был толкнуть большевиков на активные действия, стала отставка в ночь со 2 на 3 июля трех министров-кадетов (А.А. Мануйлов, Д.И. Шахновский, А.И. Шингарев).

Еще до этих событий в Петрограде стало известно о намерении Временного правительства расформировать ряд воинских частей петроградского гарнизона и отправить солдат на фронт. В этих частях особенно активно велась пропаганда анархистов с призывом к немедленному свержению правительства и передачи власти Советам. Поэтому весть об отставке трех министров была воспринята в пулеметном полку, который собирались расформировать, как свидетельство крушения буржуазного правительства. На состоявшемся 3 июля митинге пулеметчики приняли решение послать своих делегатов в другие части Петроградского гарнизона, на предприятия Петрограда и в Кронштадт и в 17 часов того же дня выступить против Временного правительства.

Руководство большевиков, с одной стороны, старалось не допустить преждевременного антиправительственного восстания, а с другой стороны, стремилось поддержать оппозиционные настроения. Однако, сознавая неподготовленность выступления, участники совещания Центрального комитета (ЦК), Петербургского комитета (ПК) и Военной организации большевиков приняли решение не поддерживать выступление пулеметчиков и провести мирную демонстрацию 4 июля. Однако демонстрация была обстреляна. Были убитые и раненые.

В это же время в Петроград пришли сообщения о прорыве фронта немцами. Почти одновременно в городе распространился слух о том, что немцам помогают большевики, так как Ленин является агентом Германии. Вскоре были арестованы видные руководители Военной организации большевиков, член ЦК Каменев, а также лидеры «межрайонцев» Троцкий и Луначарский. 7 июля Временное правительство отдало распоряжение об аресте Ленина и Зиновьева. Они скрылись и перешли на нелегальное положение. Фактически это было актом гражданской войны, после которого мирное сосуществование политических партий в России стало невозможным.

На состоявшемся в подполье VI съезде большевистской партии (26 июля – 3 августа 1917 года) с отчетным докладом выступил И.В. Сталин. Оценивая обстановку, сложившуюся после июльских дней, Сталин исходил из неизбежности скорого нового подъема революции и ставил вопрос о возможности перерастания революции в социалистическую. В своем

докладе на съезде он заявлял: «Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия «подождала» с социалистическими преобразованиям, пока Европа не «начнет». "Начинает" та страна, у которой больше возможностей».

Возражая против поправки Преображенского, который предлагал иную редакцию резолюции (он предлагал включить слова:

«для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе – к социализму»), Сталин заявил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». Поправка Преображенского была отклонена. Так была впервые поддержана съездом большевистской партии идея о возможности того, что Россия станет родиной первой в мире социалистической революции.

Вскоре против Временного правительства, во главе которого стоял А.Ф. Керенский, был поднят военный мятеж во главе с генералом Л.Г. Корниловым. Мятежники, опиравшиеся на партию кадетов, стремились установить жесткую военную диктатуру. Напуганные попыткой генерала установить военную диктатуру, эсеры и меньшевики освобождали арестованных большевиков, возвращали им оружие, отобранное у них в июльские дни, не возражали против создания большевистских красногвардейских отрядов, лишь бы они дали отпор войскам Корнилова. В ходе подготовки к отпору Корнилову большевики укрепили свой союз с левыми эсерами и левыми меньшевиками.

Однако разгром корниловского мятежа не остановил углубления общего кризиса в стране к сентябрю – октябрю 1917 года. Под воздействием политической и социальной смуты экономическое положение страны значительно ухудшилось. За 1917 год объем промышленного производства России сократился на 36,4 %. Примерно в такой же пропорции сократилось металлургическое производство; многие домны работали с недогрузкой, а до половины мартеновских печей бездействовало. Сократилось производство легкой промышленности, и в стране ощущался недостаток тканей, одежды, обуви. Особенно тяжелое положение сложилось на железнодорожном транспорте. Осенью голод охватил промышленные районы страны. Жестоко страдала от него и армия. В своей статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной 10-14 сентября 1917 года, В.И.Ленин писал: «России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба… Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо».

Кризис власти был очевиден, и Ленин решил воспользоваться им для реализации тех целей, которые он провозгласил в «Апрельских тезисах»: осуществить переход к социалистической революции. Между 12 и 14 сентября Ленин, находившийся в это время в Гельсингфорсе, написал письма Центральному комитету «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». В них он утверждал, что в стране сложились объективные и субъективные условия для проведения успешного вооруженного восстания. Ленин торопил, так как считал, что Керенский, оттолкнув от себя кадетов, с одной стороны, и часть левых сил в эсеро-меньшевистской коалиции, с другой, готов пойти на сговор с немцами и сдать им Петроград. Ленин предупреждал: «Предстоящая отдача Питера сделает наши шансы в сто раз худшими. А отдаче Питера при армии с Керенским и К*о* во главе мы помешать не в силах».

Однако призывы Ленина не вызвали единодушной поддержки в руководстве большевистской партии. Каменев и Зиновьев выступили решительно против предложений Ленина, считая начало восстания несвоевременным. Троцкий выдвинул альтернативный план действий, который исходил из необходимости увязывать выступление с поддержкой Советов. Сталин же предложил передать письма Ленина на рассмотрение наиболее крупных партийных организаций, исходя из того, что такое важное решение требует широкого и всестороннего обсуждения.

В начале октября 1917 года Ленин тайно прибыл из Гельсингфорса в Петроград. 10 октября Ленин принял участие в заседании ЦК, на котором он выступил с докладом. Он

осудил «равнодушие к вопросу о восстании» со стороны руководства партии и высказал мнение, что «по-видимому, время значительно упущено». Ленин уверял, что «большинство теперь за нами», что «политически дело совершенно созрело для перехода власти» и настаивал на том, что «надо говорить о технической стороне» восстания.

Против Ленина решительно выступили Каменев и Зиновьев. Они считали, что в сложившихся условиях поражение восстания было бы неизбежным, а потому предлагали отказаться от него и ждать созыва Учредительного собрания. Такая позиция лишний раз свидетельствовала о том, что даже после арестов в июле 1917 года, даже после корниловского мятежа, некоторые видные большевистские руководители исходили из возможности мирного развития революции, сотрудничества с другими политическими партиями и верили в необходимость созыва Учредительного собрания.

Почему же Сталин, а также остальные восемь членов ЦК (не считая Ленина), теперь согласились с руководителем партии? Оценивая теперь эти события, можно увидеть, что высказывания Ленина в пользу восстания (в своих письмах он утверждал, что восстание будет поддержано революционными выступлениями в ряде стран Западной Европы, которые якобы уже начались) отличались нередким для политической жизни использованием неверных аргументов для правильных практических выводов. Все, что теперь известно о ситуации осенью 1917 года в России, свидетельствует о том, что она не могла долго сохраняться и тем более не могла плавно эволюционировать в сторону конституционного развития демократического общественного порядка.

В своих мемуарах А.Ф. Керенский писал о том, что он узнал о закулисной стороне предоктябрьских событий, уже находясь в эмиграции от генерала Эжена Пети, который был представителем Франции при Временном правительстве. В это время правые силы, потерпевшие поражение во время разгрома корниловского мятежа, выжидали удобный момент для нового контрреволюционного выступления. По словам Э. Пети, Милюков, Родзянко, генерал Алексеев и другие готовили заговор с целью захвата власти и установления правой диктатуры. В октябре 1917 года «Милюков и его друзья были убеждены… что большевизм не представляет слишком большой угрозы и что в России существуют лишь две партии: "партия порядка" во главе с Корниловым и "партия распада", возглавляемая» Керенским. Исходя из этого, заговорщиков «вообще не беспокоила перспектива захвата большевиками власти. Ленин сбросит Керенского, размышляли они, и тем самым, не подозревая об этом, расчистит путь к созданию "крепкого правительства", которое неизбежно придет к власти через три или четыре недели».

В отличие от правых заговорщиков западные державы всерьез опасались прихода к власти большевиков и выхода России из войны. С августа 1917 года выдающийся писатель и не менее выдающийся разведчик У. Моэм сумел организовать контрбольшевистский заговор с участием руководителей чехословацкого корпуса, видных генералов России, и лидером правых эсеров, известным террористом Б. Савинковым. (Разрозненные части этой заговорщической организации выступили против советской власти в различных частях России в течение 1918 года.) К концу октября 1917 года Моэм завершил свою работу по созданию мощной подпольной организации. Позже Моэм описал, как отправленный им в Лондон план государственного переворота «был принят, и ему были обещаны все необходимые средства». Однако великий разведчик попал в цейтнот. «Время поджимало. Росли слухи о растущей активности большевиков. Керенский носился взад и вперед как перепуганная курица».

Помимо заговоров, которые плели генерал Алексеев, Милюков, Родзянко, а также британские и французские спецслужбы, в Петрограде и других городах страны создавались и другие заговорщические центры, готовившие выступления для разгрома революции и большевистской партии. В то же время пока эти силы были разрознены, а многие из них были в оппозиции к Керенскому и лишь поджидали выступления большевиков для того, чтобы их руками свергнуть Временное правительство и лишь затем уничтожить их самих, у большевистской партии была возможность для политического маневра. С одной стороны, у

большевиков был редкий шанс взять власть в свои руки, который мог быть упущен в случае промедления. Таким образом, большевики упустили бы историческую возможность сделать попытку реализовать те цели, за которые боролись коммунисты и социалисты всего мира в течение семи десятилетий.

С другой стороны, промедление могло быть чревато полным разгромом революции. При этом первыми жертвами явились бы большевики. Хотя не большевики начали события 1917 года, в глазах значительной части российского общества, уставшего от революционного хаоса, они в наибольшей степени олицетворяли революционные силы. К тому же большевиков еще с июля обвиняли в пособничестве немцам. Если в июле большевики смогли сойти с политической авансцены с минимальными потерями, то после осуществления государственного переворота различными заговорщиками большевиков ждала бы такая же судьба, которую в XX веке пришлось пережить коммунистам и социалистам Германии, Испании, Индонезии, Чили, в 1933,1936-1939,1965 и 1973 годах: большевиков либо поголовно пересажали бы, либо вырезали. Хотя эти исторические примеры еще не были известны в 1917 году, Ленин и другие руководители партии не без оснований полагали, что выбора у них не было: либо идти к революционному восстанию, либо ждать своей гибели и ликвидации всех революционных завоеваний. Другим следствием контрреволюционного переворота стало бы установление на долгие годы жестокой диктатуры, вроде тех, что устанавливались в XX веке после кровавых расправ с коммунистами и социалистами в Германии. Италии, Испании, Греции, Чили и других странах. В отличие от июльских событий теперь большевикам, чтобы избежать полного разгрома и сохранить партию, надо было захватывать власть.

Очевидно, что сведения о готовящихся заговорах, а также обостренная политическая интуиция помогли Ленину и большинству членов ЦК сделать верный вывод о необходимости выступать как можно скорее. Не исключено, что Ленин понимал колебания своих сторонников и сознательно прибегал к использованию сомнительных аргументов о начавшейся мировой революции и всеобщей поддержке большевиков в России для того, чтобы вдохновить широкий актив большевистской партии уверенностью в успехе.

16 октября состоялось расширенное заседание ЦК, на котором с двухчасовым докладом выступил Ленин. Как свидетельствует краткая протокольная запись его выступления, Ленин вновь говорил о невозможности ориентироваться на настроение масс («оно изменчиво и не поддается учету»), вновь уверял, что, «выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу». В то же время в этом выступлении Ленин, как никогда четко, указал ту альтернативу, которая встала перед большевиками: «либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

Через два дня Каменев опубликовал статью в газете меньшевистского направления «Новая жизнь», в которой от себя и от имени Зиновьева осуждал планы «выступления большевиков». На заседании ЦК Ленин потребовал исключения Каменева и Зиновьева из партии. Однако ЦК ограничился осуждением их поведения, и это лишний раз свидетельствовало о том, что тогда в большевистском руководстве с пониманием относились к стремлению ряда коллег избежать вооруженного восстания и ждать созыва Учредительного собрания. Ленин же решил ускорить подготовку к восстанию. Он писал Я.М. Свердлову: «*Наступать изо всех сил* и мы победим в несколько дней!»

К утру 25 октября (7 ноября) в соответствии с планом Ленина частями Красной гвардии, созданной большевиками из рабочих с весны 1917 года, и войсками, поддержавшими большевиков, были взяты в Петрограде вокзалы, электростанции, Госбанк, почта и телефон, главные правительственные учреждения. После знаменитого выстрела с крейсера «Аврора» был штурмом взят Зимний дворец, в котором заседало Временное правительство. В тот же день В.И. Ленин в своем выступлении на экстренном заседании Петроградского Совета заявил: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась… Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в конечном итоге привести к

победе социализма».

Вооруженное восстание, руководимое большевиками, победило ценой сравнительно небольшого количества жертв. В столице России войска Временного правительства практически не оказывали сопротивление большевистским частям. Попытки А.Ф. Керенского организовать свержение большевиков, опираясь на войска генерала П.Н. Краснова, провалились 31 октября. Многие вооруженные офицеры и другие сторонники установления контрреволюционной диктатуры, находившиеся в Петрограде и готовившие захват власти, так и не выступили.

Секрет успеха большевиков объяснялся не «немецкими деньгами», которые безуспешно ищут их идейно-политические противники до настоящего времени. Отсутствие какого-либо серьезного сопротивления Октябрьской революции в Петрограде свидетельствовало прежде всего о том. что в условиях нараставшего хаоса и беззакония подавляющая часть населения была готова поддержать любую власть, готовую взять ответственность за судьбы страны. В то же время победа большевиков была обеспечена бесспорной и все возраставшей поддержкой со стороны значительной части трудящихся страны. Измучившиеся, изголодавшиеся, отчаявшиеся люди ждали от новой власти перемен к лучшему в течение многих поколений. В своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» Джон Рид писал: «Если бы широкие массы российского населения не были готовы к восстанию, оно потерпело бы неудачу. Единственная причина огромного успеха большевиков кроется в том, что они осуществили великие и в то же время простые чаяния широчайших слоев населения, призвали их разрушить и искоренить все старое, чтобы потом вместе с ними возвести на развалинах прошлого остов нового мира».

Глава 12
Социалистическое преображение России

Вопреки современным представлениям о том, что 25 октября (7 ноября) 1917 года был провозглашен переход власти к большевистской партии, первое же сообщение о смене власти было сделано в тот день в 10 часов утра не от имени руководства партии, а от «Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов». Кроме того, уже вечером 26 октября II Всероссийский съезд Советов провозгласил: «Съезд берет власть в свои руки». Делегаты этого съезда были избраны 402 местными рабочими, крестьянскими и солдатскими Советами. Из 649 делегатов съезда большевиков было 390, эсеров – 169, меньшевиков – 68, беспартийных – 36. Остальные представляли мелкие партийные группы.

Также вопреки расхожим представлениям в своем первом воззвании съезд не провозгласил установление большевистской диктатуры, запрет всех других партий и всяческих свобод. Напротив, в первом воззвании съезда Советов, в котором говорилось о начале его работы, было объявлено: «Вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок». За это воззвание голосовали не только большевики, но и часть эсеров.

На втором заседании II Всероссийского съезда Советов, 26 октября (8 ноября) 1917 года, был заслушал доклад В.И. Ленина, который зачитал проект декрета о мире. В нем предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире… Таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций». Советское правительство объявляло продолжение войны «величайшим преступлением против человечества» и «торжественно» провозглашало «свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условий».

В принятом по предложению Ленина декрете о мире напоминалось о революционных

традициях пролетарского движения стран Западной Европы, в том числе об образцах «чартистского движения в Англии, ряде революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, о геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии». Так задача прекращения бесчеловечной мировой бойни увязывалась с многолетней борьбой рабочих Западной Европы за лучшую долю, общедемократические преобразования и социалистическую революцию.

В ходе заседания Ленин выступил на съезде с докладом по вопросу о земле. Ленин предложил включить в декрет о земле «Крестьянский наказ о земле», составленный на основе 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Согласно этому «Наказу» право собственности на землю отменялось навсегда, вся земля переходила в пользование трудящихся; ее нельзя было ни покупать, ни продавать. Земельные участки (поместья) с высококультурными хозяйствами превращались в показательные хозяйства и переходили «в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их». Наказ также устанавливал «уравнительное землепользование», то есть земля должна была распределяться между трудящимися, смотря по местным условиям, «по трудовой или потребительской норме».

В своем докладе Ленин заметил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлены социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны». Ленин демонстрировал свою готовность к сотрудничеству с левыми эсерами, несмотря на глубокие идейно-политические разногласия с ними и несмотря на то, что они еще недавно входили в партию, правое крыло которой требовало вооруженной расправы с большевиками. Он говорил: «Если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так. Жизнь – лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных решений». 27 октября (9 ноября) 1917 года Советское правительство подтвердило намеченную ранее дату выборов в Учредительное собрание – 12 (25) ноября 1917 года.

На последнем заседании съезда был избран Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). В его состав вошел 101 человек (62 большевика и 29 левых эсеров). Председателем ЦИК был избран Л.Б. Каменев. Текущее управление страной съезд возложил на Совет народных комиссаров (Совнарком, или СНК) – новое правительство России. Председателем Совнаркома был назначен Владимир Ульянов (Ленин). Народным комиссаром (наркомом) «по делам иностранным» был назначен Л.Д. Бронштейн (Троцкий), а наркомом «по делам национальностей» – И.В. Джугашвили (Сталин). Хотя за несколько часов до оглашения состава правительства левым эсерам (Камкову, Спиро, Карелину) было предложено стать членами СНК, они отказались от этого предложения, и все наркомы были большевиками. Съезд постановил, что контроль над деятельностью Совета народных комиссаров принадлежит съезду Советов, а в перерывах между съездами – ВЦИК.

На последнем заседании были приняты также решения об отмене смертной казни на фронте, об освобождении арестованных при Временном правительстве членов земельных комитетов. Были приняты также решения об аресте Керенского (оно не было выполнено; Керенский скрылся) и о борьбе с контрреволюционными выступлениями. В то время эта борьба велась исключительно гуманными средствами. Генерал Краснов, арестованный после провала попыток свергнуть советскую власть, был освобожден под честное слово. (Генерал его нарушил и, оказавшись на Дону, поднял мятеж против советской власти, а затем вступил в сотрудничество с немецкими интервентами.)

Другие решения советского правительства отражали программные положения социал-демократических партий всего мира, направленные на решение социально-экономических проблем трудящихся и общедемократические преобразования. 29 октября (11 ноября) 1917 года правительство Ленина установило в стране 8-часовой рабочий день. Одновременно впервые в мире труд подростков до 18 лет был ограничен 6 часами. Так впервые в мире были удовлетворены требования рабочих, за которые десятилетиями шла упорная борьба в ведущих странах мира.

Впервые в истории рабочие получали право контроля над производством. 14 ноября ВЦИК утвердил проект СНК о рабочем контроле, в соответствии с которым «во всех промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных и прочих предприятиях, с числом рабочих и служащих (вместе) не менее 5 лиц, или с оборотом не менее 10 000 рублей в год», устанавливался *«рабочий контроль за производством, хранением и куплей-продажей всех продуктов и сырых материалов».*

В первые же дни советской власти были приняты законодательные акты, отменявшие все формы социальной дискриминации. 11(24) ноября был принят декрет об отмене сословий, чинов и установлении единого гражданства. 18 (31) декабря был принят декрет о равноправии женщин в гражданском браке. 20 января (2 февраля) 1918 года декретом церковь была отделена от государства. Этот декрет отвечал общепринятым представлениям о демократических преобразованиях в обществе.

2(15) ноября 1917 года советским правительством была принята Декларация прав народов России, в которой провозглашалось: «Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения. Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю – она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков. Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно». (С точки зрения тех, кто поверил современным сочинениям об «Октябрьском перевороте» эти заявления могут показаться невероятными. Вместо призывов к установлению режима угнетения здесь многократно провозглашалось «раскрепощение».)

Декларация отменяла все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. Она признавала право на свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. Декларация предоставляла народам России право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

20 ноября (3 декабря) 1917 года Совнарком обратился с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось: «Великий клич освобождения, данный Русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока… Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма». Декларация торжественно объявляла об отмене неравноправных договоров, в частности, тайных договоров о разделе Ирана и Турции, захвате Константинополя. Совнарком принимал обязательство строить свои отношения с этими и другими странами на принципах дружбы и взаимной помощи. Были отменены и неравноправные договоры России с Китаем.

Советское Россия выводила российские войска из Ирана и Турции. Одновременно Совнарком выразил свою поддержку чаяниям армянского народа, приняв 29 декабря 1917 года (11 января 1918 года) декрет «О Турецкой Армении», в котором поддерживал право Турецкой Армении на свободное самоопределение.

С первых же дней Октябрьской революции советское правительство принимало решения, отвечавшие задачам построения социализма в России. С ноября 1917 года по март 1918 года было национализировано 836 промышленных предприятий в 31 губернии. В

первые же месяцы 1918 года были национализированы ведущие железные дороги и торговый флот страны. С 14 декабря 1917 года началась национализация банков. Банковское дело было объявлено государственной монополией. В декабре 1917 – январе 1918 года стали создаваться Советы народного хозяйства в крупных промышленных городах страны. 2 декабря был учрежден Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Эти действия свидетельствовали о намерении большевистского правительства не только добиться решения давно насущных проблем трудящихся, но и начать строительство нового, невиданного до сих пор в истории человечества социалистического общества. Программные задачи, которые были давно поставлены социал-демократами России и всего мира, начали впервые реализовываться.

Советское правительство постоянно подчеркивало, что отныне каждый трудящийся имеет право управлять государством и несет за это ответственность. В своем обращении «К населению», опубликованном 5(18) ноября 1917 года, В.И. Ленин писал: «Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства *в свои руки*. *Ваши* Советы – отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы… Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите *всю* власть в руки *своих* Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт – все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям *практического* опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неукоснительно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и эксплуатации». Казалось, что подавляющее большинство страны поддержит эти призывы и встанет во главе преображенной страны.

Россия, в которой угнетение трудящегося человека, его бесправие, беспросветная нищета казались вековыми и неистребимыми проклятиями, объявляла рабочих и крестьян хозяевами своей судьбы. Их острейшие проблемы труда и жизни предлагалось решить так радикально, как ни в одной стране мира. Страна, в которой веками сохранялись всевозможные формы неравенства, провозглашала установление полного равноправия между людьми, вне зависимости от их пола, классового положения, национального и социального происхождения. Подобного не было в то время ни в одной стране мира. Россия, которая до сих пор активно участвовала в одной из самых кровавых войн в истории человечества, первой объявляла о недопустимости ее продолжения и предлагала честный и справедливый выход из нее. Россия, которую во всем мире считали «тюрьмой народов», не только провозглашала конец национальной дискриминации, но и давала всему миру пример установления новых отношений между всеми народами без исключения на основе равенства и братства. Даже если бы советская власть погибла через несколько дней после ее провозглашения, ее призывы к построению человеческого общества на основе мира, равенства, братства народов вдохновляли бы долгие годы людей во всем мире. В историю все равно бы вошли свидетельства того, что практическую программу преображения России и всей планеты на принципах мира, равенства и социальной справедливости первыми провозгласили самые верные последователи коммунистического учения – русские большевики во главе с В.И. Лениным.

Глава 13
Первая Гражданская война 1917-1918 годов и начало иностранного вторжения

В последующие дни совершалось то, что Ленин назвал «триумфальным шествием Советской власти» по России. В ряде городов страны власть перешла к Советам одновременно с началом Октябрьской революции в Петрограде (Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Шуя, Кинешма, Кострома, Тверь, Брянск, Ярославль, Рязань, Владимир,

Ковров, Коломна, Серпухов, Подольск и ряд других). В некоторых крупных городах страны советская власть была установлена через несколько дней после ее победы в Петрограде. 25-28 октября (7-10 ноября) советская власть была провозглашена в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге. Челябинске, Ижевске, Уфе, Казани, Самаре, Саратове, Царицыне, Ревеле (Таллине), Юрьеве, Нарве, Пярну, Минске, Ростове, Владикавказе, Красноярске. 31 октября (13 ноября) советская власть была установлена в Баку. 1(14) ноября в ходе вооруженного восстания Красная гвардия взяла Ташкент.

В то же время, говоря о «триумфальном шествии Советской власти», Ленин замечал: «Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне». Начавшаяся в конце мая 1918 года Гражданская война по своим масштабам и характеру затмила события с конца 1917 по начало 1918 года. Между тем в ходе этих пяти месяцев также происходила острая и кровопролитная Гражданская война между большевиками и их противниками. Эта Гражданская война во многом предопределила развитие последующих событий. В ходе нее противостоящие стороны не имели (или почти не имели) в своем распоряжении регулярных воинских частей. Многомиллионная Действующая армия медленно разлагалась и умирала как боеспособная сила. Правда, на каком-то этапе армия могла сыграть роль противовеса большевистским силам и этот момент был одним из наиболее острых в первые дни существования советской власти.

Главнокомандующий Вооруженными силами России генерал Н.Н.Духонин отказался подчиниться приказу Совнаркома о начале переговоров с немцами. Впоследствии И.В. Сталин вспоминал: «Минута была жуткая… Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 12-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти». По словам Сталина, «это был скачок в неизвестность».

В.И. Ленин, И.В. Сталин и народный комиссар по военным делам Н.В. Крыленко 9 (22) ноября 1917 года вступили в переговоры с Н.Н. Духониным по прямому телеграфному проводу. В своем ответе Духонин объявил, что готов подчиниться «центральной правительственной власти, поддержанной армией и страной», но не признает Совнарком и отказался выполнить приказ Ленина, Сталина и Крыленко. В ответ последовало послание: «Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко. Ленин, Сталин, Крыленко».

Растерянность военных верхов, усталость солдат от войны, которые взбунтовались и растерзали Духонина, обеспечили успех нейтрализации Вооруженных сил. Армия постепенно, фронт за фронтом, в основном мирным путем переходила под контроль советской власти. Однако во многих городах советская власть была установлена лишь в ходе вооруженных боев. На стороне советской власти выступали обычно красногвардейцы и армейские части, поддерживавшие большевиков. На стороне ее противников часто были юнкера. Через 9 дней упорных боев в Москве Кремль был взят, и советская власть взяла под контроль древнюю столицу. В ходе боев в Москве погибло более 1 тысячи человек. Упорное сопротивление большевикам затянуло взятие власти Советами в Орле до 25 ноября (8 декабря), Курске – 26 ноября (9 декабря), Хабаровске – 6 (19) декабря, Туле – 7 (20) декабря, Пензе – 21 декабря 1917 года (3 января 1918 года), Иркутске – 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года), Астрахани – 25 января (7 февраля), Тамбове – 31 января (13 февраля) 1918 года.

В ряде мест противники советской власти сумели организовать достаточно сильные очаги сопротивления, опираясь главным образом на местное казачество. Так, 14(27)ноября 1917 года при поддержке антисоветского «Комитета спасения родины и революции»,

созданного в Оренбурге, поднял мятеж атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов. Казаки под руководством Дутова арестовали членов Оренбургского совета, захватили Троицк, Верхне-Уральск, угрожали Челябинску. Против казаков Дутова были направлены рабочие отряды Самары, Екатеринбурга, Уфы и других городов. Лишь 25 декабря (7 января 1918 года) они смогли освободить Троицк, а 18 (31) января 1918 года – Оренбург. Однако Дутов и его отряды, отступив, стали готовить новое нападение на советские города.

Другим крупным очагом сопротивления советской власти стала Донская область. Атаман донского казачьего войска А.М. Каледин 25 октября (7 ноября) 1917 года в Новочеркасске объявил о своем непризнании советской власти и желании восстановить власть Временного правительства. Атаман стал готовить антисоветский поход на Москву и Петроград.

К этому времени на Дон прибыли сбежавшие из-под стражи организаторы корниловского мятежа (Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и другие), а также генерал М.В. Алексеев, лидеры монархистов и кадетов (П.Н. Милюков, П.Б. Струве, М.В. Родзянко). 27 декабря в Ростове было объявлено о создании Добровольческой армии, во главе которой встали Алексеев и Корнилов. К началу 1918 года Добровольческая армия насчитывала 3-4 тысячи человек.

Тем временем, установив связи с Дутовым, Каледин стремился создать федерацию казачьих областей. Став во главе «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» (в состав его руководства наряду с Калединым входили богатейшие люди Северного Кавказа – Чермоев, Гоцинский, Коцев), Каледин пытался взять под контроль весь Северный Кавказ. Лишь после отмены советским правительством 9 (22) декабря обязательной воинской повинности для казаков и установления для них ряда льгот был достигнут перелом в настроениях части казачества. В ходе двухмесячных боев войска Каледина были разбиты. 24 и 25 февраля 1918 года Ростов и Новочеркасск были взяты. За несколько дней до этого Каледин, видя безнадежность своего положения, застрелился.

Однако разгром мятежей Каледина и Дутова и установление советской власти во многих губернских и уездных городах России не привели к распространению ее контроля над всей территорией бывшей империи. 7(20) ноября 1917 года Центральная рада Украины опубликовала «универсал», в котором объявила Украину независимой «народной республикой». Создание Молдавской народной республики провозгласил в Кишиневе 2 декабря «Сфатул Церий» (Краевой Совет). 15 ноября 1917 года был создан Закавказский комиссариат, готовивший созыв Закавказского сейма. Этот сейм 10(23) февраля 1918 года провозгласил независимость Закавказья. Местные сепаратистские центры власти сложились в Дагестане, Ингушетии, Чечне. В декабре 1917 года в Оренбурге было создано «общекиргизское» правительство Алаш-орды, претендовавшее на власть над Казахстаном и Киргизией. Еще в сентябре 1917 года под контролем германских оккупационных властей был создан Литовский совет (Тариба), а 11 декабря 1917 года Тариба опубликовала декларацию о «вечной, прочной связи с Германской империей».

Большевики пытались, как могли, остановить распад великой державы. Выступая на съезде Финляндской социал-демократической парии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 года, нарком по делам национальностей И.В. Сталин говорил об общих задачах, стоявших перед всеми социалистическими силами бывшей империи. Он заявлял, что признание большевиками права наций на самоопределение являлось необходимым для «восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России». Он призывал к «добровольному и честному союзу финляндского народа с народом русским». Он напоминал, что «настало время, когда старый лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"» должен быть проведен в жизнь. Однако призывы Сталина к союзу не были восприняты положительным образом. 6 декабря сейм Финляндии провозгласил ее независимость и к власти пришло правительство, враждебное советской власти, которое советское правительство было вынуждено признать.

Ситуация, аналогичная финляндской, сложилась и на Украине. СНК признал и независимость Украины, провозглашенной Центральной радой. В своем «Ответе товарищам

украинцам в тылу и на фронте» 12 декабря 1917 года Сталин писал, что «Совет Народных Комиссаров… ничего не имеет… против того, чтобы украинский народ выделился в независимое государство». Однако он обращал внимание на недружественную политику Центральной рады, указывал на то, что она сотрудничает с антисоветским Донским правительствам Каледина.

В новой, быстро менявшейся обстановке руководители большевиков были вынуждены менять свой политический курс в отношении национальных окраин России. Поощрение самоопределения наций вплоть до отделения постепенно уступало признанию значимости унитарного государства для решения первоочередных задач экономического развития общества и острых социальных проблем трудящихся всей страны. В своем докладе по национальному вопросу, с которым он выступил 15 января 1918 года на III Всероссийском съезде Советов, Сталин прямо поставил вопрос о новой трактовке «права нации на самоопределение». Он заявил: «Все указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма». Подобным же образом был составлен и его проект резолюции о федеральных учреждениях Российской республики, представленный съезду. Сталин предлагал, что области, отличающиеся «особым бытом и национальным составом», войдут в состав Российской республики в качестве «областных советских республик».

Аналогичным образом по мере развития Гражданской войны на окраинах страны и в связи растущей враждебностью почти всех других партий в центре страны, большевики были вынуждены переходить к более жесткой позиции и в отношении оппозиционных к ним политических сил. Уже 26 октября (9 ноября) 1917 года по постановлению Военно-революционного комитета Петроградского совета были закрыты правые газеты «Речь», «День» и ряд других, которые вели особенно ожесточенную антисоветскую пропаганду. О том, что эта пропаганда направлена на поддержку вооруженных выступлений против советской власти свидетельство-ват мятеж юнкеров в Петрограде 29 октября (11 ноября). Мятеж был организован Комитетом спасения родины и революции во главе с правым эсером Гоцем. (Мятеж был разгромлен в тот же день.)

3 ноября был раскрыт заговор, во главе которого стоял крайне правый политический деятель России В.М. Пуришкевич (он был великим мастером заговоров, о чем свидетельствовало его участие в организации убийства Григория Распутина.) Незадолго до своего ареста Пуришкевич писал Каледину: «Организация, во главе которой я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение может только создание офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части… Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами». (3 (16) января 1918 года Пуришкевич был открытым судом приговорен к 4 годам принудительных работ, но 1 мая 1918 года был амнистирован. Затем он уехал на юг, где примкнул к контрреволюционному движению.)

Обострялись отношения у большевиков и с социалистическими партиями. В день, когда юнкера подняли мятеж, возник острый конфликт в связи с Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожного профессионального союза (Викжель), в котором решающую роль играли эсеры и меньшевики. 29 октября (11 ноября) 1917 года Викжель принял резолюцию с требованием сформирования правительства из представителей всех социалистических партий, а не только из большевиков. В случае отказа принять его требования Викжель отказывался обеспечить переправку просоветских воинских частей из Петрограда в Москву, которая еще находилась в руках противников Советов.

Обострение отношений с другими социалистическими партиями вызвали кризис и внутри большевистского руководства. В ходе переговоров между ЦК большевистской партии и Викжелем представители последнего предложили не только ввести в состав

Совнаркома представителей эсеров, меньшевиков и народных социалистов, но и заменить Ленина правыми эсерами Авксентьевым или Черновым. Хотя представители ЦК (Каменев, Сокольников, Ногин, Милютин, Рыков) отвергли предложение о смене председателя СНК, они согласились с требованиями Викжеля о введении представителей других социалистических партий. Большинством голосов ЦК осудил позицию Каменева и других. В знак протеста против этого решения Зиновьев, Каменев и другие вышли из состава ЦК, Рыков, Милютин, Ногин и Теодорович ушли с постов наркомов, а Каменев подал в отставку с поста председателя ВЦИК. Эти отставки свидетельствовали о том, что видные руководители большевистской партии считали немыслимым установление монополии своей партии на власть.

Кризис внутри руководства большевистской партии и в отношениях большевиков с другими партиями принял такие масштабы, что Ленин подготовил специальное обращение «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», которое было опубликовано от ЦК РСДРП(б) 5(18) ноября 1917 года. В нем Ленин вновь объявлял о готовности большевиков «разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную всем* Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму».

Слова Ленина о готовности большевиков «разделить власть с меньшинством Советов» нашли отражение в решении ВЦИК от 25 ноября (8 декабря) назначить левого эсера А.Л. Колегаева комиссаром земледелия. 9 (22) декабря в состав Совнаркома было введено еще несколько левых эсеров: И.З. Штейнберг(ко-миссар юстиции), П.П. Прошьян (комиссар почт и телеграфа), В.Е. Трутовский (комиссар городского и местного самоуправления), А.А. Измайлович (комиссар по дворцам республики), В.А. Алгасов и В.А. Карелин (комиссары без портфеля для работы в коллегии по внутренним делам). Так Советское правительство стало коалиционным.

В то же время, говоря в своем обращении от 25 ноября (8 декабря) о наличии в Петрограде «корниловцев», Ленин не преувеличивал. Гражданская война велась не только в отдаленных городах между сторонниками советской власти и ее противниками, не только на окраинах страны между рабочими отрядами и казачьими частями Дутова и Каледина, но и на невидимом фронте, который проходил в контролируемых советской властью землях, в том числе в столице России.

Многие враги революции исходили из того, что большевики, свергнув правительство Керенского, фактически лишь расчистили путь для военной диктатуры правого толка. После установления советской власти в Петрограде продолжала открыто заседать городская дума, не признававшая власти Советов. Участник этих заседаний, написавший свои воспоминания под псевдонимом «Ан-ский», замечал: «Настроение думы… оставалось все-таки оптимистическим настолько, что целые заседания посвящались обсуждению вопроса об учреждении нового правительства: все были убеждены, что через несколько дней большевики падут».

Параллельно Совнаркому существовали другие органы власти, не признававшие Октябрьскую революцию. А. Демьянов вспоминал: «В дни перехода власти к большевикам жизнь в министерствах шла своим чередом… Министерства как учреждения продолжали существовать, а вместе с ними продолжали существовать и чиновники… Они выделили из себя особые комитеты для выработки общих директив, как вести себя с большевистским начальством. Комитеты отдельных министерств снеслись между собою, и в конце концов создался единый центральный орган, руководивший деятельностью чиновников в этом отношении. Этот центральный комитет объединил в себе почти все ведомства, он действовал почти открыто. В секрете не могли держаться его заседания, и большевики отлично знали о его существовании… Чиновники решили применить на службе саботаж… Этот саботаж чиновников на первое время много крови испортил большевистским комиссарам».

В то же время центральный комитет министерств попытался стать параллельным

правительством России. Во главе его встали люди из так называемого малого совета министров, существовавшего еще при Временном правительстве и председателем которого был А. Дементьев. Сразу после ареста Временного правительства Дементьев собрал на частной квартире заместителей арестованных министров (их именовали «товарищами министров»). Он вспоминал: «С этого дня заседания совета министров сначала в составе одних товарищей министров, а затем тех же товарищей министров и министров, выпущенных из Петропавловской крепости на волю». (Вопреки легенде о том, что министры Временного правительства были казнены, многие из них вскоре после ареста были освобождены.)

Первое время председателем Совета министров России считался А.Ф. Керенский. По словам А. Дементьева, «с ним удалось снестись… Популярность и авторитет Керенского после неудачи его наступления на Петербург катастрофически падали. Керенский сам, по-видимому, это сознавал и, не желая мешать деятельности подпольного правительства, послал ему свой отказ от звания председателя совета». Председателем Совета министров был избран бывший министр продовольствия Временного правительства С.Н. Прокопович (он был уже освобожден из заключения).

Продолжали собираться и члены разогнанного после Октябрьской революции Совета республики (так называемого предпарламента), которых возглавлял председатель Совета правый эсер Н.Д. Авксентьев. С целью объединить антибольшевистские силы А. Дементьев пригласил на одно из заседаний представителей Совета республики, а также Комитета спасения родины и революции. По решению подпольного правительства А. Дементьев был направлен на юг к Каледину, с тем чтобы согласовать действия антибольшевистского подполья в Петрограде и мятежников на Дону.

Несмотря на почти открытую антисоветскую деятельность этих центров в Петрограде, большевики не предпринимали ничего для того, чтобы их остановить. В значительной степени это было вызвано слабостью новой власти, которая не могла еще взять ситуацию под контроль. К этому времени покинули госучреждения многие опытные служащие. На место бездушных, но компетентных чиновников приходили молодые комиссары, полные идей о прекрасном коммунистическом будущем, но лишенные реальных представлений о промышленности и сельском хозяйстве, коммунальных услугах и делопроизводстве.

Даже в высших эшелонах советской власти дела тормозились бесконечными совещаниями людей, опыт, знания и чувство ответственности которых зачастую не соответствовали занятому ими высокому государственному положению. Многие из членов партии плохо представляли себе, как воплотить в жизнь прекрасные идеи о счастливом коммунистическом обществе. Занимаясь с юности лишь антиправительственной пропагандистской деятельностью, они воспринимали государство лишь как извечного врага, которого следует уничтожить. Некоторые из них, пробыв годы в эмиграции среди социал-демократов Западной Европы, приучились воспринимать политическую деятельность как оппозиционную и не были готовы к ответственной государственной работе. К тому же они переняли пренебрежительное отношение к России, распространенное в западноевропейской социал-демократии, а потому считали, что Россия не способна возглавить движение человечества к социализму и рассматривали свою деятельность во главе России лишь как пропагандистов новой жизни для остальной Европы. Так, в первые месяцы своей работы во главе Наркомата иностранных дел Троцкий заявил: «Какая такая у нас будет дипломатическая работа? Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку».

[Митинговая стихия, захлестнувшая страну после Февральской революции, не успокоилась после Октябрьской революции. Решения принимались на митингах, собраниях и съездах, в ходе долгих и часто бестолковых прений. Попытки сдержать поток митинговых слов и перейти к решительным действиям нередко срывались обвинениями в «возрождении царских методов» правления. Говоруны, бузотеры, а то и малограмотные люди нередко вставали во главе новых органов советской власти. Выборочное анкетирование членов

партии в 1920 году показало, что лишь 5 % имело высшее образование, 8 % – среднее, 3 % были неграмотными, а остальные имели «низшее, домашнее, тюремное образование». Горячий сторонник большевиков Джон Рид едва не был расстрелян красногвардейцами просто потому, что те не могли прочесть выданный ему мандат.

Лозунги советской власти о социализме причудливым образом преобразовывались в сознании многих неграмотных и малограмотных людей. Генерал А.И. Деникин, бежавший из-под заключения под арест после корниловского мятежа и пробиравшийся в конце 1917 года тайком на юг России в переполненных вагонах, стал невольным слушателем «путаной, обильно снабженной мудреными словами… речи» какого-то «полуинтеллигента в солдатской шинели», из которой «можно было понять, что "народное добро" будет возвращено за "справедливый выкуп", понимаемый в том смысле, что казна должна выплачивать крестьянам и рабочим чуть ли не за сто прошлых лет их… убытки за счет буржуйского состояния и банков. И каждому слову его верили».

Эти россказни о скорой безбедной и беззаботной жизни в то же время соединялись с призывами к мести и разрушению. По словам Деникина, проповедник утопии завершал свои речи словами: «Братие! Оставим все наши споры и раздоры. Сольемся воедино. Возьмем топоры да вилы и, осеня себя крестным знамением, пойдем вспарывать животы буржуям. Аминь». В этих призывах к массовой резне, изложенных в псевдорелигиозной форме, чудовищным образом преломлялись идеи классовой борьбы.

Призывы к «раскрепощению» народа вызвали многочисленные проявления жестокого народного самосуда. Слова А.С. Пушкина о народном бунте из «Капитанской дочки» вновь стали актуальными. Во время своего путешествия инкогнито по России Деникин постоянно ощущал «разлитую повсюду безбрежную ненависть – и к людям, и к идеям… В этом чувстве слышалось непосредственное веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны и воспринятая через революционных вождей истерия. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек».

В этих условиях значительная часть российского общества, не принадлежавшая к трудящимся классам, быстро разочаровывалась в большевиках. Однако оппозиция к большевикам не ограничивалась состоятельными городскими слоями общества. Недоверие к большевикам значительной части крестьянства, которая с начала Февральской революции поддержала эсеров, не исчезло даже после декрета о земле. Явная неспособность большевиков навести порядок в первые дни после прихода к власти не усиливала к ним симпатии на селе. Разочаровывались в большевиках и некоторые рабочие, страдавшие от голода, безработицы, общего хаоса.

Эти настроения отразились на итогах выборов в Учредительное собрание. Выборы состоялись в намеченный срок – 12 (25) ноября, но не состоялись только в 39 избирательных округах (из 79). В ряде мест выборы состоялись в конце ноября, в начале декабря и даже в начале января 1918 года. В голосовании по данным 65 округов из 90 миллионов избирателей в них приняло участие около 45 милионов. 40,4 % голосов было подано за социалистов-революционеров, расколовшихся на «левых» и «правых». 24 % получили большевики, 4,7 % было подано за кадетов, 2,6 % – за меньшевиков. Остальные голоса разделились между другими партиями.

Правда, в крупных городах страны успех большевиков был значительным. В Петрограде они получили 45 % голосов, в Москве – 50 %, по 68 губернским городам – 36,5 %. Однако в то же время в городах кадеты, получив 23,9 % голосов, существенно опережали эсеров, получивших там лишь 14,5 %. За месяц до выборов кадеты на X съезде своей партии в Москве 14-16 (27-29 октября) открыто одобрили действия своих министров во время корниловского мятежа. Кадеты были недовольны результатами выборов в деревне и готовили переворот, опираясь на поддержку Каледина, Дутова и подпольных вооруженных центров.

28 ноября (11 декабря) за подписью Ленина был опубликован «декрет об аресте вождей гражданской войны против революции». В нем говорилось: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции».

Средством подавления антисоветского сопротивления должна была стать Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), созданная постановлением СНК от 7 (20) декабря 1917 года. О том, что логика революционного процесса толкала большевиков к действиям, напоминавшим те, что предпринимала любая революционная власть против своих противников, свидетельствовало замечание Ленина, сделанное им во время назначения председателя ВЧК: «Здесь нужен хороший пролетарский якобинец». Таким «пролетарским якобинцем» стал Ф.Э. Дзержинский.

Уже в декабре 1918 года ВЧК раскрыла заговор представителей дипломатической миссии США с калединцами, планировавшими отправку на Дон эшелонов с военным снаряжением, а также связь подпольных организаций «Белый крест», «Черная точка», «Всё для родины» и других с миссиями западных держав и антисоветскими правительствами Украины и Дона. С конца 1917 года ВЧК ликвидировала такие заговорщические организации, как «Союз спасения родины», «Военная лига» и другие.

Переход революционных властей к чрезвычайным мерам, обычный во время любой революции, диктовался и внешними обстоятельствами. Расчеты большевиков на революционную солидарность рабочих Западной Европы не оправдались. Правда, выдавая желаемое за действительность, Ленин уверял, будто «только слепой может не видеть того брожения, которым охвачены рабочие массы в Германии и на Западе», и хотя Ленин сурово осудил заявление Ногина о том, что «Запад позорно молчит», было очевидно, что ожидавшихся пролетарских восстаний в Западной Европе не произойдет.

Официальный же Запад не откликнулся и на призывы советского правительства к миру, прозвучавшие из Петрограда. Лишь посол нейтральной Испании в Петрограде ответил на предложение Совнаркома к нейтральным странам взять на себя посредничество в организации переговоров о мире. Однако он тут же был отозван своим правительством. От имени стран Антанты американский офицер Керт заявил протест Совнаркому против таких переговоров.

В то же время Германия 14 (27) ноября выразила готовность приступить к переговорам о мире. В тот же день Ленин призвал все страны Антанты приступить 1 декабря к мирным переговорам. Страны Антанты не ответили на этот призыв, и тогда начались переговоры в Бресте между представителями Советской России и стран Центрального блока. Еще раньше, 30 ноября, страны Антанты на совещании в Париже приняли решение об оказании помощи всем антисоветским силам в России. Вскоре Франция предложила заем Центральной раде в 180 миллионов франков для борьбы с советской властью. Представители Антанты прибыли в Ростов к Каледину. Франция, Англия и США пообещали атаману значительные суммы денег и военную технику.

23 декабря 1917 года Клемансо, Пишон и Фош от Франции, лорд Мильнер, лорд Роберт Сесиль и представитель военного штаба Великобритании подписали тайную конвенцию о разделе сфер действий в России. В английскую сферу входили Кавказ и казачьи территории рек Кубани, Дона, во французскую – Бессарабия, Украина, Крым.

Этим действия стран Антанты не ограничились. В декабре 1917 года в Мурманск прибыл английский крейсер «Ифигения», на борту которого находился командующий военно-морскими силами адмирал Кемп. Английская миссия, прибывшая с крейсером, начала вербовку русских офицеров. 12 января 1918 года во Владивосток прибыли японский крейсер «Ивами» и английский крейсер «Суффолк». Казалось, что все эти военные суда ждут сигнала для начала активных действий в пределах России.

Усиление угрозы иностранной интервенции во всех концах страны, затягивавшиеся переговоры о мире в Бресте, обострение внутриполитической борьбы вокруг них с союзниками большевиков и среди большевиков, продолжавшаяся вооруженная борьба на окраинах России и в ряде ее городов проходили в условиях усугубления хозяйственных трудностей страны. 14 (27) декабря 1917 года Ленин писал: «Два вопроса выдвинулись в этом месяце на первое место перед всеми другими политическими вопросами: вопрос о хлебе и вопрос о мире!»

Рассказывая о жизни в Петрограде в январе 1918 года в своей повести «Хлеб», А.Н. Толстой писал: «Все скупее, тягучее текли жизненные соки из черноземного края страны на север – в Петроград и Москву. Выборные продовольственные управы, ведавшие сбором и распределением хлеба, плохо справлялись, а иные нарочно тормозили это дело: в управы прошли члены враждебных политических партий – меньшевики и эсеры, чтобы голодом бороться с большевиками за власть. Голод все отчетливее появлялся в сознании, как самое верное, насмерть бьющее оружие». В упадок приходило и городское хозяйство Петрограда: «Телеграфные провода были порваны. Поезда не подходили. Трамваи стояли в парках». В одной из петроградских квартир «истерическая хозяйка дома – с плачущим смехом» говорила: «В конце концов не приходится же нам выбирать: в конце концов – ни керосину, ни сахару, ни полена дров».

По словам А.Н. Толстого, «немало было таких, кто со злорадством ждал: пришли бы немцы. Суровые, в зелено-серых шинелях, в стальных шлемах. Ну – высекут кого-нибудь публично на площади – российскому обывателю даже полезно, если его немного постегать за свинство. И встали бы на перекрестках доброжелательные шуцманы… Засветились бы окна в булочных, в колбасных и в пивных… Немцу и в ум не придет такое невежество – заявлять: "Кто не работает, тот не ест"». Толстой замечал: «Большевиков было немного – горсть в триста тысяч. Их цели лежали далеко впереди. На сегодняшний день они обещали мир и землю и суровую борьбу за будущее. В будущем разворачивали перспективу почти фантастического изобилия, почти не охватываемой воображением свободы, и это привлекало и опьяняло тех из полутораста миллионов, для кого всякое иное устройство мира означало бы вечное рабство и безнадежный труд. Но этому будущему пока что грозил голод, холод и двадцать девять германских дивизий, в ожидании мира или войны стоящих от Черного моря до Балтийского».

Другой стороной общественного распада оставался безудержный рост преступности. Толстой писал: «Вечерние контрреволюционные газетки… с особым вкусом и подробностями описывали грабежи и "кошмарные убийства". Неуловимый бандит Котов, или "человек без шеи", резал людей каждую ночь на Садовой у игорного притона – ударом мясного ножа в почки. В одной закусочной, знаменитой поджаренными свиными ушами, в подполье обнаружили семь ободранных человеческих туш… Тоска охватывала имущих обывателей Петрограда. На лестницах устраивали тревожную сигнализацию, в подъездах – всенощное дежурство».

Уже 29 октября (11 ноября) Ленин выступил на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона «по вопросу о водворении порядка в городе». В нем он призывал рабочих взять на себя долю труда по охране города. Однако в городах продолжались бесчинства преступных элементов, совершались погромы винных складов.

Несмотря на успехи ВЧК в ликвидации ряда контрреволюционных организаций, антисоветское подполье продолжало активно действовать в Петрограде. Когда В.И. Ленин возвращался 1 (14) января с митинга в Михайловском манеже, автомобиль, в котором он ехал, был обстрелян. Спутник Ленина – швейцарский социалист Платтен – быстро наклонил вниз голову Ленина. Пуля пролетела мимо, и Ленин остался невредим. Однако покушение на Ленина продемонстрировало, что Гражданская война продолжается и на улицах Петрограда.

В этих условиях Ленину и другим руководителям большевистской партии становилось ясно, что созыв Учредительного собрания, в котором большевики и их союзники – левые эсеры – имели меньшинство, неизбежно усилит противостояние между Советами и

антисоветскими силами. Передача власти Учредительному собранию означала бы, что вопреки Октябрьской революции власть возвращалась к тем же силам, которые организовали Февральскую революцию. Однако опыт 8 месяцев после Февральской революции не свидетельствовал о способности этих сил навести порядок в стране и осуществить насущные перемены в интересах широких масс трудящихся.

Передача центральной власти в руки Учредительного собрания означала бы, что все декреты и декларации, принятые съездом Советов и Совнаркомом, все решения местных Советов были бы перечеркнуты. Вся практическая деятельность Советов в течение двух с лишним месяцев в центре и на местах, направленная на прекращение разрухи, голода, разгула преступности, на решение вопросов о мире, земле, рабочем дне и рабочем контроле над производством, национальном и социальном равноправии, была бы сведена к нулю. Усилившийся в этом случае хаос лишь благоприятствовал бы вторжению иностранных держав и распаду России. Кроме того, то обстоятельство, что в Учредительном собрании преобладали правые эсеры, бросавшие большевиков в тюрьмы в середине 1917 года, а затем после 7 ноября 1917 года участвовавшие в заговорщической деятельности против советской власти, не могло не обострить продолжавшуюся Гражданскую войну.

Поэтому 1 (14) декабря 1917 года Ленин потребовал ввести процедуру отзыва депутатов Учредительного собрания. Однако предложения Ленина вряд ли могли быть приняты большинством Учредительного собрания. 5(18) января на заседание Учредительного собрания из 715 избранных депутатов явилось 410. Из них большевиков и левых эсеров было 155, то есть 38,5 %. Большинство составляли правые эсеры.

Заседание Учредительного собрания, открывшееся 5(18) января 1918 года, началось со скандала. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, поднявшись на трибуну, помешал старейшему депутату Шевцову открыть собрание. Свердлов огласил с трибуны «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятую ВЦИК – за три дня до этого. В «Декларации», носившей характер конституционного документа, Россия объявлялась «республикой рабочих, солдатских депутатов». Провозглашалось, что «вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам». В «Декларации» подтверждалась верность основным законодательным актам, принятым Вторым съездом Советов, ВЦИК и Совнаркомом.

В «Декларации» также говорилось: «Будучи выбрано на основании партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ еще не мог всей массой восстать против эксплуататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за создание социалистического общества, Учредительное собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставлять себя Советской власти… Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества».

Декларация была отвергнута большинством голосов. Тогда большевики и левые эсеры покинули зал заседаний. Учредительное собрание большинством голосов избрало председателем бывшего министра земледелия Временного правительства правого эсера В.М. Чернова, который был тесно связан с многочисленными антисоветскими центрами на окраинах страны и в самом Петрограде.

Тем временем в одной из комнат Таврического дворца Ленин провел заседание Совета народных комиссаров, на котором была принята декларация, гласившая: «Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению. Прения в течение целого дня показали воочию, что партия правых эсеров, как и при Керенском, кормит народ посулами, на словах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против власти рабочих, крестьянских и солдатских Советов, против социалистических мер, против перехода земель и всего инвентаря без выкупа к крестьянам, против национализации банков, против аннулирования

государственных долгов. Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания».

Эту декларацию огласил единственный депутат-большевик, оставшийся на заседании, который также покинул зал после зачтения текста. Впоследствии была создана легенда, популяризированная фильмами «Выборгская сторона» и «Яков Свердлов». В киносценарии фильма «Выборгская сторона» говорится: «Матрос подходит к Чернову и кладет ему руку на плечо. Чернов изумленно поворачивается. Матрос говорит твердо и лаконично: 'Караул устал. Предлагаю закрыть заседание и разойтись по домам!" Чернов обводит глазами зал. Матросы и красногвардейцы отвечают ему недружелюбным взглядом. Чернов, запинаясь, говорит: "Объявляю закрытым первое заседание Учредительного собрания". "И последнее!" – громко говорит красногвардеец. Матрос командует: "Караул! Смирно!" Матросы и рабочие вытягиваются. Члены Учредительного собрания торопливо идут из зала. На часах – четыре часа сорок минут. Матрос оглядывает зал, потом громко говорит: "Открыть окна! Проветрить помещение!" Все зрители знали, что «матросом» был А.Г. Железняков, гибель которого в 1919 году была воспета в песне о "матросе, партизане Железняке"».

На самом деле, как свидетельствуют документы, в Таврическом дворце не разыгрывались события, подобные тем, что произошли в английской палате общин 20 апреля 1653 года или во французском Совете пятисот 9 ноября 1799 года. Железняков не сыграл роль Кромвеля или Мюрата. Известно, что Железняков на самом деле пожаловался членам Совнаркома, продолжавшим заседать в Таврическом дворце, что «матросы, которые стояли на страже дворца с утра, буквально валятся с ног от усталости». В ответ нарком по военно-морским делам П.Е. Дыбенко приказал Железнякову разогнать Учредительное собрание. Однако Ленин тут же отменил приказ Дыбенко и написал Железнякову приказ: «Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов».

Лишь после полуночи Железняков решился под давлением Дыбенко заявить депутатам Учредительного собрания об усталости охраны дворца. Стенограмма заседания свидетельствует, что Железняков взял слово и попросил депутатов учесть пожелания матросов. В ответ Чернов, посоветовавшись с секретарем собрания, заявил «гражданину матросу», что депутаты тоже устали, но усталость не мешает им заниматься обсуждением самого жгучего вопроса для России – вопроса о земле. Железняков покинул собрание, а депутаты вновь продолжили обсуждение вопросов повестки дня.

Уже после выступления Железнякова Учредительным собранием был принят закон о земле. Было также принято обращение к союзникам по Антанте об условиях демократического мира. Лишь после принятия этих решений в 4 часа 40 минут утра 19 января 1918 года Чернов объявил заседание Учредительного собрания закрытым и назначил второе заседание Учредительного собрания на 5 часов вечера того же дня.

Однако, когда к назначенному сроку депутаты подошли к Таврическому дворцу, они обнаружили, что входы туда были закрыты, а двери охраняют вооруженные матросы. К этому времени ВЦИК выпустил декрет о роспуске Учредительного собрания. По форме роспуск Учредительного собрания совершался так же, как и роспуск 1-й Государственной думы. Как и в 1906 году, депутаты разогнанного органа власти, собравшись в другом помещении, приняли резолюции, осуждавшие действия властей. Но, как и 12 лет назад, эти протесты не получили поддержки и не возымели своего действия.

Через 4 дня после роспуска Учредительного собрания в Петрограде 10 (23) января открылся III съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который через три дня объединился с Третьим Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов. На съезде с отчетами выступили от ВЦИК – Я.М. Свердлов, а от Совнаркома – В.И. Ленин.

В начале своего отчета Ленин напомнил, что советская власть существует уже 2 месяца и 15 дней, то есть на 5 дней дольше, чем существовала Парижская коммуна. Он заявил: «Мы начали лишь период *переходный* к социализму», одобрил роспуск Учредительного собрания, отменил слово «Временное» в названии советского правительства, поручил ВЦИК разработать основные положения Конституции России и объявил: «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России».

В составе ВЦИК были представлены различные левые партии. Из 306 членов ВЦИК большевиков было 160, левых эсеров – 125,7 эсеров-максималистов, 7 правых эсеров, 2 меньшевика, 2 меньшевика-интернационалиста, 3 анархиста. В своем докладе Ленин особо подчеркнул: «Тот союз, который мы заключили с левыми социалистами-революционерами, создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам. Если в первое время в Совете Народных Комиссаров мы могли опасаться, что фракционная борьба станет тормозить работу, что уже на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное».

И все же в эти дни стал назревать новый кризис в отношениях между большевиками и левыми эсерами, а также возникать кризис в самой большевистской партии. Известия о ходе переговоров в Бресте вызвали резкую оппозицию со стороны эсеров и части большевиков во главе с Н.И. Бухариным, образовавших в январе 1918 года фракцию «левых коммунистов». Последние считали, что вместо подписания мира следует развязать «революционную войну» против блока Центральных держав.

Тем временем, убежденный в преобладании революционных настроений в войсках Германии и Австро-Венгрии, Троцкий считал, что ответом на его формулу «ни мира, ни войны» станет революция в Германии и Австрии. Хотя Троцкий имел твердые указания руководства страны оттягивать подписание кабального договора, но подписать его, как только Центральные державы предъявят ультиматум, он, отказавшись подписать мирный договор, покинул переговоры.

После срыва Троцким 27 января (10 февраля) 1918 года переговоров в Бресте 16 февраля Германия объявила о прекращении перемирия и начале боевых операций с 12 часов дня 18 февраля. 18 февраля вопреки прогнозу Троцкого австро-германские войска начали наступление по всему фронту. В тот же день на заседании ЦК Ленин потребовал немедленно послать телеграмму в Германию с предложением мира. После дискуссии предложение Ленина об отправке телеграммы было вновь отклонено 6 голосами против 7.

Вечером того же дня опять состоялось заседание ЦК. Его открыл Троцкий сообщением о взятии немцами Двинска (Даугавпилса) и их наступлении на Украину. Теперь Троцкий изменил свою позицию, и требование Ленина о немедленном возобновлении переговоров, наконец, получило поддержку 7 голосами против 5. В ночь с 18 на 19 февраля Ленин направил радиограмму германскому правительству, в котором сообщал, что «Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство».

Лишь 23 февраля Центральные державы дали ответ советскому правительству, предъявив новые условия мира, значительно более тяжелые, чем раньше. Теперь советские войска должны были покинуть Лифляндию, а также Эстляндию, Украину, округа Ардагана, Карса и Батума. Россия теряла земли площадью в 1 миллион квадратных километров. Кроме того, Россия должна была осуществить демобилизацию армии и флота, признать договор Центральных держав с Украиной и определить границу между Россией и Украиной. Были выдвинуты и требования обременительных контрибуций.

На заседании ВЦИК был поставлен вопрос о принятии этих условий. 23 февраля большевики проголосовали за них, левые эсеры против. 3 марта мирный договор был подписан в Бресте. 6-8 марта 1918 года состоялся VII (экстренный) съезд большевистской партии. В ходе съезда она получила новое название: Российская коммунистическая партия

(большевиков). Тем самым была подчеркнута идейная связь большевиков с «Союзом коммунистов» Маркса и Энгельса.

Главным на съезде стал вопрос об отношении к Брестскому миру. Не возражая против ратификации договора, Троцкий исходил из того, что события последних дней показали, что «для революционного пролетариата Советская власть является слишком тяжелой ношей… мы явились слишком рано и должны уйти в подполье».

Левые коммунисты возражали против ратификации договора. А.М. Коллонтай заявляла: «И если погибнет наша Советская республика, наше знамя поднимут другие. Это будет зашита не отечества, а защита трудовой республики. Да здравствует революционная война!» Бухарин полагал, что «Германия неминуемо должна будет заняться самым наглым грабежом России». Обращая одновременно внимание на «выступление Японии», он говорил о неизбежности движения против России полчищ «германских и японских империалистов». Бухарин считал, что лишь германо-японская оккупация страны способна «пробудить» крестьян России.

Отстаивая необходимость ратификации Брестского договора, Ленин 18 раз выступал на съезде. Он решительно отвергал расчеты левых коммунистов на скорую революцию на Западе. Он говорил: «Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка – я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам?» Съезд 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся одобрил ленинскую резолюцию об утверждении Брестского договора.

Условием Брестского мира была его скорейшая ратификация. Командующий германскими войсками генерал Гофман писал в дневнике 7 марта, что Россия должна ратифицировать договор «через 13 дней, иначе мы пойдем на Петроград».

15 марта состоялся чрезвычайный четвертый всероссийский съезд Советов, на котором был поставлен вопрос о ратификации Брестского мира. Из 1246 делегатов коммунистов (большевиков) было 814, эсеров – 238, членов других партий – 96, беспартийных – 18. За резолюцию Ленина о ратификации договора проголосовало 784 делегата, 261 – против, воздержалось 115 (в том числе левые коммунисты), не голосовало – 84. Сразу же после голосования руководство партии левых эсеров отозвало своих представителей из Совнаркома. Так рухнула двухпартийная коалиция в советском правительстве.

Эсеры не ограничились выходом из правительства. В руководстве партии велись дискуссии относительно подготовки переворота, ареста Ленина и его сторонников. Одновременно они установили контакт с Бухариным и другими левыми коммунистами, стремясь найти в них поддержку в рядах РКП (б).

Тем временем в различных частях России стала развертываться интервенция стран Антанты. 2 марта 1918 года председатель Мурманского совета А.М. Юрьев дал согласие на высадку английских, американских и французских войск на побережье под предлогом защиты Севера от немцев.

5 апреля 1918 года после провокационного убийства двух японцев во Владивостоке в город был высажен японский десант. Командующий японским флотом адмирал Като обратился с воззванием к населению Владивостока о том, что Япония берет на себя «охрану порядка» в городе. Вскоре к японскому десанту присоединились английские, а затем американские отряды.

Гражданская война, иностранная интервенция, антисоветские заговоры в Петрограде и других городах страны, распри среди союзников большевистской партии и среди самих большевиков лишь усугубляли экономические и социальные трудности страны. Тем не менее Ленин исходил из того, что советское правительство должно воспользоваться заключением Брестского мира, подавлением мятежей Дутова и Каледина и временной приостановкой активности интервентов и внутренних врагов советской власти для того, чтобы решать насущные проблемы страны.

В своей работе «Очередные задачи Советской власти», которая была обсуждена на

заседании ЦК РКП(б) в конце апреля 1918 года и легла в основу его доклада на заседании ВЦИК, Ленин ставил на первый план задачу подъема производительности труда. Ленин подчеркивал, что решение ее «требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности». Он перечислял природные запасы страны и уверял, что «разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил».

«Другим условием повышения производительности труда, – утверждал Ленин, – является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения… Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации». Ленин писал: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай элементарную дисциплину в труде, – именно эти лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента… Решающим является организация строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов».

Отдавая должное митинговой стихии, Ленин писал: «Митингование – это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление – их пробуждение к новой жизни… Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, обсудили, наметили, – закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*… Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной* дисциплиной во время труда, с *беспрекословным повиновением* – воле одного лица, советского руководителя во время труда».

Заявления Ленина о «железной дисциплине» не распространялись на остальные сферы жизни общества. Об этом косвенно свидетельствовали его критические замечания по поводу антисоветских публикаций в газетах «Новая жизнь», «Вперед», «Дело Народа», «Наш Век». («Наш Век» было одним из названий центрального органа кадетской партии, который после запрещения «Речи» продолжал издаваться.) В это время в Советской республике продолжали не только публиковаться многочисленные оппозиционные газеты и другие издания, но и существовать различные политические партии. Некоторые из них были по-прежнему представлены во ВЦИК и других советских органах власти.

Требования об укреплении дисциплины, которые выдвигал Ленин, были вызваны тем, что освобождение трудящихся от векового гнета, начавшееся в ходе Февральской революции и продолженное в ходе Октябрьской революции, породило митинговую анархию. Говоря о «железной дисциплине» Ленин лишь требовал соблюдения норм поведения на производстве, необходимых для его нормального функционирования.

Глава 14
Вторая Гражданская война 1918-1920 годов и новые волны иностранной интервенции

Осуществление программы нормализации мирной жизни и начала строительства социализма, провозглашенной Лениным в конце апреля, было сорвано началом широкомасштабной Гражданской войны. Вопреки распространенным представлениям и эта Гражданская война не была развязана большевиками. 25 мая 1918 года восстал чехословацкий корпус, который должен был стать ударной силой в заговоре Моэма еще осенью 1917 года.

Поскольку, как это обычно бывает в периоды революций, лишь меньшинство общества принадлежало к большевикам или кадетам, то добровольческие соединения белых и

красных, особенно в начале Гражданской войны, были намного меньше, чем численность царской армии. Если к концу 1917 года в российской армии служило около 12 миллионов человек, то к началу Гражданской войны в рядах Красной армии, которую стали создавать лишь в феврале 1918 года, вместе с внутренними формированиями насчитывалось лишь 116 тысяч пехотинцев и 7940 кавалеристов. Нельзя было и думать, чтобы с помощью такой армии защитить просторы одной шестой части света от внешнего нападения и обеспечить порядок в ее пределах.

В России, лишенной эффективной армии, дисциплинированный и хорошо вооруженный чехословацкий корпус, состоявший из 45 тысяч человек, представлял собой грозную силу, а потому чехословаки сумели взять под контроль все города Транссибирской магистрали и даже попытаться овладеть Центральной Россией. В обстановке полного развала, который существовал в ту пору, даже анархистская Революционно-повстанческая армия Украины во главе с Н.И. Махно, насчитывавшая в период своего максимального подъема до 50 тысяч человек, могла без труда держать в страхе весь Юг Украины. Летом 1918 года Добровольческая армия, собрав под свои знамена 35 тысяч человек, смогла овладеть частью Северного Кавказа.

4 июня Совет Антанты объявил чехословацкий корпус частью своих войск. 8 июня чехословаки помогли правым эсерам и меньшевикам установить свою власть в Самаре. 23 июня с помощью чехословаков была установлена власть Временного сибирского правительства во главе с правыми эсерами. 29 июня чехословаки вошли во Владивосток, после чего туда стали высаживаться крупные силы стран Антанты. Япония довела здесь численность своих войск до 100 тысяч человек. Ллойд Джордж писал: «Очень пестрый по составу кордон союзных войск сторожил всю Сибирь по линии Сибирской железной дороги вплоть до Урала. Он включал русских белогвардейцев, чехов, британские морские и военные части, японцев, американцев и маленькие группы французов и итальянцев». С самого начала Гражданской войны 1918-1920 годов белые силы пытались овладеть Россией с помощью иностранных интервентов, что так стараются скрыть их современные адвокаты.

В мае по приглашению грузинского меньшевистского правительства в Грузию были введены германские войска. 4 июня Грузия и Армения подписали мирные договоры с Турцией, уступив ей значительные территории. Турецкие войска вступили на территорию Азербайджана и стали готовить поход на Баку, который еще находился под властью Бакинской коммуны, и на Северный Кавказ с целью создания зависимой от Турции Республики горцев Северного Кавказа во главе с имамом Гоцинским.

6 июля представители интервентов заключили с Мурманским краевым советом соглашение, по которому приказы военного командования Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Франции «должны беспрекословно выполняться всеми». Заняв Мурманск, интервенты двинулись на юг, взяв 2 июля Кемь, 31 июля – Онегу. 2 августа ими был захвачен Архангельск, и они продолжали продвигаться на юг. На оккупированном севере европейской территории России интервентами были созданы концентрационные лагеря. 52 тысячи человек, то есть каждый шестой житель оккупированных земель, оказались в тюрьмах или лагерях.

18 ноября 1918 года в Сибири, на Дальнем Востоке и Урале была установлена военная диктатура адмирала А.В. Колчака, который был признан «верховным правителем российского государства». Колчак получал немалую помощь от правительств Великобритании, США и других стран Антанты. Финансовую помощь оказывали ему и американские банки.

На юге европейской территории страны развивали наступление белые армии во главе с генералом А.И. Деникиным. На Петроград с территории Эстонии наступали войска во главе с генералом Н.Н. Юденичем. Они также получали материальную поддержку стран Антанты. Игнорируя еврейские погромы, совершаемые войсками Колчака и Деникина, им оказывал помощь и влиятельный финансист Яков Шифф, который до 1917 года был так озабочен положением еврейского населения в России. Очевидно, что классовые интересы для крупных

финансистов оказывались более важными, чем национальные.

Захватывая российские окраины, изолируя Россию от Мирового океана, западные страны как из блока Центральных держав, так и из Антанты осуществляли свои давние планы по изоляции России, превращения ее во второстепенную страну, раздираемую внутренними противоречиями. Смысл политики западных держав в отношении России ясно определил посол Великобритании во Франции лорд Берти, который 6 декабря 1918 года так писал в своем дневнике: «Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, то есть Финляндии, Польши, Эстонии. Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку».

В то же время западные державы не оставляли планов покорения России, разорванной на части и погруженной в Гражданскую войну. Когда 11 ноября 1918 года англичане радостно праздновали перемирие с Германией, министр военного снабжения в правительстве Великобритании У. Черчилль стал разрабатывать план организации похода против Советской России. По его словам, тогда он принял решение: «покорить Россию… мы можем лишь с помощью Германии. Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России». Черчилль так сформулировал цель своей политики: «Мир с германским народом, война против большевиков». Позже он изложил свой план похода 14 держав против Советов.

К этому времени советское правительство, переехавшее в марте 1918 года в Москву, утратило контроль над огромными территориями России. Отделение от России Закавказья, Северного Кавказа, Туркестана, захват интервентами и их российскими ставленниками Европейского Севера и Дальнего Востока, Сибири и Урала привели к тому, что советская власть распространялась лишь на земли в пределах Московского государства середины XVI века, до похода Ермака в Сибирь.

Хозяйственные трудности, о которых Ленин писал в конце 1917 года и начале 1918 года, еще более усугубились. К концу лета 1918 года из 9774 предприятий 33 губерний РСФСР 3686 бездействовали. Сокращение промышленного производства привело к резкому уменьшению поступления в села городских товаров, что, в свою очередь, разрушало сельскохозяйственное производство. С ноября 1917 года по 1 августа 1918 года продовольственными организациями в 26 губерниях республики была заготовлена лишь одна десятая часть необходимого хлеба. Еще ниже был уровень заготовок картофеля. Снабжение мясом и жирами было незначительным. Нехватка продуктов усугублялась спекуляцией: на каждый пуд хлеба, заготовленный продорганами республики, приходился целый пуд, продававшийся по бешеным ценам мешочниками. Через 15 лет, в 1933 году, Сталин вспоминал «некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмушке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года». Хроническое недоедание вызывало снижение сопротивляемости человеческого организма, а исчезновение медикаментов и развал системы здравоохранения способствовали распространению массовых эпидемий сыпного тифа, холеры, «испанки» (вирусного гриппа) и других болезней, погубивших миллионы жизней.

Появление нескольких центров власти разорвало многочисленные связи, которые обеспечивали жизнедеятельность общества. В результате обычные способы управления в каждой из частей разъединенной страны оказались неэффективными, что благоприятствовало спекуляции, хищениям государственной собственности, росту преступности. Массовое дезертирство, порожденное гражданской смутой, приводило к созданию так называемых «зеленых» отрядов, сражавшихся как против красных, так и против белых.

В условиях отчаянной нехватки материальных средств, бегства опытных работников

госаппарата, стихийного неповиновения населения, разгула беззакония и преступности, власти не могли не прибегать к диктаторским методам управления. В Советской республике господствовал так называемый военный коммунизм.

13 мая 1918 года декретом СНК и ВЦИК в стране была введена так называемая продовольственная диктатура. Из рабочих были сформированы отряды Продовольственной армии, общей численностью в 42 тысячи человек. С одной стороны, продотряды помогали крестьянам в уборке урожая, а, с другой стороны, занимались заготовкой хлеба по твердым ценам, реквизировали излишки хлеба у крестьян. 11 января 1919 года декретом Совнаркома торговля хлебом и важнейшими продовольственными продуктами была запрещена. В деревни направлялись продотряды, которые реквизировали хлеб, картофель, мясо у крестьян практически безвозмездно. Торговля основными продовольственными и промышленными товарами была запрещена. Распределение продуктов осуществлялось по карточной системе. Разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда была незначительной. Заработная плата приобрела натуральный характер: рабочие и служащие получали продовольственный паек, государство бесплатно предоставляло квартиры, коммунальные услуги, транспорт и т. д. Городская буржуазия и деревенское кулачество были обложены налогом в 10 миллиардов рублей. В стране была введена всеобщая трудовая повинность.

На землях же, занятых белыми генералами, насильственно восстанавливалось помещичье землевладение, ликвидировались все формы рабочего контроля над производством и другие завоевания революции. Крестьян вновь заставляли работать на помещиков, а рабочих – на капиталистов. При этом за отказ выполнять работу трудящиеся подвергались физическим наказаниям. Чтобы добиться хотя бы минимального порядка на контролируемой ими территории, власти на всей территории России прибегали к методам устрашения. При этом беспредельная власть, которой располагали противоборствующие вооруженные силы, позволяла им игнорировать и правовые нормы, и человечность.

Особую жестокость противоборствующие силы проявляли в расправах со своими врагами, так как во время Гражданской войны мало кто обращал внимание на законы или элементарную человечность. Большевики и сочувствовавшие им лица арестовывались и расстреливались белыми. Руководитель дальневосточных большевиков С.Г. Лазо, сожженный японскими интервентами в паровозной топке, был далеко не единственным, подвергнутым столь жестокой казни. Вести о подобных расправах вызывали желание творить беспощадную месть в противоположном лагере. При этом месть по политическим мотивам часто обрушивалась на случайных людей. Выступая на VIII съезде партии, Г.Е. Зиновьев сообщал, что в Лодейнопольском уезде, «когда пришло известие об убийстве т. Либкнехта, взяли да и убили нескольких человек из местной буржуазии, потому что, говорят, на убийство Либкнехта надо отвечать красным террором».

Жестокости совершали не только власти двух противостоящих лагерей. Не менее чудовищные расправы творило восстававшее против властей население. Вадим Кожинов привел в своей книге «Россия. Век XX. 1901-1939» чудовищные факты изуверских расправ, собранные писателем К.Я. Лагуновым о Сибирском восстании против советской власти. Жертвами восставших крестьян были не только коммунисты, но также учителя, избачи. Вадим Кожинов справедливо комментировал эти факты: «И это не было особенностью именно сибирской повстанческой власти».

Описывая деятельность на Полтавщине банды «зеленых», которой руководил атаман Шуба, белогвардейский подпоручик конной артиллерии В.Д. Матасов писал, что «за это время мы насмотрелись на жуткие дела шубинцев, не признававших ни человеческих, ни Божеских законов. Путь банды обозначался убийством крестьян, будь то сельские стражники или старшины. Каждый из убитых был замучен, со срезанными ушами и носом, полураздет (были и другие нечеловеческие издевательства)». Порой убийства совершались походя, словно между прочим. Так, на глазах будущего писателя К.Паустовского был застрелен одесский станционный смотритель проезжавшим в вагоне вождем анархистов Нестором Махно.

Кажется, что Гражданская война открыла шлюзы веками копившейся ненависти и ее жертвами пали миллионы людей. В пожаре Гражданской войны проходили массовые уничтожения людей по национальному признаку. Только на Украине в ходе еврейских погромов было уничтожено около 200 тысяч человек. В своем докладе на XII съезде партии Сталин рассказал: «Я могу назвать целый ряд районов, где большинство армян всю остальную часть населения, состоящую из татар (т. е. азербайджанцев. – *Примеч. авт.),* вырезали, – например, Зангезур. Могу указать на другую провинцию – Нахичевань. Там татары преобладали, и они вырезали всех армян». Судя по всему, эти сведения были новыми для участников съезда, но они не вызвали у них, участников Гражданской войны, шока. Один из делегатов даже сострил: «По-своему разрешили национальный вопрос».

Однако ни красный, ни белый террор, ни жестокости зеленых, махновцев, националистов или интервентов не могли вернуть стране былую жизнеспособность. Хозяйственный развал общества ставил в невыносимые условия и сражавшиеся армии. Летом 1919 года, в период наиболее напряженных боев, общие запасы винтовочных патронов в красных армиях Южного фронта составляли около 4 миллионов. Ветеран Первой мировой войны полковник царской армии Н.Е. Какурин в этой связи отмечал: «Следует иметь в виду, что в период империалистической войны один пехотный полк в день горячего боя расходовал до 2,5 миллиона винтовочных патронов». Говоря об отступлении красных частей и членов семей красноармейцев к Царицыну весной 1918 г., С.М. Буденный писал: «Части дивизии терпели невероятные лишения. Не хватало продовольствия, воды, медикаментов… Свирепствовали инфекционные болезни, вплоть до холеры».

Описания лишений и страданий, которые испытывали бойцы Красной армии, практически не отличались от воспоминаний белых офицеров. Западные страны, поддерживавшие белые армии, в то же время опасались создания «России великой, единой, неделимой», а потому не спешили оказывать слишком большую помощь белым генералам. Вспоминая годы Гражданской войны, В.Д. Матасов писал: «Мы были очень бедны, а союзники не очень щедры. Очень скоро они постарались забыть, что Россия для них сделала за 3 года войны… Скудная помощь снаряжением оказывалась только англичанами. Франция же, видимо, совсем не была заинтересована в победе белых сил и позаботилась только о Польше. Позднее, уже в 1920 году… мы увидели польское воинство, одетое с головы до ног во французскую форму…» Впрочем, и английская помощь не была щедрой. Матасов вспомнил лишь «отличные английские седла с потниками, некоторое количество рейтуз, фуражки и красные шейные платки. Все остальное обмундирование было русское из каких-то интендантских складов и довольно ветхое, вероятно второго срока». Поэтому, по его словам, белые шли в сражениях «плохо одетые, не имея ни базы, ни снабжения, ни средств и почти без патронов, которые нужно было добывать с боем у красных… Почти не было ни инструментов, ни медикаментов, ни перевязочных средств… Раненые испытывали невероятные страдания, умирали от заражения крови даже легкораненые».

Не в меньшей, если не в большей, степени от войны страдало мирное население, особенно в прифронтовой полосе. Захват продовольствия, лошадей в пользу воюющих армий разорял население, которое все больше ненавидело всех участников Гражданской войны. В своем письме Сталин предупреждал Ленина о том, что произошел поворот «"справного мужика", в октябре боровшегося за Советскую власть, – против Советской власти (он ненавидит всей душей хлебную монополию, твердые цены, реквизиции, борьбу с мешочничеством)».

В условиях полного развала хозяйственного устройства страны солдаты белых, красных и иных армий полагались на самообеспечение. Сокрушаясь по поводу испытаний, выпавших на долю мирного населения, А.И. Деникин писал: «За гранью, где кончается "военная добыча" и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: **насилия и грабежа.** Они пронеслись по Северному Кавказу, по всему югу, по всему театру Гражданской войны, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие

образ спасителя от врага». Хотя красные маршалы в своих воспоминаниях избегали повествовать о грабежах, творимых по их сторону фронта, они также могли привести немало красноречивых примеров на этот счет.

Отчаянное положение Советской республики усугублялось внутриполитической борьбой. Активное участие правых эсеров и меньшевиков в правительствах, созданных при участии интервентов, сделало невозможным дальнейшее сосуществование коммунистов и этих партий. 14 июня 1918 года эсеры и меньшевики были выведены из состава ВЦИК. Через несколько дней, 20 июня 1918 года, правыми эсерами был убит видный большевик член Президиума ВЦИК В. Володарский. 6 июля 1918 года правые эсеры во главе с Б. Савинковым (на которого Моэм еще в конце 1917 года возлагал особые надежды) захватили Ярославль. Выступление Савинкова финансировалось дипломатами Великобритании и Франции.

Усиливалась оппозиция и левых эсеров. 24 июня ЦК левых эсеров принял решение о проведении террористических актов против германских дипломатов с тем, чтобы спровоцировать «революционную войну» против Германии. На своем III съезде (28 июня – 1 июля) левые эсеры приняли решение «всеми доступными средствами выпрямить линию советской политики». Во исполнение этих решений 6 июля левый эсер В.Г. Блюмкин убил посла Германии в России графа В. Мирбаха. Одновременно начался мятеж, во главе которого стоял левоэсеровский отряд ВЧК во главе с Д.И. Поповым. Мятеж начался в разгар V Всероссийского съезда Советов, в котором участвовало 773 большевика, 353 левых эсера, 17 максималистов, 4 анархиста, 1 представитель партии «Паолей Цион», 1 представитель «Дашнакцутюн», 1 правый эсер и 10 беспартийных. Захват власти левыми эсерами во время съезда Советов привел бы к государственному перевороту.

В первые же часы после убийства Мирбаха отряд Попова задержал Ф.Э. Дзержинского. 7 июля мятежники обстреляли Кремль. Однако в тот же день мятеж был подавлен. 13 активных руководителей мятежа были расстреляны. Попов был заочно приговорен к расстрелу. Трое руководителей партии (Камков, Прошьян, Карелин) были заочно приговорены к тюремному заключению. Двое из руководителей мятежа (Спиридонова и Саблин) были осуждены, но уже 29 ноября 1918 года были амнистированы «за прежние заслуги перед революцией».

Тем временем 8 июля подняли мятеж левые эсеры в Петрограде (он был быстро подавлен). 10 июля поднял мятеж командующий Восточным фронтом левый эсер М.А. Муравьев. Он отдал приказ повернуть войска на Германию. Этот мятеж также был разгромлен, а Муравьев был убит в перестрелке.

19 июля 1918 года ЦК принял решение по левым эсерам, в котором говорилось: «Работа с левыми эсерами признается возможной при условии, что товарищи левые эсеры отмежевываются от авантюристического акта своего ЦК, причем дают подписку (каждый от себя лично), что, осуждая этот поступок, считают необходимым работать в направлении беззаветной защиты Советской власти от всяких покушений, с чьей бы стороны они ни исходили».

Однако заговоры, мятежи и война на невидимом фронте не прекращались.

30 августа был убит руководитель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. В тот же день правая эсерка Ф. Каплан стреляла в В.И. Ленина и тяжело ранила его. В ответ на покушение на Ленина 5 сентября 1918 года Совнарком принял постановление о «красном терроре». Дзержинский объяснял: «Красный террор был не чем иным, как выражением непреклонной воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания против нас».

Позже в приказе №174 от 12 июля 1919 года Ф.Э. Дзержинский писал: «В самом тылу нашей армии происходят взрывы мостов, складов, кража и сокрытие столь необходимого армии оружия… во многих местах замечается усиление бандитизма, ограблений, хищения грузов». Приказ предписывал превратить все чрезвычайные комиссии «в боевые лагеря, готовые в любое время разрушить планы белогвардейских заговорщиков. Все явные и

скрытые враги Советской России должны быть на учете ЧК и при малейшей попытке повредить революции должны быть наказаны суровой рукой». Приказ предупреждал: «Никакой пощады изобличенным в белогвардейских заговорах не будет».

Поддерживая суровые меры борьбы против контрреволюции, Ленин говорил: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше – посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? – Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы – я признаю себя виновным, а интересы рабочих и крестьян выиграют». (Правда, когда член коллегии ВЧК Мартин Лацис в журнале «Красный террор» написал: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли подозреваемый против Советов оружием или словом», Ленин решительно осудил Лациса.)

Несмотря на свое стремление отмежеваться от методов правления буржуазии, сама логика революции и Гражданской войны заставляла советских руководителей идти по тому же пути, по которому шла любая власть в ходе буржуазных революций и гражданских войн в капиталистических странах. Так, в ходе Гражданской войны в США (1861-1865 гг.) создание тайных заговорщических организаций в тылу своих противников и их подрывная деятельность (одной из жертв которой пал президент США Авраам Линкольн) заставляли правительства Севера и Юга принимать меры, которые шли вразрез с правовыми и конституционными нормами американских штатов. Хотя А. Линкольн вошел в историю США как символ борьбы за демократию, именно его правительство разрешило, чтобы лиц, «подозреваемых в нелояльности и шпионаже, арестовывать и содержать в военных тюрьмах без суда в течение неопределенного времени». Десятки тысяч людей были арестованы и заключены в тюрьмы. Аналогичные действия предприняло и правительство Конфедерации.

В то же время усиление в стране охоты за тайными врагами неизбежно порождает обстановку массовой паранойи. По словам персонажа из рассказа Марка Твена, на Севере в годы Гражданской войны «конца не было слухам о шпионах мятежников, – говорили, что они проникают всюду, чтобы взрывать форты, поджигать наши гостиницы, засылать в наши города отравленную одежду и прочее в том же духе». Следствием распространения аналогичных настроений в Советской России стали аресты невиновных людей, случайно заподозренных в подрывной деятельности. По этой причине сбившиеся с пути председатель ВЦИК М.И. Калинин и председатель ЦИК Украины, бывший депутат Госдумы от большевиков Г.И. Петровский были чуть не расстреляны бойцами С.М. Буденного по подозрению, что они – шпионы белых. Да и сам С.М. Буденный, встретив задержанных вождей советской власти, решил по их «внешнему виду», что они или меньшевики, или эсеры. Подобных историй в Гражданскую войну было немало, и не все они кончались так же благополучно.

После многочисленных заговоров и мятежей, измен и предательств членов небольшевистских партий подозрения вызывали все представители свергнутых классов, все члены небольшевистских партий, а также и коммунисты, которые могли стать соучастниками белых. Огульное проведение красного террора не пощадило ни царя, ни членов царской семьи, расстрелянных в Екатеринбурге и в ряде других городов, ни вождей красного казачества Миронова и Думенко, ни многих бывших царских офицеров, ни красных комиссаров, ложно обвиненных в измене делу пролетарской революции.

Хотя небольшевистские социалистические партии не были запрещены, их представительство на Всероссийских съездах Советов неуклонно сокращалось. На VI Всероссийском съезде Советов (6-9 ноября 1918 года) из 1296 делегатов лишь 32 представляли другие партии, а беспартийных было 4. На VII Всероссийском съезде Советов (5-9 декабря 1919 года) из 1011 делегатов коммунистов было 970, беспартийных – 35, революционных коммунистов – 3, боротьбистов – 1, от партии Паолей-Цион – 1, анархистов-коммунистов – 1. На VIII съезде (22-29 декабря 1920 года) из 2537 делегатов коммунистов было 2284, «сочувствующих коммунистам» – 67, беспартийных – 98, меньшевиков – 8, бундовцев – 8, левых эсеров – 2. Хотя небольшевистские социалистические партии

оставались в стране, многие из их членов вступали в ряды РКП(б).

У многих руководителей советской власти, особенно у тех, кто всю жизнь прожил в городах и был заражен антикрестьянскими представлениями, почерпнутыми из чтения западноевропейской социалистической литературы, подозрения вызывали и все крестьяне. Секретарь Пензенского губкома В.В. Кураев жаловался делегатам VIII съезда РКП(б): «Мы должны сказать, что поведение органов Советской власти в деревне во многих отношениях совершенно недопустимо».

Негативное отношение значительной части крестьян определялось политикой продразверстки, но усугублялось оскорбительным отношением новых властей к православной вере. Зиновьев возмущался на съезде: «Исполкомы запретили колокольный звон. Или же случалось, что закроют церкви и откроют кинематографы или как-нибудь иначе наступят на ноги местному населению… Нельзя скрывать того факта, что местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом».

Однако и в руководстве страны порой брали верх антицерковные настроения. Это происходило вследствие того, что русская православная церковь, как правило, активно приветствовала приход белых армий и поддерживала антисоветские настроения среди населения в тылу Красной армии. Были случаи, когда священники активно участвовали в подрывной антисоветской деятельности. Это в значительной степени объясняло «указание» В.И.Ленина от 1 мая 1919 года о том, что следует, «как можно быстрее покончить с попами и религией».

При этом следует учесть, что со времен Французской революции церковь повсеместно воспринималась революционерами как оплот реакции и деспотии. Отделение церкви от государства расценивалось с начала XIX века многими передовыми людьми того времени как первое и необходимое условие освобождения народа от пут обскурантизма, социального и политического гнета. Во многих странах мира борьба против религии была тесно связана с борьбой за просвещение широких масс и их социальное освобождение. Порой эта борьба перерастала в войну, в ходе которой и верующие, и их противники не знали пощады друг к другу. Так, во время президентств Обрегона (1920-1924) и Кальеса (1924-1928) в Мексике развернулась настоящая война против католической церкви и ее сторонников – «кристерос». О том времени, когда в Мексике правительственные войска поголовно уничтожали не только священников, но и верующих, ярко рассказал в своем известном романе «Власть и слава» английский писатель Грэхэм Грин, верный сын католической церкви.

Хотя несмотря на грозное «указание» церковь не была объявлена вне закона, многие священники пали жертвами антирелигиозной кампании, а церкви во многих городах и селах были закрыты. Поскольку подавляющее большинство населения, особенно в деревнях, составляли верующие, эта кампания нанесла серьезный урон престижу советской власти, особенно среди крестьянства.

Непонимание крестьянства усугублялось в южных районах страны откровенно враждебным отношением к казакам, часть которых поддержала антисоветские мятежи еще в конце 1917 года. 24 января 1919 года председатель ВЦИК Я.М. Свердлов подписал циркулярное письмо, в котором говорилось: «Необходимо, учитывая опыт Гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». Курс на «расказачивание» привел к массовым репрессиям и казням.

Нечто подобное происходило в ходе Вандейских войн, когда революционные власти вели огульную кампанию истребления населения мятежных провинций Франции. В то же время советские власти осознавали необходимость перелома в своих отношениях с большинством крестьянства. Ленин писал: *«Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред»*. В резолюции VIII съезда РКП(б) «Об отношении к среднему крестьянству» был определен новый курс на соглашение со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь на бедноту.

И все же первая советская конституция, принятая на V Всероссийском съезде Советов, закрепила неравное распределение власти между рабочими и крестьянами, Сельские Советы получали в 5 раз меньше мест на Всероссийском съезде Советов по сравнению с городскими Советами. Кроме того, выборы были открытыми и многоступенчатыми. Лица, объявленные представителями свергнутых эксплуататорских классов, лишались права голоса. Правда, они составляли не более 2-3 % от взрослого населения России.

Ленин объяснял: «Мы не обещаем, что Конституция обеспечивает свободу и равенство вообще. Свобода, – но для какого класса и для какого употребления? Равенство, – но кого с кем? Тех, кто трудится, кого эксплуатировала десятки и сотни лет буржуазия и кто сейчас борется против буржуазии? Это сказано в Конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии».

Первая советская конституция и политика советского правительства в первые месяцы после Октябрьской революции были подвергнуты суровой критике со стороны бывших вождей II Интернационала. В своей книге «Диктатура пролетариата», написанной летом 1918 года, Карл Каутский возмущался лишением советской конституцией избирательных прав тех, кто имел наемных рабочих. Осуждал Каутский и исключение правых эсеров и меньшевиков из состава ВЦИК. Каутский высказывал сомнение в том, что советская власть принесла блага трудящимся России. Он писал: «Сомнительно, получил ли русский пролетариат в смысле действительных завоеваний, не декретов, в Советской республике больше, чем он получил бы от Учредительного собрания, в котором, точно так же, как и в Советах, преобладали социалисты, хотя и другой окраски… Советская власть через девять месяцев своего существования, вместо того, чтобы распространять всеобщее благосостояние, оказалась вынужденной объяснять, от чего происходит всеобщая нужда».

Один из вождей Германской социал-демократической партии, которая после многих лет борьбы и немалых достижений так и не сумела прийти к власти, теперь педантично осуждал большевиков за нарушения демократических процедур после их прихода к власти в условиях острой политической борьбы. Привыкнув к мирной политической борьбе, Каутский полностью игнорировал законы революции, особенности России и ее исторического периода развития.

Ленин в своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» с возмущением и иронией отвечал на эту критику: «Революционный пролетариат должен… одеть ночной колпак и рассматривать буржуазию, которая организует дутовские, красновские и чешские контрреволюционные восстания, которая платит миллионы саботажникам, – рассматривать ее как легальную «оппозицию»… Прислужники буржуазии все так рассуждают в России: дайте-ка, дескать, через 9 месяцев всеобщее благосостояние – после четырехлетней разорительной войны, при всесторонней помощи иностранного капитала саботажу и восстаниям буржуазии в России. Решительно нет никакой разницы, ни тени разницы между Каутским и контрреволюционным буржуа *на деле* не осталось. Сладенькие речи, подделанные «под социализм», повторяют то, что грубо, без обиняков, без прикрас, говорят корниловцы и дутовцы и красновцы в России».

В этой работе Ленин доказывал, что «чистой демократии» быть не может. Он подчеркивал: «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается – и при капитализме не может не оставаться – узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных… Участие в буржуазном парламенте (который *никогда не решает* серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загородок…»

Ленин противопоставлял буржуазной демократии пролетарскую, социалистическую. Ленин подчеркивал, что, несмотря на Гражданскую войну, в Советской стране уже созданы такие условия для подлинного народовластия, какие никогда не существовали при капитализме. Он писал: «Советы – непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, *облегчающая* им возможность самим устраивать государство и

управлять им всячески, как только можно… Свобода печати перестает быть лицемерием, ибо типографии и бумага отбирается у буржуазии. То же самое с лучшими зданиями, дворцами, особняками, помещичьими домами. Советская власть многие и многие тысячи этих лучших зданий отняла сразу у эксплуататоров и таким образом сделала *в миллион раз* более «демократичным» право собраний для масс, – без которых демократия есть обман… Пролетарская демократия *в миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики».

Победа советской власти в Гражданской войне после того, как она временно утратила контроль над большей частью территории России, ее природных богатств и населения, доказала, что она являлась наиболее боеспособной и наиболее организованной силой. Источником этой силы было то, что советская власть сумела предложить большинству населения страны более привлекательную альтернативу, чем Белое движение и национал-сепаратистские силы. Большевики демонстрировали свою приверженность принципам социальной справедливости, лозунгам «Земля – крестьянам! Фабрики – рабочим!», хотя и проводя суровую политику военного коммунизма. Их оппоненты также прибегали к жестким методам управления, но они до последних дней Гражданской войны не смогли предложить никакой убедительной программы для преодоления социального неравенства и решения других отчаянных проблем России. Лозунг белых «Россия – великая, единая, неделимая» на практике оборачивался лишь восстановлением дореволюционных порядков, которые были решительно отвергнуты большинством населения в 1917 году.

Впоследствии, объясняя поражение контрреволюции, В.В. Шульгин писал, что помимо белых, в которых он видел самоотверженных борцов за «великую Россию», в антисоветском движении было множество «серых», которые нередко задавали тон в руководстве. «Серость» проявлялась прежде всего в неспособности белогвардейских сил подняться над узко корыстными классовыми интересами. А.И. Деникин писал: «Классовый эгоизм процветал пышно повсюду, не склонный не только к жертвам, но и к уступкам… Особенно странной была эта черта в отношениях большинства буржуазии к той власти, которая восстанавливала буржуазный строй. Материальная помощь армии и правительству со стороны имущих классов выражалась ничтожными в полном смысле слова цифрами. И в то же время претензии этих классов были весьма велики».

Л ишь в декабре 1919 года в руководстве Добровольческой армии стали рассматривать записку Н.И. Астрова, в которой предлагалось взять курс на реформы и установление связи белых властей «с разными слоями населения, по преимуществу с крестьянством, связанным с землей, со всеми элементами, занятыми производительным трудом в области промышленности и торговли, со служилым элементом, с городским населением, с его мещанством и мелким ремесленничеством. Опора на одну какую-либо часть населения и отбрасывание всего остального населения было бы непоправимой ошибкой, которую использовали бы враги новой власти». Однако даже робкие предложения Астрова были отвергнуты, так как, по словам председателя Особого совещания генерала Лукомского, в них усмотрели недопустимые выпады против буржуазии.

Белые армии не вызвали доверия у широких масс и своим моральным обликом. Помимо классово ограниченных, недалеких людей, или «серых», по мнению Шульгина, Белое движение губили и «грязные», то есть морально деградировавшие люди, озабоченные жаждой наживы вне зависимости от применявшихся ими средств. Характеризуя уровень спекуляции и разложения в белом стане, А.И. Деникин писал: «Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий: кооператора, социал-демократа, офицера, даму общества, художника и лидера политических организаций… Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными, целые корпорации страдали этим недугом».

Хотя многие белые офицеры самоотверженно сражались на фронтах, значительная часть офицерства предпочитала отсиживаться в тылу. «Чувство долга в отношении

государственных повинностей отправлялось очень слабо, – писал А.И. Деникин. – В частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было «зеленых» в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше «зеленых» – в пиджаках и френчах – наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха». Хотя военно-полевые суды белых армий время от времени выносили смертные приговоры дезертирам, но, по словам Деникина, обычно «каким-нибудь заброшенным в Екатеринодар ярославским, тамбовским крестьянам… Несмотря на грозные приказы о равенстве классов в несении государственных тягот… ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попадало. Изворотливость, беспринципность, вплоть до таких приемов, как принятие персидского подданства, кумовство, легкое покровительственное отношение к уклоняющимся, служили им надежным щитом». Неспособность верхов белой армии заразить энтузиазмом даже своих офицеров и добиться дисциплины в ее рядах губило белое дело.

Наконец, полагаясь на иностранную помощь и интервентов, Белое движение стало восприниматься русскими людьми как извечно чуждое и враждебное народу и стране. Вековые классовые барьеры, разделявшие «верхи» и «низы», сохранялись в белом стане и зачастую подчеркивались представителями верхов своим подражанием западным образцам поведения. Зависимость же белых от иностранной помощи, присутствие различных иностранных советников, хозяйничанье и насилия интервентов лишь усиливали в народе представления о чужеродности и враждебности белого дела интересам России.

Объясняя причины, почему крестьяне российского Дальнего Востока поднялись на борьбу против иностранных интервентов, прибывших туда весной 1918 году на помощь антисоветским силам, историк Федор Нестеров указывал, что сначала крестьяне не имели ничего против пришельцев, так как их доходы даже несколько выросли при оккупантах. Однако поведение иностранных войск настолько задевало человеческое достоинство крестьян, что они пошли в партизанские отряды, возглавлявшиеся большевиками. Свидетельства о том, «что на прошлой неделе американский матрос в порту застрелил русского мальчика, что несколько японцев на глазах у всех среди бела дня забили прикладами до смерти дряхлого старика корейца, что местные жители должны теперь, когда в трамвай входит иностранный военный, вставать и уступать ему место, что по селам, где располагаются японские гарнизоны, расклеены распоряжения комендатуры, предписывающие русским при встрече с японцем остановиться, снять шапку, поклониться и сказать: "здравствуйте!", что в Хабаровске ежедневно расстреливают десятками пленных красногвардейцев, что по ночам желтый поезд Калмыкова останавливается на мосту через Амур и там личная охрана атамана кавказскими кинжалами и шашками рубит и сбрасывает в реку заключенных, которых устала пытать», все это перевешивало соображения о том, что интервенты, не торгуясь, неплохо платят за шкурку соболя. Подобные же соображения заставляли крестьян европейского Севера России, Украины, Белоруссии подниматься против англо-американских, германских, польских интервентов и принимать сторону советской власти.

Не сумев привлечь на свою сторону значительную часть крестьянства и рабочих, допустив упадок дисциплины в своих рядах и массовые проявления морального разложения, вступив в союз с иностранными интервентами, белые обрекли себя на поражение в борьбе против красных. Последние сумели выдвинуть программу решения вековых проблем страны, подобную которой даже не попытались разработать их враги. Советская власть сумела своевременно проявить гибкость в своей политике (например, в деревне), а подобной гибкости не сумели проявить их враги. В отличие от белых сторонники советской власти демонстрировали беззаветную преданность революционному делу, готовность подчиняться жесткому порядку в своих рядах и самоотверженно сражаться во имя защиты социалистических завоеваний и своего Отечества от нашествия иностранных интервентов и их белых союзников.

Выступая на торжественном заседании пленума Моссовета 6 ноября 1920 года с

докладом, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции, В.И. Ленин заявил: «Сегодня мы можем праздновать победу. При неслыханных трудностях жизни, при неслыханных усилиях наших врагов, мы все же победили… Главная же причина того, что нам сейчас дало победу, главный источник – это героизм, самопожертвование, неслыханная выдержка в борьбе, проявленная красноармейцами, которые умирали на фронте, проявленная рабочими и крестьянами, которые страдали… Они шли на голод, холод, на мучения, чтобы только удержать власть. И этой выдержкой, этим героизмом они создали тыл, который оказался единственно крепким тылом, который существует между борющимися силами в этот момент».

Победы Красной армии над белыми армиями и войсками интервентов стали источником веры в свои силы и способности выстоять в новых испытаниях. Эти успехи доказали Коммунистической партии и всем сторонникам советской власти правоту их дела, правильность выбранной ими политики, а также справедливость учения Маркса – Энгельса и их продолжателя – Ленина. Гражданская война дала яркие примеры героизма и мужества советских людей, их самоотверженной борьбы за процветание страны или счастливого будущего для всего человечества. На многие десятилетия рассказ о том, как «голодные и разутые» красноармейцы под руководством большевистской партии Ленина победили царских генералов и иностранных интервентов, вдохновлял правящую партию и ее многочисленных сторонников как в стране, так и во всем мире, производил неизгладимое впечатление на колеблющихся и сомневающихся и даже на врагов советской власти.

Несмотря на жестокость действий советской власти, нет сомнений в том, что ее победа в Гражданской войне 1918-1920 годов была обусловлена тем, что на ее стороне оказалось большинство народа. Победа была достигнута по причинам, схожим с теми, по которым победили революции в других странах и в другие времена. Попытки перечеркнуть это событие и присудить с почти 90-летним опозданием победу белым и их иностранным союзникам или вручить им компенсацию за поражение, так же абсурдны, как и попытки пересмотреть победы революций XVI—XVIII веков в Нидерландах, Англии, Франции, США, или итоги Гражданской войны в США XIX века.

Глава 15
Третья Гражданская война 1920-1922 годов и переход к мирному строительству

Победа Советской республики в Гражданской войне 1918-1920 годов особенно впечатляла тем, что она была одержана страной, оказавшейся в экономической блокаде и находившейся в состоянии полного истощения своих сил. Вторая Гражданская война сопровождалась огромными человеческими жертвами (даже по осторожным подсчетам, число погибших в ходе военных действий, репрессий, а также от голода и болезней, вызванных ими, составило около 8 миллионов человек).

Экономика страны была отброшена назад на уровень далекого прошлого. Если в 1913 году промышленность России производила по сравнению с Францией на 10 процентов больше электроэнергии, на 1 процент больше цемента и на 30 процентов меньше стали, то в 1922 году уровень производства России от французского составлял: по электроэнергии 13 процентов, по стали – 7 процентов, по цементу – 6 процентов. Если в 1913 году по сравнению с США Россия производила в 12,5 раза меньше электроэнергии, в 7,5 раза меньше цемента, в 6,5 раза меньше стали и в 3,7 раза меньше нефти, то в 1922 году Россия произвела в 16,5 раза меньше нефти, в 100 раз меньше стали и электроэнергии и в 142 раза меньше цемента, чем США.

Российская промышленность оказалась на грани исчезновения, производя крайне мало и лишь самую примитивную продукцию. Металлургия могла обеспечить каждое крестьянское хозяйство России лишь 64 граммами гвоздей ежегодно. Если бы уровень развития промышленности сохранился и впредь на таком уровне и в будущем, то

крестьянин, купив плуг и борону в 1920 году, мог бы рассчитывать приобрести себе эти предметы еще раз только в 2045 году. Новая зерноочистительная машина могла быть приобретена лишь через 500 лет. Грандиозный крах промышленности усугубил традиционные трудности российского сельского хозяйства. Неурожай, обычный для России и постигший ее в 1921 году, был усугублен общей хозяйственной катастрофой. Начался голод среди 30-миллионного населения Поволжья. Многие скончались от дистрофии и болезней, спровоцированных длительным недоеданием.

В то же время завершение трехлетней Гражданской войны не принесло окончательного мира на земли, находившиеся в составе России к 1914 году. Дальний Восток все еще находился в руках иностранных интервентов и их белых союзников. Хотя правительство РСФСР установило дипломатические отношения с новыми государствами, образованными в Прибалтике, Финляндии, Польше, Грузии и Армении, отношения с ними были напряженными, так как они при поддержке западных держав проводили антисоветскую политику, а некоторые из них предоставляли свою территорию для белых отрядов, совершавших набеги на Советскую страну.

В центральной части Европейской России, на Тамбовской земле, с августа 1920 года бушевало крестьянское восстание, возглавлявшееся эсером А.С. Антоновым. В марте 1921 года начался умело спровоцированный и хорошо организованный мятеж на базе Балтийского военно-морского флота в Кронштадте.

Кронштадтский мятеж и восстание крестьян в Тамбовской области были жестоко подавлены, в Грузию и Армению вошли части Красной армии, установившие там советскую власть, белые отряды, атаковавшие приграничные земли из Финляндии и Польши, были разбиты, а 25 октября 1922 года советские войска вступили во Владивосток, завершив освобождение Дальнего Востока от японских интервентов и их белых союзников. (Лишь Северный Сахалин до 1925 года находился в руках Японии, а вплоть до 1923 года по Якутии бродили белые отряды Пепеляева.)

Однако, пожалуй, самым широким и тяжелым фронтом третьей Гражданской войны 1920-1922 годов стала сельская местность всей страны, в которой крестьяне перешли к активному вооруженному сопротивлению советским властям, проводившим продразверстку. Выступая на X съезде РКП(б), ответственный за продразверстку в масштабах России нарком продовольствия А.Д. Цюрупа говорил: «Везде деморализация, дезорганизация и прямое истребление нашего аппарата… Только на украинском продовольственном фронте погибло 1700 заготовителей». В Сибири «благодаря полной деморализации аппарата, арестам ревтрибунала, убийствам и бандам потерян всякий темп работы… Ответственные и технические работники окончательно растерялись, местами бегут с работы, и никакими угрозами вплоть до немедленного расстрела не удержать на месте… С одной стороны, повстанцы убивают, а с другой стороны – расстреливают в порядке советском». Цюрупа так объяснял отчаянное сопротивление заготовителям: «Из-за резкого уменьшения производства хлеба всё, что мы должны получить для нужд и для удовлетворения потребностей пролетарских центров и голодающей России, всё должно быть взято из обычной нормы потребления крестьян… Отсюда проистекает такой вывод, что никто не позволит без сопротивления, активного или пассивного, вырвать у себя кусок изо рта».

К этому времени в РКП(б) проявились острые разногласия относительно того, как найти выход из отчаянного положения. Победа в предыдущих гражданских войнах убедила многих коммунистов во всесилии военных методов управления. Считая, что эпоха мировой революции займет немалое время, многие большевики, которые сформировались как государственные руководители в годы гражданских войн, рассматривали военное состояние общества как нормальное. Выступая на IX съезде партии (1920 г.), Н.И. Бухарин призывал: «Мы так построим свою собственную партию, что мы являемся самой милитаризованной организацией, которая когда-либо существовала; ведь наша партия есть военная организация почти в буквальном смысле слова».

Такие же взгляды разделял и Троцкий. В своем выступлении на IX съезде партии он

предупреждал: «Мы не можем дожидаться, пока каждый крестьянин и каждая крестьянка поймет! Мы должны сегодня заставить каждого стать на то место, на котором он должен быть». Что же касается «буржуазных специалистов», то Троцкий предлагал использовать их как механизмы: «Как в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, вчерашних бывших офицеров, в них вложен известный наш народный национальный капитал, который мы обязаны эксплуатировать, использовать, если мы хотим вообще разрешить основные задачи, которые стоят перед нами».

Эти суровые заявления воплощались в практику. Троцкий стал проводником идей милитаризации Советской страны. По его инициативе создавались «трудовые армии», а профсоюз транспортных рабочих (Цектран) был превращен в организацию с военной дисциплиной, предусматривавшей наказания за ее нарушения в виде арестов и принудительных работ до 6 месяцев. «Трудовые армии» активно использовались на восстановительных работах, а заявления о милитаризации жизни поддерживались как дань создавшейся обстановке.

Однако милитаризация труда была подвергнута острой критике Лениным и его сторонниками в ходе так называемой дискуссии о профсоюзах, состоявшейся накануне X съезда РКП(б). Съезд отверг милитаризацию труда, а Троцкий, Бухарин и их сторонники потерпели на съезде поражение. Одновременно Ленин выступил за отказ от проводившейся до сих пор политики «военного коммунизма». В своем выступлении на X съезде Ленин заявил: «Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно». Ленин объявил о замене продразверстки продналогом. Он говорил: «Удовлетворить мелкого земледельца… можно двумя вещами. Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты». Так началась новая экономическая политика, или нэп.

В соответствии с решениями X съезда партии 17 мая 1921 года декретом Совнаркома была частично денационализирована мелкая промышленность и сохранены в частной собственности предприятия, которые не были еще национализированы. Декретом от 24 мая 1921 года была разрешена частная торговля, а также различные формы государственного капитализма в виде концессий, аренды и смешанных обществ. Частичное восстановление рыночных отношений дало мощный стимул для развития экономики страны.

Нэп не только способствовал оживлению хозяйственной деятельности страны, но и прекращению вооруженного сопротивления советской власти в деревне. Последняя Гражданская война была завершена. Однако, несмотря на это, напряжение в отношениях между советской властью и богатой частью крестьянства сохранялось. В течение 20-х годов не прекращались вооруженные нападения на представителей советской власти.

Оживление товарообмена между городом и деревней и производства мелкой и средней промышленности не могли сами по себе дать старт для строительства социализма. Поэтому еще в 1920 году Советское государство выдвинуло план развития мощной крупной промышленности на основе широкой электрификации страны (ГОЭЛРО), рассчитанный на 10-15 лет. План предусматривал опережающие темпы развития тяжелой промышленности и энергетики, рациональное размещение производственных сил. При общем росте промышленного производства в 1,8-2 раза по сравнению с 1913 годом, намечалось довести общую годовую выработку до 8,8 миллиарда киловатт-часов (против 2 миллиардов киловатт-часов в 1913 году и 0,5 миллиарда киловатт-часов в 1920 году). Доклад о ГОЭЛРО был оглашен на VIII Всероссийском съезде Советов (22-29 декабря 1920 года). В резолюции по докладу говорилось: «Съезд выражает непреклонную уверенность в том, все советские учреждения, все Советы, все рабочие и трудящиеся крестьяне напрягут все свои силы и не остановятся ни перед какими жертвами для осуществления плана электрификации России во что бы то ни стало и вопреки всем препятствиям».

В своем выступлении на съезде по докладу о ГОЭЛРО В.И.Ленин заявлял: «Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское

хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно…

Я уверен, что Советская власть догонит и обгонит капитализм, и что выигрыш окажется у нас не только чисто экономический… Если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».

Нэп и ГОЭЛРО свидетельствовали о том, что советская власть способна не только одерживать военные победы и прибегать к военным методам управления страной, но также готова осуществить широкомасштабные политические действия, направленные на оживление хозяйства, и выдвинуть перспективные планы мирного хозяйственного строительства.

Глава 16
Друзья и враги Октябрьской революции

В предисловии, написанном 1 января 1919 года к своей книге «Десять дней, которые потрясли мир», американский журналист Джон Рид писал: «Большевики, представляется мне, – это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести ее в жизнь… Советы сами по себе являются чудесным выражением организационного гения русских трудящихся… Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а победа большевиков – явление мирового значения». В феврале 1919 года на конференции вновь образованной левой секции Социалистической партии США Д. Рид был избран главным редактором новой газеты «Нью-Йорк коммьюнист». А вскоре Рид возглавил вновь созданную Коммунистическую рабочую партию США.

В это время коммунистические партии создавались в различных странах мира. 2 марта 1919 года в Москве открылась международная коммунистическая конференция, в которой приняли участие 52 делегата от 35 организаций из 21 страны Европы, Азии и Америки. Конференция превратилась в Первый (Учредительный) конгресс Коммунистического Интернационала, который был назван также III Интернационалом. Определяя историческое место новой международной организации, Ленин заявил:

«Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм. Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран. Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистическую, буржуазную и мелкобуржуазную скверну и *начал осуществлять* диктатуру пролетариата».

Надежды Ленина и других большевиков на выступления революционного пролетариата Запада в поддержку российской революции не были беспочвенными. Еще летом 1917 года в Лидсе прошла конференция рабочих и социалистических организаций под лозунгом «Следуйте примеру России». Ее участники приняли решение создавать Советы рабочих и солдатских депутатов. Рабочие Сиэттла (штат Вашингтон) в своем обращении к рабочим Советской России в декабре 1917 года писали: «Ваша борьба по самому существу – наша борьба». Видный деятель Норвежской рабочей партии (впоследствии премьер-министр Норвегии) Э. Герхардсен вспоминал: «Развитие революционной России с победой большевиков поддержало левые силы в норвежском движении. К русской революции был громадный интерес». Ответом на известие об Октябрьской революции, пришедшее в Швейцарию, был митинг 15 ноября 1917 года в Цюрихе, который перерос в стихийное выступление рабочих. Оно сопровождалось столкновениями с полицией и баррикадными боями и было подавлено лишь пулеметным огнем.

В конце декабря 1917 года в Вене был создан нелегальный рабочий Совет. 1 февраля 1918 года в адриатическом порту Котор было поднято восстание моряков австро-венгерского

флота. Оно было подавлено через 3 дня. Один из участников восстания на суде заявил: «На восстание нас подняло то, что произошло в России. Там взошло новое солнце, которое будет светить… всем народам земного шара, и оно им принесет с собой мир и справедливость». В июне 1918 года рабочий Совет Вены потребовал немедленных переговоров о мире без аннексий и контрибуций. 22 июня 1918 года был создан рабочий Совет в Будапеште, возглавивший забастовочную борьбу. В середине мая 1918 года начались забастовки в Париже под лозунгами «Война войне!», «Да здравствует революция!».

Эти выступления рабочих и военнослужащих в Западной Европе были подавлены, но в октябре – ноябре 1918 года в Австро-Венгрии и Германии начались восстания, переросшие в революции. В этих странах создавались рабочие, солдатские и матросские Советы. В ходе восстания рабочих в Берлине 9 ноября 1918 года руководитель левой социал-демократической организации «Спартак» Карл Либкнехт провозгласил Германию социалистической республикой. Коммунисты Австрии выдвинули лозунг «Вся власть Советам!». Однако эти выступления не были поддержаны социал-демократическими партиями и широкими массами рабочего класса в этих странах, и попытки установить советскую власть в Германии и Австрии осенью 1918 года провалились.

Правда, в середине 1919 году в ряде стран Западной Европы (Венгрия, Бавария, Словакия) произошли революции под руководством коммунистических и социалистических партий. Там была провозглашена советская власть. Однако Советские правительства Бела Куна в Венгрии, Э. Левине в Баварии, А. Яноушека в Словакии были свергнуты через пару недель или через несколько месяцев. Несмотря на рост коммунистических партий и многочисленность выступлений рабочих под лозунгом «Руки прочь от России!», нигде коммунисты тогда не смогли повторить успехов российских коммунистов.

Надежды советских коммунистов, которые они возлагали на помощь «братьев по классу», таяли. В 1921 году Лев Каменев признавал: «Наши предположения о быстрой помощи, которая могла бы прийти к нам из Западной Европы в виде мировой революции, по крайней мере, в одной или двух капиталистических стран, не осуществляются с той быстротой, которая была бы желательна и которая чрезвычайно быстро облегчила бы нашу задачу… Мы находимся в таком периоде, когда можно ожидать с часу на час, что старая законченная империалистическая бойня породит как своё естественное продолжение какую-нибудь новую, ещё более чудовищную, ещё более гибельную империалистическую войну».

И все же, несмотря на то, что советская власть в Венгрии и других странах была разгромлена, в ряде стран продолжали создаваться рабочие Советы, которые стали органами защиты интересов рабочего класса. Так, например, происходило в ЧехоСловакии в 1919-1920 годах. В некоторых странах коммунисты добились немалых успехов на выборах в местные и центральные органы власти. В Болгарии на парламентских выборах в августе 1919 года коммунисты получили 120 тысяч голосов и 47 мандатов в Народном собрании.

Пример Советской России, провозгласившей сокращение рабочего дня, установление рабочего контроля над производством, отмену помещичьего землевладения, отмену социального и национального неравенства, вдохновлял рабочих различных стран, в том числе и тех, кто не был готов к революционным переменам. Подъем рабочего движения в странах Европы, во многом вызванный примером Октябрьской революции, привел к власти социал-демократические партии, которые до тех пор никогда не возглавляли правительства. В марте 1919 года правительство Австрии возглавил социал-демократ К. Реннер. После ноябрьской революции 1918 года в Германии социал-демократы в течение двух лет либо возглавляли правительства, либо входили в состав правительственных коалиций. В 20-е годы социал-демократы не раз возглавляли правительства Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии. В 1924 году в Великобритании впервые к власти пришло лейбористское правительство во главе с Р. Макдональдом.

Но и там, где коммунисты были в явном меньшинстве, а социал-демократы не пришли к власти, правящие классы стран Западной Европы в страхе перед коммунистической революцией осуществляли реформы, уступая давнишним требованиям рабочего класса и

других широких народных масс.

В Великобритании правительство Ллойд Джорджа существенно расширило категории рабочих, которые имели право получать пособия по безработице (увеличив число таких рабочих с 3 до 12 миллионов). Одновременно повышалась заработная плата рабочих. Историк А. Дж. П. Тейлор писал: «Хотя промышленное производство в 1924 году едва достигло довоенного уровня, реальная заработная плата была на 11 % выше довоенной». Одновременно доходы высших классов явно уменьшились. Тейлор замечал: «Раньше богатые бездельники гордились тем, что они бездельничают. Теперь они стыдились этого… Число домашних слуг сократилось… В тех домах, где держали пять слуг, теперь обходились двумя; там, где было двое слуг, остался один слуга… Все это было далеко от социальной революции, но снимало остроту классовой войны».

Весьма знаменательно было и то, что после 1917 года женщины в различных странах мира получили право голоса, которого они так тщетно добивались до тех пор. После 1917 года получили право голоса женщины в Великобритании. В 1920 году в США после принятия 19-й поправки к конституции также была отменена дискриминация женщин на выборах.

В Австрии в конце 1918 года были введены 8-часовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, социальное страхование рабочих, ликвидирована система штрафов и ограничен детский труд. Демобилизованным и безработным государство выдало временные пособия. Сформированное в марте 1919 года коалиционное правительство во главе с Карлом Реннером создало «Государственную комиссию по социализации», которая провозгласила «экспроприацию» крупных предприятий путем налогов и их «постепенную социализацию». Учредительное собрание Австрии 1 октября 1919 года приняло конституцию республики, в которой были провозглашены свобода слова, собраний, печати, узаконено равенство мужчин и женщин, провозглашено право рабочих на социальное обеспечение.

В конституции Германии, принятой в Веймаре 31 июля 1919 года, также были закреплены основные политические свободы, равенство всех перед законом, введено равное, прямое и тайное избирательное право.

Во вновь созданной Чехословакии в декабре 1918 года был принят закон о 8-часовом рабочем дне. Почти все партии Чехословакии включили в свои программы требования национализации крупной промышленности, проведения аграрной реформы, ограничения крупных доходов.

В апреле 1919 года правительство Франции провело через парламент закон о 8-часовом рабочем дне. В 1919 году в Испании был издан закон о 8-часовом рабочем дне, введено страхование по старости для рабочих и служащих. Заработная плата была повышена на 10-15 %. Были установлены пособия по безработице. На большинстве предприятий Японии в 1919 году был установлен 8-часовой рабочий день.

Пример Советской России заставил многие страны, особенно близкие к ней географически, осуществить аграрные реформы. В соответствии с аграрной реформой, осуществленной во вновь созданной Югославии (первоначально называвшейся «Королевством сербов, хорватов и словенцев), крестьяне Боснии, Герцеговины и Македонии были освобождены от полукрепостной зависимости. В Румынии в 1921 году был принят закон об аграрной реформе, ограничивавший владения размерами в 500 га. В Болгарии в апреле 1921 года в соответствии с более радикальным законом об аграрной реформе был установлен предел землевладения в 30 га. Многие крестьяне получили дополнительную землю.

Вряд ли можно признать случайным совпадение всех этих социальных и демократических реформ с Октябрьской революцией, которая в первых же своих законодательных актах провозгласила принципы социального и политического равноправия, решение многих насущных проблем в интересах трудящихся. Совершенно очевидно, что Октябрьская революция, которую теперь пытаются объявить антидемократичной, репрессивной, преступной и противозаконной, на деле способствовала развитию демократии

и социального прогресса в западных странах.

Пример Октябрьской революции оказал огромное воздействие на страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые в течение многих веков были объектом грабежа и насилия со стороны империалистических держав. Объясняя причины воздействия примера Октября, Хо Ши Мин писал: «Сначала мой патриотизм, а отнюдь еще не коммунизм, привел меня к Ленину, к Коммунистическому Интернационалу». Видные деятели национально-освободительного движения увидели в событиях в России вдохновляющий пример возможности победы над до сих пор всесильными империалистическими державами и их ставленниками.

Джавахарлал Неру вспоминал: «Почти одновременно с Октябрьской революцией мы в Индии начали новую фазу нашей борьбы за свободу… Хотя в своей борьбе под руководством Махатмы Ганди мы шли другим путем, мы восхищались Лениным и на нас оказывал влияние его пример». Вести о революции в России повлияли на участников сессии Индийского национального конгресса (ИНК) в декабре 1917 года, на которой были выдвинуты более радикальные, чем прежде, требования.

Один из основателей Интернациональной социалистической лиги (ИЛС) Южной Африки Айвон Джонс заявил, что победа Октябрьской революции означает «рождение братства труда… Мы должны сорвать попытки восстановить рабочих против русской революции. Мы должны зажечь в их сердцах пламя этой самой славной и самой мирной революции в истории». 4-й съезд ИЛС в январе 1919 году принял решение, в котором говорилось, что путь к революции в Южной Африке «уже расчищен славной социалистической революцией в России».

Создатель гоминьдана Сунь Ятсен писал Ленину в 1918 году о глубоком преклонении перед «тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия вашей страны». Он выражал надежду, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы». Выступая в 1924 году в Гуанчжоу, Сунь Ятсен заявил: «Посмотрите на Советскую Россию. Армия ее была окружена, но партия коммунистов, в противовес всем контрреволюционным правительствам – Колчака, Деникина и др., – имела своё революционное правительство, вокруг которого объединился народ, и победила… Результаты русской революции всем очевидны, и мы должны брать с неё пример, если желаем создать сильную, организованную и дисциплинированную партию – гоминьдан».

Вскоре в странах Азии, а также Африки и Латинской Америки стали создаваться коммунистические партии. Мао Цзэдун позже писал: «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла прогрессивным элементам Китая применить пролетарское мировоззрение для определения судеб страны и пересмотра своих собственных проблем». В 1921 году состоялся I съезд Коммунистической партии Китая. Вступив в ряды гоминьдана, коммунисты поддержали китайскую национальную революцию во главе с Сунь Ятсеном.

После смерти Сунь Ятсена и переворота, совершенного Чан Кайши, произошел разрыв между гоминьданом и компартией.

С 1928 года коммунисты Китая создали советские районы, которые в течение долгого времени служили базой для развития национально-освободительного движения.

Вскоре после Октябрьской революции были созданы коммунистические партии в Индии, Японии, Индонезии и других странах Азии. Революционные события в России особенно повлияли на ряд соседних с ней азиатских стран. В ряде районов Ирана временно была установлена советская власть. В то же время изгнание из Каспия ставленников английского империализма способствовало подъему национально-освободительных сил в Иране. Пришедшее к власти в результате государственного переворота новое правительство Ирана подписало равноправный договор с РСФСР. 28 августа 1919 года провозгласил независимость Афганистана Амманула-хан, который в своей успешной войне против британских колонизаторов опирался на советскую помощь. В 1921 году при помощи частей Красной армии впервые после долгих веков обрели независимость Монголия и Тува,

которые были провозглашены народными республиками.

Нет сомнений в том, что революционный процесс, который в конечном счете привел к краху колониальной системы и победе социалистических революций в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, был ускорен примером Октябрьской революции и в дальнейшем развивался под ее активным влиянием.

Если для многих людей в различных странах мира Октябрьская революция стала образцом для подражания, то для представителей правящих кругов капиталистических стран Советская страна и коммунистическое движение стали объектами постоянной травли и нагнетавшихся страхов. Прибывавшие на Запад участники Белого движения и иностранцы спешили объяснить свое поражение не последствиями классово ограниченной политикой царизма и неумением адекватно ответить на вызов революции после 1917 года, а рассказами о красном терроре и всемирном большевистском заговоре.

Страх за судьбу Британской империи, якобы оказавшейся перед лицом всемирного заговора, заставлял полицейские службы развернуть поиск «красных агентов». А. Дж. П. Тейлор писал: «Особый Ирландский отдел Скотленд-ярда… опустил слово «Ирландский» и действовал сейчас исключительно против коммунистов – подслушивая телефоны, вскрывая письма, точно в стиле Меттерниха. Усилия были явно не по адресу. Коммунистическая партия лишь однажды смогла объединить 10 тысяч членов в 20-е годы (сразу после всеобщей забастовки 1926 года). Обычно их число не превышало 5 тысяч членов». Однако «коммунистическая угроза» стала предлогом борьбы с инакомыслием.

В 1919-1920 годах по распоряжению генерального прокурора США Палмера были предприняты массовые аресты лиц, подозревавшихся в ведении коммунистической пропаганды. Эти аресты получили название «красные рейды Палмера». Бюро расследований (затем превратившееся в ФБР) выпустило указания: «Всю литературу, книги, бумаги и все, что висит на стенах, следует собирать; потолки и перегородки прослушать, чтобы обнаружить тайные хранилища… Если в помещении будет обнаружено несколько людей, их следует выстроить у стены и обыскать». В ходе «красных рейдов Палмера» было арестовано несколько тысяч человек. Многие из них были высланы из США.

Атака на «красных» сопровождалась ростом шовинистических и расистских настроений в США. Чтобы остановить приток «подозрительных иностранцев», конгресс США ввел ограничения на иммиграцию из многих стран мира. При этом предпочтение отдавалось странам Северной Европы, а число иммигрантов из России, стран европейского Средиземноморья, Африки, Латинской Америки резко ограничивалось. Так, ежегодная квота для Великобритании и Северной Ирландии с 1920 года составляла 34 007 иммигрантов, но лишь 3485 – для Италии, 2248 – России, 100 – для Китая. В стране усиливалась расовая нетерпимость. В 1920-е годы в США быстро росли ряды ку-клукс-клана, в которых насчитывалось свыше 4,5 миллиона человек. Объектами нападений куклуксклановцев были негры, представители других национальных меньшинств, а также коммунисты и члены других левых организаций.

В Италии усиливалось фашисте кое движение во главе с Муссолини. В манифесте «Руководящие принципы и практические постулаты фашизма», опубликованном в мае 1920 года, говорилось, что «"Фаши ди комбатименто" не находятся в противоречии с социализмом как таковым (как спорной теорией и движением), но они выступают против его теоретического и практического вырождения, которое определяется одним словом – "большевизм"». После «похода на Рим» в октябре 1922 года фашисты захватили власть. Вскоре начались погромы политических центров и издательств левых партий, а затем убийства коммунистов и социалистов. В 1926 году Муссолини ввел «Исключительные законы», по которым все партии, кроме фашистской, были распущены, вся печать, кроме фашистской, была запрещена, профсоюзы были поставлены под контроль фашистов. Все коммунисты, которые не перешли на нелегальное положение, арестовывались, подвергались пыткам и казням. Такая же участь ждала и представителей других партий, не подчинившихся фашистской диктатуре. Фашисты установили террористический режим под лозунгом

антикоммунизма.

Тем временем в других странах Европы стати возникать движения, родственные итальянскому фашизму. 8-9 ноября 1923 года в Мюнхене была предпринята попытка государственного переворота в Германии. Во главе нее стояли генерал Людендорф и руководитель Национал-социалистической рабочей (нацистской) партии Германии Адольф Гитлер. В течение нескольких месяцев до путча Гитлер и другие руководители нацистов поддерживали тесную связь с жившими в Мюнхене представителями дома Романовых во главе с двоюродным братом Николая II Кириллом, который был провозглашен частью белой эмиграции императором России. Рассказы представителей дома Романовых и других белых эмигрантов во многом повлияли на оценку Гитлером России и Октябрьской революции. (Романовы были вынуждены покинуть Мюнхен, так как были уличены в связях с Гитлером и другими участниками так называемого «пивного путча».)

После провала путча и своего ареста А. Гитлер в сотрудничестве с Р. Гессом изложил свою идейно-политическую программу в книге «Майн кампф». Соединив антикоммунизм с расизмом, антисоветизм с русофобией, Гитлер выдвинул задачу порабощения России немцами. Обосновывая эту задачу, он так излагал дореволюционную и послереволюционную историю России: «Организация русского государственного образования не является следствием политических способностей славян в России, а лишь чудесным примером эффективной способности германского элемента к государственному строительству в окружении низшей расы… В течение столетий Россия получала питание от этого германского ядра в его высшей правящей прослойке. Сегодня можно считать, что оно почти полностью уничтожено и исчезло. Оно заменено Евреем». Ссылаясь на обоснованность историческим прошлым «естественной» экспансии Германии на Восток, Гитлер объявлял: «Мы начинаем там, где остановились 600 лет назад… Когда мы сегодня говорим о территории в Европе, мы можем думать прежде всего о России и пограничных государствах, являющихся ее вассалами».

Эти идеи Гитлера получали развитие и в других сочинениях нацистских руководителей. В своей книге «Миф XX века» ведущий теоретик нацизма Альфред Розенберг противопоставлял Запад России. Он утверждал: «Во всей Западной Европе честь и идея свободы всегда пробивались, несмотря на костры инквизиции и интердикт. У русского человека… честь как формирующая сила вообще не выступала». В обостренной наблюдательности русских писателей к состоянию и переменам человеческой души Розенберг увидел черты болезни. «Психологизм, – писал он, – является следствием не сильной души, а полной противоположностью этому, знаком уродства души». Сострадание к человеку, которое проповедовал Достоевский, в интерпретации Розенберга выглядело признаком вырождения русского народа. Теоретик Третьего рейха писал: «Испорченная кровь создала себе в качестве высшей ценности стремление к страданию, покорность, "любовь ко всем людям" и стала враждебной природе, как когда-то побеждающий Рим, пока Европа до некоторой степени не смогла стряхнуть с себя аскетичный египетско-африканский мазохизм».

Расистские убеждения легли в основу истолкования Розенбергом революций 1917 года в России и последовавших гражданских войн. Он утверждал: «В 1917 году с "русским человеком" было покончено. Он распался на две части. Нордическая русская кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству и калымко-татарин Ленин стал правителем… Большевизм у власти мог оказаться в качестве следствия только внутри народного тела, больного в расовом и душевном плане».

Идея нападения на Союз Советских Социалистических Республик (СССР), который был создан в конце 1922 года на основе союза советских республик России, Украины, Белоруссии и Закавказья, разрабатывалась не только нацистами. В начале 1922 года Парвус, бывший наставник Троцкого, советник турецкого султана и германского кайзера, а с 1919 года – советник социал-демократического президента Германии Ф. Эберта, опубликовал

брошюру «Дорога к хозяйственному спасению», в которой предлагал Германии развернуть экспансию на Восток. Обосновывая захватнические планы Германии в отношении Советской России, Парвус писал: «Там, на востоке Европы, открыта дорога для немецкого расширения, для немецкого могущества, для немецкой расчетливости».

Планы нападения на СССР разрабатывались не только на Западе, но и на Дальнем Востоке. В 1927 году премьер-министр Японии Гиити Танака подготовил меморандум, в котором говорилось: «Для решения трудностей, возникших в Восточной Азии, Япония должна принять политику Крови и Железа… Для того чтобы покорить мир, Япония должна покорить Европу и Азию; для того, чтобы покорить Европу и Азию, Япония должна прежде всего покорить Китай; для того, чтобы покорить Китай, Япония должна покорить Маньчжурию и Монголию. Япония рассчитывает выполнить эту программу за десять лет». Совершенно очевидно, что проведение «политики Крови и Железа» означало, что Япония намерена по меньшей мере захватить советский Дальний Восток и Сибирь.

В это время СССР делал все от себя зависящее, чтобы обеспечить условия для мирного восстановления хозяйства, разрушенного в ходе Гражданской войны, и старался поддерживать нормальные отношения с остальными странами мира. Однако еще в течение 1918 года все страны, имевшие прежде дипломатические отношения с Россией, порвали связи с Советской страной и стали проводить политику ее непризнания. Первые страны, с которыми были установлены дипломатические отношения в 1920-1921 годах, были Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, Польша, Турция, Афганистан, Иран и Монгольская Народная Республика. С Германией отношения были возобновлены в 1922 году, с Великобританией, Францией, Норвегией, Швецией, Италией, Мексикой – в 1924 году, с Японией – в 1925 году. Однако такие страны, как США, Чехословакия, Югославия, подавляющее большинство стран Латинской Америки, продолжали не признавать СССР.

Даже те западные страны, которые признали Советскую страну, стремились ее изолировать от внешнего мира. Еще в 1918 году Клемансо выдвинул идею создания вокруг Советской России «санитарного кордона», снабжая деньгами и оружием Польшу, прибалтийские страны, Румынию и Чехословакию. Поясняя эту мысль Клемансо, лорд Берти писал: «Большевизм – это заразная болезнь, которая, как можно думать, распространится на Германию и Австрию. Но Антанте придется установить карантин старого образца, чтобы уберечься от заразы». Проводя курс на создание «санитарного кордона», Франция стала инициатором создания Варшавского договора 17 марта 1922 года между Польшей, Латвией. Эстонией и Финляндией. Новый блок имел откровенную антисоветскую направленность. Еще ранее 3 марта 1921 года был создан польско-румынский союз, предусматривавший совместное выступление против Советской страны. Договор был возобновлен в 1926 году и подкреплен франко-румынским договором от 10 июня 1926 года, предусматривавшим гарантии Франции границам Румынии. (СССР не признавал аннексию Румынией Бессарабии и соответственно румынскую границу по Днестру.)

В странах, расположенных к западу от советской границы, велась активная антисоветская и антикоммунистическая пропаганда, осуществлялись массовые репрессии против левых сил. Американский журнал «Нью рипаблик» писал 25 июля 1919 года: «Теперешнее правительство Финляндии при его вступлении во власть казнило хладнокровно в течение нескольких дней 16 700 сторонников бывшей социалистической республики и заключило в концентрационные лагеря, обрекая на голодную смерть, еще 70 тысяч». Хотя на выборах в сейм Финляндии в 1922 году было избрано 27 депутатов от Социалистической рабочей партии, все они были арестованы в августе 1923 года, а в начале 1925 года партия была запрещена. В январе и августе 1924 года массовым арестам были подвергнуты члены запрещенной в Эстонии Коммунистической партии. Некоторые из них были расстреляны. В 1924 году была запрещена Румынская коммунистическая партия и многие ее члены были арестованы. В том же году при подавлении Татарбунарского восстания в Бессарабии было расстреляно более 5 тысяч человек. Лишь широкие выступления мировой общественности помешали румынским властям устроить кровавую расправу над арестованными участниками

восстания.

О том, что страны «санитарного кордона» стали образчиками жестоких репрессивных и недемократических режимов, свидетельствовали и нарушения в них прав национальных меньшинств. Политика «латышизации» в Латвии привела к исключению латгальского языка из употребления и ущемления прав русского и немецкого населения. «Эстонизация» привела к дискриминации русского населения в Эстонии. Национальной дискриминации подвергались белорусы и украинцы, составлявшие 40 % населения Польши. В отношении советских людей правовые нормы вопиющим образом нарушались. В польских лагерях для военнопленных погибли от голода десятки тысяч советских солдат, оказавшихся в плену после отступления Красной армии в 1920 году из Польши. В то же время пограничные с СССР страны служили базой белоэмигрантской подрывной деятельности.

Несмотря на установление дипломатических отношений и успешное развитие торговли с рядом стран Запада, не прекращались попытки организовать новую интервенцию против СССР. Еще до восстановления отношений с Великобританией 8 мая 1923 года министр иностранных дел этой страны Дж. Н. Керзон направил Советскому правительству ноту, в которой требовал отзыва советских полпредов из Ирана и Афганистана, денежного возмещения за репрессирование двух английских шпионов, освобождения двух английских тральщиков, задержанных в советских водах, и отказа от 12-мильной зоны береговых вод. Министр настаивал на удовлетворении своих требований в течение 10 дней, а потому его нота стала известна как «ультиматум Керзона».

«Ультиматум» сопровождался сообщениями о посылке британских военных миссий в Польшу и Румынию, английского флота – в Дарданеллы и Эстонию. Через два дня, 10 мая 1923 года, в Лозанне был убит советский дипломат В.В. Воровский. Владельцы акций русских займов и национализированных предприятий развернули шумную пропаганду с призывами к правительству Великобритании продолжать твердый курс в отношении советской власти. Уркварт писал в газете «Тайме»: «Ультиматум Керзона – это первый показатель твердости и разума в отношениях с Россией».

Ответом на ультиматум были массовые митинги и собрания протеста в СССР и за его пределами. В Великобритании снова развернулось движение «Руки прочь от России!». Оппозиционные партии (либералы и лейбористы) также осудили ультиматум. Керзон был вынужден отступить, и вопросы, поднятые в его ноте, были решены на основе разумного компромисса.

Однако через 4 года вновь возник кризис в советско-британских отношениях. 12 мая 1927 года в Лондоне полиция вторглась в помещение англо-советского акционерного общества АРКОС Утверждалось, что целью налета был поиск некоего документа, пропавшего в военном министерстве; документ не был найден. Тем не менее 27 мая правительство Великобритании разорвало отношения с СССР. 7 июня 1927 года в Польше был убит советский полпред Войков. Создавалось впечатление, что международное право не защищает более советских представителей за рубежом. 15 июня в Женеве состоялась секретная встреча министров иностранных дел Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, Японии, на которой обсуждался «русский вопрос». Лишь Германия отказалась поддержать антисоветские мероприятия, на которых настаивал английский министр иностранных дел Остин Чемберлен.

Против СССР была развернута шумная пропагандистская кампания, которую организовал хозяин «Ройял Датч Шелл» сэр Генри Детердинг, потерявший после 1920 года богатейшие нефтепромыслы в Баку, и Лесли Уркварт, владевший до революции предприятиями на Урале и в Сибири. Они финансировали заговоры против Советской страны, в которых наряду с видными деятелями Великобритании участвовали французский маршал Фердинанд Фош, глава американской миссии в Берлине Дризел (его помощником был будущий шеф ЦРУ Аллен Даллес). На конференции, организованной Детердингом в 1927 году, был рассмотрен «план Гофмана», предусматривавший организацию интервенции армий стран Западной Европы против СССР.

На протяжении большей части 1927 года СССР находился под угрозой новой вооруженной интервенции. Лишь разногласия между западными державами, умелая дипломатия СССР, а также выступления рабочих в ряде стран под лозунгами «Руки прочь от Советской России!» сорвали попытки развязать антисоветский поход.

Эти и другие события 1920-х годов свидетельствовали о том, что, хотя нигде за пределами России ее примеру не последовали пролетарии других стран и нигде не была достигнута устойчивая победа социалистической революции, Советская страна стала пользоваться поддержкой со стороны широких кругов рабочего движения и национально-освободительных сил. Многие перемены в России стали использоваться в качестве образцов для проведения социальных и политических преобразований или осуществления национальных революций в различных странах мира.

Даже те либеральные деятели, которые не принимали коммунистических идей, отказывались поддержать антисоветскую политику своих правительств. «Большевистское правительство в целом, – писал Г. Уэллс в своей книге "Россия во мгле", – единственное правительство, которые может сейчас предотвратить… окончательный крах России… В настоящее время никакое другое правительство там немыслимо… Поэтому мы должны приспособиться к большевистскому правительству, нравится нам это или нет. Если оказать большевикам щедрую помощь, они, возможно, сумеют создать в России новый цивилизованный общественный строй, с которым остальной мир сможет иметь дело».

После посещения Советской России в конце 1920 года философ Бертранд Рассел в своей книге «Теория и практика большевизма», содержавшей немало критики в отношении советской власти, писал: «Даже в нынешних условиях в России можно ощущать вдохновение, рожденное сутью коммунизма, духом творческой надежды, стремлением смести оковы несправедливости, алчности и тирании, которые мешали расцвету человеческого духа, заменить соперничество между индивидами коллективной работой, отношения господина и раба свободным сотрудничеством. Эта надежда помогла лучшим коммунистам выдержать тяжести, которые несет Россия, и это стало вдохновением для всего мира».

В то же время было очевидно, что внешними врагами Советской страны были крупные предприниматели, пострадавшие от национализации в СССР, их агентура в социалистическом движении, вроде Парвуса, наиболее консервативные деятели, вроде Черчилля, стремившиеся сохранить неизменными порядки в своей стране и в пределах своих колониальных империй, наиболее агрессивные политики и милитаристы Франции, Японии и других стран. Самыми яростными врагами коммунизма и Советской страны становились фашисты и нацисты. При этом нацистская партия Гитлера соединила классовую ненависть к коммунизму с шовинистической ненавистью к России. Но какими бы ни были различия между ними, все враги СССР готовили поход против нашей страны.

Краткие выводы

Хотя основоположники марксизма не считали возможным, что Россия станет первой страной, в которой произойдет социалистическая революция, эта революция была совершена в 1917 году верными последователями марксизма и его революционных традиций. С первых же дней Октябрьской революции они провозгласили осуществление многих из тех политических и социальных целей, за реализацию которых в течение 70 лет боролись различные отряды коммунистического и рабочего движения всего мира: равноправие социальное и национальное, обеспечение доступности здравоохранения, образования и других социальных благ, сокращение продолжительности рабочего дня и многое другое. Новая власть объявила, что ее окончательной целью будет построение общества социальной справедливости – социализма, а затем – коммунизма.

Хотя с первых дней революции большевики исходили из необходимости союза с другими революционными партиями, логика политической борьбы, и в первую очередь

непримиримая позиция руководства эсеров (социалистов-революционеров), никогда не отказывавшихся от методов террора, сорвала усилия большевиков по созданию широкой политической коалиции. Вместе с тем в ходе Октябрьской революции миллионы трудящихся получили возможности для широкого участия в политической жизни страны через Советы, а также собрания производственных коллективов, на которых решались различные вопросы, актуальные для подавляющей части населения страны.

Неизбежным следствием политических и социальных противоречий, проявлением которых стала Октябрьская социалистическая революция, явились гражданские войны, эти почти неизбежные спутники всякой революции. Как и в любой стране, переживающей революцию, эти войны привели к гибели множества людей, жестоким и часто огульным и произвольным репрессиям против политических врагов, сопровождались хозяйственной разрухой и страданиями мирного населения. Эти трагические стороны гражданских войн России стали, как и везде, проявлением законов исторического развития, следствием игнорирования дореволюционным строем нараставших общественных противоречий, бедственного положения значительных слоев населения, реакцией классовых и политических сил, беспощадно подавлявшихся дореволюционным строем. В свою очередь, свергаемые классы и правящие круги России проявляли, как и всегда, в ходе гражданских войн не меньшую жестокость и произвол.

Следует также учесть, что первая социалистическая революция, которая произошла в России, существенно отличалась от чисто теоретических представлений марксистов о том, как будет совершаться переход от капитализма к социализму. С одной стороны, революция в какой-либо западноевропейской стране с более высоким уровнем капиталистического развития могла бы снять или облегчить многие острые экономические проблемы, с которыми столкнулась социалистическая революция с первых же дней своего существования. С другой стороны, то обстоятельство, что победа социалистической революции в России означала торжество идей социализма на одной шестой части планеты, обладавшей богатейшими природными и человеческими ресурсами, а также занимавшей важное стратегическое положение, позволяло социалистической власти развернуть строительство социализма без поддержки других стран мира, даже более богатых и развитых.

Несмотря на то, что многие исторические и культурно-географические особенности Октябрьской социалистической революции способствовали появлению множества тяжелых проблем, Советское правительство во главе с Лениным сумело одержать победы в военном противостоянии со своими многочисленными противниками и начать мирное строительство первого в мире социалистического общества.

Теперь Ленина и Октябрьскую революцию в нашей стране атакуют прежде всего лица, стремящиеся заслужить похвалу на Западе. В своем письме, направленном в различные государственные инстанции, заместитель директора Института российской истории В.М. Лавров призвал ликвидировать Мавзолей Ленина и другие захоронения у кремлевской стены, объясняя, что «современная Россия не может успешно продвигаться по пути демократического развития и не путать целые народы, не расставшись с символами красного террора». С аналогичными предложениями выступил кинорежиссер Никита Михалков, государственные чиновники Полтавченко и Матвиенко. А пианист Николай Петров предложил перед ликвидацией Мавзолея пронзить забальзамированное тело Ленина осиновым колом. Этим мракобесным выступлениям противостоит уважение к памяти Ленина и достижениям первых лет Октября миллиардов людей на планете в течение многих десятилетий.

Достижения Советского правительства во главе с Лениным оказали глубокое воздействие на развитие человеческой истории и заслужили всемирное признание. На XV сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (ноябрь – декабрь 1968 г.) резолюция «Об участии ЮНЕСКО в праздновании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» была внесена не только СССР и другими социалистическими странами, но также Алжиром, Афганистаном,

Замбией, Индией, Ираком, Конго (Браззавиль), Мавританией, Мали, Египтом, Пакистаном, Сенегалом, Сирией, Сьерра-Леоне, Сомали, Танзанией, Тунисом, Цейлоном, Чадом.

Выступая в поддержку этой резолюции, делегат Пакистана подчеркивал, что В.И. Ленин был великим освободителем человеческого духа и оказал колоссальное влияние на современную историю. Делегат Индии заметил, что Ленин был признанным руководителем мирового масштаба. Делегат Танзании говорил о том, что в резолюции речь идет о великом человеке, который повлиял на мышление всего человечества. На основе принятой ЮНЕСКО резолюции в 1970 году 100-летие Ленина было широко отмечено во всем мире. В тот год высокую оценку Ленину и Октябрьской революции выражали представители самых разных стран мира вне зависимости от их идейно-политических взглядов. Во многих странах мира были воздвигнуты памятники В.И. Ленину.

На протяжении почти трех четвертей века Октябрьская революция служила отправной точкой для ускоренного развития нашей страны, ее превращения в великую супердержаву. Памятники Ленину, воздвигнутые во всех концах Советской страны, символизировали верность целям социалистического преобразования, провозглашенными первым Советским правительством во главе с Лениным. Со знаменами, на которых был изображен Ленин, советские воины разгромили гитлеровскую Германию. Изображение Ленина было запечатлено на вымпелах, находившихся в космических кораблях.

Имя Ленина было самым дорогим и уважаемым для многих поколений советских людей. С ним связано пребывание сотен миллионов советских людей в детских и юношеских организациях. На примере Ленина воспитывались лучшие качества советских людей. Память о Ленине и Октябрьской революции, открывшей путь для новой жизни человечества, не смогут вытравить авторы резолюции ПАСЕ и их приспешники в нашей стране.

Часть 3
Советский Союз становится великой мировой державой

Хотя первые годы существования Советской России постоянно служат мишенью для обвинений советской власти и коммунизма в самых различных чудовищных преступлениях, то еще больше обвинений выдвигается в адрес советской истории с середины 1920-х годов до конца войны. При этом немало из тех, кто признает за первыми деяниями советской власти какие-то положительные стороны, становятся в стан злейших врагов советского руководства во главе со Сталиным.

*В настоящее время у многих людей на нашей планете нет сомнений в том, что приход Сталина к власти принес нашей стране, а также другим странам мира неисчислимые бедствия. В этом можно убедиться, например, ознакомившись с содержанием справки о Сталине, распространяемой ныне по системе Интернет. В базе данных «История России на сервере****Russia .Net****», которую справочник «Internet. Русские ресурсы» рекомендует в качестве «джентльменского набора» знаний о России, все сведения о Сталине и истории России от 1924 до 1941 г. уложились на одну страничку на английском языке.*

Из ее содержания можно узнать, что фамилия Сталин на русском языке означает «сталь», что при нем в деревне проводилась коллективизация, а в городах – индустриализация. Кроме того, во всей стране осуществлялся «Великий Террор»: «с 1935 по 1941 г. Сталин преследовал любого, кого подозревал в том, что тот выступал против него или государства. Выполняя сталинские приказы, глава тайной полиции Лаврентий Берия и его офицеры хватали всех подозреваемых в обществе: старых большевиков, новых членов партии, красноармейцев, интеллектуалов и кулаков (процветавших крестьян)… Из 20 миллионов арестованных семь миллионов были расстреляны на месте, а других отправили в гулаги для исправления… За несколько десятилетий Советский Союз потерял целое поколение самых мужественных, творческих и преданных граждан – ум и душу нации».

Поскольку «джентльменский набор» предназначен прежде всего для лиц умственного

труда, вооруженных компьютерами и пользующихся глобальной электронной почтой, то в нем уделено особое внимание судьбе интеллигенции в СССР: «Партийный лидер Ленинграда Андрей Жданов, развернув „ждановщину“, преследовал ленинградских писателей и художников по так называемому Ленинградскому делу. В результате поэты Маяковский и Есенин покончили жизнь самоубийством. Жданов разрешал лишь искусство „социалистического реализма“, которое, по его словам, "помогало процессу идеологической трансформации в духе социализма "Никто не смог избежать чисток, и даже сам Жданов лишился милости Статна и был казнен в 1948 году».

Из содержания «джентльменского набора» следует, что лишь крестьяне оказывали пассивное сопротивление этим репрессиям: «многие из них предпочли сжечь свои урожаи, но не отдать свою землю». Результатом этого стал «голод, распространившийся по стране, от которого погибло 10 миллионов человек».

Эти сведения предшествуют рассказу о Великой Отечественной войне, который открывается словами: «В 1941 году Гитлер вторгся в СССР, где к этому времени от армии остался лишь жал-кий скелет, а население голодало и было затерроризировано». По этой причине, утверждается в справке, немцы смогли подойти вплотную к Москве, взять в блокаду Ленинград и уничтожить более 20 миллионов человек. Каким образом были разбиты немецкие захватчики, «джентльменский набор» умалчивает.

Нельзя сказать, что справка представляет собой сплошной вымысел. Среди видных деятелей сталинского времени были Лаврентий Берия и Андрей Жданов. В это время жили поэты Есенин иМаяковский, трагические обстоятельства гибели которых до сих пор остаются причиной различных версий. Действительно, в начале 30-х гг. был массовый голод в деревне, а во второй половине 30-х гг. – массовые репрессии. Было Ленинградское дело и был принцип социалистического реализма.

Однако, как и во всяком мифе, подлинные события и лица изображены с немалой долей фантазии, а слова об индустриализации и коллективизации, блокаде Ленинграда, битве под Москвой тонут в море вымысла.

Такое мифологизированное описание сталинского времени подобно плану земного континента, на котором перевраны многие географические названия, вместо полноводных рек и озер простираются пустыни, а горные хребты возвышаются там, где плещется море. Видимо, что, став на путь искажения образа Сталина, нельзя было остановиться на полпути, и автору справки пришлось переврать всю советскую историю, превратив Есенина и Маяковского в жертв Ленинградского дела, Жданова расстрелять, а Гитлеру создать условия для легкой победы над СССР, которую, судя по тексту справки, он не мог не одержать.

В то же время, как и любой миф, виртуальный рассказ о Сталине и его времени уязвим, так как с его помощью нельзя объяснить известные реальные события прошлого. Вероятно, даже очень неосведомленные пользователи компьютерной сети Интернет слыхали о том, что Гитлер был разбит. Кто же и почему разбил Гитлера, его армии и сорвал его планы порабощения планеты? Имел ли СССР и Сталин какое-либо отношение к разгрому гитлеризма? А если наша страна, которую в то время возглавлял Сталин, имела к этому хотя бы некоторое отношение, то каким же образом «жалкий скелет» советской армии и «голодающее» и «затерроризированное» население СССР смогли внести вклад в победу над гитлеровской Германией и ее союзниками? Миф о Сталине, который довел страну до погибели накануне войны, не в состоянии объяснить, каким образом СССР оказался в состоянии выдержать натиск гитлеровских войск, почему советский народ и Красная армия под руководством Верховного Главнокомандующего Сталина сыграли решающую роль в победе над гитлеровской Германией и ее союзниками.

Однако разбить миф о сталинском времени не так-то легко. Победа, одержанная Красной армией в 1945 году, отвергается обвинителями Сталина и его правительства как основание для позитивной оценки их деятельности во время войны. Многочисленные режиссеры, актеры и писатели утверждают, что победа была достигнута вопреки

Сталину, его окружению и военачальникам. Благодаря беспрестанной антисталинской пропаганде многие люди в нашей стране искренне верят тому, что из-за Сталина страна обескровила себя в годы индустриализации, коллективизации и Великой Отечественной войны, а ее последующий распад и упадок порожден в сталинское время. Что же было на самом деле?

Глава 17
Сталинская революция сверху

Выступая 26 января 1924 года на II Всесоюзном съезде Советов, генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин говорил: «Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо». Это сравнение напоминало образ из стихотворения Ф. Тютчева «Море и утес», в котором поэт противопоставлял самодержавную Россию стихии буржуазных революций в Европе. Через три четверти века советский руководитель противопоставлял «революционный утес» агрессивным буржуазным государствам, ополчившимся против СССР.

Свою речь Сталин произнес по случаю кончины В.И. Ленина и сопроводил ее клятвенными обещаниями быть верным делу покойного вождя Октябрьской революции. Изображение СССР как утеса Сталиным вряд ли был случайным. К этому времени стало ясно, что надеяться на помощь пролетарских революций в других странах мира Советской стране не приходится. Сталин взял курс на построение социализма в одной стране. На первых порах его в этом активно поддержали Бухарин, Рыков, Томский. Против Сталина выступили Зиновьев, Каменев, а затем и Троцкий, объявившие курс на строительство социализма в одной стране химерой и изменой делу мировой пролетарской революции.

В ходе долгих и яростных внутрипартийных дискуссий сторонники оппозиции остались в меньшинстве, Зиновьев, Каменев, Троцкий были исключены из руководства партии, а курс на построение социализма в одной стране восторжествовал. На XIV съезде ВКП(б) (так теперь стала именоваться РКП(б)) в декабре 1925 года была выдвинута программа индустриализации экономики, а на XV съезде (декабрь 1927 года) – программа коллективизация деревни. К этому времени хозяйство страны было в основном восстановлено после разрушений Гражданской войны. В 1926 году общий объем промышленности достиг 98 % от довоенного уровня, а объем крупной промышленности составил 108 % от довоенного производства. Посевная площадь в 1925 году составила 99,3 %, а валовая продукция сельского хозяйства – 112 % от довоенного уровня.

Голодные годы гражданских войн ушли в прошлое, и советские руководители уже ставили задачу сравняться по уровню потребления с передовыми капиталистическими странами. На XV съезде ВКП(б) нарком внутренней и внешней торговли А.И. Микоян указывал на опережение СССР по потреблению «менее ценных» пищевых продуктов и отставание в потреблении «более ценных». Нарком указывал: «Муки всякой в Соединенных Штатах на едока приходится в год 102 кг. а у нас – 247 кг … Крупы: у нас – 22 кг, в Америке – 14; картофеля: у нас – 162 кг, в Америке – 104 кг; рыбы у нас – 12,8 кг, в Америке – 0,4 кг». В то же время, подчеркивал Микоян, «прочих овощей, без картофеля, американец ест 65 кг, а у нас – 57 кг; фруктов в Америке – 62 кг, у нас только 25 кг; мясных продуктов: американцы – 62 кг, мы – 53 кг; молока: американцы – 131 кг, мы – 96 кг; сахару: американцы – 20,2 кг, мы – 14,2 кг; яиц: американцы – 10 кг, мы – 3,7 кг; чай, кофе, какао: американцы – 7,1 кг, мы – всего только 0,4 кг».

Следует учесть, во-первых, что разбивка продуктов на «более ценные» и «менее ценные» отражала тогдашние представления о правильном рационе питания, а поэтому «рыба» попала в «менее ценные» продукты, а «сахар», "яйца» – в «более ценные». Во-вторых, надо принять во внимание климатические различия двух стран, позволявшие США гораздо легче выращивать продовольственные культуры, в особенности овощи и фрукты. В-третьих, следовало заметить, что Микоян сравнивал уровень советского потребления с

самым высоким уровнем потребления в мире – американским, сложившимся в силу особых исторических и природных условий. Хотя немало американцев бедствовало после окончания войны, невероятно обогатившей США, уровень потребления возрос у значительной части населения. В 20-х годах 40 % американских семей имели доход более 2000 долларов в год и могли приобретать автомобили, радиоприемники, холодильники. В-четвертых, можно увидеть, что по таким продуктам питания, как «овощи, кроме картофеля» и «мясные продукты» отставание СССР от США не было значительным.

Одновременно Советское правительство предпринимало усилия для улучшения жилищных условий населения. В конце 1927 года Сталин констатировал, что государственные расходы на «рабочее жилищное строительство» позволили за три года «удовлетворить 275 тысяч рабочих, а вместе с семьями – около 900 тысяч человек». Все больше рабочих семей, подобно литейщику Ивану Козыреву, описанному в стихотворении В. Маяковского, впервые в жизни въезжали в квартиры с современными удобствами и приходили к выводу о том, какая «правильная советская власть».

Успехи в восстановлении и развитии народного хозяйства и положения населения ярко свидетельствовали о способности советской власти руководить мирным созидательным строительством, о возможности добиться роста производства при осуществлении широких социальных преобразований в стране (8-часовой рабочий день, бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, низкая плата за квартиру, коммунальные услуги и городской транспорт, а также различные социальные льготы малоимущим.) В 10-ю годовщину Октябрьской революции в СССР впервые в мире был введен 7-часовой рабочий день. Рабочие делегации из различных стран мира, прибывшие в СССР по случаю юбилея Октября, могли убедиться в успехах первой страны социализма, достигнутых вопреки капиталистическому окружению и враждебной политике ведущих держав Запада. Бухарин совершенно справедливо говорил в начале 1929 года о том, что «большой скачок в области экономического и культурного развития» СССР был сделан «в обстановке *полублокады*».

Однако, несмотря на большие достижения СССР в мирном развитии, советская жизнь омрачалась тенью из будущего – тенью неизбежной грядущей войны. Победы над белыми генералами и иностранными интервентами не могли закрыть глаза советских руководителей на отчаянную неподготовленность СССР к новой мировой войне. Говоря о плачевном состоянии Вооруженных сил СССР через 10 лет после Октябрьской революции, нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов сообщал делегатам XV съезда, что по числу танков СССР (менее 200 вместе с броневиками) отставал не только от передовых стран Запада, но и от Польши. Ворошилов сообщал: «Мы имеем в стране около 22 тысяч легковых и грузовых, исправных и неисправных автомобилей. Америка имеет 23 450 тысяч». В Красной армии имелось менее тысячи самолетов устаревших конструкций и лишь 7 тысяч орудий разных калибров, что в 1927 году было совершенно недостаточно для обороны одной шестой части земной поверхности от нападения зарубежных армий, в которых быстро наращивались запасы военной техники.

Однако состояние оборонной промышленности не позволяло надеяться на быстрое создание мощного арсенала современных вооружений. Говоря об «архаических пережитках» «времен Ивана Калиты» на предприятиях оборонного производства, Ворошилов говорил, что «когда их видишь, берет оторопь». Нарком сообщал XV съезду: «70,5 % чугуна, 81 % стали, 76 % проката по сравнению с довоенным уровнем – это, конечно, недостаточно для нужд широко развивающегося хозяйства и обороны». Модернизация же вооружений, особенно активно развернувшаяся в ведущих странах мира в годы Первой мировой войны, требовала не просто восстановления былых позиций в производстве тяжелой промышленности, но и создания принципиально новых отраслей производства. Между тем Ворошилов признавал: «Алюминия, этого необходимого металла для военного дела, мы у себя совсем не производим… Цинка и свинца, весьма ценных и необходимых металлов для военного дела, мы ввозим из-за границы в 7 раз больше, чем производим у себя в стране. Даже меди, которой у нас бесконечное множество в недрах, мы ввозим 50 % по сравнению с тем, что

производим в стране».

Ворошилову, Сталину и другим советским руководителям было ясно, что Красная армия не сможет защитить страну без создания мощной оборонной промышленности, а, стало быть, без высокоразвитой тяжелой промышленности и значительно большего число промышленных рабочих. Им было ясно и то, что для обеспечения Красной армии и увеличивающегося числа городских промышленных рабочих требуется больше продовольствия, чем это могло обеспечить тогдашнее сельское хозяйство. Кроме того, низкая товарная продуктивность мелких крестьянских хозяйств мешала развитию промышленных отраслей, потреблявших сельскохозяйственное сырье. Лишь крупные сельскохозяйственные предприятия, способные закупить и применять современную технику, могли обеспечить высокотоварное производство. После ликвидации помещичьих хозяйств такими высокопроизводительными сельскими хозяйствами были лишь колхозы и совхозы, на долю которых приходилась лишь небольшая доля общего производства продовольствия страны. Угроза новой войны, возможность которой остро проявилась в 1927 году, заставляла руководство страны сокращать до предела сроки выполнения планов индустриализации и коллективизации, намеченных в 1925-1927 годах.

23 апреля 1929 года открылась XVI Всесоюзная конференция ВКП(б), на которой был принято постановление «О пятилетнем плане развития народного хозяйства». Планом предусматривалось выделить 19,5 миллиарда рублей на капитальное строительство в промышленности (включая электрификацию), то есть в 4 раза больше, чем за предшествующие пять лет. При этом 78 % этой суммы направлялось в тяжелую промышленность. При росте валовой продукции всей промышленности в 2,8 раза, производство средств производства должно было увеличиться в 3,3 раза, в том числе машиностроение – в 3,5 раза. Задания пятилетки по строительству электростанций существенно превосходили задания плана ГОЭЛРО, принятого в 1920 г.: вместо строительства 30 электростанций за 10-15 лет намечалось за 5 лет построить 42. Пятилетний план, или пятилетка, получившая название сталинской, стала началом новых революционных общественных преобразований, но на сей раз проводимых партийным руководством страны. По сути, в стране стала осуществляться сталинская революция сверху.

Открытие партийной конференции произошло в день завершения пленума ЦК ВКП(б), на котором была осуждена позиция Бухарина, Рыкова, Томского и их союзников. Они возражали против планов ускоренного развития страны, не без основания полагая, что это приведет к возрождению военных методов управления экономикой, особенно в деревне. В то же время «правые» (как стати называть Бухарина и его сторонников) не могли предложить действенного плана подготовки страны к грядущей войне. Не была последовательной позиция Бухарина и в отношении крестьянской политики партии. Еще в октябре 1927 года Бухарин заявлял: «Теперь вместе с середняком и опираясь на бедноту, на возросшие хозяйственные и политические силы нашего Союза и партии, можно и нужно перейти к более форсированному наступлению на капиталистические элементы, в первую очередь на кулачество». В течение 1928 года и начале 1929 года он призывал к осторожности в отношении деревни, но в статье «Великая реконструкция», опубликованной в «Правде» 19 февраля 1930 года, он писал, что с кулаком «нужно разговаривать языком свинца».

Тем временем выполнение заданий первого года пятилетнего плана тормозилось низкой производительностью сельского хозяйства. Это и стало главной причиной ускорения темпов коллективизации и привело к возрождению методов гражданских войн в ходе создания колхозов. Уже в 1928 году в ходе хлебозаготовок были фактически возрождены методы продразверстки. Как и в годы гражданских войн, в деревню направлялись отряды из городских рабочих для изъятия излишков хлеба у богатых крестьян.

Было очевидно, что многие крестьяне не желали отдавать излишки хлеба добровольно. Проблема обеспечения продовольствием городов усугублялась тем. что городское население составляло меньшинство (20 %). В то же время большинство коммунистов жили в городах. При этом доля крестьян в партии год от года сокращалась: в 1921 г. – 26,7 %, в 1925 г. – 24,6

%, в 1929-19,4 %. На 25 миллионов крестьянских дворов приходилось менее 340 тысяч коммунистов. В некоторых местностях одна партийная ячейка приходилась на три-четыре сельсовета.

В поддержку сельским коммунистам были направлены 27 тысяч коммунистов. Они и возглавили создаваемые колхозы и МТС. В течение 1930 года в села сроком на 1-2 месяца было направлено около 180 тысяч городских рабочих. Получалось, что 340 тысяч деревенских коммунистов рассматривались как лица, неспособные проводить политику партии в деревне самостоятельно без руководства коммунистов из города. И в этом проявлялось недоверие к крестьянству, сложившееся еще под воздействием западноевропейской социалистической литературы и лишь усилившееся в ходе гражданских войн. В романе «Поднятая целина» Михаил Шолохов верно показал расстановку сил в казацком селе, где двумя местными коммунистами Разметновым и Нагульновым руководит рабочий-партиец Давыдов, приехавший из города.

Городские рабочие и служащие, прибывшие в деревню, плохо представляли себе особенности деревенской жизни. Многие из них были заражены антикрестьянскими предрассудками. Сказывался и низкий уровень образованности членов партии. В 1927 году лишь 0,8 % членов ВКП(б) имели высшее образование, лишь 7,9 % – среднее, 62,8 % – низшее, а 26,1 % имели «домашнее образование» или «самообразование». 2,4 % были неграмотными. Несмотря на самоотверженность этих людей при выполнении задач по преобразованию деревни, многие из них явно не могли с ними справиться.

Ответом на начало коллективизации в деревне стали вооруженные выступления кулачества. Только в Ленинградской области и только за сентябрь и октябрь 1929 года кулаками было совершено 100 террористических актов; в Средне-Волжском крае – 353, в Центрально-Черноземной области с июля по ноябрь – 749, в том числе 44 убийства. Только в Российской Федерации в 1929 году было зарегистрировано около 30 тысяч поджогов колхозного имущества. В различных районах страны создавались организации сопротивления коллективизации. Только на Северном Кавказе возник ряд подпольных организаций: «Союз хлеборобов», «Союз борьбы за освобождение крестьян», «Добровольно-освободительная армия» и другие. На Украине повстанческая организация готовила одновременное выступление в 32 селах разных районов республики. Эти организации выступали под лозунгами: «Ни одного фунта хлеба Советской власти», «Все поезда с хлебом – под откос».

Власти принимали меры по подавлению вооруженного сопротивления. Семьи кулаков выселяли в Сибирь и на Север европейской территории страны. К октябрю 1930 года в северные районы страны была выслана 115 231 семья. Многих крестьян загоняли в колхозы насильно, а темпы коллективизации ускорялись. Если к концу 1929 года уровень коллективизации составлял 7,6 %, то к 20 января 1930 года он достиг 21,6 %. На 1 февраля колхозы объединяли уже 32,5 % хозяйств, а к 20 февраля около 50 % крестьянских хозяйств страны было коллективизировано.

Однако несмотря на массовые высылки крестьянских семей, сопротивление коллективизации принимало все более широкие масштабы. Только с января по март 1930 года в Сибири произошло 65 крестьянских восстаний. В течение 1930 года на Средней Волге состоялось 718 крестьянских групповых выступлений против коллективизации. На Ставрополье вспыхнул широкий вооруженный мятеж. Восстания происходили на Украине, особенно в приграничных западных районах республики. Крестьянские восстания произошли в ряде районов Армении, Азербайджана, в Карачаевской и Чеченской автономных областях, в Дагестане и в ряде республик Средней Азии. Страна оказалась под угрозой всесоюзной «Жакерии».

Другой и более распространенной формой сопротивления коллективизации явилось массовое разрушение продовольственного фонда страны. Крестьяне, записанные в колхозы или ожидавшие такой записи, не желали сдавать своих животных в общее хозяйство, а потому их повсеместно начали убивать на мясо. Только в январе и феврале 1930 года было

забито 14 миллионов голов крупного рогатого скота. Следствием массового забоя скота в годы коллективизации явилось резкое сокращение его поголовья по стране. В то время как в 1928 году в СССР было 32 миллиона лошадей, к 1934 году их осталось 15,5 миллиона. Поголовье крупного рогатого скота сократилось за этот период с 60 миллионов до 33,5 миллиона. За эти же годы поголовье свиней уменьшилось с 22 до 11,5 миллиона, а овец – с 97,3 миллиона до 32,9 миллиона.

В этих условиях 2 марта 1930 года в «Правде» была опубликована знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», после которого насильственное вовлечение крестьян в колхозы было прекращено. Статья Сталина, а затем опубликованное 14 марта 1930 года постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» означали отказ от попыток завершить сплошную коллективизацию сельского хозяйства страны в ближайшие месяцы. Сотни тысяч крестьян выходили из колхозов. Многие колхозы распускались. Если к 1 марта 1930 года коллективизированными было более половины всех крестьянских хозяйств, то в мае 1930 года уровень коллективизации сократился до 23,4 %.

Трудности коллективизации усугубились после обычного для природных условий нашей страны неурожая летом 1931 года, который вызвал в 1932-1933 годах массовый голод, сопоставимый по масштабам с голодом 1921 года. В городах было вновь введено распределение продуктов по карточкам и рацион продовольственного снабжения стал скудным. Срыв сельскохозяйственных поставок создал и трудности при выполнении заданий пятилетнего плана по индустриализации. И все же руководство страны старалось поддерживать высокий темп развития индустриализации. Коллективизация была возобновлена, хотя осуществлялась более медленными темпами. В значительной степени необходимость в продолжении коллективизации была обусловлена международными условиями, в которых оказался Советский Союз.

Начало первой сталинской пятилетки совпало с начавшимся в 1929 году экономическим кризисом в капиталистических странах, самым мощным за всю мировую историю. Наиболее воинственные круги на Западе стали искать выхода из кризиса в походе против Советской страны. Хотя доля СССР в мировом экспорте составляла лишь 1,9 %, в средствах массовой информации Запада истерически утверждалось, что советские товары, которые якобы производятся «за счет принудительного труда и продаются по бросовым ценам», спровоцировали экономический кризис. Пропагандистская кампания о «советском демпинге» служила прикрытием для обоснования подготовки нападения на СССР.

10 февраля 1930 года римский папа Пий XI в своем послании призвал верующих к «молитвенному крестовому походу» против СССР. Бывший полковник австрийской армии Видаль представил Пию XI план созыва международного антибольшевистского конгресса. Видаль писал: «Борьба против большевизма означает войну, и война непременно произойдет. Поэтому не время и не место заниматься изучением вопроса, каким образом ее избежать, и тратить энергию на безнадежные мирные утопии».

В своем отчетном докладе на XVI съезде партии (июнь – июль 1930 г.) Сталин говорил о том, что «мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический. Это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики… Во-вторых… буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне в области внешней политики».

Последующие события подтвердили верность прогноза Сталина. Вскоре во многих странах были совершены государственные перевороты, в результате которых были установлены диктаторские режимы, беспощадно расправлявшиеся с коммунистическим, рабочим и демократическим движением. Многие из этих диктатур брали на вооружение методы и идеологию фашизма. В 1930-1934 годах в ряде латиноамериканских стран на многие годы была установлена власть диктаторов, прославившихся кровавыми репрессиями против демократических сил (Урибуру в Аргентине, Варгас в Бразилии, Саламнака и ряд других диктаторов в Боливии, Убико в Гватемале, Андино в Гондурасе, Трухильо в

Доминиканской Республике, Батиста на Кубе, Сомоса в Никарагуа, Мартинес в Сальвадоре). Многие из них были послушными ставленниками ведущих держав Запада. Об одном из них, Сомосе, президент США Т.Рузвельт цинично говорил: «Сомоса – сукин сын, но он – **наш** сукин сын».

В 1932 году в результате очередного переворота в Португалии к власти пришел Антонио ди Оливейра Салазар и был установлен режим «нового государства», в значительной степени имитировавший фашистский режим Муссолини. После прихода к власти в Румынии в 1934 году Национал-либеральной партии усилился процесс фашизации этой страны, в политической жизни которой стала играть значительную роль фашистская «Железная гвардия». В сентябре 1932 года в Венгрии регент Хорти поручил сформировать правительство убежденному фашисту Гёмбешу. В марте 1934 года в результате военного переворота в Эстонии установлена диктатура К. Пятса. В мае 1934 года военно-фашистский переворот произошел в Болгарии. В том же месяце был совершен переворот в Латвии, в результате которого была установлена диктатура Ульманиса.

Еще раньше, 30 января 1933 года, правительство Германии было поручено сформировать фюреру нацистской партии Адольфу Гитлеру. Приход нацистов к власти сопровождался провокациями против Коммунистической партии Германии и бешеной антикоммунистической пропагандой. Накануне выборов в рейхстаг нацистские руководители Гитлер, Геринг, Геббельс непрерывно выступали с яростными антикоммунистическими заявлениями, обвиняя коммунистов в подготовке государственного переворота. Вскоре десятки тысяч коммунистов были брошены в тюрьмы. За ними последовали социал-демократы, активисты профсоюзного движения и различных демократических организаций.

Впрочем, везде, где к власти приходили фашисты, политические партии, кроме государственной, распускались, коммунисты и социалисты арестовывались и подвергались казням, профсоюзы ликвидировались, печать подвергалась суровой цензуре и в стране устанавливался военизированный режим, опиравшийся на националистическую идеологию нетерпимости ко всем «инородцам». Пришедший к власти в Литве в результате переворота 1926 года Сметона, взявший в качестве образца режим Муссолини, предрекал в 1934 году, что XX век будет веком фашизма.

Руководители фашистских и милитаристских стран не скрывали свою враждебность к Стране Советов и угроза для нее усиливалась по мере того, как в мире устанавливались режимы, идейно близкие нацистской Германии. Приход к власти в Германии Адольфа Гитлера, не скрывавшего своего стремления расширить «жизненное пространство» для немцев за счет нашей страны, существенно обострил обстановку на западной границе СССР.

В 1933 году Германия вышла из Лиги Наций. Новый министр экономики в правительстве Гитлера Гугенберг выступил в июне 1933 года с меморандумом, требуя возвращения Германии колоний в Африке и предоставления «лишенному территорий» немецкому народу новых земель на Востоке, где «эта энергичная раса могла бы расселиться». Советское правительство заявило протест против меморандума Гугенберга. Вскоре последовали заявления руководителя отдела внешней политики Национал-социалистической партии Германии А. Розенберга, в которых он подчеркивал готовность нацистов к соглашению с западными странами и объявлял о «восточной проблеме». Розенберг говорил: «Наше внимание обращено теперь на восток Европы. Там находятся будущие рынки Германии».

Подписание в 1934 году договора о дружбе между Германией и Польшей свидетельствовало о сближении этих стран на антисоветской основе. Диктаторские режимы Гитлера и Пилсудского не скрывали готовности развернуть совместный поход против СССР. Захват милитаристской Японией Маньчжурии в 1931 году и выход японских войск на всю дальневосточную границу СССР свидетельствовали о начале осуществления меморандума Танаки. Как и в 1918 году, перед нашей страной возникала опасность нападения захватчиков с востока и запада. Н.И. Бухарин имел основание поиронизировать в своем выступлении на

XVII съезде партии: «Гитлер… желает оттеснить нас в Сибирь… японские империалисты хотят оттеснить нас из Сибири, так что, вероятно, где-то на одной из домн «Магнитки» нужно поместить все 160-миллионное население нашего Союза».

Чтобы не допустить утраты своей земли и не превратиться в рабов Германии, Японии или иных стран, народам СССР надо было в кратчайшие сроки создать современную армию, вооруженную современным оружием. В своем выступлении 4 февраля 1931 года Сталин поставил вопрос ребром: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Это был суровый, но весьма реалистический прогноз: если бы к февралю 1941 года СССР не приблизился к уровню передовых стран в создании основ оборонной промышленности, вряд ли он бы смог устоять через несколько месяцев под натиском нападения гитлеровской Германии.

Объясняя необходимость в ускоренном развитии в своем докладе 7 января 1933 года об итогах первой пятилетки, Сталин подчеркивал: «Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед… Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность… Мы не могли знать, в какой день нападут на СССР империалисты и прервут наше строительство, а что они могли напасть в любой момент, пользуясь технико-экономической слабостью нашей страны, – в этом не могло быть сомнения… Наконец, партия должна была покончить в возможно короткий срок со слабостью страны в области обороны. Условия момента, рост вооружений в капиталистических странах, провал идеи разоружения, ненависть международной буржуазии к СССР, – все это толкало партию на то, чтобы форсировать дело усиления обороноспособности страны, основы ее независимости».

Ускоренное развитие страны потребовало невероятных усилий всего советского народа, значительных жертв и лишений. Сталин признавал, что приоритетное развитие тяжелой промышленности вызывало ограничение производства потребительских товаров: «Предметов широкого потребления действительно произведено меньше, чем нужно, и это создает известные затруднения». Он объяснял такое положение необходимостью защитить страну от военного нападения извне: «У нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин, – и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения… Мы не имели бы тогда всех тех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов. Наше положение было бы тогда более или менее аналогично положению нынешнего Китая, который не имеет своей тяжелой промышленности, не имеет своей военной промышленности, и который клюют теперь все, кому только не лень. Одним словом, мы имели бы в таком случае военную интервенцию… войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения… Ясно, что уважающая себя государственная власть, уважающая себя партия не могла стать на такую гибельную точку зрения».

Хотя некоторые задачи первого пятилетнего плана не были выполнены, Сталин мог привести ряд свидетельств глубоких качественных перемен в самых различных отраслях промышленного производства, происшедших к началу 1933 года за 4 года выполнения пятилетки: «У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь. У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь. В смысле

производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест».

Эти успехи советской экономики были особенно впечатляющими по сравнению с кризисом, поразившим капиталистический мир. В своем выступлении в начале 1933 года Сталин говорил: «В то время как объем промышленной продукции СССР к концу 1932 года **вырос** в сравнении с **довоенным** уровнем до 334 %, объем промышленной продукции САСШ **снизился за тот же период до 84** % **довоенного уровня, Англии – до 75 %, Германии – до 62 %. В то время как объем промышленной продукции СССР вырос** к концу 1932 года в сравнении с **уровнем 1928** года до 219 %, объем промышленной продукции САСШ **снизился** за тот же период до 56 %, Англии – до 80 %, Германии – до 55 %, Польши – до 54 %». Такое сравнение позволяло Сталину сделать вывод об исторической победе социалистического способа производства: «О чем говорят эти данные, как не о том, что капиталистическая система промышленности не выдержала экзамена в тяжбе с советской системой, что советская система промышленности имеет все преимущества перед системой капиталистической».

Успехи СССР на фоне кризиса капиталистической системы служили для многих людей доказательством преимуществ социализма. Губернатор штата Нью-Йорк Ф.Д. Рузвельт заявил в середине 1930 года: «Нет никакого сомнения… что коммунистические идеи наберут силу по всей стране, если мы не сумеем поддержать старые идеалы и первоначальные цели демократии». Ответ «коммунистической угрозе» Рузвельт нашел в «новом курсе», который он стал проводить после своего избрания на пост президента США в 1932 году. Находя сходство методов организации экономики, к которым прибег Рузвельт, с советскими, писатель Герберт Уэллс в своей беседе со Сталиным 23 июля 1934 года говорил: «Ленин в свое время сказал, что надо "учиться торговать", учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас, постигнуть дух социализма». (Всего 14 лет назад Уэллс называл Ленина «кремлевским мечтателем».)

В то время как пример СССР использовался Рузвельтом для мобилизации сил капиталистического общества и предотвращения социалистической революции, наиболее агрессивные деятели капиталистических стран не оставляли попыток организовать военный поход против СССР. Стремясь направить агрессию гитлеровской Германии против СССР, ряд западных монополий существенно увеличили помощь Гитлеру после начала 1933 года. Крупнейшие американские, французские, голландские компании, такие как группы Рокфеллера, Моргана, Меллона, «Роял датч шелл», Виккерса, Болдуина, «Юнилевер», оказывали Германии широкую финансовую помощь. Бывший министр финансов Я. Шахт писал в мемуарах: «Заграница форменным образом превзошла сама себя в признании того, что делал Гитлер, и оказывала ему беспрестанно всяческие почести».

При фактическом поощрении держав Запада нацистское правительство приступило к формированию мощных вооруженных сил. Этому способствовало подписание 15 июля 1933 года в Риме Муссолини и послами Германии, Франции и Великобритании в Италии так называемого Пакта четырех. 3-я статья пакта снимала с Германии ограничения на вооружения, установленные Версальским договором 1919 года. Эти уступки Гитлеру были сделаны Францией и Великобританией в расчете на то, что Германия развяжет войну против СССР.

Готовясь к вооруженному нападению капиталистических стран, СССР за годы первой пятилетки (1928-1932 гг.) сумел существенно укрепить свою оборонную мощь. С 1931 года на вооружение поступили новые виды артиллерийских орудий, танков, самолетов. К концу 1933 года Красная армия имела 51 тысячу пулеметов и 17 тысяч артиллерийских орудий. В течение первой пятилетки было произведено свыше 5 тысяч танков. В 1932 году началось строительство Тихоокеанского флота, а в 1933 году – Северного флота.

И все же было очевидно, что СССР сильно отставал от ведущих стран Запада по уровню и качеству вооружений. Это было обусловлено общим хозяйственным и научно-

техническим отставанием нашей страны от промышленно развитых стран мира, несмотря на поразивший их глубочайший экономический кризис. Осознавая необходимость качественного развития всех отраслей экономики страны, Сталин в январе 1933 года подчеркивал: «В первой пятилетке мы сумели организовать энтузиазм, пафос **нового строительства** и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом **освоения** новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. **В этом теперь главное».**

К концу второй пятилетки (1933-1937 гг.) была в основном выполнена программа широкой технической реконструкции народного хозяйства, осуществление которой было начато в первой пятилетке. В 1937 году свыше 80 % всей промышленной продукции было получено с новых предприятий, построенных или реконструированных в первую и вторую пятилетки. За вторую пятилетку СССР обогнал по уровню производства чугуна, стали, электроэнергии Великобританию и Францию. В отчетном докладе ЦК XVIII съезду партии Сталин представил таблицу, из которой следовало, что СССР опережал все капиталистические страны по темпам роста. Комментируя данные таблицы, Сталин замечал: «Наша промышленность выросла в сравнении с довоенным уровнем более чем в девять раз, тогда как промышленность главных капиталистических стран продолжает топтаться вокруг довоенного уровня, превышая его всего лишь на 20-30 процентов. Это значит, что по темпам роста наша социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире».

Быстрыми темпами происходило и наращивание оборонного потенциала страны. Если в 1927 году в рядах Красной армии насчитывалось 586 тысяч человек, то к 1937 году их было 1433 тысячи. Если к 1929 году в Красной армии имелось 26 тысяч станковых пулеметов и 7 тысяч орудий разных калибров, то к 1939 году количество пулеметов увеличилось до 77 тысяч, а артиллерийских орудий – до 45 790. Так же быстро возросло количество танков и самолетов.

Одновременно повышался и качественный уровень вооружений. В 1938 году в СССР приступили к созданию однобашенных средних и тяжелых танков с мощным бронированием. В 1929 году у Красной армии имелось лишь 1000 самолетов устаревших конструкций и 82 % из них были разведывательными. В 1938 на долю разведывательной авиации приходилось лишь 9,5 %. Зато 51,9 % составляли бомбардировщики и штурмовики, а истребители – 38,6 %. Новые машины были оснащены мощным вооружением, различными приборами, в том числе и для ночных полетов. Скорость и высота полета самолетов увеличилась в 1,5-2 раза. Дальность полета и грузоподъемность бомбардировщиков возросла в 3 раза. Начался серийный выпуск самолетов-истребителей.

Быстрый рост тяжелой промышленности не только помог созданию вооружений, но и создал условия для развития легкой промышленности, а также развитию механизации на селе. Производство товаров легкой промышленности выросло за вторую пятилетку в 2 раза. За этот же период количество тракторов выросло более чем в 2 раза, комбайнов – в 6 раз. Реальная заработная плата рабочих и служащих, занятых в промышленности, увеличилась за вторую пятилетку более чем в 2 раза.

Карточная система распределения продуктов была отменена в начале 1935 года. Проблемы снабжения продуктами питания в городах и голод в отдельных сельских регионах страны в годы первой пятилетки ушли в прошлое. В своей книге воспоминаний, которую он писал в конце горбачевской перестройки, когда пустые полки наглядно демонстрировали провал политики тогдашнего руководства, Валентин Бережков писал: «Если перечислить продукты, напитки и товары, которые в 1935 году… появились в магазинах, то мой советский современник, пожалуй, не поверит. В деревянных кадках стояла черная и красная икра по вполне доступной цене. На прилавках лежали огромные туши лососины и семги, мясо самых различных сортов, окорока, поросята, колбасы, названия которых теперь никто не знает, сыры, фрукты, ягоды – все это можно было купить без всякой очереди и в любом количестве. Даже на станциях метро стояли ларьки с колбасами, ветчиной, сырами,

готовыми бутербродами и различной кулинарией. На больших противнях были разложены отбивные и антрекоты. А в деревнях в любом дворе в жаркий день… вам выносили кружку молока или холодной ряженки и не хотели брать деньги». Для современного читателя постсоветского времени к этому можно добавить, что все эти продукты были отечественного производства, экологически чистые и без содержания консервантов, которыми напичканы нынешние импортные продукты питания, и все они были по доступным ценам.

Быстрое развитие городов (доля городских жителей в составе населения страны выросла с 16 % в 1922 году до 33 % в 1940 году), а также всех видов образования создавали условия для социального роста советских людей. Во второй пятилетке была в основном завершена программа ликвидации неграмотности среди населения в возрасте до 50 лет. К 1939 году уровень грамотности составил свыше 80 %. В 1936/37 году в школах для взрослых обучалось в 4 раза больше человек, чем в 1928/29 году. Число школьников в стране по сравнению с 1913 годом выросло в 3,5 раза. За годы второй пятилетки число специалистов с высшим и средним специальным образованием выросло более чем в 2 раза. По сравнению же с 1914 годом число студентов увеличилось в 7 раз. В начале 1937 года в СССР насчитывалось около 10 миллионов лиц умственного труда. Из своей личной жизни люди знали множество примеров того, как вчерашний неграмотный крестьянин сегодня становился грамотным, квалифицированным рабочим и надеялся в скором будущем получить высшее образование сам или дать его своим детям.

Ярким свидетельством веры советских людей в обеспеченность своей жизни в настоящем и в скорое наступление еще лучшего будущего для себя и своих детей стал существенный рост рождаемости во второй половине 30-х годов. Можно выделить три года (1937,1938 и 1939 годы), когда в стране фактически был настоящий «бэби-бум», подобный тому, что был в США после войны. Советский «бэби-бум» был прерван предвоенной обстановкой и войной. Почему же в те годы, которые ныне в современной пропаганде изображают временем жестокого террора и голода, молодые пары решались дать жизнь потомству?

Ответ ясен: молодые пары не воспринимали свое положение как безнадежно тяжелое и нестабильное. Крепнувшая Красная армия надежно охраняла рубежи Советской страны. Электрификация, механизация, строительство новых заводов, городского жилья создавали впечатление о том, что жизнь непрерывно улучшается. К тому времени советские молодые родители были избавлены от напастей, неизбежно присущих капитализму. Они знали, что уже в ходе первой пятилетки (1928-1933 гг.) в стране была ликвидирована безработица, что им и их детям обеспечены бесплатные здравоохранение и образование, что плата за квартиру и городской транспорт – чисто символическая.

Что бы ни говорили теперь о советском прошлом члены ПАСЕ и нынешние отечественные СМИ, тогдашние мамы и папы верили в надежность своей жизни и в светлое будущее своих детей. Миллионы новорожденных были наиболее убедительным выражением вотума доверия советской власти. Если бы такого голосования не состоялось, то многие ныне живущие граждане, их дети и внуки, которые сейчас не упускают случая, чтобы поужасаться советским прошлым, никогда бы не увидели свет.

Об этом же свидетельствовала высокая степень доверия к правящей Коммунистической партии и ее руководителю И.В. Сталину, окруженному всеобщим обожанием. Объясняя любовь миллионов советских людей к Сталину, перераставшую в настоящий культ его личности, писатель Лион Фейхтвангер, посетивший СССР в январе 1937 года, замечал: «Не подлежит никакому сомнению, что это чрезмерное поклонение в огромном большинстве случаев искренне. Люди чувствуют потребность выразить свою благодарность, свое беспредельное восхищение. Они действительно думают, что всем, что они имеют и чем они являются, они обязаны Станину… Обожествление Сталина… выросло органически, вместе с успехами экономического строительства. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение

своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный «коммунизм», а конкретного человека – Сталина…. Безмерное почитание, следовательно, относится не к человеку Сталину – оно относится к представителю явно успешного хозяйственного строительства. Народ говорит: мы любим Статина, и это является самым непосредственным выражением его доверия к экономическому положению, к социализму, к режиму». Разумеется, тогда не все разделяли восторженные оценки Сталина. Однако Фейхтвангер был одним из многих, кто запечатлел высокую оценку деятельности его и правящей Коммунистической партии по преобразованию советского общества, разделявшуюся миллионами советских людей в то время. Нынешние же попытки изменить суждения этих миллионов людей, давно ушедших в иной мир, нелепы.

Глава 18
Внутриполитические события в СССР в 30-х годах

Быстрые и глубокие изменения в советском обществе настоятельно требовали соответствующих перемен в политическом устройстве страны.

В своем докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов «О проекте Конституции СССР» 25 ноября 1936 года Сталин заявил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, то есть осуществило то, что у марксистов называется иначе первой, или низшей, фазой коммунизма… Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула; "от каждого – по его способностям, каждому – по его труду"». Новая Конституция СССР, в создании которой Сталин принял активное участие, должна была, по его словам, «отразить… факт завоевания социализма». В своем докладе Сталин заявлял, что принятие новой конституции будет означать, что «Советский Союз будет иметь новую социалистическую Конституцию, построенную на началах развернутого социалистического демократизма. Это будет исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии».

Новая конституция устраняла неравенство в представительстве между деревенским населением и городским, а также многоступенчатость и открытость выборов. Теперь выборы во все Советы, включая Верховные Советы республик и СССР, были прямыми, тайными и равными.

Хотя Сталин подчеркивал, что новая конституция «оставляет нетронутой диктатуру рабочего класса, не допускает свободу политических партий и сохраняет в силе нынешнее руководящее положение партии коммунистов в СССР», он выступил против предложения по-прежнему лишать «избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общеполезным трудом». Объясняя свою позицию, он заявлял: «Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо и мы вполне заслужили тот позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы. Значит, надо работать, а не хныкать, надо работать, а не дожидаться того, что все будет предоставлено в готовом виде в порядке административных распоряжений… Волков бояться, в лес не ходить». Таким образом Сталин провозглашал поворот в политической жизни от запретов к снятию социальных ограничений, от административных методов к состязательности.

Как утверждает историк Юрий Жуков, Сталин и его ближайшие сторонники в Политбюро (Молотов, Ворошилов, Каганович), выступая за сохранение однопартийности, отстаивали принцип альтернативности при выборах в Советы. Хотя, столкнувшись с упорным сопротивлением многочисленных представителей партийных верхов, боявшихся

утратить свое властное положение, Сталин и его сторонники были вынуждены отказаться от закрепления принципа выдвижения нескольких кандидатов на депутатское место. Однако утвержденная в 1937 году форма избирательного бюллетеня для выборов в Советы, остававшаяся неизменной до распада СССР и ликвидации советской власти, фактически закрепила возможность выдвижения нескольких кандидатов. В бюллетене было написано: «Оставьте в избирательном бюллетене ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните».

Политические перемены, которые осуществлял Сталин и его сторонники в советском руководстве, касались не только системы выборов. Они привели к отказу от многих методов политики, сохранявшихся со времен гражданских войн, и пересмотру различных сторон общественно-политической жизни, сложившихся с первых дней революции. Победа социализма в СССР, провозглашенная Сталиным, означала, что цели классовой борьбы были достигнуты, а потому на первый план выдвигалась задача общенародного единства, особенно актуальной по мере усиления угрозы новой войны против СССР.

Осуществление этой задачи проявилось в изменении политики Советского государства по отношению к церкви. Священникам не только вернули избирательные права. 12 сентября 1933 года Сталин издал распоряжение, запрещающее производить застройки «за счет разрушения храмов и церквей». Позже, 11 ноября 1939 года, Сталин подписал решение Политбюро об отмене «указания товарища Ленина» от 1 мая 1919 года. Из лагерей НКВД были освобождены 12 860 священников.

Начиная с 30-х годов Сталин и его сторонники взяли курс на пересмотр отношения к дореволюционному прошлому нашей страны. Господствовавшая до сих пор в советской исторической науке и материалах системы образования «школа Покровского», проповедовавшая нигилистическое отношение к дореволюционной истории, была подвергнута критике. Имена ученых, писателей, полководцев, государственных деятелей, прославивших дореволюционную Россию, снова стали предметом уважения в СССР.

Эти и другие действия Советского правительства, направленные на отказ от эксцессов первых лет революции, были подвергнуты острой критике со стороны главного политического оппонента Сталина – Троцкого. В своих статьях и книге «Преданная революция», публиковавшиеся за границей, Троцкий обвинял сталинское руководство в «термидорианском» перерождении, в измене принципам революции. Троцкий решительно возражал против отказа от преследования церкви в СССР. Он отвергал уважительное отношения к ратным подвигам дореволюционных военачальников и называл армию Суворова «армией феодальных рабов».

Выступая с ультрареволюционных позиций, Троцкий осуждал Сталина за отказ от радикального курса на разрушение семьи. Троцкий писал: «Революция предприняла героическое усилие разрушить так называемый "семейный очаг" – этот архаический, затхлый, прогнивший институт». Он решительно отвергал «реставрацию» в СССР "седьмой заповеди" Моисеева закона («не прелюбодействуй»). Атаковал Троцкий и «реставрацию пятой заповеди» («чти отца своего»). Растущая забота советского государства об авторитете старшего поколения вызывала тревогу у Троцкого.

Одновременно Троцкий демагогически выдвигал требования, которые было невозможно осуществить в условиях надвигающейся войны. Он требовал увеличения жилищного строительства и производства потребительских продуктов, сокращения расходов на развитие тяжелой промышленности. В то же время Троцкий, который в начале 1920-х годов отстаивал сохранение привычных ему военных методов управления, теперь настаивал на «восстановлении права на критику и истинную свободу выборов», «введении демократии в промышленности», «свободном обсуждении экономических проблем», «свободе для молодежи» и прочем.

«Демократические» лозунги Троцкого использовались им для прикрытия готовившегося им и его сторонниками государственного переворота. Еще в марте 1933 года Троцкий обратился с открытым письмом к работникам партийного аппарата, в котором

призывал к свержению Сталина. В» Бюллетене оппозиции» в октябре 1933 года Троцкий объявил о необходимости создать подпольную партию. Он подчеркивал, что «не осталось нормальных конституционных путей для устранения правящей клики. Только сила может заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда». Троцкий писал: «Если Сталин и его сторонники, несмотря на их изоляцию, будут цепляться за власть, оппозиция сможет их устранить с помощью "полицейской операции"».

Троцкисты поддерживали связи с другими заговорщическими центрами, которые сложились в силовых структурах. Хотя со времени доклада Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС в феврале 1956 года обвинения ряда советских руководителей в заговорщической деятельности были отвергнуты, факты, изложенные в ряде работ российских историков последних лет (например, в книгах «Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева» Р. Баландина и С. Миронова, «Иной Сталин» Юрия Жукова, «Заговор маршалов» А.Б. Мартиросяна, «Сталин и заговор генералов» Сергея Минакова), а также в воспоминаниях бывшего охранника Сталина А. Рыбина, убедительно доказывают, что различные заговоры, которые спровоцировали репрессии 1937-1938 годов, не были фантазией Сталина, как это утверждал Н.С. Хрущев.

Эти факты свидетельствуют о том, что заговор наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды и секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, заговор военных во главе с заместителем наркома обороны СССР М.И. Тухачевским имели целью осуществление государственного переворота и отстранение от власти Сталина и его сторонников. Такое развитие событий могло привести к новой гражданской войне и массовым репрессиям победителей против побежденных. Факты же, приведенные в своих книгах личным переводчиком А. Гитлера, а затем историком Паулем Шмидтом (писавшим под псевдонимом Пауль Карелл) и шефом гитлеровской разведки Вальтером Шелленбергом, доказывают, что Тухачевский и другие военные заговорщики имели контакты с германскими военными. А это могло бы привести к иностранной интервенции в СССР.

Однако скрытое сопротивление Сталину и проводившимся им политическим реформам оказывали не только властолюбивые люди из силовых структур и их союзники. Сталинские реформы были направлены на то, чтобы заменить руководителей, занявших властные посты в годы гражданских войн и уже не отвечавших задачам строительства развитого общества, новыми лицами, обретшими за годы советской власти высокое образование и опыт работы на современном производстве. В своем выступлении на февральско-мартовском пленуме 1937 года И.В. Сталин выдвинул предложение о широкой программе переобучения партийного руководства снизу доверху и выдвижения нескольких заместителей им на смену. По сути, все посты в партийной иерархии страны были объявлены вакантными, и на них был объявлен конкурс. Сталин напоминал, что в соответствии с вновь принятой Конституцией «народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования».

Сталин предупреждал: «Стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку». В этом выступлении Сталин обратился к древнегреческому мифу об Антее, напоминая, что у этого героя «было все-таки свое слабое место – это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли». Поскольку в мифе о подвигах Геракла последний побеждал Антея, сравнение Сталина звучало зловещим предупреждением. Сталин так завершил свой пересказ мифа: «Большевистские руководители – это Антеи, их сила состоит в том, что они не хотят разрывать связи, ослаблять связи со своей матерью, которая их родила и вскормила, – с массами, с народом, с рабочим классом, с крестьянством, с маленькими людьми».

Как убедительно показывает Юрий Жуков в своей книге «Иной Сталин», сопротивление этим сталинским реформам оказывали многие партийные руководители. В ответ на предложение Сталина о проведении альтернативных выборов в 1937 году секретари обкомов поспешили подготовить квоты лиц, которых надо будет либо выслать, либо

расстрелять под тем предлогом, что они могут попытаться провести своих кандидатов в Верховный Совет СССР. Особую «кровожадность», по словам Жукова, проявили Р.И. Эйхе и Н.С. Хрущев, потребовавшие разрешения на высылки и расстрелы десятков тысяч людей.

Юрий Жуков утверждает, что в конце июня 1937 года в руководство страны была направлена записка Р.И. Эйхе, который призывал санкционировать создание в областях «троек», наделенных «правом выносить смертные приговоры». Таким образом, Эйхе и другие стремились избавиться от возможных конкурентов в ходе «конкурса» партийных должностей и выборов в Советы.

В условиях, когда заговор Тухачевского был раскрыт за несколько дней до назначенного дня переворота, когда даже после ареста Тухачевского видные партийные руководители продолжали плести тайные интриги против руководства партии (в ходе июньского пленума ЦК ряд его членов провели тайную встречу, о которой Сталину сообщил лишь один из ее участников; на встрече было принято решение оказывать сопротивление исключению членов ЦК из его состава), Сталин и другие члены Политбюро уступили давлению местных руководителей. Жуков пишет: «Инициативная записка Р.И. Эйхе оказалась тем камушком, который вызвал страшную горную лавину. Три дня спустя, 2 июля, последовало еще одно решение Политбюро, распространившее экстраординарные права, предоставленные поначалу лишь Эйхе, уже на всех без исключения первых секретарей ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов». В решении говорилось: «ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих высылке». Нарком внутренних дел Н.И. Ежов, недавно арестовавший Ягоду и его соратников в НКВД, на основе этого решения издал приказы № 00446 и № 00447, в которых предписывалось «раз и навсегда покончить с подлой подрывной деятельностью против основ Советского государства».

Личность Ежова, человека недалекого, склонного к повышенной подозрительности и сочинению упрощенных версий заговоров, приход в Наркомат внутренних дел новых и не имевших опыта работы в следственных органах сотрудников из партаппарата на смену арестованным сотрудникам Ягоды способствовали созданию обстановки истеричной подозрительности. Казалось, что после московских процессов против Зиновьева, Каменева, Пятакова, Сокольникова, Радека в 1936-1937 годах сторонники оппозиции были арестованы или уничтожены. (Кстати, посол США в СССР Джозеф Дэвис и писатель Лион Фейхтвангер, а также ряд других наблюдателей из Запада, присутствовавшие на двух московских процессах 1937-1938 годов, не раз публично выступали с заявлениями, в которых доказывали правоту предъявленных обвинений и искренность признаний обвиняемых.) Однако Троцкий в своей книге, вышедшей в свет в 1937 году, уверял, что даже после этих процессов и многочисленных арестов 1936-1937 годов в стране сохраняется мощная сеть троцкистского подполья. Эти заявления лишь усиливали страхи работников НКВД, что они упустили многих членов подполья и их неумеренное рвение в разоблачении реальных и мнимых врагов.

Беда всесильного комиссариата внутренних дел была в том, что после прихода Ежова он действительно стал *народным*, то есть чрезвычайно открытым для вмешательства людей в дела, которые по своей сути требуют профессионализма. Приход в НКВД после назначения Ежова множества новых «честных», но непрофессиональных людей, готовых слепо довериться своей природной интуиции или «людям из народа», нанес сильный удар по следственной системе СССР.

Чрезмерное доверие к мнению «людей из народа» усилилось в ходе кампании по разоблачению «скрытых врагов». В немалой степени этому способствовали и заявления Сталина о необходимости доверять мнению «маленького человека». Рассказывая о том, как рядовой член партии Николаенко безуспешно выступала со своими разоблачениями против влиятельных людей в руководстве компартии Украины, Сталин заметил: «Николаенко – это рядовой член партии. Она обыкновенный "маленький человек"… Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения. Можно было

бы привести еще десятки и сотни таких примеров».

Однако зачастую эти «маленькие люди» «из народа» в своих обличениях опирались на необоснованные подозрения, а то и просто стремились свести личные счеты. Люди, которые делили своих соседей и коллег на категории: «большой враг», «малый враг», «вражонок» (о чем было позже рассказано А.А. Ждановым на XVIII съезде ВКП(б)), стали основными источниками информации при подготовке органами НКВД различных «дел» о «заговорах» и «центрах».

Репрессии не приняли бы таких масштабов, если бы они не получили широкой поддержки во всех слоях советского общества. Помимо психологических последствий гражданских войн, в ходе которых нередко в любом незнакомце видели врага, и напряженного ожидания новой войны, неизбежно порождавшей страхи перед шпионами потенциальных агрессоров, глубокие революционные преобразования 1930-х годов, открывшие возможности для социального роста и раскрытия талантов и способностей десятков миллионов людей, имели, как и всякая революция, свою теневую сторону. Быстрый социальный подъем миллионов людей породил у многих перемены сознания, схожие с теми, что происходят во время «кессонной болезни» у водолазов в случае их слишком быстрого подъема наверх.

С одной стороны, неизжитое недоверие бывших жителей деревни к горожанам и городской культуре являлось благодатной почвой для роста самых причудливых предрассудков и нелепых подозрений. Открытие новых культурных горизонтов сопровождалось вторжением в сознание людей мешанины из примитивных шаблонов политической пропаганды и подхваченных в обывательской среде вздорных слухов и искаженных представлений об окружающем мире. Миллионы советских людей были готовы объяснять сложные проблемы страны вредительством тайных врагов. Отречение от религии создало в умах многих людей вакуум, который был заполнен зачастую лишь упрощенными пропагандистскими установками и вековыми предрассудками, а также новыми суевериями, рожденными в обывательской городской среде. Огрубленные представления о мире не могли не разрушить традиционные нравственные ориентиры людей относительно того, что плохо, а что хорошо, что можно, а что нельзя делать.

Для других же миллионов людей стремительные преобразования означали прежде всего катастрофические утраты, порождавшие у них жгучую ненависть к тем, кто преуспел после революции, и желание отомстить им. Неприязнь потомственных горожан к преуспевшим пришельцам из деревни также служила благодатной почвой для доносов. Жгучую ненависть к «победителям» испытывали и те жители деревни, кто пострадал от коллективизации.

В 1937-1938 годах особенно много доносов было написано в адрес начальства. На лиц, занимавших начальственные должности, могли писать те, кто видел в них конкурентов на вакансии, открывшиеся после февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года. Доносы могли писать на тех, кого винили за многочисленные трудности и лишения тех лет, за аресты и гибель от голода родных и близких. Жертвы красных могли, наконец, попытаться расквитаться с теми, кто был виновником крушения их судеб. Жертвы «ликвидации кулачества как класса» в деревне могли мстить тем, кто выселял их самих или их родных, мучил или издевался над ними и их семьями во время коллективизации или насильственного изъятия зерна. Список арестованных партийных руководителей поразительным образом совпадал с перечнем тех, кто сыграл наиболее активную роль в ходе коллективизации: Я.А. Яковлев, Е.Я. Бауман, И.М. Варейкис, Ф.И. Голошекин, С.В. Косиор, М.М. Хатаевич, Б.П. Шеболдаев, Р.И. Эйхе, Г.Н. Каминский и другие.

Если в марте 1937 года Сталин решительно осуждал огульные исключения из партии и расстрелы, то с лета 1937 года подобные методы подавления противников стали обычными. И это свидетельствовало, что руководство страны во главе со Сталиным в известной степени утрачивало контроль над происходившими событиями. Совершенно очевидно, что события пошли не так, как они должны были происходить по плану Сталина, собиравшегося устроить

конкурс среди партийных работников и поднять их уровень общей и политической подготовки на курсах разных ступеней. Анализируя материалы Смоленского архива, вывезенного немцами во время войны, а затем захваченного американцами, историк Г.Т. Риттерспорн пришел к выводу, что Сталин «не всегда был способен управлять ходом событий» и даже утверждал, что в эти годы он потерпел «политическое поражение». К такому же выводу пришел и Юрий Жуков. По сути дела в эти годы происходила междоусобная борьба между различными группировками во властных структурах, а НКВД использовался как инструмент для устранения идеологических противников.

Однако вряд ли стоит считать, что Сталин потерпел полное поражение. В конце 1938 года Н.И. Ежов был снят с поста наркома внутренних дел, а вскоре массовые репрессии были прекращены и сотни тысяч заключенных были освобождены. Правда, далеко не все. Во-первых, сотни тысяч человек, главным образом из партийного и государственного руководства, были расстреляны. Во-вторых, многие остались в заключении. На 1 марта 1940 года из 1 668 200 заключенных 28,7 % составляли осужденные за контрреволюционную деятельность, то есть около 470 тысяч человек.

Впоследствии практически все осужденные по политическим обвинениям в 30-х годах были реабилитированы (в том числе посмертно), а сотни тысяч заключенных были освобождены. События тех лет до сих пор не были достаточно глубоко проанализированы историками, а потому в общественное сознание со времен хрущевского доклада внедрено упрощенное объяснение происшедших событий (прежде всего с целью скрыть огромную ответственность Хрущева за беззакония в ходе репрессий). Хрущев и его последователи уверяли о главной и чуть ли не единоличной ответственности Сталина за эти репрессии. В то же время нет сомнения в том, что уже на протяжении полувека в нашей стране огульные и жестокие репрессии 30-х годов были осуждены.

Нет сомнения в том, что уничтожение многих видных командиров Красной армии, руководителей партийных организаций, хозяйственников, инженеров и других лиц, ложно обвиненных в заговорщической деятельности, нанесло урон нашей стране. В то же время нельзя не учитывать свидетельства о том, что помимо ложно обвиненных людей среди репрессированных было немало и тех, кто активно участвовал в заговорщической деятельности. Сохранение таких людей в военном, а также партийном и хозяйственном руководстве было чревато возможностью их антигосударственного выступления в разгар войны. Контакты же военных заговорщиков с германскими военными могли бы привести к поражению в случае войны с Германией.

Парадоксальным образом, несмотря на жестокость и несправедливость, проявленную по отношению к большинству обвиненных в ходе репрессий 30-х годов и урон, причиненный ими стране, другими их следствиями стали консолидация общества и укрепление органов управления накануне Второй мировой войны. Хотя враг не нашел немало людей, рекрутированных им в «пятую колонну», в их составе не было значительных государственных и политических деятелей вроде Петена, Лаваля, Дарлана, Дорио. Квислинга, Дефеля и других, сотрудничавших с гитлеровскими оккупантами. Кроме того, многие посты в системе управления партии, хозяйства, армии заняли теперь люди, не связанные больше инерцией гражданских войн и не полагавшиеся на методы, сложившиеся в годы «военного коммунизма». Это были люди, как правило, обладавшие высоким уровнем образования, опытом работы в низовых структурах управления и еще не оторвавшиеся от народа. Последующие события показали, что выдвижение этих людей к руководству страны во многом способствовало победе СССР во Второй мировой войне.

В то же время репрессии затронули сравнительно ограниченные слои советского общества. Для подавляющей части советского общества вторая половина 30-х годов была связана с теми переменами, которые вытекали из новой Конституции СССР и были направлены на идейно-политическое сплочение советского общества. О том, что эти перемены оказали сильное позитивное воздействие, свидетельствовал патриотизм советского народа, проявившийся в годы Великой Отечественной войны.

Глава 19
Усилия СССР по сохранению всеобщего мира и обеспечению своей безопасности

Заботясь об укреплении своей обороноспособности, Советский Союз в то же время делал все от себя зависящее, чтобы предотвратить новую мировую войну. Еще в 1932 году СССР принял участие в Женевской международной конференции по разоружению. Советская делегация на этой конференции внесла предложение о всеобщем разоружении. В случае отклонения этого предложения СССР выдвинул и альтернативный вариант – проект конвенции о пропорциональном и прогрессивном сокращении вооружений. Однако предложение СССР поддержала лишь делегация Турции.

12 декабря 1933 года ЦК ВКП(б) принял решение развернуть борьбу за коллективную безопасность. В принятом постановлении предусматривалась возможность вступления СССР в Лигу Наций. В том же году советские юристы разработали определение агрессии, которое было внесено на рассмотрение международной конференции по разоружению. Хотя представители ведущих стран Запада отвергли это определение, СССР в июле 1933 года подписал конвенцию об определении агрессии с соседними и близко расположенными странами: Афганистаном, Турцией, Ираном, Латвией, Литвой, Эстонией, Польшей, Румынией, Чехословакией, Югославией. В 1934 года к конвенции присоединилась Финляндия. В мае 1934 года СССР предложил преобразовать конференцию по разоружению в постоянно действующую конференцию защиты мира, а в сентябре 1934 года по приглашению 34 стран мира СССР вступил в Лигу Наций.

За год до этого, в декабре 1933 года, СССР предложил Франции и ряду других европейских стран подписать договор о взаимной помощи против агрессии. Предполагалось, что в этом договоре могли бы принять участие помимо СССР и Франции Бельгия, Чехословакия, Польша, прибалтийские страны, то есть те государства, которые граничили с Германией и могли бы стать жертвами ее агрессии. Эта инициатива СССР была поддержана министром иностранных дел Франции Барту. Однако убийство Барту 9 октября 1934 года положило конец усилиям Франции по созданию Восточного пакта. Правда, договор о взаимной помощи между Францией и СССР был подписан 2 мая 1935 года. 16 мая 1935 года был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией.

Одновременно руководство ВКП(б) и Коминтерна предприняло усилия для создания широкого всемирного антифашистского фронта общественных сил. Лозунг 1920-х годов о борьбе международного коммунистического движения против социал-демократии и буржуазного пацифизма был снят с середины 30-х годов. Состоявшийся в Москве VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала принял решение о создании единого антифашистского фронта.

В соответствии с решениями Коминтерна профсоюзы, возглавлявшиеся коммунистами, объединялись с профсоюзами, которыми руководили социалисты. Во Франции и Испании были созданы Народные фронты, в состав которых вошли коммунисты, социалисты, представители других антифашистских сил. В Испании Народный фронт, состоявший из республиканцев, социалистов и коммунистов, получил большинство в кортесах в феврале 1936 года. На выборах в апреле – мае 1936 года Народный фронт Франции одержал победу и пришел к власти. Создавались условия *для* сдерживания агрессивных намерений Гитлера.

Гитлеровская Германия и ее внешнеполитические союзники видели в СССР и коммунистическом движении главное препятствие для реализации своих агрессивных планов. 25 ноября 1936 года в Берлине был подписан «Антикоминтерновский пакт» между Германией и Японией. Пакт обязывал стороны принимать суровые меры против тех, «кто внутри или вне страны прямо или косвенно действуют в пользу Коммунистического Интернационала». Секретное соглашение к пакту открывало возможность для совместной борьбы против СССР. Еще за два месяца до этого, 25 сентября 1936 года, в Берлине было

заключено германо-итальянское соглашение, названное Муссолини «осью», а 6 ноября 1937 года Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. (В 1939-1941 годах к Антикоминтерновскому пакту присоединились: Венгрия, Маньчжоу-го, Испания, Финляндия, Хорватия, Дания, Румыния, Словакия и Болгария. Членов этого антикоммунистического блока часто называли «странами оси».)

По мере того как Германия, Япония и Италия демонстрировали свои воинственные намерения в отношении СССР и мирового коммунистического движения, западные державы не только не препятствовали наращиванию агрессивного потенциала участников Антикоминтерновской коалиции, но способствовали росту их вооружений. При активной помощи компаний западных стран, при явном попустительстве, а то и при прямом поощрении западных государств Германия в течение короткого времени обрела мощные вооруженные силы, способные осуществить агрессию против близлежащих стран, включая СССР.

7 марта 1936 года Германия в нарушение Версальского договора о демилитаризации Рейнской области ввела свои войска в Рейнскую область. Правда, премьер-министры Великобритании и Франции Болдуин и Сарро осудили действия Германии, но никаких действий против Германии не было предпринято. Дело в том, что руководители Франции и Великобритании не расценивали вступление германских войск в Рейнскую область как угрозу для них, полагаясь на неуязвимость оборонительной линии Мажино, созданной на франко-германской границе. В то же время вступление вермахта в Рейнскую область существенно ограничивало способность Франции оказать помощь своим восточноевропейским союзникам (Польше и Чехословакии) в случае нападения на них Германии. Но, как справедливо отмечал английский историк А. Тейлор, Франция «давно отказалась от мысли» о такой помощи. Не желала Франция и внести свой вклад в реализацию советско-французского договора о взаимной помощи.

Не было принято действенных мер и против Италии, вторгшейся в Эфиопию 3 октября 1935 года. Решения о санкциях против Италии, принятые Лигой наций, не мешали ей осуществлять агрессию. Соглашения же министра иностранных дел Франции Лаваля с Муссолини и министром иностранных дел Великобритании Хором фактически свели к нулю даже эти частичные санкции.

7 июля 1937 года Япония развязала войну против Китая. В марте 1938 года Германия захватила Австрию, осуществив так называемый аншлюс. Никаких мер против агрессоров страны Запада не предпринимали. Лишь Советский Союз выразил решительный протест против аншлюса и стал оказывать действенную помощь Китаю вооружениями и военными летчиками. Готовность СССР поддержать демократические страны в Европе особенно ярко выразилась после начала гражданской войны в Испании (1936 г.), в ходе которой Италия и Германия открыто предоставили мятежникам помощь оружием и кадровыми военными, В то время, когда Испанскую республику защищали все наиболее последовательные антифашисты, включая писателя Э. Хемингуэя, Советский Союз направил в Испанию оружие и военных, сражавшихся на стороне республиканцев. Запад же саботировал помощь Испанской республике, прикрываясь политикой «невмешательства», которая в конечном счете привела к захвату фашистами Испании в 1939 году.

29-30 сентября 1938 года были подписаны Мюнхенские соглашения, в соответствии с которыми Судетская область была отторгнута от Чехословакии и передана Германии. Главы правительств Великобритании и Франции Н. Чемберлен и Э. Даладье подписали это соглашение, открывшее Гитлеру путь к расчленению и захвату Чехословакии. Заявление СССР о готовности оказать помощь Чехословакии не было принято во внимание правительством этой страны в условиях, когда Франция отказалась от такой помощи. Руководители Франции приняли участие в Мюнхенской сделке несмотря на наличие договоров о взаимной помощи с СССР и Чехословакией. К осени 1938 года Народный фронт фактически распался, а новое правительство Э. Даладье стало саботировать пакт о взаимной помощи с СССР. Было очевидно, что правящие круги ведущих стран Запада рассчитывали с

помощью Мюнхенской сделки направить агрессию Гитлера против СССР.

Зима 1938/39 года прошла под знаком подготовки польско-германского нападения на СССР с целью захвата Украины. При этом плацдармом для нападения была избрана Карпатская Русь (или Закарпатская Украина), отделенная от Чехословакии. Французский посол в Берлине Кулондр писал в декабре 1938 года: «Что касается Украины, то на протяжении последних десяти дней о ней говорят все национал-социалисты… Похоже, что пути и средства еще не определены, но цель, по-видимому, точно установлена – создать Великую Украину, которая станет житницей Германии. Для достижения этой цели надо будет подчинить Румынию, убедить Польшу, отторгнуть земли у СССР. Германский динамизм не останавливается ни перед одной из этих трудностей, и в военных кругах уже поговаривают о походе на Кавказ и Баку».

Отказ Германии от германо-польского похода на Украину весной 1939 года, разочаровавший Запад, был вызван возникшими в это время разногласиями между Германией и Польшей. Германия все настойчивее требовала от Польши согласия на передачу Третьему рейху Данцига и создания экстерриториальной дороги через земли, соединявшие Польшу с Балтийским морем (так называемый Данцигский коридор). Захват Гитлером Чехии 15 марта 1939 года, а затем и аннексия Клайпеды (Мемеля) у Литвы 23 марта продемонстрировали всему миру, что Германия не ограничилась присоединением Австрии и Судет, населенных немцами, а готова расширять свои владения и за счет земель, не населенных немцами. Эти события вызвали озабоченность в Варшаве, и 22 марта министр иностранных дел Польши Бек предложил Англии подписать секретное англо-польское соглашение о сотрудничестве. В ответ 31 марта премьер-министр Англии Н. Чемберлен заявил, что Англия и Франция «окажут польскому правительству любую поддержку, какая имеется в их распоряжении», если на Польшу будет совершено нападение.

В этой обстановке Советское правительство 18 марта обратилось к правительству Великобритании с призывом созвать конференцию представителей шести стран (СССР, Франция, Англия, Польша, Румыния, Турция) для того, чтобы обсудить вопросы коллективной безопасности в Европе. Однако ни Польша, ни Великобритания, ни другие западные страны не желали участия СССР в мерах по обузданию германской агрессии.

А. Тейлор отметил сходство в позициях Польши и Великобритании: «Обе страны выиграли от удивительного совпадения обстоятельств, при которых завершилась Первая мировая война, когда и Германия, и Россия потерпели поражения. Этим обстоятельством Польша была обязана своей иллюзорной независимостью; благодаря им Англия приобрела величие и авторитет, которые можно было поддержать без особых усилий. Обе страны хотели, чтобы мир оставался таким же, каким он стал в 1919 году».

Давно стремясь развязать войну между Германией и СССР, Великобритания хотела воспользоваться международным кризисом вокруг Польши для того, чтобы втянуть СССР в неминуемый конфликт. В то же время она не желала такого участия СССР в будущей войне, которое бы привело нашу страну к победе. А. Тейлор отмечал, что правители Великобритании «хотели, чтобы русскую помощь можно было включать и выключать поворотом крана, а они, и, может быть, поляки, имели бы возможность поворачивать его».

Несмотря на явные признаки нежелания Запада пойти на создание действенной системы обуздания германской агрессии, СССР продолжал вести переговоры с Англией и Францией. Необходимость создания надежной системы безопасности на западных рубежах СССР особенно остро сознавалась советскими руководителями в связи с тем, что на Дальнем Востоке разразился советско-японский конфликт.

Действуя в соответствии со своими планами экспансии в Азии, японские милитаристы 11 мая 1939 года вторглись в пределы Монгольской Народной Республики, имевшей договор о взаимной помощи с СССР. Размещенные на территории МНР советские войска вступили в сражения с японскими войсками. Вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол разрастался, и к концу мая в нем участвовало несколько японских и советских дивизий.

Советско-японский конфликт отвечал интересам стран Запада. Еще в начале 30-х годов

посол США в СССР Буллит писал в Вашингтон: «Если между Японией и СССР вспыхнет война, мы не должны вмешиваться, а использовать свое влияние и силу к концу ее, чтобы она закончилась без победы и равновесие между Японией и СССР не было нарушено». После начата конфликта на Халхин-Голе, в июне – июле 1939 года, в Вашингтоне состоялись переговоры между послом Японии в США Хориноуци и государственным секретарем США Хэллом. В ходе этих переговоров Хэлл заявил послу, что США выступают против усиления СССР в Азии.

В это же время начались тайные англо-германские переговоры. В них участвовали представитель Германа Геринга видный экономист Вольтат и британский министр внешней торговли Хадсон. В ходе переговоров обсуждался вопрос о «полюбовном» разделе мира, в том числе рынков в России и Китае. Одновременно видный деятель Лейбористской партии Чарльз Бакстон направил министерству иностранных дел Германии предложения, в которых говорилось о готовности Англии «признать Восточную Европу естественным жизненным пространством Германии».

Казалось, что западные державы стремились втянуть Японию и Германию в затяжной конфликт с СССР, в ходе которого все участники этого конфликта оказались бы существенно ослабленными. Это обстоятельство заставляло Советское правительство относиться с особой настороженностью к позиции Запада в отношении планов коллективной безопасности в Европе.

Между тем подготовка Германии к военным действиям на Востоке продолжалась. 7 июня 1939 года были подписаны договоры о дружбе Германии с Эстонией и Латвией. В ходе переговоров начальника штаба германских вооруженных сил Гальдера и начальника военной разведки Германии Канариса с руководителями Эстонии обсуждался вопрос об оккупации Прибалтики немецкими войсками. Правительство Великобритании поддержало эти договоры, так как было заинтересовано в приближении германских войск к советским границам.

При отсутствии действенной системы коллективной безопасности Польша в считанные дни могла также оказаться оккупированной немцами. В этом случае германские войска вышли бы на тогдашнюю западную границу СССР, проходившую к востоку от Эстонии, Латвии, Западной Белоруссии и Западной Украины. Пока польско-германская война не началась, СССР мог дипломатическими средствами ослабить тот урон, который бы он понес вследствие оккупации Прибалтики и Польши немцами. Этого можно было добиться заключением военного союза с Польшей, позволявшего Красной армии выйти на западные границы Польши до начала войны с Германией.

С этой целью СССР начал переговоры с представителями Франции и Великобритании в Москве о согласовании военной конвенции. Однако инструкции делегациям Франции и Англии на этих переговорах исключали возможность создать действенную систему коллективной безопасности. Правительства этих стран отказывались дать гарантии об оказании мощного отпора германской агрессии. К тому же западные участники переговоров затянули начало переговоров, потратив много времени на путь в Москву. Кроме того, английская делегация прибыла в Москву 12 августа, не имея полномочий для заключения соглашения. Эти полномочия были получены лишь 21 августа.

Тем временем между Берлином и Лондоном велись активные тайные переговоры с целью заключения соглашения о разделе сфер влияния. Эти переговоры проходили на разных уровнях и с участием различных видных лиц Третьего рейха. Повидавшись с Гитлером, комиссар Лиги Наций в Данциге Буркхарт 10 августа направился в Базель, где имел секретную встречу с представителями министерств иностранных дел Франции и Англии. Бурхарт привез послание фюрера, в котором он предложил западным державам присоединиться к походу против СССР. 16 августа министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп встретился в Берлине с представителем военно-воздушных сила Велибритании бароном де Роппом. В ходе этой встречи Ропп заявил: «Было бы абсурдом для Германии и Англии ввязаться в смертельную борьбу из-за Польши. Результатом может быть

взаимное уничтожение воздушных сил… в то время как Россия с ее нетронутыми силами останется единственной страной, оказавшейся в благоприятном положении».

Продолжал вести переговоры с представителями Запада с целью добиться «нового Мюнхена» и советник Германа Геринга Герман Вольтат. С 7 августа 1939 года в этих переговорах принял участие сам Геринг. Составлялись планы прибытия в конце августа Геринга в Лондон и подписания там соглашения между Германией и Великобританией. Было очевидно, что Запад стремился «выйти из игры», направив германскую агрессию на Восток против СССР. Эти переговоры убедили Берлин в том, что Запад не готов к войне против Германии. В то же время сведения об этих переговорах поступали и советскому руководству, лишь усиливая его недоверчивость к своим партнерам по московским переговорам. 7 августа советская военная разведка доносила о том, что «после визита Вольтата в Лондон Гитлер убежден в том. что в случае конфликта Англия останется нейтральной». В этой связи переговоры, которые Запад вел с СССР, представлялись советскому руководству ловушкой для нашей страны, в случае если она, связанная обязательствами о вооруженном отпоре германской армии, вторгнувшейся в Польшу, останется один на один с сильным агрессором.

С другой стороны, Германия старалась заручиться гарантиями того, что СССР не выступит против ее вооруженных сил после того, как немцы захватят основную часть Польши и вступят на земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Поэтому германская дипломатия стремилась добиться нормализации отношений с СССР. Начиная с лета 1939 года активизировались переговоры по развитию экономических отношений между СССР и Германией. С конца июля эти переговоры переросли в обмен мнениями об улучшении внешнеполитических отношений.

С начала августа уровень этих переговоров повысился, темп контактов ускорился, а германская сторона внесла предложение о подписании договора о ненападении. При этом по инициативе германской стороны было внесено предложение о подписании одновременно с договором протокола о сферах государственных интересов двух стран. Переговорный процесс был активизирован непосредственным обращением Гитлера к Сталину, в котором он просил принять министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа для подписания договора о ненападении «во вторник 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа». Это обращение было передано послом Германии в СССР Шуленбургом Молотову 21 августа в 3 часа дня.

Одновременно Гитлер не прекращал своих попыток договориться с Западом. 21 августа английский посол в Берлине сэр Невиль Гендерсон докладывал: «Приняты все приготовления для того, чтобы Геринг под покровом тайны прибыл в четверг 23-го. Замысел состоит в том, чтобы он совершил посадку на каком-либо пустынном аэродроме и на автомашине отправился в Чекерс».

Перед СССР возникла реальная возможность «нового Мюнхена». При этом сделка между Германией и Англией могла приблизить войну к советским западным границам, когда бои на Халхин-Голе достигли решающей стадии. 17 августа 6-я японская армия, численностью 75 тысяч человек, имея 500 орудий, 182 танка и 500 самолетов, развернула новое наступление. 20 августа наши войска начали контрнаступление на японские позиции, но его исход еще никто не мог предугадать.

Советское правительство все еще продолжало переговоры с Францией и Великобританией. 14 августа советская делегация выразила официальное сожаление по поводу «отсутствия у военных миссий Великобритании и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии». 17 августа по предложению главы английской делегации Дрэкса в работе совещания был объявлен перерыв до 21 августа. Послы Англии и Франции тем временем обратились к правительству Польши, чтобы получить от него согласие на пропуск советских войск через польскую территорию. Однако это предложение было высокомерно отвергнуто министром иностранных дел Польши Беком. 19 августа английский посол в Варшаве по настоянию министра иностранных дел Англии Галифакса вновь обратился к Беку с просьбой дать

согласие на пропуск советских войск, заметив, что Польша срывает переговоры в Москве. 20 августа Бек вновь ответил отказом, заявив: «Я не допускаю, что могут быть какие-либо дискуссии относительно какого-либо использования нашей территории иностранными войсками. У нас нет военного соглашения с СССР. Мы не хотим его». Когда переговоры в Москве возобновились, западные участники вновь не смогли ответить на поставленный советской делегацией вопрос о пропуске Красной армии через территорию Польши и Румынии.

В этих условиях Сталин согласился принять Риббентропа 23 августа. В этот день в Москву пришло известие из Монголии: 23 августа 6-я японская армия под командованием генерала О. Риппо была окружена. Главный союзник Германии по агрессии потерпел серьезное поражение в своих попытках развернуть экспансию на север.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 года, после переговоров, длившихся без перерыва несколько часов, советско-германский договор о ненападении был подписан. Статья 3 договора гласила: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Договор был заключен сроком на 10 лет и автоматически мог быть продлен на следующие пять лет за год до истечения этого срока.

Одновременно был подписан «секретный дополнительный протокол», соответствии с которым была установлена черта между «сферами влияния» Германии и СССР в Восточной Европе. 1-я статья протокола гласила: «В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР…» Во 2-й статье указывалось: «В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих событий». В 3-й статье говорилось о «полной политической незаинтересованности» Германии в Бессарабии. Как известно, СССР никогда не признавал аннексию Румынией Бессарабии и считал ее советской территорией.

Подписание советско-германского договора о ненападении (позже ставшего известным под названием «пакт Молотова – Риббентропа») и секретного протокола к нему были жизненно необходимы Советскому Союзу для того, чтобы, с одной стороны, получить отсрочку вооруженного столкновения с Германией (выигрыш во времени), а, с другой стороны, отодвинуть на запад рубеж, с которого Германия могла бы начать свое нападение на СССР (выигрыш в пространстве). В то же время очевидно, что реализация этих целей СССР не совпадала с интересами тогдашних правительств Польши и стран Прибалтики. Однако нынешние протесты против «пакта Молотова – Риббентропа» игнорируют реальность тогдашней истории, когда интересы и даже суверенитет малых стран постоянно приносились в жертву интересам великих держав.

Так, когда в ходе Второй мировой войны возникла опасность Суэцкому каналу, английское правительство оккупировало Египет, чтобы противостоять германскому наступлению. Аналогичным образом в 1941 году СССР и Великобритания оккупировали Иран, когда возникла угроза установления там прогерманского режима. В 1942 году США произвели высадку своих войск в Марокко и Алжире, презрев необходимость испросить на это разрешение французского правительства Лаваля – Петена, с которым они поддерживали дипломатические отношения. В значительной степени такие действия были обусловлены вопиющим игнорированием международного права Германией и ее союзниками по Антикоминтерновскому пакту, о чем свидетельствовав вторжение Японии в Китай, захват Италией Эфиопии и Албании, аншлюс Австрии и прочие захваты Гитлера. Впрочем, и некоторые малые страны охотно присоединялись к дележу земель, захваченных агрессорами. Так, Польша и Венгрия стали соучастницами дележа Чехословакии после Мюнхенского

соглашения, а Литва охотно приняла от Германии Вильнюс и Виленскую область, входившие до 1 сентября 1939 года в состав Польши.

Следует также учесть, что разграничительная черта между сферами влияния, определенная «секретным протоколом», отнюдь не означала переход тех или иных земель в собственность Германии или СССР. Понятие «сфера влияния», употреблявшееся в секретном протоколе, лишь означало невмешательство Германии и СССР в их действия в пределах этих «сфер». Последуюшие события показали, что эти договоренности не были достаточно четкими и окончательными: границы «сфер влияния» были подвергнуты изменению, а истолкование действий Германии и СССР в пределах своих «сфер» потребовали дополнительных согласований.

Тем временем советско-германский договор был подвергнут широкой критике на Западе. Критики не скрывали своего недовольства тем, что, подписав договор о ненападении, СССР избежал участия в начале нового кровопролитного конфликта.

Выступая 31 августа 1939 года на 4-й внеочередной сессии Верховного Совета СССР в ходе обсуждения вопроса о ратификации советско-германского договора о ненападении, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил: «Советско-германский договор подвергся многочисленным нападкам в англофранцузской и американской прессе… Пытаются распространять неправду, что будто бы заключение советско-германского договора о ненападении помешало переговорам с Англией и Францией о пакте взаимопомощи… В действительности, как известно, дело обстоит наоборот. Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией натолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине англо-французских правящих кругов… Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? (Смех). …Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть воюют сами без Советского Союза. (Смех. Аплодисменты.) Мы бы посмотрели, что это за вояки. (Смех. Аплодисменты.)».

Через несколько часов после этого выступления Молотова и ратификации Верховным Советом договора Германия напала на Польшу, а вскоре Великобритания и Франция объявили войну Германии. Так началась Вторая мировая война.

Вскоре Германия стала настаивать на вступлении СССР в войну против Польши, исходя из своего толкования положения о «сферах влияния». Перед СССР вновь остро встала угроза вовлечения в войну, но на сей раз на стороне Германии. Однако, поскольку теперь Германия недвусмысленно угрожала войти в советскую «сферу влияния», то перед СССР возникала и угроза того, что немецкие войска выйдут на старую советско-польскую границу и, таким образом, никакого территориального выигрыша СССР не получит.

К этому времени польское правительство уже покинуло пределы своей страны. 17 сентября правительство СССР направило ноту польскому послу в Москве, в которой говорилось: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР… Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение дать приказ перейти границу и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

В тот же день советские войска пересекли границу и вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию и к концу сентября заняли эти земли. Ян Гросс в своем исследовании «Революция из-за границы», подготовленном на основе записей поляков, покинувших СССР вместе с армией Андерса в 1943 году, признавал: «Следует отметить и сказать это недвусмысленно: по всей Западной Украине и Западной Белоруссии, на хуторах, деревнях, в городах Красную армию приветствовали малые или большие, но в любом случае заметные,

дружественно настроенные толпы… Люди сооружали триумфальные арки и вывешивали красные знамена (достаточно было оторвать белую полосу от польского флага, чтобы он стал красным)… Войска засыпали цветами, солдат обнимали и целовали, целовали даже танки… Иногда их встречали хлебом и солью». Изъявления радости по поводу прихода армии, освобождавшей их от режима национальной дискриминации, сопровождались взрывом ненависти по отношению к свергнутому строю.

Как отмечал Я. Гросс, «части польской армии, перемещавшиеся через восточного воеводства, – их всего было несколько сот тысяч солдат – во многих случаях наталкивались на недружественное местное население. Свои последние бои польская армия на своей территории вела против украинцев, белорусов, евреев». Так как восставшее население обращалось за помощью к советским войскам, в эти стычки втягивалась и Красная армия. Этим объясняются потери Красной Армии, которую сначала все население, включая поляков, встретило так радостно. «Гражданское население (главным образом поляки), – отмечал Я. Гросс, – присоединилось к разрозненным частям польской армии и активно сражалось вместе с ними против советских войск. Было немало примеров такого рода, и в дальнейшем это способствовало отношению советских властей к гражданскому населению как к противозаконным элементам».

28 сентября 1939 года в Москве был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Прилагавшийся к нему секретный протокол устанавливал новую линию раздела между сферами влияния СССР и Германии. Теперь часть польских земель (Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства) переходило в сферу влияния Германии, а Литва передавалась в сферу влияния СССР. Созданные в октябре 1939 года Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии приняли решение о присоединении к Украинской ССР и Белорусской ССР. Теперь советско-германская граница проходила на 150-250 километров к западу от бывшей польско-советской границы.

В это же время были подписаны договоры СССР о взаимной помощи с Эстонией, Латвией и Литвой. До этого фашистские режимы этих прибалтийских стран стремились укрепить связи с Германией, а не с СССР. Однако отказ Германии от вмешательства в советскую «сферу влияния» в соответствии с протоколами 1939 года, не позволял им теперь рассчитывать на помощь Гитлера. Пока шли советско-эстонские переговоры о договоре, Гитлер в своем письме эстонскому президенту Пятсу просил его «потерпеть» до осени 1940 года. Видимо к этому времени Гитлер рассчитывал начать поход против СССР.

Договоры СССР с Эстонией, Латвией и Литвой позволили Советскому Союзу получить там военные, военно-морские и военно-воздушные базы. В то же время передвижения советских войск за пределами баз строго регламентировалось соответствующими соглашениями, и подписанные договоры не привели к изменению государственного строя в трех прибалтийских странах. У власти остались те же фашистские правительства, а коммунистические партии в этих странах оставались под запретом. Когда же советский посол в Эстонии Никитин сообщил Молотову о намеченных мероприятиях по пропаганде дружбы между СССР и Эстонией, Молотов резко осудил его за попытки «советизировать» Эстонию.

Характер отношений между СССР и прибалтийскими странами и внутриполитическая жизнь в этих странах не менялись до середины июня 1940 года. К этому времени германская армия в апреле за несколько дней оккупировала Данию и Норвегию, а затем за несколько недель, с 10 мая по 16 июня, разгромила англо-французские войска и заняла Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию. Тогда возникла опасность, что вермахт повторит блицкриг (молниеносную войну) на Востоке.

Пребывание в «советской сфере влияния» не мешало фашистским режимам Прибалтики развивать связи с гитлеровской Германией. 70 % товарооборота этих стран приходилось на Германию. Прибалтийские армии закупали вооружение в Германии, а их руководство проводило постоянные консультации с представителями германских вооруженных сил. В мае 1940 года в Эстонию прибыл один из видных руководителей

германской разведки Клее. Он сообщил министру внутренних дел Эстонии, что скоро Германия нападет на СССР.

К тому времени в Прибалтике активизировали свою деятельность фашистские организации. Из Прибалтики поступили сведения о том, что под видом проведения «балтийской недели» и «праздника спорта» 15 июня фашистские организации Эстонии, Латвии и Литвы при попустительстве правительств готовились захватить власть и обратиться к Германии с просьбой ввести войска в эти страны. Трудно сказать, насколько была реальной угроза путча или провокационного фарса, который бы помог правителям Прибалтики обратиться за помощью к Гитлеру, не дожидаясь осени 1940 года, но, вероятно, советские руководители расценивали эти сообщения в контексте международной обстановки.

В день, когда немецкие войска вступили в Париж, и за день до предполагавшегося фашистского путча в Прибалтике 14 июня 1940 года Советское правительство предъявило правительству Литвы ультиматум, требуя немедленного сформирования нового правительства, которое было бы способно «обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора». СССР требовал немедленного обеспечения свободного пропуска «на территорию Литвы советских воинских частей для размещения в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве».

Схожие требования были предъявлены 16 июня 1940 года правительствам Латвии и Эстонии. В Таллин. Ригу и Вильнюс были направлены правительственные советские делегации во главе с А. Ждановым, А. Вышинским и В. Деканозовым, которые потребовали изменить состав правительств прибалтийских стран. Одновременно 15-17 июня началось вступление новых контингентов советских войск на территорию Эстонии, Латвии и Литвы. Благодаря тому, что правительства трех прибалтийских государств не стати чинить препятствий советским войскам, вступление Красной армии проходило без осложнений. Во многих городах Прибалтики население тепло встречало советские войска.

В то же время под видом помощи вступающим советским войскам эстонская полиция разгоняла митинги солидарности с СССР и арестовывала ораторов, выступавших с приветствиями в адрес Красной армии. В Каунасе и в Риге полиция стреляла по людям, приветствовавшим советские войска. При этом в Риге было ранено 29 человек, из них двое скончались. Однако советские войска не препятствовали действиям местной полиции, а Жданов запрашивал Москву: «Не следует ли вмешаться в это дело или оставить до нового правительства». Лишь получив сообщения о расстрелах в Риге и арестах в Таллине, Молотов телеграммой от 20 июня ответил Жданову: «Надо твердо сказать эстонцам, чтобы они не мешали населению демонстрировать свои хорошие чувства к СССР и Красной армии. При этом намекнуть, что в случае стрельбы в демонстрантов советские войска возьмут демонстрантов под свою защиту».

Тем временем Деканозов, Вышинский и Жданов были заняты ведением переговоров о сформировании просоветских правительств. Хотя местные коммунисты настаивали на сформировании таких правительств из членов своих партий и их союзников, эмиссары Сталина не поддерживали этих предложений. В новом правительстве Эстонии во главе с И. Варесом преобладали социалисты и беспартийные, но коммунистов не было. По настоянию Деканозова в правительство Литвы, которое сформировал В. Креве-Мицкевичус, вошел и министр финансов Э. Галанаускас, занимавший тот же пост при режиме Сметоны. Единственный коммунист в новом литовском кабинете занял пост министра внутренних дел. Лишь в результате своих настойчивых просьб коммунисты Латвии, во главе которых встал освобожденный из тюрьмы Я. Калнберзин, добились включения четырех членов своей партии в новое латвийское правительство, которое возглавил беспартийный А. Кирхенштейн. В то же время президенты Латвии и Эстонии Ульманис и Пятс сохраняли свои

посты. Лишь президент Литвы Сметона эмигрировал в Германию.

Новые правительства пользовались широкой поддержкой населения Прибалтики. Комиссия АН Эстонской ССР в своем докладе 1989 года, цель которого состояла в том, чтобы обосновать «противозаконность» вступления Эстонии в СССР, все же признала, что «большая часть народа Эстонии по различным причинам приветствовала новое правительство по различным причинам: демократически настроенная интеллигенция связывала с этим устремления к демократизации государственного строя, наиболее бедные слои населения надеялись на улучшение своего материального и социального положения, основная часть крестьянства добивалась уменьшения долгов, ложащихся на хутора, малоземельные и безземельные крестьяне хотели получить землю, коммунисты видели в этом один из этапов реализации своих программных требований. Это подтверждают многочисленные митинги, народные собрания, резолюции трудовых коллективов и программные документы созданных новых организаций».

В то же время посланцы Кремля постоянно подчеркивали, что происходившие перемены не приведут к изменению в государственном устройстве трех республик. Выступив с балкона советской миссии в Риге перед участниками митинга, А. Вышинский закончил свою речь по-латышски: «Да здравствует свободная Латвия! Да здравствует нерушимая дружба между Латвией и Советским Союзом!»

Рекомендации советского полпреда в Эстонии К.Н. Никитина, которые он направлял в Москву 26 июня, свидетельствовали о том, что советские дипломаты в это время даже не помышляли о возможности установления в республике советских порядков. Поэтому полпред предлагал лишь меры, укладывающиеся в отношения СССР с дружественными зарубежными странами. В тот же день, 26 июня, первый секретарь полпредства Власюк, ссылаясь на указания Жданова, просил Москву ассигновать на программу деятельности Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКСа) «дополнительных средств в 5000 крон в связи со значительным увеличением объема работы до конца года». Совершенно очевидно, что еще 26 июня Жданов, как и работники советских дипломатических учреждений в Таллине, исходил из того, что Эстония останется надолго «заграницей» со своей «иностранной валютой».

Однако в самые последние дни июня 1940 года в советской политике в отношении стран Прибалтики произошла радикальная перемена. Об этом свидетельствовала беседа Молотова с премьер-министром Литвы Креве-Мицкевичусом 30 июня. По словам литовского премьера, Молотов убеждал премьера в том, что для Литвы было бы лучше, если бы та вступила в Советский Союз.

Почему же вдруг Сталин и все советское руководство совершили крутой поворот к советизации? Не исключено, что в значительной степени такая перемена могла произойти под влиянием реакции Германии на действия СССР в Бессарабии и Северной Буковине. 23 июня 1940 года Молотов вызвал Шуленбурга и сообщил ему о том, что «решение бессарабского вопроса не требует отлагательства». Хотя в секретном протоколе от 23 августа 1939 года Германия объявляла о своей незаинтересованности в Бессарабии, заявление Молотова, по словам историка Уильяма Ширера, вызвало «тревогу в вермахте, которая распространилась на генеральный штаб». Возникли опасения, что Советский Союз предпринял попытку завладеть Румынией, от нефти которой зависела судьба военных операций Германии.

Хотя Гитлер, к которому обратился за помощью король Румынии Кароль II, порекомендовал последнему принять советские требования, по словам Риббентропа, фюрер был «ошеломлен», узнав, что СССР потребовал от Румынии помимо Бессарабии эвакуации также Буковины, населенной украинцами. С точки зрения Гитлера, эта земля была населена «преимущественно немцами» и являлась «исконной землей австрийской короны». Как утверждал Риббентроп, Гитлер «воспринял этот шаг Сталина как признак русского натиска на Запад». 24 июня 1940 года Гитлер заявил в узком кругу о своем намерении захватить Украину, хотя тут же оговорился, что это вопрос не будет решаться в ближайшие недели.

Вероятно, советское правительство получило сведения о такой реакции немцев и осознало, что вторжение в СССР стало задачей, вставшей в повестку дня фюрера Германии, а потому решило ускорить действия по укреплению своих позиций на всем протяжении будущего советско-германского фронта, в том числе и в Прибалтике.

Кроме того, Жданов, Вышинский и Деканозов могли сообщать Сталину и другим членам Политбюро о событиях в Прибалтике, которые могли быть истолкованы как свидетельства классической революционной ситуации: массовые демонстрации рабочих и митинги перед президентскими дворцами, на которых их участники требовали установления рабочего контроля над производством, смены общественного строя, восстановления советской власти; формирование рабочих дружин; освобождение из тюрем политзаключенных; активная деятельность коммунистов, вышедших из подполья и тюрем. Налицо были и другие классические признаки революционного кризиса: растерянность верхов, популярность новых правительств, обещавших социальные реформы и дружбу с СССР, способность коммунистов трех стран, несмотря на свою немногочисленность, взять инициативу в свои руки. Еще 25 июня 1940 года коммунисты Прибалтики выдвинули требования о превращении трех стран в советские республики и их вступлении в СССР.

Видимо, сочетание международных и внутрибалтийских факторов заставило советское правительство перейти к политике советизации Прибалтики. В такой обстановке проходила подготовка к выборам в парламенты трех республик. Преобладание в избирательных комиссиях коммунистов и сочувствующих им лиц способствовало тому, что многие кандидаты отводились под тем предлогом, что они запятнали себя сотрудничеством с прежними режимами.

В конце 1980-х годов выборы, проведенные 14-15 июля 1940 года в верховные органы власти трех республик, стали предметом дотошных разбирательств. Разумеется, предъявлять к выборам, проходившим в военном 1940 году, требования XXI века, без учета реальной обстановки полувековой давности, было бы нелепо. Реальная же обстановка 1940 года в Прибалтике характеризовалась сочетанием разных и противоречивых обстоятельств. С одной стороны, население трех стран впервые освободилось от постоянного террора полиции и военизированных организаций (айзсарги, шаулисы, кайцилиты). После многих лет можно было проводить свободно митинги, собрания, демонстрации. От участия в выборах были отстранены коррумпированные политиканы, державшиеся у власти с помощью подкупа и репрессий. Взрыв массовой политической активности после ввода частей Красной армии летом 1940 года был резким контрастом по сравнению с тем, что население Прибалтики узнавало о подавлении свобод, запретах, массовых экзекуциях, которые происходили в странах, оккупированных германскими армиями.

С другой стороны, нет сомнения в том, что определенная часть населения негативно относилась к внешнеполитической переориентации на СССР и к осуществленным и намечаемым преобразованиям в трех республиках. Вероятно, в условиях более развитых институтов политической жизни и в мирной международной обстановке эти люди активнее выступили бы против монопольного положения Союзов трудового народа, представивших единые списки своих кандидатов на выборы в Эстонии, Латвии и Литве.

Победа Союзов трудового народа на выборах 14-15 июля была абсолютной (в Эстонии кандидаты Союза получили 92,8 % голосов, в Латвии – более 97 %, в Литве – свыше 99 %). Ныне трудно сказать, в какой степени эти итоги безальтернативных выборов отражали настроения населения и даже насколько данные об итогах были безупречными. Однако никаких серьезных доказательств о фальсификации выборов никто не сумел привести. Не было приведено никаких свидетельств того, что Красная армия вмешивалась в проведение выборов (хотя присутствие советских войск не могло не оказывать психологического воздействия на избирателей.) В то же время нет сомнения в том, что верховные органы Эстонии, Латвии и Литвы, провозгласившие установление советской власти и обратившиеся с просьбой о вступлении в СССР, были избраны в ходе массового голосования. В этом их существенное отличие от тех органов власти, которые провозгласили отделение Литвы,

Латвии и Эстонии от России в 1918 году.

22 июля 1940 года Государственная дума Эстонии, Народный сейм Латвии и Народный сейм Литвы провозгласили установление советской власти в своих республиках, обратились с просьбой к СССР о принятии трех стран в ряды Союза, а 3,5 и 6 августа 1940 года Верховный Совет СССР принял решения о принятии трех новых советских социалистических республик в ряды СССР. Хотя нет сомнения в том, что подписание секретных протоколов помогло СССР закрепиться в Прибалтике благодаря тому, что Германия обязалась не защищать режимы Пятса, Ульманиса и Сметоны, также ясно, что вступление этих стран в Советский Союз было следствием многих событий, в том числе и волеизъявления сотен тысяч эстонцев, латышей и литовцев в ходе общенациональных выборов.

Поскольку 2 августа 1940 года в состав СССР была также принята вновь образованная Молдавская ССР, в ходе событий 1939-1940 годов страна обрела 4 новые республики и существенно расширились размеры Украинской и Белорусской ССР. В отличие от остальной страны новая часть Советского Союза до 1939-1940 годов жила иной жизнью, существенно отличавшейся по своему характеру от советской, и в составе государств, проводивших враждебную политику в отношении СССР и коммунизма. Однако после того, как прошли первые дни перехода к новой жизни, значительная часть населения не испытывала разочарования оттого, что они стали гражданами СССР.

Характеризуя отношение большинства населения Западной Украины и Западной Белоруссии к происшедшим переменам, даже Ян Гросс, называвший «воссоединение» украинского и белорусского народов «оккупацией», признавал: «Странным образом оккупация создала раздвоенную реальность. Появилось больше школ, больше возможностей для высшего образования и профессиональной подготовки, обучения на родном языке, поощрения физического и художественного развития. Казалось, что многие препятствия, обычно мешавшие движению наверх, были удалены. Наблюдалось резкое увеличение занятости, на фабриках и в учреждениях требовалось в два раза больше рабочих и административных служащих, чем до войны… Если вы хотели стать медицинской сестрой, инженером или врачом, можно было с уверенностью ожидать осуществления этой цели в будущем». По словам Гросса, в этих областях было немало людей, для которых «поражение Польши не было причиной для траура, а скорее захватывающим началом, возможностью, о которой нельзя было и мечтать».

В новых республиках и областях СССР земля была объявлена всенародной собственностью, а банки и крупные промышленные предприятия были национализированы. Правительство СССР оказывало усиленную экономическую помощь новым республикам. Туда завозилось продовольствие, топливо, сырье для промышленности. В результате рост промышленного производства за вторую половину 1940 и первую половину 1941 года в прибалтийских республиках составил 30-40 %. Безработица в этих странах резко сократилась, а в Эстонии уже весной 1941 года закрыли биржу труда. Везде в новых советских республиках и областях вводились 8-часовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, сокращалась квартплата. На новых советских землях была проведена аграрная реформа, в результате которой сотни тысяч безземельных крестьян, батраков, сельских ремесленников получили земельные наделы, а участки сотен тысяч малоземельных крестьян получили существенные приращения.

Население новых западных земель СССР могло сравнивать свое положение с тем, что творилось по другую сторону советско-германской границы, где воплощались в жизнь принципы подчинения «неполноценных народов» представителям «высшей расы». Уже к концу 1939 года в оккупированной немцами Польше было уничтожено около 100 тысяч местных жителей, а к концу 1940 года 2 миллиона поляков было вывезено в Германию для принудительных работ.

И все же определенная часть населения не была довольна происшедшими переменами.

В новых областях, входивших с 1918 по 1939 год в антисоветский «санитарный кордон», имелись влиятельные силы, давно ориентировавшиеся на Германию или другие страны Запада. Бывшие члены фашистских партий и их военизированных организаций, лица, пострадавшие от национализации и аграрной реформы, стали политической базой для растущего сопротивления советской власти и создания «пятых колонн». После начала войны они активно сотрудничали с германскими оккупантами, входили в состав местных дивизий СС, а после войны встали на путь затяжной подпольной борьбы против советской власти.

В течение года советское правительство сделало все возможное, чтобы отодвинуть советскую границу как можно дальше на запад, и превратило «сферу влияния» СССР в советские земли, избежав крупных сражений и больших потерь среди частей Красной армии и местного населения. Однако в северной, финляндской, части этой «сферы» успех был достигнут минимальный и ценой огромных потерь.

Одним из наиболее уязвимых мест на западной границе СССР был советско-финский участок, примыкавший к Ленинграду. Прохождение границы в 32 километрах от северной столицы страны было следствием роковой исторической ошибки Александра I, который после покорения Финляндии включил в ее состав принадлежавший России Карельский перешеек, «ради округления Финляндского государства». С марта 1939 года советское правительство стало добиваться соглашения с Финляндией по поводу переноса границы на несколько десятков километров на Карельском перешейке. СССР предлагал обменять эти земли на вдвое большую территорию в Советской Карелии и сдать Советскому Союзу в аренду небольшой участок финляндской территории у входа в Финский залив для строительства там военно-морской базы.

Однако соображения безопасности СССР входили в противоречие с интересами Финляндии. Во-первых, на Карельском перешейке проживало свыше 300 тысяч человек, которые не желали становиться советскими гражданами или покидать свои дома и терять свой привычный образ жизни. Во-вторых, на перешейке проходила «линия Маннергейма» – система мощных оборонительных сооружений страны. Кроме того, Финляндия была уверена, что в противостоянии с СССР ее поддержат все страны Запада. Последнее соображение предопределило непримиримую позицию Финляндии на переговорах с СССР. 4 ноября 1939 года в переговорах принял участие Сталин. Помимо вышеуказанных предложений он поставил вопрос о покупке у Финляндии ряда островов в районе Ханко. Однако в ответ на соответствующий запрос делегации из Москвы правительство Финляндии ответило отказом. Переговоры зашли в тупик.

Вскоре после сообщений о перестрелке на советско-финляндской границе в районе селения Майнила 26 ноября 1949 года правительство СССР 28 ноября денонсировало советско-финляндский договор о ненападении и отозвало своих дипломатических представителей из Финляндии. 30 ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа перешли в наступление на Карельском перешейке.

Позже, объясняя причины начала войны с Финляндией в своем выступлении 17 апреля 1940 года на совещании начальствующего состава Красной армии, Сталин заявлял: «Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было… Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30-35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское – это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти».

Если Сталин исходил из того, что страны Запада могут использовать близость Ленинграда к советско-финляндской границе для реставрации дореволюционных порядков, то начало войны было воспринято значительной частью народа Финляндии как попытка

отнять у него независимость и ликвидировать существовавший строй. Финские солдаты, опираясь на помощь местного населения, упорно сражались за каждый участок земли. Вопреки расчетам советских военачальников война приняла затяжной и кровопролитный характер.

Как считал Сталин, в результате «культа традиции и опыта гражданской войны» Красная армия оказалась неподготовленной к условиям современной войны и была недостаточно оснащена современным оружием, которое имелось у армии Финляндии. Еще до начала войны Финляндия получала существенную помощь от стран Запада. Начало же войны послужило поводом для развертывания активной кампании солидарности с Финляндией. 14 декабря Лига Наций, осудив действия СССР, приняла решение об исключении нашей страны из этой международной организации.

В ходе советско-финляндской войны проявились «двойные стандарты», по которым оценивались действия СССР и других стран мира. Как известно, западные державы не стали готовить войну против Японии после ее нападения на Китай. Италию не собирались исключать из Лиги Наций после ее нападения на Эфиопию. Хотя Германии была объявлена война после ее нападения на Польшу, Великобритания и Франция не оказали никакой военной поддержки Польше, а на западном фронте шла так называемая «странная война», в ходе которой фактически не происходило никаких военных действий. Однако после начала советско-финляндской войны все западные державы, объявившие войну Германии нейтральные западные страны и даже союзники Германии, стали оказывать Финляндии действенную помощь. Великобритания, Франция, Швеция направили в Финляндию более 500 самолетов. Вооружения в Финляндию поступали также из США, Норвегии, Италии и ряда других стран. Принимались меры по созданию экспедиционного корпуса союзников численностью свыше 100 тысяч человек для высадки на севере на помощь финнам. В Великобритании и Франции были разработаны планы бомбардировки Баку и ряда других городов на юге СССР. Угроза англо-французского нападения на СССР стала реальной.

В этих условиях Красной армии приходилось как можно быстрее завершить войну. Победа была достигнута лишь после создания существенного перевеса в живой силе и технике. Число потерь с советской стороны (131 476 погибших и пропавших без вести; от 325 до 330 тысяч раненых) существенно превышало потери финской армии (48 243 убитых и 43 тысячи раненых). Достигнутый тяжелой ценой разгром финской армии на Карельском перешейке открыл возможность для продвижения в глубь страны и быстрого вступления в Хельсинки, а также другие крупные города Финляндии. Однако Красная армия остановилась на Карельском перешейке, как только правительство Рюти запросило мира.

12 марта 1940 года был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. Последняя уступила Карельский перешеек, северо-восточный берег Ладожского озера в районе Куолоярви, часть полуострова Рыбачий и Средний и согласилась сдать в аренду остров Ханко с прилегающими островами. Так в марте 1940 года завершилось создание новой западной границы СССР, которая через 15 месяцев превратилась в линию фронта.

Несмотря на тяжелые потери советских войск в ходе «зимней войны», Сталин видел в ее исходе залог победы в неизбежной грядущей войне с сильными державами Запада. В заключении своей речи от 17 апреля 1940 года он подчеркивал: «Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей – немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию. Вся оборона Финляндии и война велись по указке, по наущению, по совету Англии и Франции, а еще раньше немцы здорово им помогали, и наполовину оборонительная линия в Финляндии по их совету построена».

В то же время война с Финляндией стала суровым уроком для Красной армии. Красная армия столкнулась с серьезными трудностями прежде всего из-за явного отставания ее вооруженности от уровня современных требований во всех родах войск – артиллерии, авиации, танковых войсках. «Современная война, – подчеркивал Сталин 17 апреля, – требует

массовой артиллерии. В современной войне – артиллерия – это бог… Если нужно в день дать 400-500 снарядов, чтобы разбить тыл противника, передовой край противника разбить, артиллерия – первое дело. Второе – авиация, массовая авиация, не сотни, а тысячи самолетов… Дальше танки, третье, тоже решающее: нужны массовые танки – не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней, – это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте… Минометы – четвертое; нет современной войны без минометов… Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, – не жалейте мин… Дальше – автоматизация ручного оружия».

Следствием уроков Советско-финляндской войны стало резкое увеличение производства вооружений и улучшения их качества. В то время как во всей промышленности производство в ходе третьей пятилетки возрастало ежегодно на 13 %, в оборонной промышленности оно увеличивалось на 39 % в год. Существенно улучшилось качество многих видов вооружений Красной армии.

И все же, несмотря на пристальное внимание руководства страны к укреплению военного потенциала, несмотря на чрезвычайно напряженный темп работы ученых и конструкторов, инженеров и рабочих оборонной промышленности, многого не удалось сделать к началу войны. Огневая мощь Красной армии была слабее, чем у германской армии. Общая насыщенность советских войск автоматическим оружием значительно уступала немецкой армии из-за отставания в производстве пистолетов-пулеметов. Большинство выпускавшихся в СССР минометов были 50-мм калибра с небольшим радиусом поражения. Танки КВ и Т-34 составляли еще меньшую часть бронетанкового вооружения страны.

Основную часть танковых частей составляли устаревшие БТ. Отсутствовали самоходно-артиллерийские установки. Артиллерийские орудия не были достаточно обеспечены механизированной тягой, что снижало их маневренность. Историк А. Орлов подчеркивает: «Красная Армия значительно уступала вермахту в подвижности, имея 272 тысяч автомобилей против 600 тысяч у немцев».

Хотя по производству самолетов СССР опережал Германию, большинство выпускавшихся самолетов было старых конструкций. Более 80 % советских самолетов уступали германским по дальности, скорости, высоте полета и бомбовой нагрузке. Не было организовано серийное производство авиационных пушек. В оснащении самолетов радиостанциями советская авиация существенно отставала от немецкой.

В отличие от водителей германских танков, приобретших опыт управления своими машинами в боевых условиях, среди советских танкистов преобладали новички, едва освоившие управление танками. Подавляющее большинство советских механиков-водителей к началу войны имели всего лишь 1,5-2-часовую практику вождения танков. Годовой налет советских летчиков составлял всего 12 часов.

Эти и другие недостатки Красной армии усугублялись тем, что период мирной передышки для СССР стал также периодом накапливания боевого опыта и наращивания военной мощи гитлеровской Германии. Германские победы привели к тому, что под властью Гитлера оказались многие европейские страны с высокоразвитой экономикой, наукой и техникой. Выплавка стали в Германии в 1939 году составляла 22,5 миллиона тонн, а в 1941 году общее производство стали в Германии и оккупированных ею странах достигло 31,8 миллиона тонн. (СССР в 1940 году выплавлял лишь 18 миллионов тонн.) По сравнению с советским производством 1939 г. Германия вместе с оккупированными странами добывала в 2,4 раза больше угля. На заводах «германского жизненного пространства» в июне 1941 года трудилось в 3 раза больше высококвалифицированных рабочих, чем в Германии в 1939 году.

Советское правительство делало все от себя зависящее для того, чтобы оттянуть неизбежную войну дипломатическими средствами. Однако состоявшиеся 12-13 ноября 1940 года в Берлине переговоры В.М. Молотова с А. Гитлером, И. Риббентропом, Г. Герингом и Р. Гессом зашли в тупик. Советской делегации не удалось получить от германской стороны ясных ответов, почему немецкие войска выдвинулись к советским границам, оказавшись в Румынии и Финляндии. Анализируя итоги переговоров в Берлине на заседании Политбюро

14 ноября 1940 года, Сталин заявил: «Позиция Гитлера во время переговоров, в частности, его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии – все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления "глобальных интересов" Советского Союза, на деле ведется подготовка к нападению на нашу страну».

Советское правительство старалось ослабить создаваемый Германией блок государств, направленный против СССР. Военный переворот 27 марта 1941 года в Югославии привел к свержению в Белграде правительства Д. Цветковича, присоединившегося к Берлинскому пакту Германии, Японии и Италии 1940 года. На трон был возведен король Петр II, а новое правительство Д. Симовича обратилось 30 марта к Советскому Союзу с предложением заключить военно-политический союз «на любых условиях, которые предложит Советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны быть произведены во всех странах». 3 апреля правительство Симовича выразило готовность «немедленно принять на свою территорию любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию». 6 апреля 1941 года в 3 часа ночи в Кремле был подписан договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией. Однако через 2 часа после этого события Югославия подверглась нападению германских войск, которые в течение 11 дней разгромили югославскую армию, и страна капитулировала.

С целью ослабить военно-политическое окружение СССР Германией и ее союзниками были начаты переговоры с Японией, в которых участвовал И.В. Сталин. Эти переговоры увенчались подписанием 13 апреля 1941 года советско-японского пакта о нейтралитете и декларации о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Оценивая значение этих соглашений, Молотов утверждал, что подписание договора с СССР было для Японии в известной степени местью за пакт Молотова – Риббентропа, который был подписан в решающие дни боев на Халхин-Голе.

Договор с Японией существенно снижал возможность совместного выступления Германии и Японии против СССР. Военный атташе СССР в Германии В. Тупиков 25 апреля 1941 года сообщал, что, по мнению его информатора, угроза столкновения между СССР и Германией была снята, а «заключением пакта с Японией СССР вновь стабилизировал свои отношения с Германией». Кроме того, источник, ссылаясь на мнение Г. Геринга, говорил о важности хозяйственных отношений между СССР и Германией.

Однако через пару недель, 10 мая 1941 года, в Шотландии приземлился с парашютом Рудольф Гесс, который занимал третье место в государственно-партийной иерархии Третьего рейха. Правду о миссии Гесса Советское руководство узнало лишь в октябре 1942 года, когда в Москву поступили сведения советской разведки из Англии: «Широко распространенное мнение о том, что Гесс прилетел в Британию неожиданно – ложное». В донесении говорилось, что еще до своего прибытия в Шотландию, в своих письмах, направленных в Британию своим друзьям из высших кругов этой страны, «Гесс достаточно подробно изложил планы германского правительства относительно нападения на Советский Союз. В этих письмах также содержались предложения о необходимости прекращения войны между Британией и Германией».

Это сообщение Сталин мог сопоставить с письмом Черчилля, полученным от него в апреле 1941 года. В письме говорилось: «У меня есть надежная информация от доверенного лица о том, что, когда немцы считали, что они сумели вовлечь Югославию в свою сеть – то есть после 20 марта, – они начали выдвижение трех из пяти танковых дивизий из Румынии в Южную Польшу. Однако, как только они узнали о революции в Сербии, они прекратили это передвижение. Вы сумеете оценить значимость этих фактов». Впоследствии Н.С. Хрущев обвинял Сталина в том, что он не обратил внимания на это письмо. Однако известно, что, когда посол Англии в Москве Криппс получил 3 апреля от Черчилля это письмо для передачи Сталину, он в течение 16 дней отказывался выполнить поручение премьера, считая,

что послание «столь коротко и отрывочно», что лишь вызовет у русских недоумение. Лишь под давлением Черчилля Криппс выполнил это поручение. Реакция Сталина была точно предсказана Криппсом: «короткое и отрывочное» письмо Черчилля не произвело на советского руководителя серьезного впечатления. Лишь после получения донесения из Лондона в октябре 1942 года Сталин узнал, что Черчилль знал гораздо больше о планах Германии. Направив же письмо Сталину, Черчилль, с одной стороны, доказывал свою готовность сотрудничать с СССР в неминуемой войне против Германии, а, с другой стороны, стремился ускорить советско-германское столкновение. В то же время он ничего не сообщал такого, что помогло бы СССР встретить врага во всеоружии в нужном месте и в нужное время.

Очевидно, что Черчилль упорно пытался реализовать свой план, рожденный в ноябре 1918 года: «покорить Россию с помощью Германии», «пригласить Германию помочь нам в освобождении России», «мир с германским народом, война против большевиков». Как справедливо признает американский журналист Луи Килцер в своей книге «Обман Черчилля. Темный секрет, который уничтожил нацистскую Германию», Черчилль делал все от себя зависящее, чтобы помешать открытию "второго фронта" в 1941,1942,1943 годах и пытался отсрочить его открытие и в 1944 году. Килцер совершенно прав, когда обращает внимание на те усилия, которые были предприняты Черчиллем для того, чтобы ограничить поставки военной помощи СССР.

Хотя до сих пор документы о беседах Гесса в мае 1941 года в Англии скрыты грифом секретности, последующие события убеждают в том, что фактически сделка между Лондоном и Берлином состоялась. Ни десанта Германии на Британские острова, ни ее рывка к Суэцкому каналу и нефтяным промыслам Ирака, которые ожидались летом 1941 года, не произошло. Зато Гитлер смог воевать против СССР в течение трех лет, не опасаясь открытия "второго фронта".

И хотя Сталину в мае 1941 года ничего не было известно о секретных англо-германских переговорах, нет сомнений в том, что прилет Гесса в Шотландию сильно встревожил советское руководство. С одной стороны, советское правительство с еще большей энергией стремилось предотвратить конфликт с Германией (или, того хуже, войны против объединенного германо-британского блока), а, с другой стороны, еще активнее готовилось к вероятному нападению Германии на СССР после заключения ею сделки с Великобританией.

Еще до полета Гесса было ясно, что Сталин видел в Германии наиболее вероятного грядущего противника. Об этом свидетельствовало его выступление 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий, которое не было опубликовано. Сталин говорил: «У нас с Германией не сложились дружеские отношения. Война с Германией неизбежна… Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоеванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина. Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне». На другой день Сталин стал председателем Совета народных комиссаров СССР.

Несмотря на ясное понимание неизбежности войны с Германией, советское правительство предпринимало усилия для ее предотвращения. В пользу того, что Германия не нападет на СССР, говорило то, что уже прошли назначенные сроки намеченного нападения. К тому же, как это было перед захватом Чехословакии и Польши, развязыванию германской агрессии обычно предшествовало предъявление германским правительством различных претензий к жертве агрессии. На сей раз германское правительство воздерживалось от таких заявлений. Советское же правительство стремилось не давать никакого повода Гитлеру для обвинений в подготовке нападения на Германию.

Глава 20

Нашествие с Запада, несшее смерть и порабощение

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года было совершено вероломно и до официального объявления войны. На стороне Германии вскоре выступили Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия (под предлогом защиты которой еще год назад Великобритания, Франция и другие страны Запада собирались напасть на СССР), а также профашистские режимы оккупированных Хорватии и Словакии. На помощь Гитлеру на советско-германский фронт были направлены многочисленные добровольческие формирования из Испании, Голландии, Норвегии, Швеции, Дании и других стран Западной Европы. В поддержку нападения Гитлера на СССР выступали и многочисленные профашистские организации стран Латинской Америки и США. Как отмечал историк Р. Шервуд, «немедленной реакцией изоляционистов (противников участия США в войне против Германии. – *Примеч. авт.)*» на известие о нападении Германии на СССР «было ликование. Теперь изоляционисты получили возможность пропагандировать первоначальную установку нацистской партии, а именно что Гитлер – единственный оплот против большевизма».

Другие считали, что война между СССР и Германией лишь обескровит эти страны, а поэтому следует держать нейтралитет. Сенатор от демократической партии Гарри С. Трумэн, который в 1945 году стал президентом США, 23 июня 1941 года заявил:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

На стороне СССР в его войне с Германией с самого начала решительно выступили коммунисты всего мира. Эти выступления органично следовали из антифашистской борьбы международного коммунистического движения. Сопротивление правящим фашистским режимам оказывали коммунисты Германии, Италии, Румынии и других стран – союзников Гитлера. С начала оккупации своих стран коммунисты Франции, Греции, Югославии призывали к общенациональному отпору оккупантам. 11 мая 1941 года ЦК компартии Франции выступил с призывом к созданию Национального фронта борьбы за независимость Франции.

22 июня 1941 года Коминтерн направил письмо компартиям всего мира, в котором говорилось: «Вероломное нападение Германии на СССР является не только ударом против первой страны социализма, но и ударом против свободы и независимости всех народов мира. Поэтому защита советского народа является в то же время защитой порабощенных гитлеровцами народов, а также защитой всех других народов, которым угрожает фашизм».

Руководитель компартии Франции Морис Торез писал: «Гитлеровская агрессия против Советского Союза дала сильный толчок нашему движению Сопротивления, особенно организации вооруженной борьбы». 12 июля 1941 года И.Б. Тито опубликовал воззвание к народам Югославии, в котором говорилось: «В бой! В бой против фашистской банды, стремящейся истребить не только лучших народных бойцов, но и славян на Балканах, вознамерившейся поработить весь мир… В бой, ибо это наш долг перед советскими народами, борющимися и за нашу свободу». В 1941-1942 годах под руководством коммунистов были созданы народно-освободительные армии в Югославии и Греции. Вооруженные организации Сопротивления, в которых коммунисты часто играли ведущую роль, были созданы в Албании, Польше, Франции. Партизанские отряды появились в Бельгии, Дании и других странах.

В поддержку СССР выступили не только коммунисты, но и все последовательные противники фашизма. Национальная конференция цеховых старост Англии направила «братское приветствие народу Советского Союза». В нем говорилось: «Мы не только восхищаемся вашим великим героизмом, но и обязуемся впредь напрягать свои усилия, чтобы увеличить производство, и принимать меры, которые обеспечат нашу совместную победу над фашизмом». 29 июня 1941 года настоятель Кентерберийского собора Хьюлет Джонсон заявил: «Защищая Москву, Россия защищает Лондон».

Конференция трудящихся Латинской Америки направила письмо, в котором говорилось: «Конференция от имени организованных рабочих Латинской Америки направляет горячее приветствие армиям, правительствам и партиям Англии, Советского Союза и Китая и предлагает им свою решительную помощь для достижения победы в войне против наци – фашизма».

Обращаясь к советскому правительству, руководитель Свободных французов генерал Шарль де Голль писал: «От имени свободных французов я обязуюсь бороться на стороне СССР и его союзников до достижения окончательной победы над общим врагом».

Сторону СССР принимали все наиболее трезвые политики различных стран, отдававшие себе отчет в том, какую угрозу несет их странам агрессия Германии и ее союзников. Американский сенатор от Демократической партии К. Пеппер заявил 22 июня: «Президент должен завтра же объявить, что на СССР будет распространен закон о передаче в аренду или взаймы вооружения. Мы должны уничтожить Гитлера, или он уничтожит нас». Член сенатской комиссии по иностранным делам США Грин призывал «помочь Советскому Союзу в борьбе с Гитлером всем, чем только мы можем».

Эти же соображения разделяли и руководители Великобритании и США. Вступив в сделку с Гессом, Черчилль отдавал себе отчет в том, что Гитлер лишь временно прекратил экспансию против Англии и Британской империи, а его главной целью остается мировая гегемония Германии. В своем выступлении по радио 22 июня 1941 года британский премьер-министр объявил о намерении правительства Его Величества предложить помощь СССР в совместной борьбе против гитлеровской Германии. Он говорил: «Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я за последние двадцать пять лет. Я не откажусь ни от одного слова из сказанного мною о нем. Однако все это отходит на задний план перед развертывающейся сейчас драмой». Черчилль исходил из того, что германское «вторжение в Россию является не более чем прелюдией перед вторжением на Британские острова» и объявлял: «Угроза, нависшая над Россией, является угрозой и для нас, и для Соединенных Штатов».

Говоря о Гитлере, Черчилль заявил, что «этот кровожадный изверг» напал на русских крестьян, рабочих и солдат, что он «хочет украсть их хлеб насущный; он хочет уничтожить их посевы, он хочет захватить у них нефть, двигающую их плуги, и таким образом вызвать голод, беспримерный в истории человечества. И даже то кровопролитие и то разорение, которые его победа принесет русскому народу, в случае если он ее одержит… будет лишь ступенью к попытке низринуть 400 или 500 миллионов людей, живущих в Китае, и 350 миллионов людей, живущих в Индии, в бездонную пропасть варварства, над которой развевается дьявольская эмблема свастики. Сегодня, в этот летний вечер, не будет преувеличением сказать, что теперь грубое насилие нацистов угрожает жизни и счастью еще одного миллиарда людей».

Черчилль верно определил цели Гитлера. В эти дни фюрер говорил своему министру Шпееру: «Скоро будет открыт путь на равнины, раскинувшиеся к югу от Кавказа. Там наши армии отдохнут, и мы оборудуем там базы. Тогда через год-два мы начнем наступление на подбрюшье Британской империи. Небольшими силами мы освободим Персию и Ирак. Индусы будут с восторгом приветствовать наши дивизии!»

Хотя США еще не вступили в мировую войну в июне 1941 года, правительство этой страны также объявило о своей готовности помогать СССР. В меморандуме для внутреннего пользования правительства США отмечалось: «Мы противники догмы коммунистов и нацистской догмы». В то же время подчеркивалось:

«За 27 лет с тех пор, как Россия стала коммунистической, Советы никогда не угрожали серьезно нашим национальным интересам и нашему укладу жизни. Однако за два года безумного похода Гитлера, предпринятого им с целью порабощения всего мира, возникла серьезная угроза самому нашему существованию как свободного народа… Мы не за коммунизм, но мы против всего, за что выступает Гитлер. Он и его безбожные нацисты – главная угроза миру, справедливости и безопасности… В этот момент, как и всегда, мы

должны помнить, что наша главная сила в единстве, а величайшая опасность – в разногласиях».

Оценивая возможности Советского Союза вскоре после 22 июня, американские военные заявили Гарри Гопкинсу, главному советнику Ф.Д. Рузвельта: «Первый этап, включая оккупацию Украины и Москвы, потребует самое меньшее три, а самое большее шесть недель или *более*». Английские же власти в это время дали такой прогноз: «Попытку вторжения в Соединенное Королевство можно считать отсроченной, так как значительная часть германской авиации и большое число важнейших соединений германской армии заняты на Востоке. Однако следует подчеркнуть самым решительным образом, что эта отсрочка лишь временная. Если германская кампания в России будет молниеносной, скажем, продлится три-четыре недели, перегруппировка германских соединений на Западе, вероятно, займет от четырех до шести недель после завершения кампании в России. Если бы кампания длилась дольше, перегруппировка могла бы занять от шести до восьми недель».

Примерно так же оценивали сроки своей победы над Красной армией и в гитлеровском руководстве. По свидетельству министра иностранных дел Италии Чиано, Риббентроп считал, что «сталинская Россия исчезнет с карты мира через восемь недель». 29 июня 1941 года Гитлер заявил: «Через четыре недели мы будем в Москве, и она будет перепахана». Гиммлер считал, что Москва будет взята 4 августа, начальник генерального штаба Германии Гальдер писал о вероятности взятия Москвы 25 августа. Позже Гитлер говорил Шуленбургу, что Москва будет взята 15 августа, а вся война на Востоке закончится 1 октября. Первые победы убеждали немцев в исполнимости их планов.

Свое первое обращение к народу по радио после начала войны 3 июля И.В. Сталин открыл словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается… Над нашей Родиной нависла серьезная опасность». Сталин предупреждал: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдован, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечивание, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение».

Еще до своего вторжения в СССР руководители гитлеровской Германии не скрывали свое стремление захватить мир и переделать его на основе своих расистских теорий. Выступая в январе 1937 года, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в своем программном заявлении говорил: «Мы более ценны, чем другие, которые превосходят нас численно. Мы более ценны, потому что наша кровь позволяет нам создавать больше, чем остальным… Давайте раз и навсегда уясним себе, что следующие десятилетия будут означать борьбу, ведущую к уничтожению во всем мире тех недочеловеков, которые противостоят немцам – главному народу арийской расы, единственному носителю мировой культуры».

Массовое выселение сотен тысяч евреев из Германии и Австрии, а также более миллиона поляков и евреев из областей Польши, захваченных Германией, заключение многих из них в лагеря смерти показали, как будет осуществляться «уничтожение недочеловеков». Так поступали фашисты и милитаристы в это время повсеместно. Японская военщина истребляла миллионы китайцев. Только в Нанкине за несколько дней было вырезано свыше 300 тысяч китайского населения. В это же время итальянские фашисты беспощадно истребляли население Эфиопии с помощью применения химических средств ведения войны.

В 1940 году глава «Трудового фронта» Германии Роберт Лей заявлял: «Низшая раса нуждается в меньшем пространстве, меньшем количестве одежды и в меньшем количестве

продовольствия», чем германская раса. Бразильский ученый Жозуэ де Кастро в своей книге «География голода» пояснял это высказывание Лея: «Наряду с расовой дискриминацией Германия установила продовольственную дискриминацию, разделив население Европы на категории хорошо питающихся, плохо питающихся, голодающих и умирающих от голода. Немцы были фактически единственной группой людей, относившихся к категории хорошо питающихся; благополучие всех остальных народов было принесено в жертву ради хорошего питания господствующей расы. Население союзных с Германией стран, участвовавших в решении ее жизненных или военных задач, получало такое количество продовольствия, которое позволяло ему до некоторой степени сохранять трудоспособность. Вражеские страны обрекались на режим жесточайшего голода с тем, чтобы подавить у них всякую волю к сопротивлению; а что касается некоторых расовых групп, как, например, евреев, то они попросту были обречены на голодную смерть».

Сразу же после оккупации Польши в 1939 года из нее стали вывозить в огромных количествах продукты питания в Германию. Только из присоединенных к Германии областей Польши было вывезено 480 тысяч тонн пшеницы, 150 тысяч тонн ржи, 150 тысяч тонн ячменя, 80 тысяч тонн овса, 700 тысяч тонн свиней. Дневной рацион питания в Польше снизился до 700-800 калорий в день и, как писала Мария Бабичка в своем докладе «Текущая ситуация с питанием в Польше», поляки дошли до того, что «ели собак, кошек и крыс и варили похлебку из кожи павших животных и древесной коры».

Комиссия ученых, посетившая Польшу вскоре после войны по поручению Организации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства при ООН, обнаружила, что рост польских детей был на 3-6 % меньше роста детей того же возраста до 1930 года, а вес – ниже на 10-14 %. Голодание поляков в период оккупации проявлялось также в остром малокровии, распространении заболеваний щитовидной железы и широком распространении рахита. К концу войны рахит в более или менее острой форме наблюдался у 70 % всех мальчиков и 58 % девочек. Жозуэ де Кастро писал: «Одним из самых серьезных последствий острого недоедания было снижение сопротивляемости организма всякого рода инфекционным заболеваниям. Туберкулез, подобно одному из всадников Апокалипсиса, стал уничтожать население страны. По окончании войны было обнаружено, что 80 % польских детей болели туберкулезом в скрытой форме, а 15 тысяч детей болели туберкулезом в открытой форме и являлись носителями бацилл Коха».

«В апреле 1940 года, – писал Ж. де Кастро, – наступила очередь Норвегии. До войны уровень питания ее населения был одним из самых высоких в Европе». Однако после вторжения немцев ситуация изменилась.

В своем докладе «Положение с продовольствием в Норвегии» Эльза Маргрете Руд писала: «Они напали на нас, как саранча, пожирая все на своем пути. Нам пришлось не только кормить в Норвегии 300 или 400 тысяч прожорливых немцев; германские суда, доставившие их к нам, отплыли обратно, нагрузившись норвежским продовольствием и другими товарами… С тех пор с рынка постепенно исчезал один продукт за другим; сначала яйца, затем мясо, пшеничная мука, кофе, сливки, масло, молоко, шоколад, чай, рыбные консервы, фрукты и овощи и, наконец, сыр и свежая рыба – всё ушло в немецкую глотку».

«Подобная участь, – замечал Ж. де Кастро, – постигла Голландию…. Только за первую неделю оккупации немцы конфисковали в Голландии около 8 миллионов килограммов масла – 90 % всего запаса масла в стране. В течение первых двух лет войны Голландия потеряла одну четверть поголовья скота, а значительная часть пастбищ была использована под посевы масличных культур. За это же время количество свиней сократилось с 1,8 миллиона до 490 тысяч, а домашней птицы – с 33 миллионов до 3 миллионов». В результате разграбления страны в 1943 году дневной рацион питания среднего голландца сократился до 1200 калорий, а зимой 1944-1945 годов упал до 800 калорий. Общее потребление белков составляло от 10 до 15 граммов в день, а дневное потребление жиров – до 2,5 грамма в день».

Оценивая рацион питания голландцев во времена немецкой оккупации, Ж. де Кастро писал: «Это был жестокий голод со всеми его последствиями – отеками всего тела, крайней

слабостью и голодными поносами. Из типичных авитаминозных заболеваний самыми распространенными были болезни, вызываемые недостатком витамина А; кроме того, часто встречалось размягчение костей и острое малокровие… Изуродованные отеками лица служили свидетельством тяжелого голода. В результате уровень смертности, поднявшийся в первый год войны до 9, а во второй – до 17 на тысячу, достиг затем потрясающих размеров». В своей книге «Голодная зима в Амстердаме» Макс Норд писал, что умирало столько людей, что «не хватало гробов, и покойников складывали длинными рядами в церквах».

Ж. де Кастро замечал: «Миллионы людей в других странах переживали такие же муки голода, как голландцы. Более или менее острый голод свирепствовал в Бельгии, Норвегии, Дании, Италии, Греции и в других оккупированных странах, и везде он неумолимо уносил множество человеческих жертв». Ж. де Кастро писал: «Нацисты пользовались голодом как одним из средств истребления еврейского населения… Голод уничтожал в десятки раз больше людей, чем газовые камеры и расстрелы. Массовое уничтожение евреев во время последней войны осуществлялось преимущественно страшным оружием голода и сопутствующих ему бедствий и эпидемий… В Варшавском гетто в 1941 году погибло около 50 тысяч евреев. В Чехословакии в том же году погибло 14 % всего еврейского населения». В настоящее время считается, что уничтожение гитлеровцами 6 миллионов евреев, привело к сокращению численности еврейского населения Европы в 2 раза. Столь же планомерно и жестоко происходило и уничтожение цыганского населения.

«Новый порядок», который нацисты установили в оккупированных странах Западной Европы, представлял собой, по словам Ж. де Кастро, «один огромный и мрачный застенок. И действительно, продовольственные пайки гражданского населения мало чем отличались от пайков заключенных в лагерях смерти в Берген-Бельзене или Бухенвальде. Дневной паек не содержал и 1000 калорий и состоял почти исключительно из гнилого картофеля и недоброкачественного хлеба».

И все же, как ни жесток был «новый порядок», установленный гитлеровцами в Западной Европе, они, вступая на советскую землю, собирались грабить ее еще сильнее, чем страны Западной Европы, и еще более жестоко проводить политику геноцида. Это вытекало из сути плана «Барбаросса», определявшем ход военных действий против СССР и принятом еще в декабре 1940 года. Делясь своими планами в отношении СССР, Гитлер говорил своему наместнику в Голландии Зейсс-Инкварту: «Это безобразие, что на востоке Европейского континента существует столь малонаселенное государство с такими неисчерпаемыми запасами сырья». Теперь, говорил Гитлер, все будет иначе: «Если мы захватим и удержим жизненно важную европейскую часть Советского Союза, война восточнее Урала спокойно может длиться еще 100 лет». При оккупации, заявлял Гитлер, «130 миллионов населения превратятся в колониальный придаток Европы». Представитель Риббентропа в ставке Гитлера записал в своем дневнике высказывания фюрера: «Россия как немецкая колония… Славяне не могут сами организовать, они подлежат организации… Почему мы начали войну без инсценированного инцидента и без объявления? История нас не спросит, каков был наш повод. Перед историей я предстану как человек, уничтоживший большевизм, будь то без повода или с ним. Ценится лишь успех. Если я проиграю, мне не отговориться формальными поводами». Так расизм и антикоммунизм, русофобия и антисоветизм еще раз органично соединились в рассуждениях Гитлера для оправдания своей агрессии против СССР.

В своем дневнике начальник генерального штаба Германии Гальдер записал основные положения Гитлера из его выступления 30 марта 1941 года, когда он объяснял задачи будущей войны против СССР: «Наши задачи в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать… Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это все равно что антиобщественное преступление. Коммунизм – чудовищная опасность для будущего… Коммунисты и люди из ГПУ – это преступники, так с ними и следует обращаться. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жестокость – это благо для будущего». Позже, в ноябре 1941 года, командующий 3-й танковой группой Гот издал приказ, превративший слова Гитлера в директивы своим

солдатам для их неукоснительного исполнения: «Восточный поход должен быть доведен до конца по-иному, чем во Франции… Здесь идет непримиримая борьба двух мировоззрений… Эта борьба может окончиться уничтожением одного из них. Компромисса быть не может… Наше господство будет выражаться в уничтожении большевизма… Не проявляйте жалости и мягкотелости к гражданскому населению… Солдаты должны понимать необходимость жестоких мер по отношению к элементам, враждебным нашему народу и расе».

Уже 3 марта 1941 года Гитлер поставил задание истреблять «еврейско-большевистскую интеллигенцию» по возможности уже в районе операций. Историк И. Фест замечал: «Эти спецкоманды и придали войне с самого начала беспримерный, не имеющий аналогов характер, и если в стратегическом плане эта кампания и была тесно связана с войной в целом, то по своей сути и морали… она не соответствовала понятию "нормальной европейской войны", правилами которой определялось до сих пор все противоборство, хотя уже в Польше проявились признаки новой, более радикальной практики».

6 июня 1941 года Гитлер подписал так называемый «приказ о комиссарах», который предусматривал, что все политкомиссары Красной армии, поскольку они являются «зачинщиками по-варварски азиатских методов борьбы, в случае их захвата на поле боя или сопротивлении немедленно и безоговорочно уничтожаются с помощью оружия». И. Фест указывает, что были подготовлены и «руководящие указания ОКВ, доведенные до сведения более чем трех миллионов солдат восточной армии непосредственно перед началом нападения». Эти указания требовали принятия «беспощадных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного искоренения любого активного и пассивного сопротивления».

Вскоре эти указания с немецкой дотошностью стали воплощаться в жизнь. Комиссары, коммунисты, евреи уничтожались на месте сразу после захвата пленных, остальные красноармейцы почти поголовно были обречены на голодную смерть. Мирное население истреблялось в ходе «спецопераций» или вследствие массового голодания, вызванного вывозом продовольствия в Германию. Никогда за всю историю нашей страны угроза физического уничтожения не была столь реальной.

Истреблению подвергались многие советские люди, в том числе слабые и беззащитные. Историк Н.И. Кондакова писала: «Гитлеровские солдаты и офицеры, хваставшиеся своей цивилизованностью, целенаправленно истребляли мирных жителей многих государств, а советского – прежде всего. Женщин, как правило, физически не способных эффективно сопротивляться, в отличие от мужчин, не просто убивали в боях, а преднамеренно садистски истребляли (мучили, насиловали, на их глазах пронзали штыками их детей, сжигали, вешали). Агрессия сопровождалась миллионами насильственных (как правило) действий солдат вермахта по отношению к женщинам и девочкам-подросткам на оккупированной советской территории… Массовое истребление противником женщин и детей, издевательства над ними в большинстве случаев оставались безнаказанными и имели чудовищные социальные последствия: инвалидизация женщин, лавина венерических и психических заболеваний, травм, потеря детородной способности, проституция, распад тысяч семей, нравственная деградация масс, беспредельные нарушения гражданских прав».

Что такое «новый порядок», который гитлеровская Германия намеревалась насадить на советской земле, стало ясно советским людям, оказавшимся в плену или на оккупированной территории. Оказавшийся среди пленных советский поэт Евгений Долматовский вспоминал: «В историю фашистского палачества, в черную книгу мук и страданий нашего народа вписан концлагерь на украинской земле – Уманская яма… Фабрика смерти начала работать в первых числах августа 1941 года. Пленники под открытым небом на голой земле». Долматовский привел показания на Нюрнбергском процессе командира роты охранного батальона этого лагеря, в которых он признавал: «Кухни при круглосуточной работе могли приготовить пищи примерно на 2 тысячи человек… А в лагере было более 70 тысяч… Обычное питание военнопленных было совершенно недостаточное. Дневная норма составляла один хлеб на 6 человек, который, однако, нельзя было назвать хлебом…

Ежедневно в лагере умирало 60-70 человек».

В 1942 году генерал-лейтенант Китцингер докладывал Гитлеру, что только на Украине умирает 4300 пленных в день. В письме Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 года, приведенном на Нюрнбергском процессе, говорилось, что большая часть советских военнопленных «умерла от голода или погибла от суровых климатических условий. Тысячи также умерли от сыпного тифа. Начальники лагерей запретили гражданскому населению передавать заключенным пищу, они предпочитают обрекать их на голодную смерть. Во многих случаях, когда военнопленные не могли больше идти от голода и истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, а тела их не убирали. Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища, они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов для того, чтобы вырыть ямы или пещеры». Перечисляя эти факты, Розенберг не вспоминал о том, что за два дня до нападения на СССР он заявил: «Мы не берем на себя никакого обязательства по поводу того, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия». Миллионы советских военнопленных и гражданских лиц были заморены голодом или убиты охранниками в Уманской яме и многих подобных лагерях.

В первые же дни после оккупации Каунаса немцы вместе с литовскими коллаборационистами стали сгонять советских военнопленных и мирных жителей в городской форт № 9. В материалах Нюрнбергского процесса говорилось: «Все, кто попадал в форт № 9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание… Гитлеровцы уничтожили в форте № 9 более 70 тысяч мирных жителей».

Еврейские погромы и облавы на сторонников советской власти стали проводиться с первых же дней оккупации трех прибалтийских республик. Вскоре Прибалтика покрылась сетью тюрем, концентрационных лагерей, а многие леса стали местами массовых расстрелов. За время оккупации на территории Эстонии было убито более 61 тысячи мирных жителей (многие были вывезены из других областей СССР и других стран Западной Европы) и 64 тысячи советских военнопленных. В Латвии было уничтожено 600 тысяч мирных жителей и советских военнопленных, в том числе более 100 тысяч граждан Латвии. В Литве было уничтожено около 700 тысяч человек, в том числе 229 тысяч советских военнопленных, около 370 тысяч жителей Литвы и около 100 тысяч людей, вывезенных из других республик СССР и других оккупированных государств Европы. Республики, общее население которых составляло 5,7 миллиона человек, стали местом уничтожения 1425 тысяч человек. Во всех прибалтийских республиках из общего числа 250 тысяч евреев уцелело лишь 10 тысяч.

Главным методом уничтожения людей в лагерях служил голод. Но голодом морили и тех, кто оставался вне тюрем и лагерей. Как и везде в оккупированной Европе, гитлеровцы посадили большую часть населения Прибалтики на голодный паек. Продукты, выдаваемые по карточками, лишь на одну треть удовлетворяли потребность людей в пище. Эстонскому рабочему, например, полагалось ежедневно 243 грамма хлеба, 19 граммов жиров, 5 граммов сахара, 100 граммов соленой рыбы. Часто сахар и жиры заменялись эрзацами.

Хозяйство Прибалтики подверглось чудовищному разграблению. Уже в 1941 году гитлеровцы забрали у эстонского крестьянства около 2/3 валового сбора ржи. В 1944 году оккупанты планировали изъять у эстонских крестьян 366 тысяч свиней, хотя все поголовье к этому времени составляло около 250 тысяч. В Германию вывозились также сельскохозяйственная техника и промышленное оборудование.

Из Прибалтики на принудительные работы в Германию было направлено 126 тысяч рабочих. Мисиунас и Таагепера писали: «Из документов германских архивов следует, что стратегическая цель нацистского руководства состояла в том, чтобы присоединить балтийский регион к рейху, изгнать две трети его населения и постепенно перемешать остаток с германскими иммигрантами… Любимый вариант 1941 года министра по восточным территориям Альфреда Розенберга сводился к тому, чтобы увеличить территории Прибалтийских республик в два раза за счет России и Белоруссии, а затем депортировать

большинство прибалтов во вновь присоединенные районы… Генеральный план «Ост» Г. Гиммлера предусматривал депортацию почти 50 % эстонцев, всех латгальцев, более 50 % латышей, 85 % литовцев. Оставшаяся часть оценивались в 1942 году Антропологической комиссией рейха расово нордической (а поэтому достойной германизации)». Выселяемые эстонцы, например, должны были быть расселены на побережье Белого моря от устья Онеги до устья Северной Двины.

Но еще до реализации этих планов оккупанты объявили о превращении Эстонии, Латвии и Литвы в «генеральные округа рейхскомиссариата Остланд». Официальным языком делопроизводства во всех учреждениях стал немецкий. От служащих требовали, чтобы они говорили только по-немецки.

Несмотря на те лишения и страдания, которым были подвергнуты народы Прибалтики, местные фашисты активно сотрудничали с ними. Они были участниками карательных операций против местного населения, а также жителей Белоруссии и России. Их жертвами стали сотни тысяч человек. Стараясь попасть в число тех, кого признают «арийцами», они постоянно вели пропаганду, главным мотивом которой было выражение благодарности гитлеровской Германии за «освобождение» от советской власти.

Еще с большим размахом осуществлялся геноцид в отношении славянских народов Украины, Белоруссии и России. В официальном германском документе от 2 декабря 1941 года говорилось: «Изъятие из Украины сельскохозяйственных излишков в целях снабжения рейха… мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет доведено до минимума. Это будет достигнуто следующими мерами: 1) уничтожение лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия); 2) путем сокращения продовольственной нормы украинцев – жителей городов; 3) уменьшением продовольственного потребления крестьянского населения».

За три года оккупации Украины 40 процентов национального богатства республики было уничтожено, 5,3 миллиона мирных жителей Украины были убиты (один из шести), 2,3 миллиона человек были вывезены на работу в Германию.

Оккупанты планировали уничтожить и депортировать из Белоруссии 75 % ее населения. За три года оккупации они успели уничтожить в Белоруссии свыше 2 миллионов человек – примерно четвертую часть населения республики. Свыше 380 тысяч жителей угнали на каторжные работы в Германию. В сельской местности захватчики уничтожили и угнали 70 % поголовья крупного рогатого скота, сожгли 1200 тысяч построек. Многие деревни и села сжигались дотла вместе с их обитателями.

В 19 областях и автономных республиках РСФСР, полностью или частично подвергнувшихся оккупации, было уничтожено более 1,8 миллиона человек. Более 2,4 миллиона человек были угнаны в Германию. Особенно тяжелы были демографические потери в Великолукской, Калининской, Ленинградской, Псковской, Смоленской областях и Крыму, где оккупация длилась 2-3 года. Население колхозов в областях РСФСР, подвергшихся оккупации, сократилось на треть, а городское население в 2,5 раза. Определяя правила содержания советских людей, пригнанных на каторжные работы в Германию, Геринг 7 ноября 1941 года приказывал: «При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».

Сообщая эти сведения, историк Н.И. Кондакова добавляла: «Все граждане, угнанные на каторгу, носили номера и куски материи на груди с надписью «OST», продавались землевладельцам за несколько немецких марок. Члены семей разлучались, теряя друг друга, оставляя сиротами детей. От непосильного труда, постоянного голода, жестоких пыток и издевательств в гитлеровских лагерях смерти, на каторге погибли тысячи наших сограждан. А те, кто возвратились на Родину, как правило, были больны, измучены физически и психически. Таким образом, гитлеровцы, кичившиеся своей культурой, в годы Второй

мировой войны фактически возродили рабовладельческие порядки, существовавшие в Европе много веков назад».

Приближаясь к Москве и Ленинграду, захватчики разрабатывали планы полного уничтожения этих величайших городов России. В беседе Гитлера с фельдмаршалом Боком фюрер, как писал свидетель этой беседы Шлабрендорф, «обсудил свой план захвата Москвы… Будут приняты меры для того, чтобы затопить Москву и ее окрестности… Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа». В ночь с 5 на 6 июля Гитлер говорил своим приближенным: «Москва, как центр доктрины, должна исчезнуть с лица земли». Для этого Гитлер собирался сначала подвергнуть Москву блокаде.

Так же собирался поступить Гитлер и с Ленинградом. Геббельс записал в своем дневнике 16 августа 1941 года, что план Гитлера «состоит в том, чтобы с помощью артиллерии и воздушного флота не допустить снабжения окруженного Петербурга… Можно предвидеть, что там среди миллионного населения возникнет хаос». Своим генералам Гитлер говорил 25 сентября 1941 года: «Наверное, многие, хватаясь за голову, пытаются ответить на вопрос: "Как может фюрер разрушать такой город, как Санкт-Петербург?" Когда я ощущаю, что наша раса в опасности, чувства у меня уступают самому холодному расчету».

Гитлеровский план в отношении Ленинграда стал реализовываться после того, как германские и финские войска окружили в начале сентября 1941 года город на Неве и установили вокруг него блокаду. К 12 сентября 1941 года в Ленинграде оставалось для пропитания его жителей зерна и муки на 35 суток, крупы и макарон на 30 суток, мяса на 33 суток, жиров на 45 суток, сахара на 60 суток. Поэтому с первых же дней блокады началось снижение норм продуктов, отпускаемых по карточкам. Первое снижение продовольственных норм ленинградцев было осуществлено 2 сентября, второе – 10 сентября, третье – 1 октября, четвертое – 13 ноября, пятое – 20 ноября. Верт отмечал: «Уже после четвертого снижения люди начали умирать от голода. Помимо нехватки продовольствия, в Ленинграде также катастрофически не хватало топлива. К концу сентября все запасы нефти и угля фактически кончились. Оставалось только рубить лес, какой еще сохранился на блокированной территории».

С первых же дней блокады были предприняты попытки обеспечить снабжение Ленинграда водным путем через Ладогу. Однако немцы постоянно бомбили баржи и другие суда, передвигавшиеся к Ленинграду и из него. Вместе с ними погибли многие женщины и дети, которых эвакуировали водным путем из города.

Аналогичным образом гитлеровцы собирались поступать и с многими другими русскими городами. 17 октября 1941 года Гитлер заявлял в своей ставке: «В русских городах мы селиться не будем. Пусть они разрушаются без нашего вмешательства. У нас нет ни малейших обязательств по отношению к этим людям. Слово «свобода» для них означает право мыться по праздникам. Наша задача одна: германизировать эту страну путем ввоза туда немцев, на коренное население надо смотреть, как на краснокожих». Получив сведения о высокой смертности среди голодающего русского населения, Гитлер говорил: «Русские не доживают до большого возраста. Смешно их вакцинировать… Никаких прививок для русских, чтобы смывать с них грязь! Зато пусть у них будет сколько угодно спирта и табака». Население оккупированной России, говорил Гитлер, надо держать «на предельно низком уровне культуры… В наших интересах, чтобы в каждой деревне была своя секта… Даже если таким образом в тех или иных деревнях возникнет культ колдовства, как у негров и индейцев, мы будем это только приветствовать, – это усилит разъединение в русском пространстве… Школы, правда, нужно им дать… Но самое большее, чему следует обучать в этих школах, – это знание правил уличного движения. Обучение географии должно быть сведено к тому, что столица рейха называется Берлин… Арифметика и т. д. не нужно вовсе».

Глава 21
СССР принимает основную тяжесть борьбы против угрозы всему

человечеству

Вторжение наглых захватчиков, зверства, совершаемые ими, лишь усиливали сопротивление советских людей. С первых же дней войны в тылу у захватчиков развернулось массовое партизанское движение. Впоследствии партизанское движение превратилось в мощную организованную силу. В тылу врага сражалось 6200 партизанских формирований, насчитывавших 1,1 миллиона человек. На оккупированной территории действовали около 220 тысяч подпольщиков. Партизаны атаковали вражеские части, пускали под откос железнодорожные составы захватчиков и совершали другие диверсии. В ряде областей партизаны создавали освобожденные районы. Подвиги молодых советских партизан, таких как Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Олег Кошевой и другие члены «Молодой гвардии», стали примерами исключительного героизма для советских людей в годы войны и в последующие годы. В тылу советских войск люди работали по принципу «Все для фронта! Все для победы!» На смену ушедшим на войну рабочим к станкам становились их жены, их дети. На фронте солдаты и офицеры Красной армии мужественно отстаивали каждый участок советской земли. На отпор врагу поднялся весь народ нашей страны, как это не раз бывало в отечественной истории.

В «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» митрополита Сергия от 22 июня 1941 года говорилось:

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу… Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину… Господь дарует нам победу!»

Эти слова местоблюстителя Православной церкви перекликались с речами советских руководителей, призвавших страну к Отечественной войне против захватчиков. В своем выступлении 22 июня 1941 года, в котором В.М. Молотов сообщил стране о начале войны, он сказал: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу». Призвав народ к дисциплине, «организованности, самоотверженности, достойной настоящего патриота», к сплочению рядов «вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина», Молотов закончил свою речь словами, которые стали главным лозунгом Великой Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В своем обращении по радио к народу 3 июля 1941 года Сталин напоминал: «История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать и о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера». Обращаясь к традиции всей российской истории, советские руководители подчеркивали общенародный характер Отечественной войны.

Столкнувшись с хорошо вооруженной и блестяще организованной германской армией и допустив ряд ошибок в ведении боевых действий, Красная армия, как признавал Сталин 3 июля, «сдала фашистским войскам ряд городов и районов. Гитлеровским войскам удалось

захватить Литву, Значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины». Но и после 3 июля отступление Красной армии продолжалось. Однако, преодолевая шок от вероломного нападения Германии и первых тяжелых поражений, Красная армия стала оказывать все более упорное сопротивление противнику. 30 июня был сформирован Государственный комитет обороны (ГКО) СССР во главе со Сталиным, который в соответствии с принятым постановлением сосредоточил в своих руках «всю полноту власти в государстве». Вскоре Сталин занял посты народного комиссара обороны, Верховного Главнокомандующего и возглавил Ставку Верховного Главнокомандования.

3 июля И.В. Сталин призывал «весь народ сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы». Он заверял слушателей в том, что «наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен скоро убедиться в этом». Он объявлял, что «в этой освободительной войне мы не будем одинокими… Мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки» и с благодарностью отметил «историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу», а также декларацию «правительства США о готовности оказать помощь нашей стране». Он венчал свою речь боевыми призывами: «Все наши силы – на поддержку героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» Сталин провозглашал свою готовность возглавить страну в час тяжелых испытаний и разгромить врага, принесшего народам СССР смерть и порабощение.

Героическая защита Брестской крепости, бои в Лиепае, Северной Эстонии, на Лужском рубеже, оборона Мурманска и Одессы, Смоленское сражение, оборона Киева и другие военные действия Красной армии, оказывавшей упорное сопротивление захватчикам, сорвали расчеты гитлеровцев на скорую победу. И все же к началу ноября 1941 года немецко-фашистским войскам удалось занять всю Прибалтику, Белоруссию, почти всю Украину, а также ряд областей РСФСР. В своем докладе на традиционном торжественном собрании по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, состоявшемся на сей раз на платформе станции метро «Площадь Маяковского», Сталин отметил, что со времени его выступления 3 июля «опасность для нашей страны… не только не ослабла, а, наоборот, еще более усилилась». Он говорил: «Немцы ведут теперь войну захватническую, несправедливую, рассчитанную на захват чужой территории и покорение чужих народов». Сталин подчеркивал, что Гитлер ставит целью истребление славянских народов и прибегает для этого к самым бесчеловечным методам. Он отмечал огромные трудности ведения войны Советским Союзом против Германии, на стороне которой выступили Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия, в одиночку без наличия «второго фронта» на западе Европы.

Несмотря на эти неблагоприятные условия, Сталин утверждал, что «неудачи Красной Армии не только не ослабили, а наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР… Любое государство, имея такие потери территории, какие имеем мы теперь, не выдержало бы испытания и пришло бы в упадок. Если советский строй так легко выдержал испытание и еще больше укрепил свой тыл, то это значит, что советский строй является теперь наиболее прочным строем».

Сталин считал, что основным залогом грядущей победы над врагом являлся моральный перевес советского народа над агрессором. Сталин подчеркивал справедливые цели Великой Отечественной войны советского народа: «У нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий… Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига». Другая цель, по словам Сталина, состояла в том, чтобы помочь «славянским и другим порабощенным народам Европы… в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят». Сталин исходил из того, что «моральное состояние нашей армии выше, чем немецкой, ибо она защищает свою Родину от чужеземных захватчиков и верит в правоту своего дела, тогда как немецкая армия ведет

захватническую войну и грабит чужую страну, не имея возможности поверить хотя бы на минуту в правоту своего гнусного дела». Сопоставляя богатства русской культуры, которыми вдохновлялись все советские люди, с аморальностью нацистов Сталин провозглашал: «И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!»

Через несколько часов после этого доклада, 7 ноября 1941 года, на Красной площади состоялся парад. Он проходил в условиях, когда немецкая авиация систематически совершала воздушные налеты на Москву, а фронт проходил в нескольких десятках километров от Красной площади. В своей речи, произнесенной с трибуны Мавзолея Ленина, Сталин вспоминал первый год Гражданской войны и указывал, что «теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад… Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины… Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад».

Сталин уверенно говорил о том, что Красная Армия, упорно сражавшаяся в те дни за населенные пункты, находившиеся в непосредственной близости от Москвы, будет скоро освобождать Европу. Обращаясь к участникам парада, он говорил: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Димитрия Донского, Димитрия Пожарского, Кузьмы Минина, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Почти через месяц после этого выступления, 5-6 декабря, началось мощное контрнаступление Красной армии под Москвой. Впервые гитлеровские войска за все время Второй мировой войны были вынуждены отступать по всему фронту, терпя значительные потери в живой силе и технике. Маршал Советского Союза А.М. Василевский писал: «Значение этих побед состояло в том, что советские войска вырвали стратегическую инициативу из рук противника, не позволив ему достичь ни одной из стратегических целей, предусмотренных планом «Барбаросса». Под воздействием сокрушительных ударов план «Барбаросса» рухнул, а его основа – теория молниеносной войны – потерпела полный крах, заставив фашистское руководство перейти к стратегии затяжной войны. В ходе зимнего наступления советские войска разгромили до 50 дивизий врага, нанеся особенно серьезное поражение основной группировке вражеских войск – группе армий «Центр»… Победы под Москвой и зимнее наступление еще выше подняли политико-моральное состояние Красной Армии, ее командно-политического состава, ее бойцов… Эти первые и столь важные победы советских войск укрепили веру всех советских людей в непобедимость Красной Армии. Советский народ еще теснее сплотился вокруг своей родной Коммунистической партии, убедился, что под ее руководством победа над фашизмом не только возможна, но и неизбежна».

Оценивая значение событий в конце 1941 года, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «Разгром гитлеровских войск под Москвой имел большое международное значение. Во всех странах антигитлеровской коалиции народные массы с большим энтузиазмом встретили весть об этой выдающейся победе советского оружия. С ней прогрессивное человечество связывало свои надежды на избавление от фашистского порабощения. Неудачи немецких войск под Ленинградом, Ростовым, в районе Тихвина и битва под Москвой

отрезвляюще подействовали на реакционные круги Японии и Турции, заставили их проводить более осторожную политику в отношении Советского Союза… После разгрома гитлеровцев под Москвой не только рядовые солдаты, но и многие немецкие офицеры и генералы убедились в могуществе Советского государства, убедились в том, что Советские Вооруженные Силы являются непреодолимой преградой на пути к достижению поставленных гитлеризмом целей».

Между тем зимой 1941/42 года многим людям в мире казалось, что союзники по Антикоминтерновскому пакту непобедимы. В ночь с 7 на 8 декабря японские военно-воздушные и военно-морские силы без объявления войны атаковали военно-морскую базу США Пёрл-Харбор, Гуам, Манилу и Гонконг, нанеся значительный урон американскому и английскому военно-морскому флоту. 8 декабря японские войска высадились в Малайе и к концу января 15 февраля 1942 года, после двухнедельной осады, взяли Сингапур. 10-12 декабря войска Японской империи высадились на Филиппинах и 6 мая 1942 года американо-филиппинские войска капитулировали. 21 декабря 1941 года Таиланд присоединился к Японии и объявил войну Англии и США, а 21 января 1942 года японские войска, пройдя через территорию Таиланда, вторглись в Бирму. Оттуда они намеревались атаковать Китай с запада и принудить его к капитуляции, а также вторгнуться в Британскую Индию. К 10 марта 1942 года Япония полностью овладела Индонезией и ее войска развернули боевые действия на Новой Гвинее, Соломоновых островах и архипелаге Бисмарка. Над Австралией нависла угроза японского вторжения.

11 декабря 1941 года Германия и Италия объявили войну США. В середине января 1942 года, как писал Р. Шервуд, «Германия предприняла наступление против Соединенных Штатов. Единственным оружием, пригодным для этой цели, были подводные лодки, но теперь это было исключительно эффективное оружие, а защита от него была непростительно слабой. Подводные лодки подходили на столь близкое расстояние, что с них можно было видеть зарево огней Бродвея, и топили суда в нескольких сотнях ярдах (т. е. в нескольких сотнях метрах. – *Примеч. авт.)* от Восточного побережья… За два месяца подводные лодки потопили в западной части Атлантики 132 парохода». Профессор Моррисон писал потом в учебнике по военно-морскому делу: «Бойня, устроенная подводными лодками вдоль нашего побережья в 1942 году, принесла стране такое бедствие, как если бы диверсанты уничтожили полдюжины наших крупнейших заводов».

Тревогу вызывало и наступление немецких и итальянских войск под командованием генерала Роммеля в Северной Африке. 21 января 1942 года немецко-фашистские войска перешли в наступление, заняли Бенгази, а вскоре выбили английские войска из Ливии. Лишь окруженный Тобрук остался в руках англичан. В мае 1942 года немецко-итальянские войска вновь перешли в наступление. Тобрук капитулировал, а англичане были отброшены к Эль-Аламейну, расположенному в 150 километрах от Александрии.

Возникала угроза прорыва немецких армий к Нилу, Суэцкому каналу, а оттуда в Палестину, Трансиорданию, Саудовскую Аравию, Сирию, Ирак и Иран. Р. Шервуд писал: «Самой ужасной и наиболее непосредственной угрозой была угроза германского прорыва на Средний Восток и японского продвижения через Индию, что дало бы возможность двум могущественным партнерам по оси соединиться и объединить свои ресурсы». Германия и Япония овладели бы огромными ресурсами Индии, Ближнего и Среднего Востока. СССР и Китай оказались бы отрезанными от США и Великобритании и были бы вынуждыми полагаться лишь на свои силы. Разгром же СССР и Китая позволил бы агрессорам развернуть наступление на остальной мир.

Поскольку Северная Африка была уже в руках итало-германских оккупантов, а значительная часть остальной Африки находилась под колониальным управлением правительства Петена – Лаваля, а также фашистских режимов Франко и Салазара, сотрудничавших с Гитлером, захват остальной Африки не мог бы занять много времени. Тем временем Австралия и Новая Зеландия могли легко быть покорены японцами.

Известно и то, что гитлеровцы давно разрабатывали планы похода в Западное

полушарие, а их надводные и подводные суда постоянно находились у берегов Америки. Во многих странах Америки имелись многочисленные колонии немецких, японских и итальянских иммигрантов, среди которых активно велась пропаганда нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Немало находилось и идейных сторонников фашизма среди остальной части населения американских стран. Уильям Фостер писал: «В Соединенных Штатах и Канаде, так же как и в странах Латинской Америки… угроза фашистской реакции была весьма серьезной и опасной. Все страны Западного полушария кишели фашистскими организациями – чернорубашечников, коричневорубашечников, зеленорубашечников, серебрянорубашечников, белорубашечников и т. д. Эти группировки вели самую опасную демагогическую пропаганду среди народных масс, которые еще не пришли в себя после тяжелых лет мирового экономического кризиса. В некоторых странах Латинской Америки… фашисты были настолько сильны, что организовали вооруженные восстания и установили фашистский режим. Фашистское движение, игравшее роль зловещей "пятой колонны" оси Гитлера – Муссолини – Хирохито, грозило нанести смертельный удар изнутри даже тем ограниченным демократическим свободам, которыми еще пользовались народы Америки». В своей книге «Внутри Латинской Америки» американский журналист Джон Гантер подробно перечислял различные фашистские группировки, имевшиеся в каждой стране Латинской Америки. Все они поддерживали контакты со странами Антикоминтерновского пакта и готовились к совершению фашистских переворотов в Латинской Америке.

Исходя их всего перечисленного можно сказать, что угроза оккупации планеты Германией, Японией и их союзниками и, стало быть, физического порабощения остального человечества и уничтожения сотен миллионов людей представлялась зимой 1941/42 года вполне реальной. В это время, писал Р. Шервуд, «единственным источником хороших новостей был русский фронт. Красная Армия, продолжая свои поразительные контратаки, выбила занесенных снегом, обмороженных немцев со многих передовых позиций».

Сознавая то, что от стойкости Советского Союза зависит судьба человечества, президент США Ф.Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своих посланиях И.В. Сталину не раз выражали свое восхищение успехами Красной армии. 16 декабря 1941 года Рузвельт писал Сталину: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации». Черчилль писал Сталину 5 декабря 1941 года: «Позвольте мне воспользоваться случаем и сказать Вам, с каким восхищением весь британский народ следит за стойкой обороной Ленинграда и Москвы храбрыми русскими армиями и как все мы рады по поводу Вашей блистательной победы в Ростове-на-Дону». 15 января британский премьер писал Сталину: «Разрешите мне… выразить свое восхищение великими победами, которые явились заслуженной наградой руководству и русским вооруженным силам за их преданность». 11 февраля Черчилль писал: «Нет слов, чтобы выразить восхищение, которое все мы испытываем от продолжающихся блестящих успехов Ваших армий в борьбе против германского захватчика. Но я не могу удержаться от того, чтобы не послать Вам еще слов благодарности и поздравления по поводу всего того, что делает Россия для общего дела». 23 февраля 1942 года Черчилль и Рузвельт направили Сталину поздравления по случаю 24-й годовщины Красной армии.

Командующий американскими войсками на Филиппинах Дуглас Макартур в своем поздравлении Красной армии по случаю ее 24-й годовщины писал: «Международное положение в настоящий момент свидетельствует о том, что цивилизация возлагает свои надежды на славные знамена храброй русской армии. За свою жизнь я принимал участие в целом ряде войн и был живым свидетелем других войн, а также подробно изучал кампании, которые велись в прошлом выдающимися полководцами. Нигде я не встречал таких примеров, когда тяжелейшим ударам, наносимым до сих пор не знавшим поражений противником, оказывалось бы столь эффективное сопротивление, за которым последовало бы сокрушительное контрнаступление, отбрасывающее противника на его собственную

территорию. Размах и величие этих усилий превращают это сопротивление в величайшее военное достижение во всей истории».

В США, Великобритании и других странах – участницах антигитлеровской коалиции росло понимание того, что СССР несет основную тяжесть в сражении с Германией и ее союзниками и спасает мир от порабощения странами оси. Гарри Гопкинс писал в эти дни: «Русский фронт, несомненно, ослабляет Германию значительно больше, чем все театры военных действий вместе взятые».

Уже с лета 1941 года западные союзники обещали оказать СССР действенную помощь оружием и стратегическими материалами. В конце сентября 1941 года на совещании СССР, США и Великобритании в Москве эти обязательства были оформлены в виде соглашений. Однако оказание этой помощи наталкивалось на объективные факторы (дальность перевозок южным путем через Иран и рискованность доставки через Баренцево море) и на субъективные факторы. Как свидетельствовал Шервуд, Рузвельт лишь 7 ноября 1941 года включил СССР в страны, на которые был распространен ленд-лиз, из-за его «беспокойства по поводу того, как отнесется к этому общественное мнение». Очевидно, что давление антисоветских, а, стало быть, профашистских сил было слишком велико на президента США. Во время пребывания в Лондоне в начале 1942 года Гопкинс был ознакомлен министром иностранных дел Великобритании А. Иденом с документом, из которого «явствовало, что некоторые военные в Англии не очень хотят снабжать Россию и что нам придется преодолеть значительное сопротивление». В результате, как писан академик Г.А. Куманев, до конца 1941 года, «в это самое трудное и критическое для нашего государства время – оно получило 0,1 % всей американской помощи по отношению к тому, что намечалось в соответствии с подписанным соглашением».

Но главным вопросом в отношениях внутри антигитлеровской коалиции стал вопрос о втором фронте. Уже в первых посланиях Сталина Черчиллю, направленных в июле 1941 года, руководитель СССР предлагал Великобритании осуществить десант в Западной Европе, чтобы ослабить напор германских войск на нашу страну. Тема второго фронта обсуждалась во время визита А. Идена в СССР в декабре 1941 года и в ходе посещения В.М. Молотовым Великобритании и США в мае – июне 1941 года. В Лондоне был подписан англо-советский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Результатом переговоров Молотова в Лондоне и Вашингтоне стало также подписание совместных коммюнике, в которые была включена идентичная формулировка: «Была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

12 июня Молотов вернулся в СССР. 28 июня немецкие войска начали новое летнее наступление на восток с задачей выхода к Волге и захвата кавказских нефтяных месторождений, а 18 июля Черчилль направил послание Сталину, в котором сообщалось о невозможности направлять северные конвои с грузом помощи Советскому Союзу и намекнул на трудности открытия второго фронта.

В своем послании Черчиллю от 23 июля 1942 года Сталин писал: «Наши военно-морские специалисты считают доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными». Одновременно Сталин заявил: «Что касается второго фронта, а именно об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе».

К этому времени положение советских войск на юге значительно ухудшилось. 24 июля был сдан Ростов, и немецкие войска устремились к югу. После взятия немцами Ростова командующий войсками 17-й полевой армии генерал-лейтенант Руофф пригласил японского атташе на пролет взорванного моста и, вытянув руку в направлении Батайска, сказал:

«Ворота на Кавказ открыты. Близится час, когда германские войска и войска вашего императора встретятся в Индии». 25 июля немецкие войска прорвали оборону Сталинградского фронта.

В середине августа 1942 года У. Черчилль лично прибыл в Москву, чтобы объяснить И.В. Сталину отсрочку открытия второго фронта. Переговоры между двумя руководителями порой принимали острый характер, но в конечном счете обе стороны подтвердили верность принципам антигитлеровской коалиции.

Вернувшись в Лондон после своей первой встречи со Сталиным в августе 1942 года, Черчилль в своём выступлении в палате общин 8 сентября 1942 года сказал: «Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе её стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить».

Тем временем советские войска оказывали упорное сопротивление наступавшему врагу. К концу августа немецко-фашистские войска прорвались к Сталинграду, затем вышли к Волге и продвинулись к Кавказскому хребту. На Эльбрусе был водружен немецкий флаг со свастикой. В своей личной беседе с Молотовым в августе 1942 года, которую невольно услышал переводчик Бережков, Сталин не исключал возможность временной оккупации германо-японскими войсками всей советской территории и эмиграции правительства СССР в Индию. Однако героическое сопротивление советских войск в Сталинграде и на подступах к Кавказскому хребту остановило продвижение захватчиков. В Сталинграде упорные бои шли за каждый квартал, за каждый дом, за каждый заводской цех.

Хотя союзники оказывали помощь СССР, в том числе и северным маршрутом, отсутствие второго фронта сказывалось на тяжелом положении советских войск, по-прежнему отражавших главный удар агрессоров. Отвечая 3 октября 1942 года на вопрос московского корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс Кэссиди («Какое место в советской оценке текущего положения занимает возможность второго фронта?»), И.В. Сталин ответил: «Очень важное, – можно сказать, – первостепенное». На другой вопрос Кэссиди («Насколько эффективна помощь союзников Советскому Союзу и что можно было бы сделать, чтобы расширить и улучшить эту помощь?»), Сталин отвечал: «В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, – помощь союзников Советскому Союзу пока еще малоэффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств».

Нет сомнения, что поставки по ленд-лизу помогали Красной армии. Беседуя с Куманевым, А.И. Микоян говорил: «Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепадало и тылу. Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили около 400 тысяч первоклассных по тому времени машин типа «Студебеккер», «Форд», легковые «виллисы» и амфибии. Вся наша армия оказалась на колесах, и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления… Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора провоевали».

В то же время военные поставки из США за все время войны далеко не обеспечили всего объема вооружений, необходимого Красной армии (7509 орудий, 14 018 самолетов, танков и САУ – 6903). Удельный вес боевой техники, направленной союзниками Советской стране, относительно отечественного оборонного производства был невелик. По орудиям это соотношение составило 1,4 %, по самолетам – 9,8 %, по танкам и САУ – 6,2 %, по автоматам – 1,4 %, по пистолетам – 0,8 %, по снарядам – 0,6 %, по минам – 0,1 %. Лишь благодаря тому, что в годы сталинских довоенных пятилеток на востоке страны была создана мощная индустриальная база, а в первые месяцы войны была совершена поразительная по своим

масштабам и организованности эвакуация промышленности, советское военное производство сумело быстро увеличить выпуск вооружений в первые полтора года войны. Военная продукция на Урале за 1942 год выросла в 5 раз, в Поволжье – в 9 раз и в Западной Сибири – в 27 раз.

Несмотря на огромные потери боевой техники в первые месяцы войны, советская оборонная промышленность сумела не только компенсировать этот урон, но и во многом преодолеть количественное и качественное отставание в вооружениях, существовавшее к 22 июня 1941 года.

В 1942 году советская промышленность выпустила 25,4 тысячи самолетов, 24,7 тысячи танков и 34 тысячи средних и тяжелых артиллерийских орудий против 14,7 тысячи самолетов, 9,3 тысячи танков и 12 тысяч средних и тяжелых танков, произведенных в Германии. К середине ноября 1942 года общая численность действующей армии составляла 6124 тысячи человек. На ее вооружении имелось 77 734 орудий и минометов, 6956 танков и самоходно-артиллерийских установок, 3254 боевых самолета. К этому же времени общая численность войск Германии и ее союзников составляла 6144 тысячи человек. Они имели свыше 70 тысяч орудий и минометов, 6600 танков и 3500 боевых самолетов. Так был о достигнуто приблизительное равновесие между Красной армией и немецко-фашистскими войсками в живой силе и технике.

19-20 ноября 1942 года в точном соответствии с планом началось наступление Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Группировка немецко-фашистских войск в Сталинграде и вокруг него, численностью в 330 тысяч человек, оказалась окруженной. После долгих и тяжелых боев Сталинград был взят, окруженные немецко-фашистские войска были разбиты или взяты в плен, а Красная армия отбросила врага от Волги и Кавказского хребта. По оценке Г. К. Жукова, «общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии».

Типпельскирх писал, что катастрофа под Сталинградом «потрясла немецкую армию и немецкий народ… Там произошло нечто непостижимое, не пережитое с 1806 года – гибель окруженной противником армии». Генерал Бутлар писал: «Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию, она потеряла ту славу, которую она приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 года. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны и в первую очередь поколебать внешнеполитические позиции Германии». В Германии был объявлен трехдневный траур по погибшим.

В конце января 1943 года в Касабланке (Марокко) состоялась конференция президента США Ф.Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Выступая на пресс-конференции в Касабланке 24 января 1943 года, президент Рузвельт заявил о намерении воевать с Германией и ее союзниками до их безоговорочной капитуляции. Историк Н.Н. Яковлев справедливо расценил, что «победы Красной Армии в зимней кампании побудили его (Рузвельта) сделать эффектный жест. Президент поддержал наступление Красной Армии декларацией о решимости США вести войну до победного конца». Р. Шервуд писал: «Когда 31 января Рузвельт вернулся в Вашингтон, битва за Сталинград закончилась… Теперь для многих оптимистов путь к победе представлялся в виде широкого гладкого шоссе, на котором все стрелки указывали в одном направлении, и уже начались споры по поводу выражения «безоговорочная капитуляция».

В своем послании от 5 февраля 1943 года Рузвельт писал Сталину: «В качестве Главнокомандующего вооруженными силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим верховным командованием. Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город, борьбы, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который все американцы

празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славой оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю знергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага».

Позднее, в мае 1944 года, Рузвельт направил Сталинграду грамоту, в которой говорилось: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии».

Свои поздравления Сталину в связи с победой под Сталинградом направил и Уинстон Черчилль. В ноябре 1943 года, во время Тегеранской конференции, он вручил И.В. Сталину почетный меч – дар короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование победы над немецко-фашистскими войсками.

Английский журналист Ричард Сквайрс писал тогда: «Армия русских, их железное упорство, ее боевой дух и непреклонная воля уже давно вызывали восхищение и энтузиазм у наших солдат, но, узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения… Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан».

Поль Корбье, один из руководителей французских партизан в департаменте Эн, вспоминал: «Сталинград! Озаряются счастьем лица, повсюду радость. Во Франции, во всем мире вера превращается в уверенность». После войны свыше 30 городов Франции, включая Париж, переименовали площади и улицы в честь Сталинграда. В Польше именем Сталинграда были названы улицы, площади и парки в 160 городах и поселках.

Оценивая значение Сталинградской битвы, Шервуд писал: «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы – которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне, – Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право по характеру и численности своего населения».

Глава 22
Советский строй в годы войны

Попытки немецко-фашистских войск изменить ход войны с помощью контрнаступления под Харьковым весной 1943 года, а затем – мощного наступления на Курской дуге летом 1943 года провалились. По словам Василевского, «почти двухмесячная Курская битва завершилась убедительной победой Советских Вооруженных Сил». По оценке Жукова, «общие потери вражеских войск за это время составили более 500 тысяч человек, около 1500 танков, в том числе большое количество «тигров», «пантер», 3 тысячи орудий и большое количество самолетов. Эти потери фашистское руководство уже не могло восполнить никакими тотальными мероприятиями». В своем докладе 6 ноября 1943 года Сталин так оценил значение Курской битвы: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой». В этом же докладе Сталин заявил: «Истекший год – от 25-й до 26-й годовщины Октября – является переломным годом Отечественной войны».

«Переломный» характер этого года проявился в том, что после Сталинградской и

Курской битв Красная армия смогла взять инициативу в свои руки и постоянно наступать. Несмотря на то что союзники вновь нарушили свои обязательства по второму фронту и он не был открыт и в 1943 году, Красная армия сумела добиться новых успехов на основном театре боевых действий Второй мировой войны в одиночку. Второй фронт, который руководители США и Великобритании обещали открыть в 1942 году, а затем в 1943 году, возник лишь в июне 1944 года. Разумеется, угроза появления второго фронта отвлекала силы Германии. Нет сомнения и в том, что военные действия в Ливии и Тунисе, а затем в Италии также заставляли Германию и Италию не посылать часть своих войск на советско-германский фронт. Большое значение имели действия китайских и американских войск против армий Японии в Китае и в бассейне Тихого океана. Партизанская война в Югославии также отвлекала немалые силы германских войск. И все же все эти театры военных действий были второстепенными. Подавляющая часть вооруженных сил Германии и ее союзников была задействована на советско-германском фронте.

Об этом свидетельствуют факты из книги академика РАН Г.А. Куманева «Подвиг и подлог». Куманев писал: «В течение войны против Красной Армии действовало в среднем до 70 % дивизий фашистских армий, из четырех солдат верхмахта трое постоянно воевали на советско-германском фронте и лишь один – на Западном… На советско-германском фронте в наиболее тяжелое для СССР время находилось и большинство войск союзников Германии: 37 дивизий в июне 1941 года, 72,5 дивизии – в ноябре 1942 года. В этот же период на других театрах мировой войны (в Северной Африке, а затем в Сицилии) имелось не более 8-9 дивизий союзников Третьего рейха…. Протяженность (советско-германского фронта) составляла от 3000 до 6200 км, тогда как протяженность Североафриканского и Итальянского фронтов не превышала 300-350 км, Западного – 800 км. Из 1418 дней и ночей существования советско-германского фронта активные действия продолжались здесь 1320 суток, тогда как на Западноевропейском – 293, на Североафриканском – 309 и на Итальянском – 492. Из общего числа людских потерь, которые понесла немецко-фашистская армия во Второй мировой войне, более 73 % приходится на Восточный фронт». Куманев указывал также на то, что на советско-германском фронте Германия и ее союзники потеряли свыше 75 % своей авиации, 74 % своей артиллерии, 75 % своих танков и штурмовых орудий.

Переломный год войны и ее отечественный характер были подчеркнуты рядом мероприятий советского правительства, направленных на укрепление сплоченности всего народа в его борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Были введены погоны, существовавшие в дореволюционной армии, и ордена, названные в честь выдающихся полководцев России и Украины (Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого). Ряд боевых операций («Багратион», «Кутузов», «Полководец Румянцев») были названы в честь великих российских полководцев. Были созданы суворовские и нахимовские военные училища. Новым свидетельством стремления советского государства положить конец пережиткам гражданских войн и нигилистической политики в отношении духовных традиций народа стала встреча И.В. Сталина и В.М. Молотова 4 сентября 1943 года с ведущими иерархами русской православной церкви. В ходе встречи было принято решение о проведении Поместного Собора с целью избрания Патриарха и Священного Синода.

Отказ в 1943 году от использования «Интернационала» в качестве гимна СССР и создание нового «Гимна Советского Союза», в котором отмечалась роль «Великой Руси» в сплочении народов «Отечества», лишний раз свидетельствовали о стремлении Советского государства подчеркнуть неразрывность исторической традиции нашей страны.

В то же время эти перемены не означали отречения советского государства от коммунистической идеологии. Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), ее Центральный комитет, во главе которого находился ее Генеральный секретарь И.В. Сталин, по-прежнему играла ведущую идейно-политическую и организационную роль в Советской стране. Директивы руководства ВКП(б), подготовленные при участии И.В. Сталина и изложенные им в речи 3 июля 1941 года, с первых же дней войны призвали страну к отпору

врагу. В центре и на местах партийные организации с усиленной энергии осуществляли руководство страной, особенно в военной и военно-промышленной сфере.

Членами военных советов фронтов и армий становились профессиональные партийные работники. В первые же месяцы войны в действующую армию ушло 54 члена и кандидата в члены ЦК, 8800 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии. Они стали ведущими политработниками в командном составе Красной армии. Многие политруки становились во главе ожесточенных боев и гибли на полях сражений. Клич «Коммунисты, вперед!», с которым обращались к красноармейцам перед началом атаки, означал на практике то, что каждый второй погибший на фронте был коммунистом.

Число членов партии в действующей армии постоянно росло. К началу войны в рядах ВКП(б) было около полумиллиона коммунистов, а уже к декабрю 1941 года их было около 1200 тысяч. При этом около полумиллиона коммунистов уже погибло в боях с июня по декабрь 1941 года. Как отмечал генерал-лейтенант В.М. Ломов в ходе беседы за круглым столом в редакции газеты «Правда» в апреле 2005 года, за годы войны «в партию вступило более 8 миллионов человек, а составляла она к концу войны 5 миллионов 340 тысяч. Около 60 % состава ВКП(б) находилось в армии. К концу войны каждый четвертый красноармеец стал членом ВКП(б). Нельзя даже представить себе, что победа могла быть достигнута без коммунистов, сражавшихся на всех фронтах Великой войны».

Несмотря на то что войска гитлеровской Германии продолжали оказывать упорное сопротивление вплоть до самых последних дней войны, Красная армия сумела удерживать инициативу вплоть до конца боевых действий в Европе в мае 1945 года. В своем выступлении 9 февраля 1946 года Сталин имел основание заявить: «После блестящих побед Красной Армии под Москвой и Сталинградом, под Курском и Белгородом, под Киевом и Кировоградом, под Минском и Бобруйском, под Ленинградом и Таллином, под Яссами и Львовом, на Висле и Немане, на Дунае и Одере, под Веной и Берлином, – после всего этого нельзя не признать, что Красная Армия является первоклассной армией, у которой можно было бы поучиться многому».

Несмотря на то что в ходе наступления войска любой армии несут больше потерь, чем в ходе обороны, а Красная Армия на протяжении 2,5 из почти 4 лет Великой Отечественной войны вела наступательные операции против хорошо организованной обороны противника, ее потери лишь ненамного превышали число потерь вооруженных сил Германии и ее союзников, сражавшихся против СССР. На основе подсчетов, осуществленных специальными комиссиями Генштаба Министерства обороны СССР и Отделения истории АН СССР с привлечением ранее закрытых статистических данных, в 1990 году было установлено, что человеческие жертвы в Вооруженных силах СССР, а также пограничных и внутренних войсках страны в ходе Великой Отечественной войны составили 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Как писал Г.А. Куманев, безвозвратные потери «вооруженных сил гитлеровской Германии, всех ее союзников и различных военизированных формирований из числа иностранных граждан, принимавших участие в войне против СССР… составили 8 миллионов 649 тысяч 500 человек».

При этом Г.А. Куманев указывает на то, что «превышение безвозвратных потерь Красной Армии по сравнению с теми же потерями противника в немалой степени связано и с тем, что из 4 миллионов 126 тысяч взятых в плен советскими войсками военнослужащих фашистского блока в плену от ран и болезней умерло 580 тысяч 548 человек, а остальные вернулись домой. Из фашистского же плена, куда попало, по отечественным документам, 4 миллиона 559 тысяч военнослужащих Красной Армии (по немецким данным, даже от 5 миллионов 200 тысяч до 5 миллионов 700 тысяч), вернулось на Родину только 1 миллион 836 тысяч человек. Остальные в своем большинстве погибли в плену от рук фашистских палачей в результате их сознательного массового истребления расстрелами, голодом, холодом, истязаниями. Но если бы советские власти, со своей стороны, тоже бы уничтожили 2,5-3 миллиона попавших в плен военнослужащих противника, то каково бы оказалось тогда соотношение этих безвозвратных демографических потерь? Разумеется, далеко не в пользу

немецко-фашистских захватчиков».

Советское правительство постоянно принимало действенные меры для того, чтобы сократить потери среди военнослужащих. Как отмечала Н.И. Кондакова в своей статье «Государственная социальная политика в условиях войны», опубликованной в коллективной монографии «Социология великой Победы», «в условиях начавшейся кровопролитной войны в фокусе всей жизни государства и общества стали действующая армия, фронт.

Отсюда и главными объектами социального обеспечения стала Красная Армия, ее личный состав». Одним из проявлений этого стал приказ И.В. Сталина № 281 «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу». Этот приказ приравнивал спасение раненых к боевому подвигу. За вынос с поля боя 15 раненых с оружием санитар и носильщик награждались медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу»; за вынос 25 раненых – орденом Красной Звезды, 40 – орденом Красного Знамени, 80 – орденом Ленина. За вынос 100 раненых санитару и носильщику присваивали звание Героя Советского Союза. Факты о стремлении сохранить жизнь каждого раненого бойца опровергают ложь о том, что советское руководство не считалось с гибелью людей на фронтах и «заваливало трупами» немцев.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)от 3 октября 1941 года были созданы областные, краевые и республиканские комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии. Это способствовало улучшению их обслуживания. В результате за годы войны госпитали СССР возвратили в строй более 7 миллионов воинов, что составляло 71 % раненых и 91 % больных солдат и офицеров.

Победа была обеспечена также перевесом, достигнутым СССР в области вооружений. В своем выступлении 9 февраля 1946 года Сталин обратил внимание и на создание страной накануне войны оборонного потенциала, позволившего СССР разбить гитлеровские войска. Сталин характеризовал период развития с 1928 по 1941 год как «деятельность Коммунистической партии в области подготовки нашей страны к активной обороне». Он подчеркивал, что «небывалый рост производства» за эти годы «нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной – в индустриальную». Сталин подчеркивал, что это превращение было достигнуто «при помощи советской политики индустриализации страны, … при помощи политики коллективизации сельского хозяйства». Победа служила доказательством правоты сталинского курса на осуществление глубокой и быстрой революции сверху.

В этом же выступлении Сталин подчеркивал: «Партия сумела добиться таких успехов, которые дали ей возможность не только снабжать фронт в достаточном количестве артиллерией, пулеметами, винтовками, самолетами, танками, боеприпасами, но и накоплять резервы. При этом известно, что наше вооружение по качеству не только не уступало немецкому, но в общем даже превосходило его. Известно, что наша танковая промышленность в течение последних трех лет войны производила ежегодно в среднем более 30 тысяч танков, самоходов и бронемашин. Известно далее, что наша авиационная промышленность производила за тот же период ежегодно до 40 тысяч самолетов. Известно также, что наша артиллерийская промышленность производила за тот же период ежегодно до 120 тысяч орудий всех калибров, до 450 тысяч ручных и станковых пулеметов, свыше 3 миллионов винтовок и около 2 миллионов автоматов. Известно, наконец, что наша минометная промышленность за период 1942-1944 годов производила ежегодно в среднем до 100 тысяч минометов… Известно… что в одном только 1944 году было произведено свыше 240 миллионов снарядов, бомб и мин и 7 миллиардов 400 миллионов патронов… Картина снабжения Красной Армии вооружением и боеприпасами… не похожа на ту картину, которую представляло снабжение нашей армии в период Первой мировой войны, когда фронт испытывал хронический недостаток в артиллерии и снарядах, когда армия воевала без танков и авиации, когда на каждую тройку солдат выдавалась одна винтовка».

Отставание по количеству и качеству вооружений Красной армии от германской армии

и ее союзников, существовавшее в июне 1941 года, было преодолено в тяжелые годы войны. И это свидетельствовало о превосходстве советской общественной организации над германской.

Анализируя причины побед Красной армии по случаю ее 25-летия, Сталин в своем приказе от 23 февраля 1943 года обращал особое внимание на тот вклад, который внес в победы Красной армии советский тыл: «Гитлеровская Германия, заставившая работать на себя военную промышленность Европы, до последнего времени имела превосходство против Советского Союза в технике и прежде всего в танках и самолетах. В этом было ее преимущество. Но за двадцать месяцев войны положение изменилось. Благодаря самоотверженному труду рабочих, работниц, инженеров и техников военной промышленности СССР за время войны выросло производство танков, самолетов, орудий».

Победа Красной армии выковывалась в тылу руками миллионов тружеников промышленности и сельского хозяйства, среди которых все большее место занимали женщины и подростки. Вместе с высококвалифицированными рабочими, оставленными на производстве в тылу, они беспрекословно приняли тяжелые условия труда, а также множество материальных лишений. Военные сводки, рассказы о героизме советских воинов на фронте и зверствах оккупантов убеждали советских тружеников тыла в необходимости терпеть трудности во имя победы над врагом.

Перевес Советской страны над Третьим рейхом в моральном отношении, о чем постоянно говорил Сталин, нашел отражение и в производстве вооружений. Шумная шовинистическая пропаганда, не прекращавшаяся в Германии на протяжении более десятка лет, создавала лишь видимость мощного духовного подъема. Фюрер и нацистская партия прекрасно осознавали, что своей популярности в народе они были обязаны выводом страны из кризиса, прекращением безработицы и резким улучшением материального положения населения. По этой причине германское правительство старалось сохранять материальное благополучие немцев даже в разгар войны, разумеется, за счет ограбления других народов. Хотя немцы в тылу и на фронте добросовестно выполняли свои профессиональные обязанности, зачастую им нехватало той самоотверженной готовности сделать все возможное и невозможное для победы над противником, что отличало советских людей.

Немцы не желали поступаться теми социальными и материальными благами, которые они получили во времена господства нацистов, и отнюдь не проявляли желания трудиться по советскому принципу: «Все для фронта, все для победы!» Обладая неограниченной властью, Гитлер не смог заставить множество немецких женщин и миллионы подростков трудиться ненормированный рабочий день на заводах, фабриках, фермах, так как в СССР. Гитлер не мог лишить немцев многих продуктов, в том числе продуктов питания, которых были лишены советские труженики тыла.

Вместо этого Гитлер заставлял трудиться на Германию миллионы рабочих, свезенных из всех оккупированных стран, нередко доверяя выпуск военной продукции озлобленным иностранным рабочим. В значительной степени по этой причине СССР даже после потери значительной части промышленных центров смог опередить Германию, ее союзников и оккупированные ими страны в военном производстве и тем самым обеспечить сначала равновесие, а затем и перевес в вооружениях.

Осуществляя руководство военными действиями и организацией военного производства в тылу. Коммунистическая партия в тяжелых условиях войны оставалась верной принципам социальной справедливости и уделяла огромное внимание социальным нуждам населения. Прежде всего принимались меры, способствовавшие тому, что инвалиды войны могли найти место в мирной трудовой жизни. Совнарком РСФСР принял постановление «Об обязательной организации мастерских по восстановительной трудотерапии в госпиталях». В соответствии с принятым 6 мая 1942 года постановлением СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» местные власти должны были производить оформление пенсий этим лицам в течение двух дней после выписки из лечебного учреждения. 28 августа СНК СССР приняло постановление «О

привлечении на время войны инвалидов третьей группы, получающих пенсии по государственному социальному страхованию, на работу на предприятия и в учреждения». Местные власти должны были в трехмесячный срок направлять неработающих инвалидов (мужчин до 55 лет и женщин до 45 лет) трудиться по месту жительства на заводы, в колхозы, совхозы, учреждения с учетом заключения врачебных комиссий. За этими участниками войны сохранялась полностью пенсия; в отличие от других граждан, им предоставлялись отпуска; запрещалось привлекать их к сверхурочным работам.

Кондакова отмечала: «Местные советы, профсоюзные и комсомольские организации развернули работу по обеспечению защитников Родины топливом, жильем, ремонтом домов и квартир, путевками в санатории и дома отдыха, по наделению их скотом… Уже к концу первого квартала 1943 года в Российской Федерации было трудоустроено 70 % инвалидов Великой Отечественной войны… Многие из них работали председателями колхозов, счетоводами, бригадирами, председателями сельских советов, руководителями районных и городских учреждений, заведующими столовыми и магазинами – помогали фронтовая закалка, честность, авторитет в народе».

Уже на 4-й день войны был принят указ президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Такие семьи получали пособия от государства.

В ходе войны крайне обострилась проблема детской беспризорности, практически ликвидированной в Советской стране в 1920-х годах после гражданских войн. Некоторых детей, оставшихся в разоренных оккупантами селах, подбирали бойцы нашей армии и брали их на свое содержание. Они становились «сыновьями полков». Других направляли в ремесленные и суворовские училища. В связи с резким увеличением числа беспризорных детей расходы на содержание детских домов с 1940 по 1945 год увеличились в 2,5 раза, а количество детских домов – в 3,6 раза. Только в детских домах на территории РСФСР воспитывалось более 300 тысяч детей. Одновременно в стране пропагандировался почин работниц московского завода «Красный богатырь», взявших на воспитание детей, осиротевших в войну. По приблизительным данным, приведенным Н.И. Кондаковой, к концу войны в семьях советских людей воспитывалось 350 тысяч детей-сирот. Как отмечала Н.И. Кондакова, благодаря принятым мерам «численность беспризорных по всему Советскому Союзу была к концу войны не выше, чем в России мирного времени на рубеже XX—XXI веков».

В ходе войны рождаемость в стране сократилась в 2 раза. Чтобы воспрепятствовать демографической катастрофе, порожденной войной, были приняты новые меры по охране материнства и поощрению рождаемости. 8 июля 1944 года был принят указ президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям и об усилении охраны материнства и детства». Указ выделял значительные средства на дополнительное питание, снижал плату за детские учреждения, учреждал различные награды («Медаль материнства», ордена «Материнская слава» и «Мать-героиня») для матерей, родивших и воспитавших большое число детей. Этими наградами были удостоены сотни тысяч матерей.

С первых же дней войны советское руководство предприняло действенные меры для спасения миллионов людей от ужасов немецко-фашистской оккупации. Прежде всего эвакуировались дети, женщины, детские воспитательные учреждения, больницы. 27 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление об организации перевозок эвакуируемого населения, о снабжении людей продуктами питания в пути следования и по прибытии на место, о размещении и устройстве их на работу. К весне 1942 года в автономных республиках, краях и областях РСФСР было размещено 5914 тысяч эвакуированных: около 600 тысяч – в Казахстане, 736 тысяч – в Узбекистане, 100 тысяч – в Киргизии, около 87 тысяч – в Таджикистане, Туркмении и республиках Закавказья.

К концу 1941 года захватчики оккупировали регионы, обеспечивавшие наиболее значительные поставки продовольствия страны. Из 10 400 предприятий Наркомата пищевой

промышленности около 5500 оказалось на оккупированной территории. Из строя вышли все сахарные заводы Украины. Советское государство прилагало все усилия для того, чтобы предотвратить голод или хотя бы ослабить его последствия там, где его было невозможно избежать. С этой целью были осуществлены меры для снабжения блокированного Ленинграда по воздуху и «дороге жизни», проложенной по льду Ладожского озера.

Хотя не во всех областях страны удалось избежать голодания, ничего похожего на голод времен гражданских войн в стране, за исключением Ленинграда, не было. Созданные в 30-х годах колхозы и совхозы обеспечили страну необходимыми продовольственными продуктами в ходе войны. Н.И. Кондакова подчеркивала: «Когда началась Великая Отечественная война, руководство страны позаботилось о том, чтобы оптимально распределить имеющиеся в стране материальные ресурсы, оградить население, прежде всего тружеников промышленности, от голода и болезней». С конца июля по конец августа 1941 года в 200 городах страны была введена карточная система распределения продуктов питания. А к концу апреля 1942 года этот порядок был распространен на все города и рабочие поселки страны. Кондакова подчеркивает, что при этом «государство сохранило существовавший до этого времени порядок снабжения продовольственными и промышленными товарами детских садов, детских домов».

В апреле 1942 года было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих». В 1945 году 18 500 тысяч городских жителей имели свои огороды, что было в 4 раза больше, чем перед началом войны. Эти подсобные хозяйства существенно помогли населению в тяжелые годы.

Даже в тяжелых условиях войны советское государство продолжало осуществлять меры, направленные на оздоровление условий труда и быта всех советских людей. Постановлением ГКО от 2 февраля 1942 года были разработаны меры по предупреждению эпидемических заболеваний в стране. В результате число заразных заболеваний в 1942 году снизилось даже по сравнению с довоенным временем. Поскольку многие врачи и медицинские работники ушли на фронт и их число сократилось в тылу в 2 раза, были приняты меры по переподготовке врачей и медсестер.

Поскольку одним из следствий войны стало распространение туберкулеза, решением СНК СССР от 5 января 1943 года были введены специальные лечебные карточки для больных туберкулезом. Принятые меры существенно повлияли на трудоспособность больных и снижение смертности среди них. Н.И. Кондакова констатировала: «Несмотря на неимоверные трудности военных лет, нехватку всего, Советское государство значительно увеличило расходы на здравоохранение. Направляя работу органов здравоохранения, привлекая к социально-оздоровительной работе широкую общественность, государство сумело сохранить здоровье основной массы созидательной силы трудящихся. Население в основном было обеспечено медицинским обслуживанием и в основном избежало массовых заболеваний. Главными факторами, определившими эти достижения в трудные военные годы, явились: государственная система здравоохранения, ее социальный характер, бесплатное медицинское обслуживание населения, плановость и профилактика, тесная связь с наукой».

Несмотря на войну, в стране принимались меры для соблюдения принятого в предвоенные годы закона о всеобщем обучении детей школьного возраста. Продолжали работать детские сады, школы, техникумы, вузы, успешно развивались ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Ассигнования на подготовку специалистов высшей и средней квалификации возросли с 1943 по 1944 год в 2 раза. От призыва в армию были освобождены студенты всех курсов 83 вузов и студенты последних курсов всех вузов.

Принимались меры для восстановления ущерба, нанесенного системе школьного образования войной и оккупацией. От вражеского нашествия пострадало 89 % школ. Учителей отчаянно не хватало. На оккупированной территории более 3 миллионов детей школьного возраста в течение 2-3 лет не учились. Для восстановления школьной системы

были выделены дополнительные средства. Уже к 1944/45 учебному году на территориях, освобожденных Красной армией, было возрождено 89,6 % разрушенных школ.

Война ярко продемонстрировала гуманный характер социалистического строя, его заботу об обеспечении прав каждого советского человека на достойную жизнь даже в тяжелейших условиях войны, навязанной советскому народу. Вместе с тем, вступая на освобождаемые земли, бойцы Красной армии видели всюду следы разорения и смерти, принесенные немецко-фашистскими захватчиками. «Наступление Красной Армии, – продолжал Сталин, – в еще большем, чем прежде, объеме раскрыло варварский, бандитский характер гитлеровской армии. Немцами истреблены в захваченных ими районах сотни тысяч наших мирных людей. Как средневековые варвары или орды Атиллы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения… Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам. Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния!» Впоследствии советское правительство настаивало на предании суровому суду оккупантов и их вдохновителей, ответственных за преступления против советских людей.

Одновременно советское руководство требовало сурового наказания и для тех, кто сотрудничал с оккупантами. По мере освобождения оккупированных земель производились аресты среди коллаборационистов. С весны 1943 года по май 1945 года заключенных в лагеря за такие преступления насчитывалось около 77 тысяч человек. На самом деле число тех, кто сотрудничал с оккупантами, было значительно большим. Этому способствовала активная деятельность германской армии по созданию «пятой колонны» внутри СССР еще до начала Великой Отечественной войны. В этом им помогала часть эмиграции во главе с такими белыми генералами, как Краснов, Шкуро.

Власовская армия, насчитывавшая несколько сотен тысяч человек, была не единственным воинским образованием, созданным немцами на Восточном фронте из местного населения. По данным американского исследователя Р. Смал-Стоцкого, немцами были сформированы национальные части из украинцев (около 220 тысяч человек), белоруссов (10 тысяч человек), казаков (20 тысяч человек), литовцев (27 тысяч человек), латышей (20 тысяч человек), эстонцев (свыше 10 тысяч человек), калмыков (15 тысяч человек)[1], крымских татар (35 тысяч человек), выходцев из Средней Азии (ПО тысяч), выходцев из Северного Кавказа и Закавказья (110 тысяч). Даже из этого приблизительного перечня следует, что доля представителей некоторых народов, сражавшихся на стороне немцев, относительно общей численности их этнической группы составляла немалое число (эта доля в ряде случаев превышала в десятки раз соответствующую долю среди белорусов). Это обстоятельство давало повод для резко негативного отношения к представителям этих народов в целом. Как и власовцы, члены этих формирований активно использовались немцами не столько в боевых действиях, сколько при осуществлении карательных операций против партизан и мирного населения оккупированных областей страны. Советские войска и гражданское население оккупированных областей страны стали свидетелями жестокостей, творимых союзниками оккупантов. Поэтому требования возмездия за преступления, совершенные гитлеровцами, распространялись и на коллаборационистов в военной форме и в гражданской одежде.

Такие требования в острой эмоциональной форме выдвигались обычно военными, рассказывавшими о действиях на фронтах тех или иных национальных формирований в немецкой форме или вероломных ударах в спину лиц той или иной этнической группы. В условиях продолжавшейся войны было нелегко высказать недоверие советским воинам и уцелевшим жертвам массовых экзекуций, обвинявшим целые этнические группы в вероломстве и зверствах. К концу 1943 года сложились преувеличенные представления о

---

[1] В Калмыкии приводятся данные о том, что на самом деле численность корпуса калмыков не превышала 4-6 тысяч.

чуть ли не поголовном сотрудничестве с немцами целых народов СССР, хотя зачастую подобные огульные обвинения в измене игнорировали то обстоятельство, что наряду с предателями среди представителей «обвиненных» народов было и немало честных патриотов и доблестных воинов Великой Отечественной войны, в том числе Героев Советского Союза. Эти обвинения привели к решениям о ликвидации или реорганизации ряда автономных республик и автономных областей и высылке в конце 1943 – первой половине 1944 годов калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, татар Крыма, турок-месхетинцев из мест их проживания.

СССР не был единственной страной среди стран антигитлеровской коалиции, в которой по огульным обвинениям в сотрудничестве со странами оси были задержаны десятки тысяч людей. В 1940 году в ходе поиска немецкой «пятой колонны» «бдительные» жители Голландии, Бельгии и Франции хватали людей, которые казались им агентами гестапо и нередко убивали на месте. Арестам подвергались любые иностранцы. Порой арестовывали священников и монахинь, которых обвиняли в том, что они – переодетые немецкие парашютисты. Зачастую эти действия получали поддержку со стороны правительств и правоохранительных органов этих стран. Среди жертв репрессий оказался и яростный враг Гитлера – Лион Фейхтвангер, который был брошен во французский лагерь и лишь чудом сумел оттуда бежать. (Об этом он поведал в своей книге «Чёрт во Франции».) Десятки тысяч «подозрительных» лиц (главным образом иностранцев) были арестованы в Англии при правительстве У. Черчилля. Позже многих из них вывезли в Канаду, но по пути часть судов с арестантами были потоплены немецкими подводными лодками.

Казалось, нападение Японии на Пёрл-Харбор не застало ФБР врасплох: через 48 часов после начала войны американская полиция арестовала 3846 тайных агентов Японии, Германии и Италии. Однако полицию и ФБР донимали сообщениями о тайной агентуре, которая якобы орудовала безнаказанно у них под носом. Рядовые американцы разоблачали соседей, которые мастерили у себя на чердаке что-то «подозрительное», или вели «подозрительные» разговоры, или владели «подозрительными» языками. Подсчеты ФБР свидетельствовали, что ложные и ошибочные доносы превышали подлинные случаи вражеской деятельности примерно в 10-20 раз. Особые подозрения вызывали лица японского происхождения. Сотни тысяч бдительных американцев информировали государственные органы о том, что выходцы из Японии нарочно размещают свои огородные грядки так, чтобы их направление показывало пролетающим самолетам путь на ближайшие авиационные заводы. Они доносили, что по ночам лица японской крови показывали фонариками, куда надо лететь бомбардировщикам микадо. И хотя ни один японский самолет за всю войну не долетел до континентальной части США, эти сообщения вызывали панику и всеобщее возмущение. Убеждение в том, что каждый японский эмигрант и потомок японских эмигрантов является членом тайно законспирированной «пятой колонны» стало основанием для жестоких мер «демократического» президента США Ф.Д. Рузвельта.

В течение одной недели в феврале 1942 года 120 тысяч американцев японского происхождения были выселены из своих домов (главным образом в Калифорнии) и брошены в лагеря, размещенные в северных штатах страны. Три года люди, вина которых никогда не была доказана, провели за колючей проволокой.

Следует учесть, что беззакония, совершенные в отношении 120 тысяч американских сограждан, творились в стране, на землю которой не упала ни одна вражеская бомба, не ступил ни один вражеский солдат, а последняя гражданская война отгремела 80 лет назад.

Однако, если в СССР решения о депортации населения нескольких автономных областей и республик были отменены, осуждены, а почти все ликвидированные национальные образования были восстановлены, практически никаких мер по восстановлению справедливости в отношении лиц, репрессированных в 1940-1942 годах, не было принято на Западе. Лишь с большим опозданием жертвы необоснованных репрессий японского происхождения получили в США некоторые компенсации, В странах же Западной Европы постарались забыть об огульных репрессиях 1940 года.

В то же время, несмотря на нарушение законности в отношении ряда народов СССР, межнациональные отношения в Советской стране по-прежнему строились на принципах равноправия. Более того, в огне Великой Отечественной войны дружба между народами СССР лишь окрепла. Несмотря на попытки германской агентуры вызвать серьезные распри между народами СССР, ей это не удалось. Свой вклад в разгром гитлеровцев и освобождение нашей страны внесли представители всех народов СССР. Из 8,6 миллиона советских воинов, погибших на фронтах войны, было 5747,1 тысячи русских, 1376,4 тысячи украинцев, 251,4 тысячи белорусов и 1293,4 тысячи представителей других национальностей СССР. За годы войны звание Героя Советского Союза было присвоено более 11,6 тысячи человек. Из них: 8160 – русским, 2069 – украинцам, 309 – белорусам, 161 – татарам, 108 – евреям, 96 – казахам, 92 – армянам, 61 – мордвинам, 44 – чувашам, 43 – азербайджанцам, 39 – башкирам, 39 – осетинам, 18 – марийцам, 18 – туркменам, 18 – литовцам, 14 – таджикам, 13 – латышам, 10 – киргизам, 10 – коми, 10 – удмуртам, 9 – эстонцам, 9 – карелам, 6 – адыгейцам, 5 – абхазам, 3 – якутам, а также представителям других национальностей.

Освобождение советских земель, большинство которых находились на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, сопровождалось мерами по ускоренному восстановлению разрушенного хозяйства и национальной культуры этих республик. Из других республик туда завозилось продовольствие, топливо, строительные материалы, различное сырье, автомашины, тракторы, минеральные удобрения, товары народного потребления. С помощью остальных республик быстрыми темпами возрождалась система национального образования. Эти факты чрезвычайной помощи народам западных республик, пострадавших от хозяйничанья оккупантов, теперь игнорируются в Прибалтике и на западе Украины. Освобождение этих земель приравнивается к немецко-фашистской оккупации, а в Эстонии день освобождения Таллина объявляется траурным.

В разгар войны было принято решение о повышении статуса союзных республик СССР на международной арене. На сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в 1944 году, был принят указ об учреждении народных комиссариатов иностранных дел в каждой союзной республике. Вскоре советское правительство стало настаивать на включении во вновь созданную Организацию Объеденных Наций всех республик СССР в качестве самостоятельных членов. Сопротивление западных держав помешало реализовать это предложение, но СССР добился включения Украины и Белоруссии в качестве самостоятельных членов ООН.

9 февраля 1946 года Сталин имел основание сказать: «Война показала, что советский многонациональный государственный строй с успехом выдержал испытание, еще больше окреп за время войны и оказался вполне жизнеспособным государственным строем».

Глава 23
Завершение Второй мировой войны и ее последствия

В своем докладе 6 ноября 1943 года Сталин указал: «Истекший год был переломным не только в Отечественной войне Советского Союза, но и во всей мировой войне… Результаты и последствия побед Красной Армии далеко вышли за пределы советско-германского фронта, изменили всё течение мировой войны и приобрели крупное международное значение. Победа Союзных стран над общим врагом приблизилась, а отношения между союзниками, боевое содружество их армий вопреки ожиданиям врагов не только не ослабели, а, наоборот, окрепли и упрочились».

Через три недели после этого доклада, 28 ноября 1943 года, в здании советского посольства в Тегеране открылась первая конференция глав трех великих держав – СССР, США и Великобритании. Эта и последовавшая за ней конференция в Ялте (февраль 1945 года), а также другие международные встречи и переписка между руководителями СССР, США и Великобритании определили боевое сотрудничество великих держав до конца Второй мировой войны и основы послевоенного мира.

Решающая роль СССР в военных действиях по разгрому гитлеровской Германии и ее союзников заставила США и Великобританию признать западные границы СССР по состоянию на 21 июня 1941 года, вопреки сопротивлению польской эмиграции. Попытки СССР строить свои отношения с эмигрантским правительством Польши на основе советско-польского договора, подписанного в декабре 1941 года, были сорваны поддержкой польской эмиграцией в Лондоне гитлеровской провокации по поводу захоронений в Катыни.

Однако еще до освобождения Смоленска Красной армией международные эксперты из направленной немцами в Катынь комиссии установили, что пули, которыми были расстреляны польские офицеры, были немецкой марки «Гезо», серия Д, калибр 7,65 мм. 8 мая 1943 года Йозеф Геббельс записал в своем дневнике: «К сожалению, в могилах Катыни были обнаружены немецкие боеприпасы. Вопрос о том, как это произошло, нуждается в выяснении». Затем Геббельс, очевидно, стал придумывать версию, как объяснить присутствие немецких пуль, и записал: «Полагаю, это то, что мы продали в период наших дружеских отношений с Советской Россией, или же советские люди сами побросали их в могилы». Однако, понимая нелепость подобных объяснений, Геббельс сделал для себя неутешительный вывод из сообщений о находке немецких пуль в трупах польских офицеров: «Если это станет известно врагу, то от всей катынской истории придется отказаться».

Нелепость фашистской версии была очевидна. Нет никаких оснований полагать, что немецкие пули служили в качестве боеприпасов Красной армии. Еще нелепее предположить, что немецкие пули были использованы советскими властями для расстрела польских офицеров с целью ввести в заблуждение мировую общественность. В этом случае надо предположить, что советские власти еще весной 1940 года заранее предвидели оккупацию Смоленска немцами и обнаружение ими захоронения. Кроме того, не было разумных объяснений того, почему советские власти решили уничтожить в апреле 1940 года 10 тысяч польских офицеров из лагерей в Смоленской области, но сохранили жизни десяткам тысяч таких же польских офицеров, находившихся в других лагерях СССР. Так же очевидно, что все документальные свидетельства, доказывавшие то, что польские офицеры были живы вплоть до германской оккупации Смоленска, были уничтожены немцами во время подготовки ими катынской провокации.

Исходя из клеветнического характера геббельсовской кампании, поддержанной польской эмиграцией, Сталин в своем письме У. Черчиллю от 21 апреля 1943 года осудил поведение правительства Сикорского. Сталин писал, что «нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу».

В этих условиях СССР стал опираться на те силы в Польше, которые были его надежными союзниками, – коммунистов и левых социалистов. Они и возглавили польское правительство, созданное на освобожденной Красной армией польской территории. В конечном счете правительства США и Великобритании признали правительство Польши, которое возглавили коммунист Б. Берут и левый социалист Э. Осубко-Моравский.

Продвижение Красной армии за пределы СССР вызывало озабоченность на Западе. Черчилль не раз пытался изменить направление десанта англо-американских войск с тем, чтобы не допустить вступления советских войск на Балканы и в страны Центральной Европы. Его беспокоило и растущее влияние коммунистов в этих и других странах Европы, так как они стали самой влиятельной силой антифашистского сопротивления. 4 мая 1944 года Черчилль в беседе с Иденом выразил свою озабоченность «коммунистическими интригами в Италии, Югославии и Греции» и настаивал на разработке мер, направленных на предотвращение «распространения советского влияния».

Вступление советских войск в Бухарест после свержения там диктатуры Антонеску 23 августа 1944 года было радостно встречено румынским народом. Так же тепло встречали советские войска и в других городах Румынии, которая объявила войну Германии. К маю 1945 года на стороне Красной армии сражалось около полумиллиона румынских солдат.

После вступления в Румынию Красная армия вышла на границу Болгарии, являвшейся

союзницей Германии по антикоминтерновскому пакту и ее соучастницей по агрессии. В своей ноте Советское правительство от 5 сентября 1944 года объявила войну Болгарии. Однако чуть ли не впервые в мировой истории объявленная война не состоялась. 8 сентября 1944 года Красная армия без единого выстрела вступила на территорию Болгарии. После того как Жуков сообщил Сталину о том, как дружески встретил болгарский народ и болгарские войска Красную армию, Верховный Главнокомандующий отдал распоряжение: «Все оружие болгарских войск оставьте при них, пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства». Комментируя это распоряжение, Жуков писал: «Этим простым актом со стороны Верховного Главнокомандования было выражено полное доверие болгарскому народу и болгарской армии, которые по-братски встретили Красную Армию, видя в ней свою освободительницу от немецких оккупантов и царского профашистского режима».

9 сентября в результате государственного переворота прогерманское правительство было свергнуто и к власти пришло правительство Отечественного фронта, в котором значительную роль играли коммунисты. Новое правительство, во главе которого встал генерал Кимон Георгиев, отменило фашистские законы, была проведена демократизация армии, ликвидированы крупные частные монополии, введено трудовое законодательство, отвечавшее интересам рабочих. Болгарские войска присоединились к частям Красной армии и приняли участие в освобождении Югославии и Венгрии от фашистских захватчиков.

Освобождение Красной армией Румынии, Болгарии, восточной части Югославии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Австрии потребовало сотни тысяч жизней советских воинов. Только благодаря этому освободительному походу, занявшему около года, рухнули режимы угнетения и геноцида. Только благодаря Красной армии сотни тысяч узников гитлеровских «лагерей смерти» были спасены от неминуемой гибели и были освобождены. Те, кто сейчас обвиняет Советский Союз и коммунизм в преступлениях против человечества, должны задуматься о том, что случилось бы с народами освобожденных стран, с сотнями тысяч евреев и лиц других национальностей в гитлеровских лагерях, если бы не было СССР и Красной армии.

По мере продвижения Красной армии за границы СССР и расширения советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе Черчилль все активнее настаивал на встрече «большой тройки» для обсуждения вопроса о разделе «зон ответственности» и, наконец, в октябре 1944 года лично направился в Москву для решения этого вопроса.

В ходе первой же встречи Черчилль заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Британии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 % в Румынии, на то, чтобы мы занимали преобладающее положение на 90 % в Греции и пополам – в Югославии?» По словам Черчилля, «пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал: Румыния. Россия – 90 %; другие – 10 %. Греция – Великобритания (в согласии с США) – 90 %; Россия – 10%. Югославия – 50 % – 50 %. Венгрия – 50 % – 50 %. Болгария. Россия – 75 %. Другие – 25 %».

По словам Черчилля, закончив составление своей таблицы, он «передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он (Сталин. – *Примеч. авт.)* взял синий карандаш и, поставив на листке большую галку, вернул его мне. На урегулирование этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Затем наступило долгое молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». «Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин».

Комментируя эту сцену, Бережков, переводивший беседу Сталина с Черчиллем, писал: «Возможно, предложением об уничтожении бумаги Черчилль хотел привлечь своего визави

для участия в конспиративном акте – совместной ликвидации компрометирующего документа, что можно было бы потом трактовать как достигнутый сговор. Но Сталин на это не пошел. И все-таки, я думаю, определенное воздействие на политическую ситуацию в послевоенной Европе встреча двух партнеров по антигитлеровской коалиции оказала».

Совершенно очевидно, что в условиях мировой войны советское правительство не могло пойти на конфронтацию с западными союзниками и было вынуждено мириться с тем, что английские войска в декабре 1944 года развернули бои против войск Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС) и сторонников Национально-освободительного фронта (ЭАМ), во главе которых стояли коммунисты Греции. В ходе переговоров с Тито и другими югославскими руководителями осенью 1944 года Сталин вопреки возражениям своих собеседников настаивал на создании в Югославии коалиционного правительства во имя сохранения единства антигитлеровской коалиции.

В то же время Сталин знал, что союзники, исходя из принципов, изложенных Черчиллем, не вмешаются, когда входе выступлений, организованных Народно-демократическим фронтом (НДФ), во главе которого стояли румынские коммунисты, были свергнуты одно за другим три прозападных правительства генералов Санатеску и Радеску. Сформирование нового правительства из членов НДФ во главе с Петру Гроза (он сам не был коммунистом) в марте 1945 года определило новую политическую ориентацию Румынии. Несмотря на сохранение королевского строя, уже весной 1945 года было объявлено о радикальной аграрной реформе. Фашистское законодательство было упразднено.

Учитывая позицию Черчилля, советское правительство не препятствовало участию представителей некоммунистических партий в работе Временного национального собрания Венгрии, собравшегося в Дебрецене в декабре 1944 года на территории, контролировавшейся Красной армией. Из 230 депутатов коммунистов были 71. Наряду с компартией в собрании были представлены Социал-демократическая партия, партия мелких сельских хозяев, Демократическая партия и профсоюзы. По инициативе коммунистов были приняты решения о роспуске фашистских партий, национализации угольных шахт, земельных недр и энергетических источников, аграрной реформе.

И все же было очевидно, что попытки Черчилля диктовать свои условия Советскому Союзу игнорировали реальную роль Красной Армии в победах над Германией. Еще одним свидетельством того, что США и Великобритания не смогли бы одолеть Германию без помощи СССР, явились события в конце 1944 – начале 1945 годов, когда поражения, понесенные западными союзниками в Арденнах от немецких войск, заставили Черчилля обратиться к Сталину за срочной помощью. Откликаясь на призыв союзника, Сталин приказал ускорить наступление на советско-германском фронте, что отвлекло немецкие войска с Западного фронта. В последние же месяцы войны гитлеровское командование перебрасывало свои войска с Западного фронта на Восточный, чтобы не допустить вступления Красной армии в центральную часть Германии. Одновременно среди германских верхов предпринимались усилия для заключения сепаратного мира с западными союзниками. Этим усилиям потворствовали и действия американской разведки.

Попытки гитлеровского руководства внести раскол в ряды союзников провалились. 22 апреля 1945 года главы СССР, США и Великобритании обменялись обращениями по радио по случаю встречи их войск в центре Германии. Новый президент США Гарри Трумэн писал И.В. Сталину 8 мая 1945 года: «Мы высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы. Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы врага, как бы мощны они ни были». Потсдамская конференция (17 июля – 2 августа 1945 года) закрепила прежние договоренности между участниками «большой Тройки», в том числе и те, что затрагивали интересы нашей страны.

Решающая роль СССР в разгроме гитлеровской Германии отразилась и в переменах, происходивших в освобожденных странах. В апреле 1945 года на освобожденной Красной армией территории Чехословакии в городе Кошице было сформировано коалиционное

правительство во главе с левым социал-демократом З. Фирлингером. В его состав вошли коммунисты, социал-демократы, члены Национальной социалистической, Народной и Демократической партий. В основу деятельности правительства была положена программа, разработанная при активном участии коммунистов Чехословакии.

Хотя нет сомнений в том, что приходу коммунистов к власти в странах Юго-Восточной и Центральной Европы способствовало вступление на их территорию Красной армии, следует учесть, что все эти страны освобождались либо от германской оккупации, либо от фашистских режимов, сотрудничавших с гитлеровской Германией. Освобождение этих стран от фашизма неизбежно открывало путь для глубоких социальных и политических преобразований, которые могли предложить коммунисты, левые социалисты и другие наиболее последовательные борцы против режимов социального и национального угнетения.

В то же время Советское правительство отнюдь не настаивало на том, чтобы новые правительства в странах, освобожденных от фашизма, возглавляли коммунисты или их надежные союзники. Вскоре после выхода советских войск на территорию Австрии Сталин, по словам Штеменко, «при докладе обстановки сказал, как он часто делал, ни к кому непосредственно не обращаясь: "А где сейчас находится тот самый социал-демократ Карл Реннер, который был учеником Каутского? Он много лет подвизался в руководстве австрийской социал-демократии, и, кажется, был главой последнего парламента Австрии?" Никто не ответил: такого вопроса никак не ожидали. "Нельзя пренебрегать влиятельными силами, стоящими на антифашистских позициях, – продолжал Сталин. – Наверное, гитлеровская диктатура научила кое-чему и социал-демократов…"»

По словам Штеменко, «4 апреля пришел доклад Военного совета 3-го Украинского фронта, где сообщалось, что Карл Реннер сам явился в штаб 103-й стрелковой дивизии… "Теперь и у коммунистов, и у социал-демократов задача одна – уничтожение фашизма", – сказал Реннер… Сообщение о встрече с К. Реннером было получено в Москве вечером 4 апреля».

Это сообщение было передано Сталину. Тот тотчас же продиктовал телеграмму Ставки Военному совету 3-го Украинского фронта. В телеграмме было сказано: «1) Карлу Реннеру оказать доверие; 2) сообщить ему, что ради восстановления демократического режима в Австрии командование советских войск окажет ему поддержку; 3) объяснить Реннеру, что советские войска вступили в пределы Австрии не для захвата ее территории, а для изгнания фашистских оккупантов». 27 апреля Реннер возглавил Временное правительство Австрии и затем стал первым послевоенным президентом этой страны. В состав нового правительства Австрии вошли и коммунисты.

Не предпринимало советское правительство попыток поставить коммунистов и во главе побежденной Финляндии. Вплоть до марта 1946 года президентом Финляндии оставался фельдмаршал Карл Маннергейм, главный организатор борьбы с коммунистами страны с 1918 года, а затем активный союзник Гитлера. Правительство Финляндии возглавлял Ю.К. Паасикиви, близкий к правой Национальной коалиционной партии. (В то же время в состав правительства Паасикиви вошли коммунисты.) Советское правительство лишь старалось добиться проведения правительством страны курса на искоренение фашистской идеологии в этой стране, наказание фашистских преступников и лояльного выполнения положений о перемирии.

В то же время усилия Черчилля остановить приход коммунистов к власти, предлагая Сталину договориться о «квотах» влияния в различных странах, не учитывали того обстоятельства, что коммунистическое движение развивалось не только там, куда вступали части Красной армии. Несмотря на роспуск Коминтерна в 1943 году, коммунистическое движение добилось таких успехов в годы войны, которые были немыслимы прежде.

Освобождение Югославии, Албании и Греции от немецко-фашистских захватчиков было осуществлено не Красной армией, а национально-освободительными силами, во главе которых стояли коммунисты. К тому же коммунисты стали играть заметную роль в местных органах власти и вошли в составы центральных правительств ряда стран Западной Европы,

освобожденных не Красной армией, а западными союзниками. Этому способствовало то обстоятельство, что коммунисты стояли во главе национально-освободительного движения против оккупантов.

В ходе упорной борьбы против немецко-фашистской оккупации французские коммунисты потеряли одну десятую всех своих членов (около 75 тысяч человек), а потому компартию Франции называли «партией расстрелянных». После освобождения страны многие коммунисты стали во главе органов местного самоуправления Франции. С апреля 1944 года коммунисты вошли в состав Французского комитета национального освобождения во главе с Шарлем де Голлем, а затем вплоть до 1947 года неизменно входили в составы временных правительств Франции.

Коммунисты Бельгии, возглавлявшие Движение Сопротивления в период оккупации, сыграли значительную роль в освобождении антверпенского порта и Льежского района. Сразу же после освобождения страны два места в правительстве были переданы коммунистам.

Значительная роль, которую играла компартия Италии в антифашистском Сопротивлении, а затем в освободительной борьбе на севере страны, способствовала росту ее численности (в конце 1944 года – более полумиллиона человек, в конце 1945 года – 1,7 миллиона человек). В ту пору коммунисты тесно сотрудничали с социалистами Италии. И те и другие требовали введения республиканской конституции, осуществления радикальных социальных и экономических реформ. С апреля 1944 года коммунисты и социалисты Италии вошли в состав коалиционного правительства страны.

В первое коалиционное послевоенное правительство Дании вошли представители Движения Сопротивления, включая коммунистов. В коалиционное правительство Норвегии во главе с Э. Герхардстеном, сформированном в середине 1945 года, вошли два коммуниста. В норвежском парламенте коммунисты получили 11 мест. В Исландии коммунисты (Единая социалистическая партия) вошли в состав правительства с 1944 года. В 1945 году вошел коммунист и в правительство Люксембурга. С 1945 года по 1957 год коммунисты и социалисты Сан-Марино неизменно получали большинство на выборах и формировали правительство этой самой древней и крохотной европейской республики.

Существенно выросло число голосов, поданных за компартии, и в тех странах Западной Европы, где коммунисты не вошли в составы правительств. В Швеции на выборах 1944 года коммунисты получили 10 % голосов избирателей и 18 мандатов в рикстаге. В Нидерландах коммунисты на первых послевоенных выборах получили полмиллиона голосов (в 1937 году – 137 тысяч) и 10 мест в парламенте. Впервые в истории английской палаты общин в ее состав в июле 1945 года вошли два коммуниста.

Совершенно очевидно, что укрепление позиций коммунистов в большинстве стран Европы произошло не вследствие давления Красной армии на волеизъявление народа, а в результате осознания широкими массами того, что коммунизм в лице СССР и партий международного коммунистического движения стал решающей силой, обеспечившей победу над злейшими врагами человечества – фашизмом, нацизмом и их союзниками.

Победа над Германией и ее союзниками стала победой над антикоммунистическим блоком, сплотившимся под идеями неравенства между людьми, уничтожения миллионов людей и превращения целых народов в рабов «высшей расы». Эта победа стала новым импульсом для распространения идей социальной справедливости, национального равенства. Об этом свидетельствовали не только успехи компартий, но победа лейбористской партии в Великобритании на выборах в июле 1945 года, приход к власти социалистов и социал-демократов в ряде других стран Западной Европы. В этих странах проводились реформы, направленные на решение острых социальных проблем трудящихся и демократизацию общественной и политической жизни.

Сдвиги в сторону социальных преобразований произошли и на другом конце планеты, где до конца лета 1945 года шла борьба против главного союзника Германии по антикоминтерновскому пакту – Японии. То обстоятельство, что западные державы не

представляли, как одолеть Японию без советской помощи, невольно способствовало активному участию Красной армии в событиях, изменивших политическое положение в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В ответ на неоднократные просьбы США и Великобритании помочь им в разгроме японских милитаристов, Сталин уже в октябре 1943 года сообщил неофициально американскому государственному секретарю Хэллу о готовности СССР вступить в войну «сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии». Это обязательство было уточнено Сталиным в Ялте и в Потсдаме в 1945 году обещанием начать военные действия против Японии через 3 месяца после победы над Германией. Ровно через 3 месяца после подписания Германией акта о безоговорочной капитуляции СССР объявил войну Японии, а Красная армия нанесла сокрушительный удар по самой мощной сухопутной японской армии – Квантунской.

Разгром Квантунской армии и капитуляция Японии резко изменили ситуацию на востоке Азии. Вступление советских войск в Маньчжурию позволило им оказать помощь оружием китайским коммунистам, что впоследствии существенно помогло им в ходе гражданской войны против гоминьдановского правительства Чан Кайши. В Северной Корее к власти пришли коммунисты во главе с Ким Ир Сеном. Однако распространение влияния коммунистов в Восточной Азии этим не ограничилось.

Как и Европе, советские победы над поработителями народов способствовали успехам коммунистов и других сил национального освобождения азиатских стран, даже если они были расположены далеко от мест боевых действий Красной армии. Под руководством коммунистов Вьетнама началась августовская революция 1945 года, а 2 сентября 1945 года руководитель вьетнамских коммунистов Хо Ши Мин провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам. Индонезийские коммунисты, находившиеся на нелегальном положении, вошли в состав коалиционного правительства Индонезии, провозгласившей свою независимость в августе 1945 года. Впоследствии коммунисты вошли в состав Социалистической партии Индонезии и ее руководитель А. Шариффудин стал премьер-министром страны. По инициативе коммунистов Бирмы была создана Антифашистская лига народной свободы, которая возглавила антияпонское восстание в марте 1945 года. Коммунисты Филиппин стали организаторами армии антияпонского сопротивления Хукбалахап, созданной в 1942 году. Эта армия помогала американцам изгнать японцев из Филиппин. Борьбу против японских оккупантов возглавили и коммунисты Малайи.

Победы Красной армии и поражения антикоммунистического блока Германии способствовали активизации коммунистического движения во всех странах мира. В ходе Второй мировой войны в ряде стран мира коммунисты вышли из подполья (в Иране – в 1941 году, в Австралии и Индии – в 1942 году, в Тунисе и Алжире – в 1943 году), были созданы компартии Марокко и Цейлона, восстановлены легальные коммунистические партии Канады и Швейцарии, прежде запрещенные. В конце войны легализовались компартии Сирии, Бразилии, Перу, Аргентины, Венесуэлы. На выборах 1945 года в составы учредительных собраний штатов Бразилии и Федерального учредительного собрания было избрано 73 коммуниста. В 1944 году коммунисты Эквадора, а в 1946 году коммунисты Чили вошли в правительства этих стран. Коммунистических партий не существовало лишь в странах, находившихся под властью фашистских диктатур в Испании, Португалии, ряде стран Латинской Америки, а также почти во всех африканских колониях.

Участие коммунистов и левых социалистов в деятельности правительств и парламентов многих стран мира отразилось в существенных завоеваниях рабочего и демократического движения. Конституция IV Французской республики, принятая в 1946 году, была гораздо демократичнее конституции III республики. В ходе референдума 1946 года в Италии была упразднена монархия. Новая конституция провозглашала Италию «республикой, основанной на труде», с двухпалатным парламентом, всеобщим избирательным правом и пропорциональным представительством. Конституция предусматривала широкую областную

автономию, право трудящихся на участие в управлении государством через их политические и профсоюзные организации, признавалось равноправие мужчин и женщин, право каждого на труд, на социальное обеспечение. Конституция гарантировала частную собственность, но признавала возможность ее ограничения и национализации, в том числе отчуждение земельной собственности.

В Австрии и Италии были национализированы предприятия, принадлежавшие сторонникам Гитлера и Муссолини. Во Франции была осуществлена национализация шахт, железных дорог, пяти крупнейших банков, электроэнергетических и газовых предприятий. На долю государственного сектора теперь приходилось 20 % промышленной продукции страны.

В Великобритании были национализированы Банк Англии, угольная промышленность, электроэнергетика, газовая промышленность, авиационный, железнодорожный, грузовой, автомобильный, водный транспорт. На национализированный сектор приходилось 20 % всех рабочих и служащих страны.

Во многих странах Западной Европы на предприятиях создавались органы рабочего представительства. Производственные советы, или комитеты, в Финляндии, Италии, Западной Германии участвовали в решениях заводского руководства относительно производства, найма и увольнения рабочих.

В ряде стран рабочие добились улучшения своего материального положения. Во Франции был принят закон о равной оплате мужчин и женщин. Были повышены в 3,5 раза пенсии жертвам войны, выросли на 85 % пособия многодетным семьям, расширено жилищное строительство. В Италии была введена скользящая шкала заработной платы (ее повышение в зависимости от роста цен), улучшено пенсионное обеспечение, установлены оплачиваемые отпуска. В 1947 году в Бельгии был введен закон о социальном страховании, предусматривавший выплату пособий по старости, болезни и инвалидности. В Бельгии и Нидерландах рабочие получили ежегодные двухнедельные отпуска. В Финляндии был введен закон о 8-часовом рабочем дне.

В Великобритании было введено бесплатное медицинское обслуживание, была расширена система социального страхования, увеличены пособия на детей, начиная со второго ребенка, снижен пенсионный возраст (до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин). В странах Скандинавии было уменьшено налогообложение лиц с низкими доходами и увеличен налог с буржуазии, введены ежегодные пособия для детей и всеобщее обязательное страхование.

В Японии с 1947 года началось проведение аграрной реформы с выкупом помещичьих земель, установлен 8-часовой рабочий день, введено страхование по безработице.

В мире, победившем антикоммунистический блок, влияние коммунистического, рабочего и демократического движения усиливалось, и уже нельзя было игнорировать роль коммунистов и общественных организаций, в которых они играли существенную роль. 3 октября 1945 года впервые в мире была создана Всемирная федерация профсоюзов (ВФП), в которую вошли все крупнейшие национальные профсоюзные центры всех стран планеты, за исключением Американской федерации труда. Наряду с профсоюзами СССР, а также профцентрами Италии, Франции и ряда других стран, возглавлявшихся коммунистами, в ВФП вошли такие влиятельные некоммунистические профсоюзы, как Британский конгресс тред-юнионов, Конгресс производственных профсоюзов США и другие. Создавались условия для объединения усилий всех отрядов мирового рабочего движения.

10 ноября 1945 года была создана Всемирная федерация демократической молодежи, в состав которой наряду с ВЛКСМ вошли представители влиятельных некоммунистических союзов молодежи. 1 декабря в Париже на таких же принципах была основана Международная демократическая федерация женщин.

В ходе мировой войны постоянно увеличивалось число стран, устанавливавших дипломатические отношения с СССР. Если на 1 января 1923 года СССР имел дипломатические отношения с 10 странами мира, к 21 июня 1941 года – с 25 странами, то к

концу 1945 года – с 49 странами мира, то есть почти со всеми государствами – членами Организации Объединенных Наций.

В созданной в 1945 году Организации Объединенных Наций СССР стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности, без согласия которого нельзя было принять ни одного решения этого высшего органа ООН по вопросам всемирной безопасности. Когда в Ялте Сталин напомнил Рузвельту и Черчиллю об исключении СССР из Лиги Наций и спросил их, не повторится ли это и в ООН, оба руководителя энергично заверили его в невозможности такого. Было ясно, что без СССР нельзя было ни победить Германию и ее союзников, ни обеспечить прочного послевоенного мира.

После победы над Германией, Японией и их союзниками стало ясно, что Советский Союз, руководимый Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) во главе с И.В. Сталиным, стал державой, без которой невозможно решение глобальных вопросов. И это признавалось практически всем миром. Это приветствовалось миллионами людей во всем мире. Это оспаривали лишь фашистские правительства, сохранившиеся в Испании, Португалии и ряде других стран, банды фашистов и их пособников, еще прятавшихся от Красной армии в лесах Германии, Прибалтики, Западной Украины, военные преступники Германии и Японии, ожидавшие своей участи на скамьях подсудимых на судебных процессах в Нюрнберге и Токио, а также все, кто мечтал о восстановлении режима угнетения и геноцида.

Краткие выводы

Мирное развитие СССР постоянно отягощалось угрозой возможной войны, которую готовили враги коммунизма и нашей страны на Западе. Для того чтобы не допустить военного поражения СССР, его руководство во главе с И.В. Сталиным предприняло беспрецедентные прежде усилия по модернизации промышленности, сельского хозяйства, создания новых отраслей производства, науки и техники. Инерция гражданских войн, сложные общественные процессы, связанные с быстрыми социальными и культурными переменами, невероятно напряженные условия осуществления программ индустриализации и преобразования сельского хозяйства вызывали обострение политической борьбы в обществе, привели к немалым жертвам, в том числе и человеческим. Однако главным итогом предвоенного десятилетия стала готовность СССР отразить вражеское нападение даже самых крупных держав мира.

Приход к власти нацистов и фашистов в Германии и ряде других стран мира совершился под антикоммунистическими лозунгами. Вторая мировая война была развязана гитлеровской Германией, и ее союзники по Антикоминтерновскому пакту, сплотившиеся под знаменами антикоммунизма, видели одной из своих главных целей разгром, расчленение и порабощение Советского Союза. Поэтому еще до начала войны СССР и поддерживавшее его международное коммунистическое движение были наиболее последовательными противниками фашизма и нацизма. В то же время СССР стремился по возможности оттянуть начало войны и одновременно отодвинуть свою западную границу. Эти цели решались в ходе внешнеполитических действий СССР с августа 1939 года по август 1940 года. Одновременно СССР осуществлял ускоренное перевооружение Красной армии.

Разгром антикоммунистической коалиции Германии, Японии, Италии и других стран, объединенных Антикоминтерновским пактом, и спасение человечества от порабощения и гибели стали возможны прежде всего благодаря историческому подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. Советский народ разгромил врагов своей страны и всего человечества под руководством Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), во главе которой стоял Генеральный секретарь ЦК партии И.В. Сталин. Победа советского народа стала возможной благодаря тем усилиям, которые были им осуществлены в годы предвоенных сталинских пятилеток. Поэтому лишения и трудности, которые вынес народ в ходе тяжелого и героического периода социалистического строительства, были во многом

оправданы. Суровые, а порой и жестокие меры советского правительства были объяснялись тогдашней жестокостью международной жизни.

Это было понятно даже идейно-политическим врагам Сталина и коммунизма. Так, выступая по случаю 80-летия Сталина в британской палате общин 21 декабря 1959 года, Уинстон Черчилль говорил, что Сталин «был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода… Большое счастье для России, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял гений, непоколебимый полководец И.В. Сталин… Он принял Россию с сохой и оставил ее оснащенной атомным оружием».

Поражение германского нацизма, итальянского фашизма, японского милитаризма и их идейно-политических союзников означало также торжество коммунистической и социалистической альтернативы в мировом масштабе. Это проявилось и в признании великой роли СССР в послевоенном мире, и в резком росте популярности коммунистических партий, осуществлении социально-экономических преобразований по образцу СССР.

Поэтому авторам резолюции ПАСЕ надо доказать неправомерность исторических перемен, происшедших в мире вследствие разгрома антикоммунистического блока государств. Им надо будет доказать, что подавляющая часть международного сообщества пребывала после весны и лета 1945 года в невменяемом состоянии на протяжении большей части XX века. Чем же как не состоянием невменяемости можно объяснить желание таких влиятельных членов международного сообщества, как Великобритания (в том числе ее премьер-министра У. Черчилля) и США, заключить военно-политический союз с СССР в 1941 году и оказывать ему военную помощь? Чем как не состоянием безумия тогда можно объяснить ту поддержку, которую оказывали многие политические и общественные деятели СССР, то сотрудничество, которое сложилось во многих странах с коммунистами в общей антифашистской борьбе? Чем как не состоянием умопомрачения можно тогда объяснить популярность СССР и коммунистического движения в год победы над Германией и ее союзниками? Получается, что лишь Гитлер, Муссолини, Тодзио и другие не пребывали в состоянии умопомрачения.

Следует задуматься о том, в каком состоянии окажется мир, если рекомендации принятой ПАСЕ резолюции будут воплощены в жизнь. Очевидно, что признание коммунистических режимов преступными, означало бы не только диверсию против ООН и всей системы международных соглашений, заключенных с СССР в ходе Второй мировой войны, но даже признание незаконными капитуляции Германии и Японии, поскольку акты капитуляций этих стран были подписаны представителями СССР. Тогда придется усомниться в законности Нюрнбергского процесса и Токийского процесса, поскольку СССР был одним из учредителей международных трибуналов, судивших военных преступников Германии и Японии. Но, может быть, именно это и является одной из целей авторов резолюции ПАСЕ?

Часть 4
СССР и мировой коммунизм во второй половине XX века

Выливая ушаты грязи на историю СССР до начала 1950-х годов, враги нашей страны не оставляют в покое и советскую историю второй половиныXXвека. 45 послевоенных лет в прошлом нашей страны изображаются годами преступлений советской власти против своего народа и всего человечества. При этом на Советский Союз возлагают ответственность за развязывание холодной войны и наиболее тяжелые события, связанные с этим долгим периодом обострения международной обстановки, а вина США и других крупных держав Запада за гонку вооружений, войны против других народов полностью игнорируется. Хотя четыре с лишним десятилетия послевоенной истории были ознаменованы в СССР значительным улучшением условий социальной и политической жизни, антикоммунисты используют любой случай в советском прошлом для изображения

послевоенной советской истории как периода жестокого политического гнета, безысходной бедности и нищеты.

В то же время полностью игнорируются реалии послевоенного мира, в котором под флагом антикоммунизма в ряде стран осуществлялись государственные перевороты, проводились массовые, нередко кровавые, репрессии. Вне внимания оставались продолжавшаяся эксплуатация трудящихся, сохранение различных видов дискриминации, ограбление народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Для сокрытия правды о 40 с лишним годах советской истории используются политические кризисы в СССР и ряде других стран Европы в конце 80-х – начале 90-х годовXXвека. Эти события используются для доказательства преступности социалистического строя. При этом игнорируются реальные причины этих кризисов и их развитие.

Глава 24
Начало холодной войны

Победа обошлась нашей стране в дорогую цену. Погибло около 27 миллионов советских людей. СССР потерял 30 % своего национального богатства. На советской земле, ставшей основным театром военных действий Второй мировой войны, было полностью или частично разрушено 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, свыше 6 миллионов зданий. Были уничтожены многие заводы и другие промышленные предприятия, сооруженные в годы сталинских пятилеток.

Принятый на сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 года четвертый пятилетний план предусматривал проведение широкомасштабных восстановительных работ на территориях, подвергшихся оккупации. На этих землях проживало 88 миллионов людей, производилось 33 % промышленной продукции и засевалось 47 % посевных площадей. Требовалось восстановить первенцев сталинских пятилеток, таких как Днепрогэс, а также металлургические предприятия Украины, 182 шахты Донбасса, промышленные предприятия Белоруссии и т. д.

План предусматривал не только восстановление разрушенного, но и увеличение продукции: по промышленности на 48 % по сравнению с 1940 г., по сельскому хозяйству – на 27 %. Такой прирост был связан с ростом энергозатрат. Пятилетний план определил рост производства электроэнергии на 70 % по сравнению с 1940 г., ускорение использования богатств «Второго Баку», газовых месторождений Западной Украины, Поволжья, Эстонии, строительство 60 новых угольных шахт.

Однако выполнение плана по восстановлению и развитию сельского хозяйства столкнулось с огромными трудностями в первый же год пятилетки. Первый послевоенный 1946 год стал на редкость неурожайным: засуха погубила значительную часть урожая в западных областях страны, а на востоке урон урожаю нанесли затяжные дожди. Валовой сбор зерновых был в 2,2 раза меньше, чем в 1940 году. Помимо плохих климатических условий, плохой урожай был вызван и разрушением сельского хозяйства во время войны. На селе не хватало опытных работников, которых унесла война. Особенно сильным был неурожай на Украине, где в ряде областей возник голод.

События 1946 года заставили руководство страны обратить особое внимание на развитие сельского хозяйства. Состоявшийся в феврале 1947 года пленум ЦК ВКП(б) принял решения о резком увеличении производства сельскохозяйственной техники, повышение культуры земледелия. За пятилетку число тракторов выросло в 1,5 раза, комбайнов – в 1,4 раза.

Хотя пятилетка предусматривала рост благосостояния населения и в конце декабря 1947 года в стране была отменена карточная система распределения ряда продуктов питания, страна долго не могла достичь даже уровня относительного благосостояния, существовавшего в предвоенные годы. К тому же, как и до войны, приоритет отдавался развитию средств производства, а не средств потребления. Опережающий темп развития

средств производства должен был сохраниться на долгие годы. В своем выступлении 9 февраля 1946 года Сталин заявил: «Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Осуществление этих огромных и долгосрочных задач предполагало сохранение мира в течение продолжительного времени. Однако международная обстановка существенно ограничила такие возможности.

Совершенно очевидно, что многие на Западе не были удовлетворены итогами Второй мировой войны. Рост влияния СССР, коммунистических партий в мире, активизация рабочего движения в различных странах, развитие национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах вызывали раздражение в правящих кругах крупных капиталистических стран. Ожидание войны между Западом и СССР широко распространилось уже через месяц после ее окончания в Европе среди американских солдат. Опросы показали, что такую войну ожидала четверть опрошенных, хотя в это время в официальной пропаганде Запада говорилось о боевом сотрудничестве между СССР, Великобританией и США. Как известно, солдаты нередко хорошо знают содержания разговоров своего начальства, а нередко и секретные распоряжение, которые передают офицерам. Уже на Потсдамской конференции Сталин обратил внимание Черчилля на то, что английские власти держали не разоруженными немецкие войска в Норвегии. Через 10 лет Черчилль признался, что отдал распоряжение не разоружать немецкие войска, чтобы быть готовым использовать их для возможного нападения на СССР. Был даже подготовлен план развязывания войны против СССР в начале июля 1945 года.

К тому же в середине июля 1945 года произошло событие, резко изменившее соотношение сил в послевоенном мире. Уже в самом начале Потсдамской конференции президент США Гарри С. Трумэн в присутствии премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля сообщил И.В. Сталину об успешном испытании в США атомного оружия. Так Советскому Союзу давали понять, что в вооружениях произошла революция и США в ней лидируют.

Атомные бомбардировки Соединенными Штатами Хиросимы и Нагасаки, осуществленные якобы «ради сбережения жизней американских солдат», которым предстояло воевать в Японии в 1945-1946 годах, если бы она не капитулировала, показали, что американское правительство оказалось готовым пренебречь колоссальными жертвами среди мирных жителей во имя достижения своих военных целей. Ранее подобное отношение к мирному населению проявилось в ходе бомбардировок Дрездена, Гамбурга и ряда других городов Германии, в ходе которых были уничтожены сотни тысяч мирных жителей. В то же время было очевидно, что жестокое уничтожение сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки, не получивших предупреждения ни о бомбардировке, ни о последствиях ядерной радиации, стало не только сценами из последнего акта Второй мировой войны, но и предвестником начала холодной войны. Американские военные показали СССР, что его ждет в случае вооруженного конфликта с США.

Сразу после окончания Второй мировой войны в правящих кругах США стали разрабатываться планы развязывания новой войны против СССР. За два дня до упомянутого выше письма Трумэна, 9 октября 1945 года, комитет начальников штабов США подготовил секретную директиву 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», которая исходила из подготовки нанесения Америкой превентивного атомного удара по СССР. По мере быстрого накопления атомного оружия в США 14 декабря 1945 года была подготовлена новая директива № 432/d комитета начальников штабов, в приложении к которой были указаны 20 основных промышленных центров СССР и трасса Транссибирской магистрали в качестве объектов атомной бомбардировки.

Во время войны США, Великобритания и другие страны Запада видели в СССР силу, способную сокрушить Германию, Японию и их союзников и сорвать их планы установления мирового господства, а поэтому не шли на откровенно вероломные шаги. В эти годы они воздерживались от критики советского строя, и, видя в Сталине надежного партнера, всячески восхваляли его, Красную армию и Советскую страну. Рузвельт, Черчилль и сопровождавшие их лица вместе со Сталиным посмеялись, когда тот спросил их в Ялте, не считают ли они, что СССР стремится к мировому господству.

Ни после окончания войны, ни в последующие годы политика СССР не изменилась в этом отношении. Анализируя американские планы нападения на СССР, исследователь М. Шерри писал: «Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы, признало командование вооруженных сил. Его экономика и людские ресурсы истощены войной… Следовательно, в ближайшие несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на восстановлении». В докладе Совета планирования политики Государственного департамента от 7 ноября 1947 года признавалось: «Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем». Суммируя свои впечатления о пребывании в СССР и встрече со Сталиным в начале 1947 года, фельдмаршал Монтгомери писал: «В целом я пришел к выводу, что Россия не в состоянии принять участие в мировой войне против любой сильной комбинации союзных стран, и она это понимает. Россия нуждается в долгом периоде мира, в течение которого ей надо будет восстанавливаться. Я пришел к выводу, что Россия будет внимательно следить за обстановкой и будет воздерживаться от неосторожных дипломатических шагов, стараясь не "переходить черту" где бы то ни было, чтобы не спровоцировать новую войну, с которой она не сможет справиться… Я сообщил об этом в докладе британскому правительству и начальникам штабов».

В то же время ослабление СССР и отсутствие у него своего атомного оружия позволяли руководителям Запада надеяться взять реванш за успехи СССР, коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Вот тогда-то и пошли в ход уже использованные Гитлером обвинения в адрес СССР в том, что он угрожает свободе и независимости других стран мира, а само существование советской системы не совместимо с нормами цивилизованного общества.

Эти обвинения были выдвинуты Уинстоном Черчиллем 5 марта 1946 года в его выступлении в Вестминстерском колледже города Фултон (штат Миссури). Хотя эту речь произнес отставной премьер-министр, ее содержание было согласовано с руководством Великобритании и США. В своем выступлении У. Черчилль объявил о том, что над Европой опустился «железный занавес» и разделил ее по линии от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике. Черчилль предлагал пересмотреть последствия Второй мировой войны и решения по странам Центральной и Юго-Восточной Европы, принятые в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Черчилль не скрывал, что политическим орудием ревизии послевоенной системы должна была стать «братская ассоциация народов, говорящих на английском языке». Он подчеркивал, что такая ассоциация предполагала бы совместное использование авиационных, военно-морских баз и вооруженных сил США, Англии и других англоговорящих стран.

Впоследствии понятие «железный занавес», который ввел в политический оборот Черчилль, стало означать прежде всего ограничение возможностей для граждан социалистических стран выезжать в капиталистические страны и получать информацию о жизни на Западе. Однако Черчилль называл «железным занавесом» трудности **в получении Западом информации из стран Центральной и Юго-Восточной Европы,** и на эти трудности уже на Потсдамской конференции жаловались представители западных держав. Считалось, что введенные советскими войсками и их союзниками ограничения на деятельность западных журналистов (а также разведчиков) мешают достаточно полному освещению событий в этих странах, а поэтому Запад не получает полной картины о том, что там происходит. В то же время, употребив словосочетание «железный занавес» из лексикона

Геббельса, Черчилль намекал на то, что за этим занавесом из танков и другого «железного» оружия могли твориться ужасные вещи, а Запад не знал о них. Фактически же Черчилль объявил о начале холодной войны Запада против СССР и его новых союзников.

14 марта J 946 года в «Правде» был опубликован ответ Сталина «одному из корреспондентов» этой газеты, посвященный выступлению Черчилля. Сталин расценил речь в Фултоне как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество… По сути, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война». Сталин решительно отметал требования Черчилля о ревизии Ялтинской системы. Он подчеркивал: «Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию… Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу?»

В своем ответе Сталин исходил из приоритета национальных интересов великих держав, как и Черчилль осенью 1944 года. Сталин не упоминал в своем ответе, что СССР не пытался вмешаться в развитие гражданской войны в Греции и не мешал Великобритании установить в Греции режим, который отвечал интересам Великобритании и США, но лишь подтверждал право СССР заботиться о лояльности своих западных соседей.

Пугающие заявления Черчилля в марте 1946 года о «железном занавесе», создававшие впечатление, что СССР вероломно взял под полный свой контроль страны Центральной и Юго-Восточной Европы, не отвечали действительности. Во-первых, Черчилль умалчивал о том, что Запад еще осенью 1944 года был согласен на преобладающее влияние СССР в Румынии и Болгарии. В марте 1946 года Черчилль ставил под сомнение право СССР иметь в Болгарии и Румынии правительства, которые, по его собственному мнению осенью 1944 года, должны были обеспечить на 75-90 % влияние СССР. Вряд ли можно было считать, что СССР нарушил эту «квоту», установленную самим Черчиллем. В ноябре 1945 года на выборах в Народное собрание Болгарии Отечественный фронт, в который наряду с Коммунистической партией входил Земледельческий союз, получил 88,2 % голосов. Остальные голоса получили партии прозападной оппозиции. В Румынии, в которой сохранялась королевская власть, наряду с правящим Народно-демократическим фронтом существовали и оппозиционные партии.

Во-вторых, Черчилль искажал положение в тех европейских странах, в которых Запад хотел иметь влияние, равное с СССР. В Венгрии, которую Черчилль был согласен разделить поровну между СССР и Западом по степени влияния, на выборах в ноябре 1945 года компартия получила 17 % голосов, социал-демократическая партия – 17 %, Национальная крестьянская партия – 7 %, а выборы выиграла партия мелких сельских хозяев, получившая 57 % голосов. Прозападные силы явно преобладали в Венгрии, и они настаивали на ликвидации ряда социальных преобразований, осуществленных после апреля 1945 года.

Хотя Черчилль хотел в 1944 году добиться равного влияния Запада и СССР на Югославию, на самом деле эта страна не была полностью подвластна чьему-либо влиянию. Лишь под давлением Сталина коммунисты Югославии неохотно согласились включить в состав своего правительства представителей эмигрантского правительства. Вскоре же события показали, что СССР не мог оказывать никакого влияния на действия правительства Югославии.

В-третьих, в странах, о которых не шла речь на переговорах Сталина и Черчилля осенью 1944 года, также не было полного господства СССР. Так, в Чехословакии в начале 1946 года в правительстве и местных органах власти коммунисты делили власть с представителями других партий на паритетных началах. Президентом республики, как и в 1938 году, оставался Э. Бенеш, олицетворявший прозападную ориентацию в стране.

Хотя ведущие посты в Польше оставались в руках коммунистов и левых социалистов,

бывший премьер-министр эмигрантского правительства Миколайчик, вошедший в состав правительства в качестве заместителя председателя, и возглавлявшаяся им партия Польске строництво людове играли значительную роль в политической жизни страны.

Совершенно очевидно, что надуманные обвинения и пугающие заявления Черчилля были предназначены для того, чтобы представить СССР вероломным агрессором и создать атмосферу, благоприятствующую нагнетанию международной напряженности. Вскоре установки, провозглашенные Черчиллем, были взяты на вооружение США и другими державами Запада.

В сентябре 1946 года специальный помощник президента США К. Клиффорд по приказу Г. Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США и на его основе 24 сентября 1946 года представил доклад «Американская политика в отношении Советского Союза», в котором, в частности, говорилось: «Надо указать Советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне… Чтобы держать нашу мощь на уровне, который эффективен для сдерживания Советского Союза, США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну».

В середине 1948 года комитетом начальников штабов США был подготовлен план «Чариотир», предусматривавший применение 133 атомных бомб против 70 советских городов в первые 30 дней войны. 8 бомб предполагалось сбросить на Москву, а 7 – на Ленинград. В последующие два года войны на СССР следовало сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб.

В книге Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР» отмечалось, что 21 декабря 1948 года главнокомандующий ВВС США составил оперативный план САК ЕВП 1-49, в котором говорилось: «Война начнется до 1 апреля 1949 г.». К 1 февраля 1949 года части ВВС должны были получить карты для бомбардировки 70 городов СССР. «Первая фаза атомного наступления, – говорилось в оперативном плане, – приведет к гибели 2 700 000 человек и в зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны повлечет еще 4 000 000 жертв. Будет уничтожено большое количество жилищ, и жизнь для уцелевших из 28 000 000 человек будет весьма осложнена (то есть общее население городов, намеченных для атомных бомбардировок. – *Н.Н. Яковлев)*».

План «Тройан», разработанный в конце 1949 года, предусматривай начать войну против СССР 1 января 1950 года. В течение первых трех месяцев американцы собирались сбросить примерно 300 атомных и 20 тысяч тонн обычных бомб на 100 советских городов.

Цели войны против СССР были определены в директиве СНБ 20/1 «Цели США в отношении России» от 18 августа 1948 года Совета национальной безопасности США. руководимого президентом страны. В ней говорилось: «Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум: а) свести к минимуму мощь и влияние Москвы; б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России… Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

Исходя из возможности военной победы над СССР, авторы директивы писали: «Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления… Мы должны создать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим: а) не имел большой военной мощи; б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира; в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами; г) не устанавливал ничего похожего на "железный занавес"». Таким образом, антикоммунизм, как и при Гитлере, использовался как пропагандистское прикрытие

векового стремления держав Запада подчинить Россию своему господству.

Составление планов ядерного нападения и наращивание военного потенциала в США и других странах Запада сопровождались созданием системы военных баз США во многих странах мира, С некоторых из них постоянно направлялись в сторону СССР самолеты с ядерными бомбами на борту. Одновременно создавалась система военно-политических блоков, направленных против СССР. 17 марта 1948 года в Брюсселе Англия. Франция, а также страны Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) подписали договор об экономическом, социальном, культурном сотрудничестве и коллективной самообороне. Этот договор получил название договора о «Западном союзе». Так закреплялось деление Европы на два противостоящих друг другу военно-политических блока.

4 апреля 1949 года был подписан договор о создании Северо-Атлантического союза (НАТО), в который вошли США, Канада, все страны – участницы Западного союза, а также Норвегия, Дания, Исландия, Португалия. В 1952 году в НАТО вступили Турция и Греция, которые с 1947 года стали получать помощь США, имевшую откровенно антисоветскую и антикоммунистическую направленность. В 1955 году в НАТО вступила ФРГ. В 1954 году была создана Организация договора о Юго-Восточной Азии (СЕНТО), в состав которой вошли США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Пакистан и Филиппины. В 1955 году была создана Организация Центрального договора (СЕНТО), в состав которой вошли Турция, Ирак, Великобритания, Пакистан и Иран. Так была создана система окружения СССР и его союзников, гораздо более мощная, чем «санитарный кордон», создававшийся Клемансо в 1920-х годах.

Однако в своих планах американские военные исходили из того, что не только участники этих военно-политических группировок присоединятся к будущему походу против СССР и возглавляемому им «социалистическому лагерю». План «Дропшот», разработанный комитетом начальников штабов США в 1949 году, предусматривал, что против СССР совместно с США выступят все страны НАТО. В плане указывалось, что Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Израиль, Иран, Индия и Пакистан «постараются остаться нейтральными, но присоединятся к союзникам, если подвергнутся нападению, или серьезной угрозе». Таким образом, речь шла о подготовке всемирного похода против СССР и других социалистических стран.

В обстановке нагнетания холодной войны ряд стран, установивших дипломатические отношения с СССР в ходе войны и после войны, разорвали их. В 1947 году были разорваны дипломатические отношения с СССР Бразилией и Чили, в 1948 году – Колумбией, в 1952 году – Кубой и Венесуэлой. Затем были порваны отношения Австралией, Южно-Африканским союзом и Ираком.

Подготовка к ядерной войне против СССР сопровождалась действиями Запада, направленными на установление экономической блокады нашей страны и ее союзников. 23 июня 1951 года правительство США денонсировало американо-советское торговое соглашение 1937 года, предусматривавшее применение к торговле с СССР принципа наибольшего благоприятствования. Вслед за этим США разорвали торговые соглашения и с другими социалистическими странами. 26 октября 1951 года в США был принят закон «О контроле над помощью для целей взаимной обороны», согласно которому США под угрозой прекращения помощи странам Западной Европы запретили им торговать с социалистическими странами. Список товаров, запрещенных к вывозу в СССР и другие социалистические страны, насчитывал несколько тысяч наименований.

В результате этих дискриминационных мер оборот СССР и других социалистических стран сократился по сравнению с 1937 годом в США в 10 раз, в Великобритании – в 6, во Франции – более, чем в 4 раза. Товарооборот Западной Германии с социалистическими странами сократился по сравнению с 1938 годом более чем в 10 раз, Японии – более чем в 37 раз. Фактически против СССР и других социалистических стран была развернута экономическая война.

К тому же холодная война могла легко перерасти в горячую, что ярко продемонстрировала война в Корее, начавшаяся в июне 1950 года. В ходе этой войны военное руководство США не раз ставило вопрос о применении атомного оружия против Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики.

Хотя холодная война не переросла в полномасштабную мировую войну с применением ядерного оружия, она оказала пагубное воздействие на СССР и его союзников. Огромные средства, необходимые для восстановления разоренного хозяйства и мирного развития СССР и других социалистических стран, расходовались на создание все более мощных вооружений. Экономическая блокада, разорвавшая традиционные торговые связи, создала множество непредвиденных трудностей для удовлетворения потребностей населения СССР и других социалистических стран, тормозила развитие науки и техники. Как и любая война, холодная война отравляла общественный климат в СССР и других социалистических странах, навязывала военные методы руководства, заражала ядом подозрительности сознание людей. Многие послевоенные репрессии в СССР и других социалистических странах были порождены преувеличенными страхами перед подрывной деятельностью агентуры США и их союзников.

Советское правительство вместе с тем предпринимало шаги для снятия возможных очагов напряженности. Поэтому СССР вывел свои войска из ряда стран, где они оказались во время войны (Норвегия, Дания, Болгария, Чехословакия, Северный Китай). СССР осуществил вывод своих войск из Северного Ирана. И это несмотря на то, что вскоре последовали разгром правительством Ирана созданной во время пребывания советских войск автономии Иранского Азербайджана, расправа над членами Демократической партии Азербайджана и подавление национально-освободительного движения курдов в Иране. СССР отказался от ряда территориальных и иных требований, которые были выдвинуты советским правительством в конце мировой войны и в первые послевоенные месяцы. Если в 1945-1946 годах СССР настаивал на пересмотре статуса Черноморских проливов с учетом своих интересов, то затем этот вопрос перестал обсуждаться. Не получили развития и заявления в советской печати об исторической принадлежности Грузии и Армении части территории Восточной Турции. Если в конце 1944 года и начале 1945 года СССР поставил вопрос перед Норвегией о заинтересованности нашей страны в островах архипелага Шпицберген и острове Медвежий и была достигнута договоренность о совместной обороне этих островов, то в 1947 году переговоры по этому вопросу зашли в тупик и больше не возобновлялись. СССР отказался и от первоначальных попыток принять участие в разделе итальянских колоний в Африке.

Советское правительство стремилось предотвратить и конфликты на границах своих новых союзников. По этой причине СССР выступил против планов руководителей Югославии и Болгарии (Тито и Димитрова) о создании Балканской федерации, которые могли бы спровоцировать агрессивные действия Запада.

Даже в тех случаях, когда внешнеполитические действия Советского Союза не были безупречными, было очевидно, что Советское правительство старалось найти выход из создавшихся международных кризисов и конфликтов. В начале 1949 года были предприняты меры для ликвидации острого и затяжного международного кризиса вокруг Западного Берлина, спровоцированного введением в западных секторах Берлина особой валюты. В 1951 году советский представитель в Совете Безопасности Я. Малик выступил с инициативой начала мирных переговоров между воюющими сторонами в Корее. В конечном счете эти переговоры увенчались подписанием перемирия между воюющими сторонами.

Вскоре после окончания Второй мировой войны и создания ООН советская дипломатия выступила с целым рядом предложений, направленных на разоружение и запрещение ядерного оружия. На основе советских предложений Генеральная ассамблея ООН приняла 14 декабря 1946 года резолюцию о принципах, определяющих общее регулирование и сокращение вооружений. Резолюция призвала все органы ООН, занимающиеся проблемой разоружения, решительно ускорить практическое осуществление запрещения атомного

оружия, изъятие его из национальных вооружений и сокращение вооружений. Резолюция также рекомендовала всем государствам ускорить вывод войск с бывших вражеских территорий. На заседаниях Комиссии по обычным вооружениям в 1947 году представитель СССР А.А. Громыко внес план практической подготовки соглашения о всеобщем сокращении вооружений и запрещении атомного оружия.

Советский Союз предложил на III сессии Генеральной ассамблеи ООН 25 сентября 1948 года странам, являвшимся постоянными членами Совета Безопасности (США, Великобритания, Франция, Китай, СССР), сократить все наличные сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы на одну треть в течение одного года. Одновременно предлагалось запретить атомное оружие и учредить международный контрольный орган, который бы наблюдал за соблюдением этого запрета. Это предложение было внесено на рассмотрение Совета Безопасности 8 февраля 1949 года. На IV сессии Генеральной ассамблеи ООН, осенью 1949 года, советская делегация предложила осудить подготовку к новой войне, запретить атомное оружие и подписать Пакт по укреплению мира между пятью великими державами.

Свидетельством стремления СССР и международного коммунистического движения предотвратить новую мировую войну стало поощряемое советским правительством и коммунистами всего мира широкое движение общественности в защиту мира. В первые же месяцы берлинского кризиса при активной поддержке СССР стало развертываться всемирное движение сторонников мира, в котором приняли участие видные деятели культуры, ученые, политические деятели различных стран мира. В августе 1948 года в городе Вроцлав состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры, который обратился с призывом: «Народы мира не хотят войны и имеют достаточно сил *для* того, чтобы отстоять мир и культуру от посягательств нового фашизма». В апреле 1949 года был созван I Всемирный конгресс сторонников мира, а на состоявшемся в Стокгольме в марте 1950 года заседании Постоянного комитета этого конгресса было принято воззвание с призывом запретить атомное оружие. Сбор 500 миллионов подписей в различных странах земного шара под этим воззванием превратился в яркую кампанию осуждения планов использования атомного оружия в войне. На всех мероприятиях движения сторонников мира неизменно подчеркивалась ведущая роль Сталина в защите мира, а по случаю 70-летия Сталина в СССР были учреждены Международные Сталинские премии мира, которые ежегодно присуждались наиболее видным общественным деятелям различных стран.

Однако главные усилия для срыва планов мировой ядерной войны предпринимались Советским Союзом в области оборонного развития. К удивлению многих ученых зарубежных стран, не веривших в способность разоренной страны создать атомную бомбу, такое оружие было испытано в СССР 31 августа 1949 года. Одновременно СССР достиг больших успехов в создании воздушных и наземных средств обороны страны от возможного нападения американских бомбардировщиков с ядерным грузом.

Усилия СССР в создании системы ПВО, бомбардировочной авиации дальнего радиуса действия и советского ядерного оружия сделали нереальными планы безнаказанного нападения на СССР. Комитет начальников штабов США проверил на штабных играх шансы выведения из строя девяти стратегических районов (Москвы, Ленинграда, Урала и т. д.). Оказалось, что при этом американцы потеряют 35 самолетов от действий советских истребителей, 2 – от огня зенитной артиллерии, 5 – по другим причинам. Получалось, что вероятность достижения целей составит 70 процентов, а потери наличного состава бомбардировщиков составит 55 процентов. По словам Н.Н. Яковлева, перед американскими военными встал вопрос: «Сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время Второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 по 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20, или 20,6 процента, самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55 процентов!».

Н.Н. Яковлев обращал внимание и на ряд других соображений, которые приходили в голову американским военным: «По ряду технических обстоятельств воздушное нападение на СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на девятый день открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР теперь уже с применением атомного оружия максимум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанеся ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры – она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, систем обеспечения и обслуживания и приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока».

Ярким свидетельством неспособности американцев нанести безнаказанно ядерный удар по нашей стране явился инцидент на западной границе СССР 8 апреля 1950 года. Тогда знаменитый американский бомбардировщик «Б-29», называвшийся «Летающей крепостью», вторгся в воздушное пространство СССР над Латвией. Он был немедленно атакован, и, как туманно сообщалось в советской ноте протеста, затем «самолет удалился в сторону моря».

Знаменательно, что через три дня после уничтожения в небе советскими летчиками хваленой «Летаюшей крепости», 11 апреля 1950 года, начальник оперативного управления штаба ВВС С. Андерсон доложил министру авиации США С. Саймингтону, что ВВС США не смогут выполнить все воздушное наступление по плану «Тройан» и обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски. В новом плане «Дропшот», принятом в начале 1950 года, срок начала войны переносился на 1 января 1957 года. Гибкая внешняя политика СССР, демонстрация выдержки населения страны, уверенности и спокойствия ее руководителей, ускоренное создание самых совершенных видов современного дорогостоящего оружия привели к тому, что планы превращения нашей страны в ядерную пустыню были сорваны, а мир оказался избавленным от катастрофической глобальной ядерной войны.

Усилия по количественному укреплению своей оборонной мощи сочетались с постоянным качественным совершенствованием вооружений СССР. В 1953 году СССР испытал первую термоядерную бомбу. В 1957 году СССР первым в мире создал межконтинентальную ракету. В октябре 1957 года в Советском Союзе был выведен на околоземную орбиту первый в мире искусственный спутник Земли.

Достижения советской оборонной науки, техники и промышленности сопровождались действиями СССР и его союзников по консолидации своей обороны, что проявилось в создании Организации стран Варшавского договора в мае 1955 года. Но в то же время СССР выдвинул ряд инициатив, направленных на разрядку международной напряженности. 10 мая 1955 года СССР предложил новую программу разоружения, в которой были учтены пожелания западных держав. Программа предусматривав сокращение вооруженных сил СССР, США и Китая размерами от 1 до 1,5 миллиона человек, а Англии и Франции – до 650 тысяч. После сокращения вооруженных сил предлагалось полностью запретить ядерное оружие и другие виды массового уничтожения. В качестве первоочередного мероприятия СССР предлагал запретить испытания ядерного оружия. Это предложение приобрело свою особую актуальность после того, как в результате испытания американской термоядерной бомбы в марте 1954 года в Тихом океане пострадали японские рыбаки и жители Маршалловых островов.

Впоследствии СССР осуществил целый ряд внешнеполитических действий, направленных на разрядку международной напряженности (ликвидация своих военных баз в Финляндии и Китае, шаги, облегчившие подписание Государственного договора с Австрией и превращение этой альпийской республики в нейтральное государство, восстановление дипломатических отношений с Японией и т. д.). Благодаря конструктивной позиции СССР в

1957 году была создана Международная организация по атомной энергии (МАГАТЭ), сыгравшая затем большую роль в контроле за использованием атомной энергии в мирных целях. В 1959 году от имени СССР Н.С. Хрущев на сессии Генеральной ассамблеи ООН выступил с программой всеобщего и полного разоружения, осуществить которую предполагалось в течение 4 лет.

Несмотря на то, что зачастую предложения СССР, направленные на укрепление мира, отвергались западными державами с порога, в начале 60-х годов были осуществлены некоторые сдвиги в сторону разрядки международной напряженности. Наиболее значительным из них стало подписание 5 августа 1963 года Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Затем был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия.

В сложной международной обстановке СССР продолжал выступать за предотвращение новой мировой войны. Лишь благодаря наращиванию Советским Союзом оборонных усилий, позволившему ему в начале 70-х годов достичь относительного равновесия в стратегических вооружениях, были подписаны соглашения между СССР и США, установившие пределы для гонки вооружений. Середина 70-х годов отмечена началом разрядки международной напряженности. В 1975 году в Хельсинки состоялось подписание Заключительного акта конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, закрепившего незыблемость европейских границ и определившего принципы политического, экономического и культурного сотрудничества на этом континенте.

Планы ядерного нападения на СССР, в которых были точно определены цели бомбардировок, число погибших и сроки нападения, были сорваны. Одновременно западный мир был избавлен от ответных ударов СССР. Программа превращения значительной части планеты в ядерную пустыню, сотен городов мира в подобие Хиросимы, Нагасаки и Дрездена была похоронена лишь благодаря усилиям советской страны по созданию ракетно-ядерного щита и последовательной миролюбивой внешней политике СССР.

Глава 25
СССР – поработитель или освободитель народов мира?

Срыв попыток США и их союзников развязать новую мировую, на сей раз ядерную, войну, с тем чтобы уничтожить коммунизм и СССР, не помешал им развязать поход против коммунизма в капиталистических странах. Многие влиятельные политические деятели Запада настаивали на принятии экстренных мер против левых сил в странах Западной Европы. Так, будущий государственный секретарь США Д.Ф. Даллес, посетив страны Западной Европы в конце 1945 года и увидев в них свидетельства огромного влияния коммунистов, стал настаивать на оказании экстренной помощи правительствам этих стран. Раскрывая смысл своего плана «помощи странам Европы», государственный секретарь США Д. Маршалл в своей речи в феврале 1948 года указывал, что чрезвычайная помощь США Европе направлена на предотвращение того, что «европейский континент перешел бы под контроль строя, открыто враждебного нашему образу жизни и форме правления». В то же время антикоммунистические лозунги использовались для превращения «плана Маршалла» в инструмент американского экономического господства в Европе, так как новая международная экономическая организация по восстановлению европейской промышленности находилась под контролем американского капитана.

Холодная война сопровождалась широким наступлением на коммунистическое движение в различных странах мира. Поддавлением США из правительств всех стран Западной Европы в 1947 году были удалены все министры-коммунисты. В 1947-1948 годах в Бразилии были ликвидированы мандаты депутатов-коммунистов в учредительных собраниях штатов. С 1949 года компартия Бразилии перешла на нелегальное положение. В 1947-1950 годах на нелегальное положение были вынуждены перейти компартии в Бирме, Боливии, Венесуэле, Колумбии, Таиланде, Парагвае, Сирии.

В декабре 1947 года была запрещена компартия Греции, 40 тысяч коммунистов были арестованы, а десятки тысяч были вынуждены эмигрировать. В 1946-1947 годах были арестованы и убиты многие руководители компартии Кубы. Вскоре после прихода к власти диктатор Кубы Ф. Батиста издал закон о «контроле над коммунистической деятельностью» и компартия Кубы была запрещена. В 1948 году в Чили запрет на компартию был осуществлен в соответствии с принятым законом «о защите демократии». В 1946-1947 годах были подвергнуты разгрому руководящие центры коммунистической Народной партии Ирана (Туде). В 1947-1949 годах арестам и казням подверглись руководители компартии Ирака. В 1949-1955 годах были арестованы 5 составов нелегального ЦК компартии Ирака. В 1948 году была устроена настоящая резня коммунистов Индонезии, в ходе которой были убиты руководители компартии и Социалистической партии Индонезии во главе с А. Шариффудином. В 1948 году было совершено покушение на генерального секретаря Итальянской компартии П. Тольятти, а в августе 1950 года был убит председатель Бельгийской компартии Жюльен Ляо.

Американские оккупационные власти в Японии запретили политическую деятельность всему составу ЦК компартии и редколлегии центральной газеты «Акахата». Многие тысячи японских коммунистов были уволены с работы. Партия перешла на полулегальное положение. В 1956 году в ФРГ была запрещена компартия Германии. В 1949 году был арестован и заключен в тюрьму руководитель компартии Австралии Шарки, а в 1951 году была предпринята попытка запретить компартию.

В 1947 году в США было выдвинуто обвинение в «подрывной деятельности» против компартии. В 1947-1950 годах в США состоялось 18 процессов, в результате которых были заключены в тюрьмы более 150 коммунистов. На основе принятого в 1954 году закона Хэмфри – Батлера «О контроле над коммунистической деятельностью» компартия США была запрещена.

Травля коммунистов в США сопровождалась разгулом политической истерии. Многие политические деятели, вроде сенатора Джозефа Маккарти, комиссии обеих палат конгресса США и различные общественно-политические организации этой страны неустанно выступали с разоблачениями «красных» и «розовых», которые якобы вели подрывную деятельность против американской демократии. В пособничестве СССР обвиняли американских дипломатов, деятелей науки и искусства. Десятки тысяч людей стали жертвами маккартизма. Их лишали работы, травили публично как изменников родины; многие из них получили сроки тюремного заключения как «подрывные элементы». Наиболее ретивые «охотники на ведьм» выдвигали подобные обвинения против работников Государственного департамента и даже руководства ЦРУ, обвинявшихся в предательстве интересов страны. Шумные публичные расследования в комиссиях конгресса США, транслировавшиеся по телевидению, убеждали американскую общественность в том, что страна заполнена советскими шпионами.

Развернутое в ходе холодной войны наступление на национально-освободительное движение сопровождалось попытками реставрировать колониальные режимы, рухнувшие в ходе Второй мировой войны. Это проявилось в ходе развязанных французскими, голландскими и английскими колонизаторами войн против народов Индокитая, Индонезии и Малайи. Одновременно США с помощью своих союзников на Филиппинах развернули войну против движения Хукбалахап. Соединенные Штаты оказывали активную помощь режиму Чан Кайши в Китае, помогали проамериканскому режиму Ли Сын Мана в Южной Корее.

В то же время страны Запада не оставляли своих попыток сокрушить социалистические страны с помощью психологической войны. В директиве СНБ 20/4 говорилось: «Если Соединенные Штаты используют потенциальные возможности психологической войны и подрывной деятельности, СССР встанет перед лицом увеличения недовольства и подпольной оппозиции в зоне, находящейся под советским контролем». В докладе специального помощника президента США К. Клиффорда от 24 сентября 1946 года подчеркивалось: «В

самых широких масштабах, какие потерпит Советское правительство, мы должны доставлять в страну книги, журналы, газеты и кинофильмы, вести радиопередачи на СССР». С 1947 года начались постоянные пропагандистские радиопередачи «Голоса Америки» на территорию СССР на русском языке, а с 1948 года на русском языке для советских радиослушателей стала вещать радиостанция Би-би-си. В политических радиопередачах доминировали следующие темы: 1) СССР представляет собой угрозу всеобщему миру; 2) Советский строй внутренне непрочен, его хозяйство находится на грани краха, в стране растет широкое недовольство властью и оппозиция растет. На социалистические страны Центральной и Юго-Восточной Европы вещала радиостанция «Свободная Европа».

В первые послевоенные годы на Западе было создано свыше 340 организаций, использовавших эмигрантов из СССР и социалистических стран и занимавшихся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой: «Крестовый поход за свободу», «Национальный комитет борьбы за свободную Европу», «Комитет за свободную Азию», «Польско-американский конгресс», «Национальный комитет свободной Чехословакии», «Литовско-американский конгресс», «Американский комитет освобождения народов России», «Антибольшевистский блок наций» и другие. По американским подсчетам, на содержание аппарата зарубежной пропаганды США ежегодно тратили более 1 миллиарда долларов.

Эта пропаганда должна была идейно вооружать тех, кто был готов поддержать новый крестовый поход против коммунизма после поражения антикоммунистического похода Гитлера. Один из влиятельных политических деятелей США, выступавших в то время за разжигание холодной войны, Джордж Кеннан, писал в 1947 году: «В недрах Советского Союза спрятаны элементы, которые за одну ночь могут превратить, изменить состояние этой страны от нынешней мощи до крайней слабости». Особые надежды в США возлагали на бандформирования в Прибалтике и Западной Украине, которые после изгнания Красной армией их немецких хозяев продолжали вести вооруженную борьбу против советской власти, убивая десятки тысяч советских людей.

17 августа 1951 года палата представителей США приняла поправку к закону о взаимном обеспечении безопасности, внесенную конгрессменом Керстеном. Она предусматривала выделение средств для лиц из «Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, Латвии, Эстонии или областей Германии и Австрии, находящихся под коммунистическим контролем, или других стран, поглощенных Советским Союзом». Эти средства предназначались для того, чтобы «создать из таких лиц национальные элементы вооруженных сил НАТО или для других целей, когда соответствующим образом будет решено президентом, что такая помощь будет необходима для обороны Северо-Атлантического региона и безопасности США». Поправка Керстена означала беспрецедентное нарушение международного права: без объявления войны США выделяли средства для формирования воинских подразделений из иностранцев для возможных военных действий против стран, уроженцами которых они являлись.

Логика холодной войны заставляла советское руководство и коммунистов стран Центральной и Юго-Восточной Европы принимать чрезвычайные меры для укрепления своей безопасности, и это привело к резкому наступлению на антикоммунистическую оппозицию, активно пользовавшуюся поддержкой Запада. В то же время нельзя утверждать, что укрепление позиций коммунистов в этих странах привело к разрушению демократии. Большинство этих стран, за исключением Чехословакии, находилось и до войны под властью авторитарных или фашистских режимов. Фашистские режимы существовали и в странах Прибалтики, вошедших в состав СССР лишь в августе 1940 года. После немецко-фашистской оккупации во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы были уничтожены малейшие подобия демократии. Социальные реформы, осуществленные в этих странах после Первой мировой войны и под сильным давлением примера СССР, носили ограниченный характер. Поэтому общественные преобразования в странах народной демократии, как первоначально назывались страны Центральной и Юго-Восточной Европы,

оказавшиеся в советской сфере влияния, были давно насущными и осуществлялись в интересах значительной части народных масс.

Вопреки лживой пропаганде последних лет, утверждающей, что эти страны были ограблены СССР, на самом деле они получили от Советского Союза существенную помощь сразу после окончания войны. Почти все эти страны сильно пострадали от войны (так, за годы оккупации и войны Польша потеряла 22 % населения и 38 % всего национального богатства). Несмотря на собственные трудности. СССР оказал этим странам экстренную продовольственную и медицинскую помощь. Во многих оккупированных городах Германии бойцы Красной армии раздавали хлеб и другие продукты, чтобы избежать голода среди населения. Сразу же после окончания военных действий на территории этих стран СССР стал поставлять в страны народной демократии промышленное сырье, что позволило решить проблему безработицы. По заключенному в октябре 1944 году торговому соглашению СССР направил в Польшу хлеб, продовольственные товары, уголь, нефть, нефтепродукты, хлопок и другие виды промышленного сырья. В 1945 году СССР переправил в Болгарию нефть, нефтепродукты, хлопок, металл, металлоизделия и другие товары. На основе бывших германских предприятий в Румынии СССР создал смешанные советско-румынские общества, способствовавшие восстановлению и развитию экономики Румынии.

Огромную помощь оказали советские союзные республики Прибалтике после ее освобождения. С 1944 года сюда направлялись продовольствие, топливо, строительные материалы, сырье для возрождавшейся промышленности, высококвалифицированные специалисты. Были разработаны планы превращения прежде аграрных прибалтийских республик в индустриальные. По темпам промышленного развития Прибалтика опережала остальные республики СССР.

Следует также учесть, что, за исключением Чехии и Восточной Германии, страны Центральной и Юго-Восточной Европы до своего освобождения от фашизма находились на сравнительно низком уровне экономического развития. Поэтому национализация средств производства, осуществленная в этих странах, способствовала мобилизации экономических сил и ускорению их развития. В результате этого среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составили в 1951-1955 годах: в Болгарии – 13,7 %, в Венгрии – 13 %, в созданной в 1949 году Германской Демократической Республике (ГДР) – 13,7 %, в Польше – 16,2 %, в Румынии – 15,1 %, в Чехословакии – 11,2 %. Быстрое развитие этих стран и осуществлявшиеся в них социалистические преобразования сопровождались ликвидацией безработицы, введением бесплатного здравоохранения, образования, многих видов социального обеспечения.

Однако совершавшиеся властями революционные социальные и политические преобразования зачастую не учитывали готовность всех слоев общества поддержать их. Это стало причиной бегства многих граждан ГДР из первого социалистического государства Германии (до августа 1961 года для этого им было достаточно перейти свободно в западные сектора Берлина), а затем забастовок и волнений 17 июня 1953 года. Волнения в Польше летом и осенью 1956 года, восстание в Венгрии в октябре – ноябре 1956 года также стали проявлением глубоких противоречий между политикой правительств этих стран и требованиями населения.

К тому же не все внешнеполитические действия советского правительства в 1950-х годах оказались достаточно продуманными и последовательными. Конфликт между логикой холодной войны и заботой об интересах населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы порой порождал острые споры в советском руководстве и правительствах этих стран, колебания в их политике. Это проявилось в 1953 году в ходе дискуссий в советском руководстве о судьбе Германской Демократической Республики. Острые споры и колебания в руководстве СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы были вызваны событиями в Польше и Венгрии в 1956 году. Лишь опасения по поводу возможной дестабилизации обороны стран Варшавского договора и сведения о массовых и бесчеловечных расправах над коммунистами в Венгрии привели к тому, что после ряда

колебаний советское руководство приняло решение подавить антикоммунистическое восстание в Венгрии вооруженным путем.

Непродуманность и колебания были проявлены советским руководством в ходе так называемого ракетного кризиса вокруг Кубы в октябре 1962 года. Планы достижения военно-стратегического перевеса над США и желание защитить Кубу от американского нападения привели правительство, возглавлявшееся Н.С. Хрущевым, к поспешным решениям и непоследовательным действиям, чреватым опасными последствиями для дела мира и для судьбы Кубы.

Однако ошибочные действия советского правительства во многом объяснялись острой борьбой на международной арене с Соединенными Штатами, которые взяли на вооружение «балансирование на грани войны». Воспользовавшись обострением отношений между СССР и Китаем, Соединенные Штаты в 1964 году развязали войну против народа Вьетнама. В ходе этой войны США прибегали к массированным бомбардировкам против мирного населения, использованию химического оружия. В ходе продолжительной войны было уничтожено более 1 миллиона вьетнамцев. Военные действия и уничтожение мирного населения были распространены и на другие страны Индокитая – Лаос и Камбоджу. Во всем мире, в том числе и в США, возмущение агрессивными действиями и уничтожением населения стран Индокитая сопровождалось массовыми выступлениями протеста. Особенно активно против действий США выступали молодежь и студенчество этой страны, а также других стран мира.

США предпринимали агрессивные действия и поощряли подрывную деятельность против других стран мира. После победы на Кубе народной революции 1 января 1959 года эта страна подвергалась экономической блокаде со стороны США. Американское правительство субсидировало многочисленные террористические акты и диверсии против Кубы, а в апреле 1961 года США организовало с помощью своих наемников вторжение на остров Свободы с целью свержения правительства Фиделя Кастро. В ходе ракетного кризиса в октябре 1962 года США готовили широкомасштабное нападение на Кубу. При этом не исключалось применение ядерного оружия. Но и после того, как кризис был улажен, США не отказались от своей враждебной политики по отношению к Кубе.

В 1965 году под предлогом «отпора коммунизму» США осуществили интервенцию против Доминиканской Республики. США не раз поощряли военные перевороты против тех правительств Латинской Америки, которые стремились добиться экономической и политической независимости своих стран. С осени 1970 года, после прихода к власти в Чили правительства Народного единства во главе с Сальвадором Альенде, в составе которого были коммунисты и социалисты, американские компании и правительство США стали готовить заговор против законно избранного правительства. Заговор увенчался государственным переворотом, совершенным военной хунтой во главе с генералом Аугусто Пиночетом 11 сентября 1973 года. После этого переворота были арестованы и казнены без суда десятки тысяч чилийцев. В эти годы военные хунты, пришедшие к власти при поддержке США в ряде стран Латинской Америки, погубили десятки тысяч людей. Было совершенно очевидно, что везде, где США и их ставленники чувствовали себя безнаказанными, они устанавливали фашистские режимы, осуществлявшие кровавые массовые репрессии.

Вскоре после развязывания войны США против народов Индокитая, в обстановке нагнетания антикоммунистических страстей, в 1965 году в Индонезии был совершен военный переворот, в ходе которого была учинена беспрецедентная по масштабам резня коммунистов. Более миллиона коммунистов и сочувствовавших им лиц были зверски убиты.

В этой сложной обстановке СССР не раз оказывался перед нелегким выбором своего внешнеполитического курса. Свидетельством этого стал кризис в отношениях между большинством стран Варшавского договора во главе с СССР и Чехословакией. Опасения, что внутриполитические перемены в Чехословакии приведут к разрушению системы общей обороны стран Варшавского договора, отразились в ходе острых и затяжных дискуссий между руководителями СССР и Чехословакии вплоть до августа 1968 года. Хотя ввод войск

СССР и ряда других стран Варшавского договора вызвал протесты правительств многих стран Запада, советские руководители имели моральное право на превентивные меры: ради освобождения Чехословакии от гитлеровской оккупации отдали жизни 150 тысяч советских солдат и офицеров. Западные же державы выдали в 1938 году Чехословакию на заклание Гитлеру. Советский Союз не имел права еще раз рисковать в сложной международной обстановке. Война во Вьетнаме показывала, что США и их союзники были готовы использовать любую брешь в социалистическом лагере для того, чтобы совершить жестокое нападение и залить кровью любую страну ради достижения своих агрессивных целей.

Эти и другие события использовались правящими кругами США для изображения СССР как «тюрьмы народов». Еще в начале 1953 года конгресс США принял предложенную правительством Эйзенхауэра резолюцию, в которой выражалась надежда на то, что «народы, находящиеся под господством советского деспотизма, должны будут вновь обрести права на самоопределения». В странах Запада проводились различные мероприятия «борцов за освобождение народов», в которых участвовали эмигранты из социалистических стран. При этом в состав делегаций нередко входили те, кто сотрудничал с гитлеровцами в годы войны.

9 июля 1959 года конгресс США принял резолюцию «О порабощенных народах», в которой говорилось: «С 1918 года империалистическая и агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собой зловещую угрозу для безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира». Устранение этой «угрозы» требовало, по словам резолюции, «освобождения Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белой Рутении (Белоруссии. – *Примеч. авт.),* Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала (то есть нерусских народов Поволжья и Урала. – *Примеч. авт.),* Тибета, Козакии (то есть, областей, населенных казачеством. – *Примеч. авт.),* Туркестана, Северного Вьетнама и других». От имени народов этих стран и краев в резолюции провозглашалось: «Эти покоренные нации обращаются к Соединенным Штатам как к цитадели человеческой свободы в поисках руководства для достижения их освобождения и независимости».

На самом деле ни один из представителей перечисленных стран и народов не участвовал в составлении этой резолюции (что, вероятно, объясняло появление странных географических названий в ее тексте). Ее подлинным автором был американец Лев Добрянский, доцент Джорджтаунского университета, находящегося в столице США. Плохо владея топонимикой, доцент зато отлично знал, в чем состоит выгода от разжигания межнациональных противоречий в СССР для реализации глобальных планов США. Он писал: «Большинство ресурсов СССР сосредоточено в нерусских областях: сельское хозяйство на Украине, Туркестане и Грузии, уголь на Украине и в Туркестане, нефть в Азербайджане и Идель-Урале, 90 процентов марганца в Грузии и на Украине, железная руда на Кавказе и Украине… Сорок три процента вооруженных сил СССР – это не русские».

Другой причиной для развертывания кампании по освобождению «порабощенных народов» состояла в ее «контрпропагандистской направленности». Объясняя смысл резолюции 1959 года, председатель Всеамериканской конференции по борьбе с коммунизмом Ф. Макнамара подчеркивал: «Москва требовала самоопределения во всех частях света в течение многих лет, постоянно бросая обвинения в колониализме в отношении западных держав и требуя, чтобы народ в Латинской Америке, который якобы порабощен американским империализмом, народы Азии, Африки и так далее получили независимость». Таким образом, выдвигая свои обвинения против СССР, американские политические деятели отдавали себе отчет в том, что они служат аргументами в ходе холодной войны.

Макнамара был не точен. С первых же лет своего существования Советская страна не только говорила, но и делала немало для освобождения народов, порабощенных империалистическими державами. Нет сомнения в том, что без Октябрьской революции политическая карта мира была бы иной и цвета, в которые окрашены территории ведущих капиталистических держав, по-прежнему бы доминировали на многих континентах планеты.

Активная поддержка Советским Союзом национального освобождения стран земного шара особенно усилилась после окончания Второй мировой войны. Прежде всего, СССР оказывал помощь национально-освободительному движению Китая, возглавляемому коммунистами, а затем и Китайской Народной Республике. В соответствии с советско-китайским договором о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 года СССР предоставил кредит КНР в размере 300 миллионов долларов для оплаты поставок из Советского Союза оборудования электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, рудников, а также транспортного оборудования и других материалов, необходимых для восстановления и развития народного хозяйства Китая.

Только в ходе первого пятилетнего плана развития Китая СССР оказал помощь в строительстве 156 предприятий и 21 отдельного цеха. После провозглашения Народной Республики правительство Китая пошло по пути социалистического развития своей гигантской страны и добилось в этом немалых успехов. Только в период с 1952 по 1957 год удельный вес промышленности в народном хозяйстве КНР повысился с 26,7 % до 40 %. Массовый голод, который еще в 1920-1930-х годах уносил десятки миллионов жизней в Китае, ушел в прошлое. Промышленность Китая, созданная в первые пятилетки при помощи СССР, стала основой для последующего успешного превращения этой державы в одну из крупнейших экспортеров мировой промышленной продукции.

Советское правительство оказывало всестороннюю помощь в развитии Монгольской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики. Пастушеская Монголия превратилась в аграрно-индустриальную страну. Народ Северной Кореи, восстановив страну с помощью СССР и других социалистических стран, превратил её в страну с высокоразвитой промышленностью. Большую помощь СССР оказал в восстановлении хозяйства Вьетнама после колониальной войны, которую вела Франция в 1945-1954 годах, а затем после империалистической войны, которую вели США в 1964-1973 годах.

Однако СССР не ограничивал свою помощь социалистическими странами. С первых же сессий Генеральной ассамблеи ООН СССР выступал за прекращение колониальных войн и упразднение режима расовой дискриминации в Южной Африке. Постоянно выражая солидарность с борьбой народов Азии и Африки за свою независимость и расовое равенство, СССР оказывал им материальную поддержку с первых же лет их самостоятельного существования.

После того как в СССР поступили сведения о начавшемся в Индии голоде, И.В. Сталин принял посла Индии в СССР С. Радхакришнана и, по словам А.И. Микояна, «обещал… оказать помощь Индии поставкой в кратчайший срок 10 тысяч тонн пшеницы за плату… Сталин мне сказал, что надо поскорее отгрузить пшеницу в Индию… Через две недели или меньше первыми с пшеницей прибыли советские пароходы… Не только индийское правительство, но и пресса и общественность приняли этот факт с большой благодарностью и с уважением к Советскому Союзу, который так быстро пошел на поставку пшеницы ввиду голода в Индии».

Хотя наша страна не несла ответственности за разграбление богатств стран Азии, Африки и Латинской Америки, она одной из первых в мире стала оказывать действенную помощь этим странам в реализации их планов национального развития. В феврале 1955 года было подписано советско-индийское соглашение о сооружении металлургического комбината в Бхилаи мощностью 1 миллион тонн стали в год. Советский Союз предоставил Индии кредит для строительства этого комбината на льготных условиях и направил специалистов, оказавших техническую помощь в его сооружении. 3 февраля 1959 года на заводе Бхилаи был получен первый чугун.

В феврале 1958 года было подписано соглашение о строительстве Асуанской высотной плотины и гидроэлектростанции в Египте мощностью в 10 миллиардов киловатт-часов. Первая очередь станции вступила в строй в 1964 году. Эта мощная ГЭС, позволившая Египту существенно увеличить производство электроэнергии, была построена с помощью советских

кредитов и советских специалистов.

Советский Союз помогал строить элеваторы в Афганистане, металлургический завод в Алжире, механические заводы, фабрики по производству строительных материалов, рафинированию золота в Гане, металлургического завода в Индонезии и десятки тысяч различных промышленных объектов в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

СССР развернул программу оказания огромной помощи этим странам в создании своих научных и технических кадров. Помимо открытого в Москве Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, специально предназначенного для подготовки специалистов с высшим образованием в странах Азии, Африки и Латинской Америки, сотни тысяч студентов из этих стран обучались в самых разных высших учебных заведениях Советского Союза.

Огромную помощь оказывал СССР и в отстаивании независимости новых государств мира. СССР помогал новым странам Азии и Африки создавать свои вооруженные силы, обучая их офицерский состав и оказывая помощь вооружением. На протяжении послевоенного времени СССР не раз вступался за эти страны, когда их свобода и независимость были под угрозой. Так было в 1956 году в ходе агрессии Великобритании, Франции и Израиля против Египта, в 1957 году во время угрозы нападения Турции при помощи блока НАТО на Сирию. Решительные действия СССР остановили продвижение войск Израиля на территории Сирии в 1967 году и Египта в 1973 году.

Нет сомнения в том, что некоторые действия советского правительства, вызванные заботой о судьбе независимости этих стран, проводимых в них социальных преобразований, а также интересами безопасности СССР, порой не учитывали всех противоречивых сторон развития этих стран. Примером этого является гражданская война в Афганистане, в которую в декабре 1979 года втянулся Советский Союз. Последующие события показали, что в этой экономически отсталой стране, являющейся до сих пор полем боя мировой наркомафии и базой мировых террористов, решить вековые проблемы было нелегко, опираясь лишь на поддержку малочисленной партии коммунистов и сочувствовавшим им людям. В то же время очевидно, что вооруженная помощь СССР Анголе и ряду других стран Африки в отстаивании независимости от агентуры империализма спасли их свободу и независимость.

В 1960 году Н.С. Хрущев от имени советского правительства выступил на сессии Генеральной ассамблеи ООН с проектом «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам». Советское правительство поставило вопрос об «окончательной ликвидации колониального режима управления во всех его видах и разновидностях». Эта инициатива СССР способствовала искоренению колониального режима на планете.

Популярность политики СССР в странах Африки, Азии и Латинской Америки, в которых проживает большинство населения планеты, во многом благоприятствовала распространению идей коммунизма и социализма в этих странах. Не только Куба, но и Гана, Гвинея, Мали, Алжир, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Египет, Сирия, Южный Йемен, Афганистан, Бирма, Никарагуа, а также другие страны объявляли о выборе ими социалистического пути развития. Широкие социальные реформы осуществлялись по социалистическому образцу и в других странах третьего мира, старавшихся занять «равноудаленную» позицию между социализмом и капитализмом. Опасения за свои позиции в этих странах заставляли ведущие капиталистические страны оказывать им экстренную помощь, что также зачастую способствовало облегчению положения населения этих стран.

Помогая народам соседних стран в Европе и Азии в экономическом развитии и осуществлении глубоких социальных преобразований, отстаивая независимость и свободу стран Азии, Африки и Латинской Америки, защищая их от агрессии империалистических держав, оказывая им огромную материальную и научно-техническую помощь, Советская страна за семь десятилетий своего существования внесла огромный вклад в улучшение жизни миллиардов людей на планете.

Одновременно СССР способствовал созданию международного законодательства,

гарантирующего права народов мира на лучшую жизнь. То, что в ООН стали обсуждаться вопросы социального характера, является заслугой СССР и других социалистических стран. Советские представители в ООН и ее специализированных учреждениях неоднократно вносили на их обсуждение проекты международных соглашений по вопросам труда, развития образования и культуры. СССР активно участвовал в различных социальных программах ООН и ее специализированных учреждений.

В ходе многолетних усилий СССР и других социалистических стран в принятые в 1966 году Организацией Объединенных Наций пакты о правах человека были включены положения о социально-экономических правах человека, о праве народов и наций на самоопределение. Такие важнейшие демократические требования, как запрещение пропаганды войны, осуждение и запрет всякого рода дискриминаций, признание права за национальными меньшинствами, которые были выдвинуты Советским Союзом, нашли свое отражение в Пакте о гражданских и политических правах, принятом ООН. СССР не раз требовал положить конец практике расизма в различных странах.

На заседаниях сессий Генеральной ассамблеи, обсуждавших вопросы социального развития, на заседаниях Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) СССР и другие социалистические страны выступали за оказание эффективной помощи развивающимся странам с целью преодоления ими социальных последствий колониализма. Они вносили проекты резолюций с требованиями проведения социально-экономических реформ, осуществления индустриализации и аграрной реформы, решения вопросов медицинского обслуживания, образования и социального обеспечения.

Советское трудовое законодательство послужило образцом для подготовки многих решений, принятых Международной организацией труда (МОТ). По инициативе и при поддержке СССР и других социалистических стран были одобрены конвенции и рекомендации МОТ по трудовому законодательству, направленные на решение проблем занятости, улучшения условий труда, повышения профессиональной квалификации трудящихся, ликвидации дискриминации различных категорий трудящихся в оплате труда.

Активно участвуя в деятельности Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), СССР выступал за умножение ее усилий, направленных на расширение медицинской помощи населению, особенно в развивающихся странах. Представители СССР и других социалистических стран в ВОЗ настаивали, чтобы эта организация обращала особое внимание на улучшение условий труда и быта населения развивающихся стран, повышение материальной обеспеченности рожениц, развитие сети дошкольных учреждений.

СССР и другие социалистические страны выступали с предложениями расширения программ ЮНЕСКО по ликвидации неграмотности и малограмотности в различных странах мира. СССР выступал инициатором проведения международных мероприятий по охране культурных ценностей и расширения доступа населения к ним.

Международное законодательство по социальным вопросам, разработанное при активном участии СССР, до сих пор служит надежным ориентиром для обеспечения прав населения планеты. Поэтому объявление советского строя преступным поставил под сомнение правомочность этого законодательства и сыграет на руку тем, кто стремится отбросить человечество назад, ко временам бесправия трудящихся и колониального разбоя.

Глава 26
Достижения реального социализма в современном мире

Западная пропаганда делала все от себя зависящее для того, чтобы извратить внешнюю политику СССР, уверяя население планеты в том, что Советский Союз стремится поработить весь мир. Следует учесть, что пропаганда времен холодной войны имела своей задачей повлиять на умонастроения населения стран Запада с целью заставить его мириться с огромными расходами на вооружение. Эти расходы играли важную роль в регулировании капиталистической экономики. Объясняя эту зависимость, американский экономист Джон

Гэлбрайт писал: «Капиталистическая экономика страдает от ограниченного рынка. Расходы на вооружение… вносят необходимую коррективу». Для того чтобы оправдать огромные военные расходы, которые «корректировали» капиталистическую экономику, население стран Запада убеждали в том, что над ними нависла смертельная угроза. Как объяснял Гэлбрайт, «фантазия и создание образов играют важную роль в отношении между индустриальной системой и государством». При этом, как признавал экономист, «образы, созданные государством, воспринимаются очень серьезно. Если создан образ страны, отстающей в техническом отношении в мире, где от этого зависит успех страны, это обеспечит капиталовложения в научные исследования и технологическое развитие. Если создан образ нации, осажденной врагами, ответом будут капиталовложения в вооружения».

Следует также учесть, что в то время, как для СССР гонка вооружений была прежде всего тяжелым бременем, доля военных расходов по отношению к валовому национальному продукту не была столь велика в США. Обладая валовым национальным продуктом, превышавшим СССР, Соединенные Штаты могли с гораздо большей легкостью переносить бремя гонки вооружений. Как известно, США и ряд других стран Запада находились на более высоком уровне развития к началу общественных преобразований в СССР, не так пострадали от войн XX века, не подвергались экономической блокаде.

Нагнетая страхи перед советской угрозой в интересах стабилизации своей экономики, правящие круги Запада в то же время не без основания опасались, что достижения СССР в экономическом, социальном и культурном развитии могут оказаться заразительными примерами. Поэтому они старались воспользоваться этими примерами для того, чтобы взять на вооружение все, что может решить проблемы капиталистического общества, не разрушая его основы.

Свидетельства быстрого развития советской экономики позволили многим странам увидеть преимущества планового хозяйствования. По примеру СССР стало осуществляться планирование и программирование на уровне отдельных капиталистических предприятий и целых капиталистических государств. Пример решения Советской страной многих острейших социальных проблем подтолкнул и капиталистические страны к осуществлению широких социальных преобразований. По образцу СССР вводилось бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, различные льготы для малоимущих слоев населения. Под влиянием СССР и растущих требований рабочего класса во многих странах были осуществлены значительные улучшения условий труда на производстве. Капиталистические предприниматели брали на вооружение советский опыт морального стимулирования производства, такой как организация соревнования, поощрение новаторства. У входа в японскую фирму советским посетителям перевели надпись: «Кадры решают всё!» Слова Сталина, ставшие лозунгом 1930-х годов, пригодились и для японского производства.

Успехи СССР в развитии науки и образования, особенно ярко проявившиеся после запуска первого советского спутника в 1957 году, послужили толчком для перемен в программах образования, способствовали развитию целых отраслей науки в странах Запада. Введение в практику передовых методов хозяйствования, впервые опробованных в СССР и других социалистических странах, осуществление социальных реформ по примеру СССР, использование опыта СССР в развитии науки и образования приносили эффективные результаты, помогали снять остроту многих противоречий капиталистического строя, позволяли западным странам активнее использовать еще неисчерпанные производительные возможности капитализма. Развитие производства сопровождалось бурным ростом сферы потребления. Тяжелый физический труд все более вытеснялся на производстве, а в сфере услуг и административной деятельности работало все большее число трудящихся.

Благодаря этому многие негативные стороны жизни на Западе ушли в прошлое. Отчаянная нищета рабочих кварталов, жизнь впроголодь, работа в невыносимых условиях от зари до зари, тяжелый детский и женский труд, который оплачивался жалкими грошами, и другие кошмары, описанные в процитированных выше романах Диккенса, Золя, Гюго и пьесе Гауптмана, уходили в прошлое. В значительной степени эти перемены совершились

под воздействием рабочего, социалистического, коммунистического движения, примера СССР и других социалистических стран.

В то же время эти перемены не изменили природу капитализма. Стремление извлечь максимальную прибыль по мере развития индустрии массового потребления привело к усилению эксплуатации потребителя, навязыванию ему искусственных потребностей в дорогостоящих товарах, опутыванию его долгами, взятыми под проценты в банках или в торговле. При этом оплата многих видов первоочередных потребностей людей, таких как достаточно комфортабельное жилье, качественное медицинское обслуживание, высшее образование, постоянно росла и оставалась недоступной для значительной части широких слоев населения.

Сам характер капиталистической экономики не обеспечивал трудящимся надежных условий занятости. Банкротства предприятий, периодические спады производства, затяжные депрессии в тех или иных отраслях или регионах отдельных стран оставляли миллионы людей или без средств существования, или вынуждали их жить на скудное пособие по безработице. Исследование Университета имени Джона Гопкинса показало, что увеличение уровня безработицы в США на 1 % сопровождается ростом числа самоубийств на 4,1 %, увеличением числа заключенных в тюрьмах на 5,7 %, случаев убийств на 4 %.

Признаками социального неблагополучия жизни в развитых капиталистических странах стали резкий рост стрессов и порожденных ими *тяжелых* заболеваний, постоянное увеличение и «омоложение» преступности, распространение наркомании, особенно среди молодежи.

Хотя эксплуатация трудящихся на производстве принимала иные формы в силу сокращения тяжелого физического труда, стремление получить максимум прибыли от труда рабочего сохранилось при капитализме. На работе, не связанной непосредственно с материальным производством, устанавливались жесткие нормы трудовой деятельности. Даже для работ, связанных с обслуживанием оргтехники, устанавливались максимальные нормы труда. Завышенные темпы работы становились причиной аварийности и гибели рабочих на производстве.

Хотя проблемы заработка, условий труда, неравенства в оплате различных категорий трудящихся и многие другие проблемы уже не носили столь вопиющего характера, рабочие различных стран Западной Европы, Северной Америки и других развитых капиталистических стран справедливо требовали увеличения заработной платы, которая неизменно отставала от прибылей владельцев капиталистических предприятий. Рабочие требовали снижения интенсивности своего труда, усиления затрат на безопасность труда.

Сохранялась и дискриминация в заработной плате различных категорий трудящихся. Во многих странах женщины по-прежнему получат и более низкую заработную плату, чем мужчины, и становились первыми жертвами при увольнении на произволстве. Учащаяся молодежь этих стран, представлявшая выходцев из непривилегированных слоев населения, требовала улучшения своего материального обеспечения, улучшения качества массового образования в государственных школах, развития профессионально-технического обучения, отвечающего требованиям научно-технической революции.

Особенно в тяжелом положении оказывались представители национальных меньшинств, покинувших страны третьего мира (как стали называть страны Азии, Африки и Латинской Америки). В поисках средств к существованию они брались за выполнение самой грязной работы, которую отказывались выполнять представители коренного населения развитых капиталистических стран, и фактически они заполняли самую низшую нишу в социальной пирамиде. Согласие выходцев занять ряды наиболее обездоленной части населения развитых стран капиталистического мира объяснялось тем, что на их родине они жили в гораздо более тяжелых условиях.

Разрыв в уровне развития между странами золотого миллиарда, как стали называть наиболее развитые капиталистические страны, и странами третьего мира, сохранялся и даже усиливался. Внешний долг этих стран перед развитыми капиталистическими странами

неуклонно рос. Одновременно многие виды производств, связанных с тяжелым трудом, переводились в развивающиеся страны. Уделм значительной части населения регионов, ставших первыми жертвами капиталистического первоначального накопления, оставалась отчаянная бедность. Сотни миллионов в этих странах страдали от голода, недостатка в чистой воде, хронических болезней, порожденных дефицитом питания, оставались неграмотными.

Подобных проблем и контрастов не знали страны, в которых существовали социалистические отношения. Хотя в этих странах существовало немало нерешенных проблем и немало людей имели основание требовать улучшения своего материального положения, в социалистических странах практически не было безработицы, существовали бесплатное здравоохранение и образование, а квартплата, коммунальные услуги, расходы на городской транспорт составляли сравнительно небольшую долю заработной платы. К началу 1980-х годов на эти страны приходилась почти треть населения планеты и около четверти земной суши. При этом доля социалистических стран в промышленном производстве неуклонно росла. Если в 1950 году она составляла 20 %, в 1960-36 %, то в 1982 году на их долю приходилось 40 % мировой промышленной продукции.

Наиболее мощной экономической державой социализма был СССР, который осуществил социалистическую революцию. Количественные показатели, намеченные Сталиным 9 февраля 1946 года как рубежи, позволявшие нашей стране избежать «всяких случайностей», были достигнуты за две-три пятилетки. Разрыв между СССР и передовыми капиталистическими странами неуклонно сокращался. Доля СССР в мировом промышленном производстве возросла с 3 % в 1917 году до 20 % в начале 80-х годов. Выступая с отчетным докладом на XXV съезде КПСС (1976 г.), генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев заявлял: «Еще внушительнее стал перечень важных видов продукции, по объемам производства которых Советский Союз вышел на первое место в мире. К углю, железной руде, цементу и ряду других продуктов в последние годы добавились сталь, нефть, минеральные удобрения». Хотя СССР по-прежнему отставал от ведущих стран Запада, этот разрыв последовательно сокращался. В 1940 году уровень производства электроэнергии в СССР от уровня США составлял 26 %, в 1960-33 %, в 1970-43 %, в 1980-53 %, а в 1982 г. – 55 %. Можно было предположить, что постепенно советское хозяйство сравняется, а потом и превзойдет уровень производства самых высокоразвитых стран мира.

Оптимистические оценки советского экономического развития подтверждал и генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев в своем отчетном докладе XXVII съезду партии (1986 г.). Он заявлял: «Если до войны и в первые послевоенные годы уровень экономики США казался трудно досягаемым, то уже в 70-е годы по научно-техническому и экономическому потенциалу мы существенно приблизились к нему, а по производству некоторых важнейших видов продукции – превзошли».

К этому времени существенно вырос и качественный уровень советской экономики. Каждый четвертый ученый мира трудился в СССР. Создание Советским Союзом в 1954 году первой атомной станции, производящей электроэнергию, запуск первого спутника Земли в 1957 году, первой космической станции, облетевшей вокруг Луны в 1959 году, первого космонавта в мире в 1961 году, создание в 1959 году первого советского ледокола с атомным двигателем и появление такого ледокола на Северном полюсе в 1977 году, а также другие достижения советской науки и техники демонстрировали огромный путь, пройденный страной от дореволюционной отсталости и разрухи после гражданских войн. Эти достижения служили для доказательства правильности коммунистической теории и позволяли авторам проекта программы, внесенной на обсуждение XXVII съезда КПСС, уверенно заявлять: «Социализм в нашей стране победил полностью и окончательно».

Обвинения советской системы в том, что все ее достижения были связаны прямо или косвенно лишь с гонкой вооружений, были несостоятельными. Успехи в создании мощной промышленной базы проявлялись и в росте благосостояния населения. В 1947-1953 годах

цены на товары первой необходимости ежегодно снижались. В дальнейшем, за единственным исключением повышения цен на мясо и масло в июне 1962 году, они не повышались.

Социальные блага, гарантированные советским людям с первых лет советской власти, расширялись, а доля затрат на многие виды коммунальных услуг в бюджете советских трудящихся сокращалась по мере неуклонного роста заработной платы. Плата за пользование московским метрополитеном не менялась со времени его открытия в 1935 году и равнялась 5 копейкам, что по официальному обменному курсу составляло около 5 центов. Такая же плата была установлена на пользование метро в других городах страны, а также и на другие виды городского транспорта. Ничтожность платы за транспорт сделала убыточным использование труда кондуктора, продававшего билеты. Водителей же не стали обременять дополнительной заботой по сбору платы с пассажиров, и последние либо опускали монетки в ящики, либо пробивали проездные талончики специальными компостерами.

Доступными были цены на железнодорожный транспорт и авиабилеты. Это позволяло многим советским гражданам ежегодно проводить свой отпуск за пределами своего местожительства, встречаться с родными, живущими вдали от них.

С 1930 года страна не знала безработицы. Разница между доходами существовала, но не была слишком большой. Минимальная заработная плата была в два раза меньше средней, а максимальные заработки большинства высокооплачиваемых людей превышали среднюю плату в 2-3 раза. Минимальная и средняя заработная плата большинства работающих постоянно увеличивалась. К 1982 году сумма среднего вклада в сберегательных кассах равнялась 53 процентам средней годовой заработной платы. При этом каждый третий житель страны имел такие вклады. Ежегодно эти вклады продолжали расти.

Рост денежных накоплений у советских людей и одновременный рост производства потребительских товаров позволяли им повысить качественный уровень своего быта. Если в 1960 году из 100 семей 8 имели телевизоры, 4 – холодильники и 4 – стиральные машины, то к концу 1982 года телевизоры были в 91 семье, в 89 – холодильники и в 70 имелись стиральные машины. Правда, страна по-прежнему заметно отставала от развитых стран мира по автомобилизации населения, но ускоренный рост производства легковых автомобилей с середины 60-х *гг.* создавал почву для оптимизма и в этом отношении.

Отставала страна и в решении вечной проблемы России – продовольственной. Провозглашенная в 1957 году Н.С. Хрущевым задача обогнать США по производству мяса, молока и масла за 2-3 года была плохо обоснована экономически и поэтому не была выполнена. И все же, несмотря на трудности, особенно обострившиеся вследствие резкого оттока населения из деревни, сельское хозяйство страны в целом становилось все более производительным, а в течение многих десятилетий после окончания войны в стране не было ни малейших признаков голода или недоедания. Сокращение ежегодного потребления хлеба с 247 кг и картофеля с 162 кг на человека по сравнению с уровнем 1927 года до 137 кг хлеба и 110 картофеля свидетельствовало не о голодании, как это следует из резолюции ПАСЕ, а об улучшении качества питания. Съедая меньше хлеба и картофеля, средний советский человек в 1982 году выпивал молока и съедал молочных продуктов 295 кг (в 1927 году – 96), съедал 249 яиц (против 74), 18,4 кг рыбы (против 12,8), 57 кг мяса (против 53), 18,4 кг сахара (против 14,2), 101 кг овощей, кроме картофеля (против 57), 42 кг фруктов (против 25).

Правда, отсутствие в продаже достаточного количества мяса по государственным ценам в подавляющей части страны, небогатый выбор фруктов и овощей, ограниченный набор пищевых изделий отличали продовольственные магазины и рынки западных стран от советских. Недостатки развития сельского хозяйства вызвали к жизни Продовольственную программу, принятую на майском Пленуме ЦК КПСС 1982 года. Программа предусматривала значительное увеличение капиталовложений в сельское хозяйство и ряд организационных мер, с помощью которых страна должна была достичь к 1990 году производства основных продуктов питания в таком объеме, чтобы удовлетворить необходимые потребности в питании, рекомендованные врачами. Производство мяса,

овощей, фруктов, рыбы и ряда других продуктов должно было возрасти почти в два раза. Ответственным за выполнение программы был назначен секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев, который до этого 4 года отвечал за развитие сельского хозяйства страны в Секретариате ЦК и 8 лет возглавлял Ставропольский край – один из основных производителей сельскохозяйственной продукции.

Успешно решалась и другая острая проблема страны – жилищная. Быстрая урбанизация страны – увеличение доли городских жителей среди населения страны с 18 % в 1913 году до 64,5 % в 1983 году, при общем увеличении горожан за этот период на 113 миллионов человек, разрушение городов во время Второй мировой войны – вызвала острый дефицит жилья. Начиная с 1957 года темпы жилищного строительства выросли в 4 раза, и ежегодно строилось более 2 миллионов городских квартир. Количество людей, вынужденных жить в так называемых коммунальных квартирах, в которых проживала не одна семья, или в неблагоустроенных жилищах постоянно сокращалось, а надежды молодоженов приобрести самостоятельную квартиру неуклонно росли.

При этом оплата за государственное жилье, которым пользовалось подавляющее большинство городского населения страны, не менялась с 1928 года и месячная плата за двухкомнатную городскую квартиру составляла менее 10 процентов от средней заработной платы одного работающего человека. Лишить человека его жилой площади было невозможно.

Важнейшим условием уверенности людей в своем будущем стали государственные гарантии его здоровья. Бесплатность здравоохранения, введенная еще в период Гражданской войны и разрухи, позволяла любому человеку получать и самое элементарное лечение, и дорогостоящую медицинскую помощь, включая сложные хирургические операции, в течение всей его жизни. В стране постоянно росло число медицинских учреждений и количество специалистов, способных оказывать медицинские услуги. В 1913 году в России было 23 тысячи врачей, не считая стоматологов, 208 тысяч больничных коек и 9 женских консультаций и детских поликлиник. С 1913 по 1982 год число врачей на 100 000 человек населения увеличилось с 14 до 395, число больничных коек с 130 до 1271. Каждый год примерно треть населения страны проходила профилактический врачебный осмотр. Детская смертность в стране на 1000 родившихся сократилась за семь десятилетий в 12 раз, а число умерших на 1000 человек населения – в 3 раза. Хотя, как и во всякой стране с бурным ростом горожан прирост населения сокращался, но число родившихся неизменно превышало число умерших.

Роженицы страны имели право на годовой оплачиваемый отпуск и на сохранение за ними места работы в течение еще двух лет после рождения ребенка, если они желали заниматься уходом за ребенком, а не возвращаться на работу. Стоимость пребывания детей в яслях и детских садах в течение рабочего дня не превышала 5-7 % от средней заработной платы одного из родителей, а особо нуждающиеся могли пользоваться услугами этих детских учреждений бесплатно.

Государство выделяло значительные средства для оказания помощи родителям в воспитании детей и обеспечении здоровья подраставшего поколения. Одно из благоприятных наблюдений, которые сделал об СССР бывший правый депутат Государственной думы Василий Шульгин после своего нелегального пребывания в нашей стране в 1927 году, касалось здорового вида советских детей, Шульгин с удивлением отмечал невиданный прежде в России массовый интерес к физкультурным занятиям и спорту. Впоследствии мировые достижения советских спортсменов, неизменно занимавших первые места в подавляющем числе видов спорта на Олимпийских играх, стали результатом целенаправленной государственной поддержки развития физкультуры и спорта, создания многочисленных стадионов и спортивных площадок, которых почти не существовало до революции.

Внимание к обеспечению здоровья населения выразилось в создании в стране в первые же годы ее существования системы оплачиваемых отпусков, предоставлявшихся всем

трудящимся государственных учреждений. Право на отдых, официально закрепленное в сталинской Конституции 1936 года, подкреплялось строительством домов отдыха и туристских баз, профилакториев, пансионатов и санаториев. В последних учреждениях отдых людей сочетался с оказанием им лечебно-оздоровительных процедур. Значительная часть стоимости пребывания в них оплачивалась государством и профсоюзами. Услугами всех этих заведений в 1982 году воспользовались более 40 миллионов человек.

С 1956 года пенсии предоставлялись всем мужчинам, достигшим 60 лет, и всем женщинам, достигшим 55 лет и имевшим 25-летний стаж трудовой деятельности. При этом лица, проработавшие в трудных условиях, могли получать пенсию раньше и после более короткого срока трудовой деятельности. Начисление пенсии можно было произвести по отношению к наиболее высокой заработной плате, которую когда-либо получал пенсионер.

Однако устранение социальных язв дореволюционной жизни и ликвидация резкого материального неравенства не привели к устранению преступности. Такая ситуация противоречила чисто теоретическим представлениям о социализме, и идеологи Коммунистической партии объясняли ее «пережитками прошлого в сознании людей», «родимыми пятнами капитализма» или «тлетворным влиянием западного образа жизни». По их настоянию органы правопорядка старательно скрывали данные о количестве и динамике преступлений. Между тем огласка таких сведений могла бы лишь свидетельствовать об огромных преимуществах советской системы по сравнению с Западом: по уровню преступлений всех видов СССР отставал от «передовых» стран мира в несколько раз.

Долгое время в стране не было организованной преступности. Наркомания носила крайне ограниченный характер, и деятельность малочисленной «наркомафии» проявлялась лишь в ряде окраинных районов страны. Подавляющее большинство преступников было плохо вооружено, так как приобрести любое огнестрельное оружие, включая охотничье ружье, было нелегко. Большинство преступлений совершалось на почве домашних конфликтов или носили непредумышленный характер. Милиция пользовалась всеобщим уважением, а миллионы граждан, члены Добровольных народных дружин, помогали ей в патрулировании вечерних улиц, когда обычно могли возникать острые конфликты под влиянием спиртного, выпитого после завершения рабочего дня, или же семейные конфликты по аналогичным причинам. Вечерние и ночные улицы городов, включая самых крупных, были вполне безопасны для передвижения мирных пешеходов, а собственность граждан и их жизнь находились под достаточно надежной защитой.

Важным инструментом предотвращения антиобщественного поведения людей, их социализации являлась система образования и воспитания, школьного и внешкольного, для детей и взрослых. С 1917 года школьное образование стало бесплатным. В 1956 году бесплатность обучения была распространена и на высшие учебные заведения, а с 70-х годов в стране стало осуществляться обязательное 10-летнее обучение для детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет.

Создание благоприятных условий для получения всеми без исключения высококачественного образования было по достоинству оценено даже теми, кто не испытывал ни малейшей симпатии к советскому строю. Ромуальд Мисиунас и Рейн Таагепера отмечали: «Большое число молодых прибалтов в 1980 году не видели в девушках с высшим образованием ничего необычного. Сорок лет назад это было крайне необычно. Вместо яростных деклараций, окрашенных сомнениями о том, что его соотечественники так же способны, как и представители другой нации Запада, прибалты 1980 года принимали такое равенство как самоочевидное».

Школьное образование, которое предоставлялось в советских учебных заведениях разного уровня, предусматривало сочетание широкой общеобразовательной подготовки с глубоким изучением теории специальных предметов и освоением их на практике. Выборочные проверки уровня знаний среди учащихся СССР в начале 1980-х годов выгодно отличали их от соответствующих показателей большинства стран Западной Европы и США.

При этом государство заботилось о здоровье подрастающего поколения. Регулярные

медосмотры детей в школе и дома сочетались с оздоровительными программами. Государство брало на себя значительную часть содержания детей в возрасте от 10 до 14 лет в течение одного месяца в летних пионерских лагерях. В течение лета более 20 миллионов, то есть более половины советских детей и подростков от 10 до 16 лет, по крайней мере один летний месяц каждого года проводили в пионерских или школьных лагерях.

Заботясь о здоровье подрастающего поколения, государство в то же время поощряло развитие способностей детей, создав многочисленные центры для их внешкольных занятий. Немалые средства выделялись на содержание 5000 дворцов и домов пионеров и школьников, в которых существовали всевозможные творческие кружки. Свои творческие склонности дети могли развивать на 1500 станциях юных техников, 1000 станциях юных натуралистов и в 8000 детских музыкальных, художественных и хореографических школах.

Тяга к культуре поощрялась с детства. Школьные стенные газеты развивали интерес к чтению информации, а у кое-кого – навыки журналистики. Детские журналы для самых маленьких – «Веселые картинки», «Мурзилка» – были первыми ступеньками к миру взрослого журнала. «Пионерская правда», которую выписывало более 10 миллионов детей от 10 до 14 лет, приглашала своих читателей к активному диалогу на различные жизненные темы. Юные читатели газеты активно писали своей газете о своих проблемах, а корреспонденты газеты выезжали к ним, чтобы помочь их разрешить и написать поучительный материал для своей многомиллионной аудитории. В школы часто приглашались профессиональные артисты или исполнители самодеятельных коллективов. Было создано большое число детских и кукольных театров.

Во «взрослых» театрах по воскресным утрам показывали спектакли специально для детей. Одной из крупнейших киностудий страны была Студия детских и юношеских фильмов имени Горького. Лучшие кинорежиссеры создавали фильмы о детях и для детей, в которых снимались лучшие актеры страны. Существовал обширный репертуар широко известных советских детских и пионерских песен. Первые книжки, которые читали дети, были написаны выдающимися советскими детскими писателями.

Произведения детского театра, музыки, кинематографа, литературы представляли своеобразный культурный пласт, в котором сочеталась народная традиция детской сказки и отчасти реалистичного, отчасти романтизированного изображения жизни детей в Советской стране. Часто авторы любимых книг встречались со своими юными читателями. Обычно эти встречи проходили в специальных библиотеках для детей и юношества.

Пропаганда достижений науки и искусств велась и среди населения недетского возраста. Сотни тысяч членов общества «Знание» регулярно выступали перед различной аудиторией, рассказывая о международном положении и космонавтике, открытиях биологов и литературоведов. Такие лекции проходили чаще всего на рабочем месте во время обеденного перерыва или в рабочем клубе по окончании рабочего дня. В рабочие цеха и на поля приезжали со своими выступлениями актеры и музыканты. В таких выступлениях принимали участие самые лучшие исполнители страны.

Неудивительно, что популярность профессий, связанных с умственным, творческим трудом была высока. 90 процентов всей молодежи страны стремилось попасть в высшие учебные заведения, предоставлявшие возможность стать ученым, конструктором, мастером искусств. Число желающих поступить в высшие учебные заведения превышало число мест в несколько раз. Конкурс на отдельные факультеты московского университета составлял более 20 человек на одно место. Социологические опросы, проведенные среди молодежи 60-70-х гг., показывали, что на первые места наиболее популярных профессий неизменно выдвигались писатель, врач, актер, космонавт, ученый-историк, журналист. Первое место прочно занимал ученый-физик.

Бесплатная система образования и поощрение развития индивидуальных интересов каждого открывали невиданную прежде свободу для социального продвижения, свободу для развития физических и интеллектуальных способностей каждого человека. Масштаб культурных преобразований в Советской стране позволял говорить о подлинной

«культурной революции». Советская власть открыла миллионам людей недоступные ранее дворцы культуры, которые создавались в особняках бывших русских богачей или строились заново. Так, Дворец культуры при московском автомобильном заводе имени Лихачева обладал превосходной библиотекой, кинотеатром, концертным залом, репетиционными комнатами, художественными мастерскими. Такие дворцы, которые строились в больших городах и при крупных промышленных предприятиях, открывали людям дорогу в мир идей и мечты, творчества и фантазии, дарили людям лучшие сокровища российской и мировой культуры и делали их соучастниками создания новых культурных ценностей.

Помимо дворцов и домов культуры, крупными центрами культурной революции в нашей стране являлись музеи, художественные галереи, театры, кинотеатры, библиотеки. В 1982 году 1691 музеев страны посетило 166 миллионов человек, то есть более половины взрослого населения страны.

Свидетельством перехода советских людей в новый прежде недоступный им мир искусства служили послереволюционные изменения в зрительской аудитории лучших театров страны. Слушая Федора Шаляпина в «Севильском цирюльнике» в Большом театре, Герберту Уэллсу казалось, «будто ничего не изменилось в России; но вот занавес падает, оборачиваешься к публике и сразу чувствуешь, что совершилась революция. В ложах и в партере больше не видно ни блестящих мундиров, ни вечерних туалетов. Куда ни глянь, везде та же публика, всегда одинаковая, внимательная, дружелюбная, сдержанная и плохо одетая». В 1920 году билеты в Большой театр распределялись бесплатно. Затем посещение театра стало платным, но цена билетов не была выше трех рублей.

В распоряжении советского зрителя было 615 театров, в том числе 46 театров оперы и балета и 180 детских театров. Театры имели большие постоянные труппы актеров и показывали разные спектакли почти каждый день в неделю. В течение года театры посещало 120 миллионов зрителей. В стране были театры, спектакли которых постоянно шли с аншлагом. Билеты на спектакли не только Большого театра, но и ряда драматических театров, было чрезвычайно трудно достать.

Преподавание музыки в школе, постоянная пропаганда музыкальных шедевров по радио и телевидению сделали популярным выступления симфонических оркестров и сольных музыкантов. Было немыслимо трудно попасть на концерты Святослава Рихтера. Победитель первого конкурса исполнителей имени Чайковского 1958 года Вэн Клиберн стал сразу же известен и популярен среди миллионов граждан Советской страны. Во время последующих конкурсов исполнителей имени Чайковского толпы энтузиастов во дворе Московской консерватории «болели» за еще недавно неизвестных миру молодых пианистов.

Со многими театральными постановками и концертными выступлениями артистов советские люди знакомились в Дворцах и домах культуры. В начале 80-х годов в СССР существовало 138 тысяч дворцов и домов культуры и клубов. Здесь выступали профессиональные театральные труппы и музыканты. При дворцах и домах культуры существовали центры художественной самодеятельности. 21 миллион человек занимались в драматических, музыкальных и хореографических кружках. Свыше 400 тысяч выпускников этих кружков, став членами самодеятельных групп, активно занимались исполнительской деятельностью. Концерты этих групп привлекали столько же зрителей, сколько и выступления профессиональных актеров, – 120 миллионов.

Мощным средством распространения культурных ценностей, особенно до широкого распространения телевидения, было радио. Трансляции концертов и театральных спектаклей, радиопостановки по литературным произведениям русской и мировой классики занимали значительную часть репертуара советского радио со времени его распространения по стране в 20-х годах.

Как и во всем мире, телевидение сильно повлияло на культурные привычки людей. Правда, содержание телепередач во многом отличалось от большинства программ западного телевидения. Здесь было мало пышных музыкальных шоу и не было ток-шоу. Редкими были детективные сериалы. Мало было заграничных фильмов, не было рекламы явной или

скрытой. В то же время программы телевидения, как и радио, были заполнены трансляциями концертов классической и современной музыки, постановками по литературным произведениям. Литературные, музыкальные критики, искусствоведы регулярно знакомили зрителей с новостями в мире литературы и искусства. В студии Останкино проходили встречи с видными писателями, оперными певцами, композиторами, деятелями кино, в ходе которых ведущим деятелям культуры зрители могли задать вопросы из зала об их творчестве и жизни.

О творческой силе советского телевидения свидетельствует то обстоятельство, что многие передачи, программы и сериалы тех лет (например, «Семнадцать мгновений весны») до сих пор с успехом идут по телевизионным каналам. Вечерняя детская передача «Спокойной ночи, малыши!» пользуется успехом и среди нынешних детей. Сохранились до сих пор и другие передачи, начатые в советское время: студенческая импровизационная программа «КВН», игра для молодых интеллектуалов «Что? Где? Когда?», программа новостей «Время». Современная передача «Жди меня» продолжила традицию советской телепередачи «От всей души». В советское время появились «Голубые огоньки», которые заложили традицию встречать Новый год вместе с артистами на экране.

Несмотря на широкое распространение телевидения, средний советский зритель часто посещал кинотеатры. Киностудии страны выпустили в 1982 году 311 полнометражных художественных кино – или телефильмов и 41 хроникальный и научно-популярный фильм, помимо еще большего количества короткометражных художественных, документальных и мультипликационных фильмов. В стране продолжалось строительство крупных кинотеатров, а зрители до отказа их заполняли, когда там показывали кинодрамы Калатозова и Чухрая, киноэпопеи Юрия Озерова, кинокомедии Рязанова, Данелия и Гайдая, сложные кинематографические решения Тарковского. Во время московских международных кинофестивалей зрители непременно стремились попасть на сеансы и первыми увидеть новинки мирового кино.

По сравнению с 12,6 тысячи библиотек, имевших 8,9 миллиона книг в 1913 году, в 1982 году в СССР насчитывалось 132 тысячи библиотек с книжным фондом в 1824 миллиона. Услугами этих библиотек пользовались в 1982 году 148 миллионов читателей. Средний читатель получил в том году 21 книгу или журнал для чтения. Существовало свыше 8500 специальных библиотек для детей и юношества.

Каждая четвертая книга, издававшаяся в мире, публиковалась в СССР. В 1982 году число названий опубликованных книг составило 80 674, а их общий тираж был достаточен для того, чтобы дать каждому жителю страны шесть книг. Дешевизна книг делала их широко доступными для каждого читателя. Люди, читающие в городском транспорте солидные книги в твердых переплетах, стали характерной приметой советской жизни. Читатели с жадностью подписывались на многотомные сочинения, а произведения популярных авторов в считанные часы исчезали с полок магазинов. Широкой популярностью пользовались книги Юрия Бондарева, Василия Шукшина, Юрия Трифонова, Валентина Распутина, Федора Абрамова, Василия Белова, Владимира Солоухина, Чингиза Айтматова, Фазиля Искандера, Нодара Думбадзе и многих других авторов, творчество которых особенно развилось в последние десятилетия советской власти. В их произведениях отражалась реальная жизнь и непростые проблемы человека в современном обществе.

Газеты публиковали не только новости дня и обзоры текущих событий в различных сферах советского общества и зарубежном мире. Непременной частью советской печати был очерк о человеческой судьбе – рассказ о незаурядном мужестве или душевной слабости, проявленными обыкновенными людьми, о яркой личности или характерной жизненной ситуации наших дней. Миллионы подписчиков «Комсомольской правды» следили за очерками Василия Пескова о жизни семьи, прожившей более полувека в сибирской тайге, соблюдая уклад жизни и православную веру «старого обряда».

В начале 1980-х годов в стране издавалось 8200 газет и 5200 журналов. Средняя советская семья выписывала минимум одну газету и два журнала, многие семьи регулярно

получали по несколько периодических изданий. Некоторые центральные газеты выходили тиражами более 10 миллионов экземпляров. Свыше миллиона подписчиков было у женских журналов – «Работница» и «Крестьянка», журналов для детей и подростков – «Пионер» и «Ровесник», журнала «Здоровье», популярного географического журнала «Вокруг света», научно-популярных журналов «Знание – сила», «Техника – молодежи», «Юный техник», еженедельного обозрения зарубежной периодической печати «За рубежом». От полумиллиона до миллиона читателей регулярно подписывались на каждый из таких популярных литературных журналов, как «Новый мир», «Юность», «Иностранная литература», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и др. В этих и других литературных журналах, а также в центральном органе Союза писателей СССР «Литературной газете» печатались не только новости литературы, но и публицистические материалы по проблемам внутренней и международной жизни.

Страницы газет и журналов, телевизионные и радиопередачи становились форумами, на которых обсуждались актуальные вопросы советской жизни. Дискуссии по вопросам ведения хозяйства, охраны окружающей среды и культурных ценностей, воспитания детей, физического здоровья, морального и общественного поведения постоянно велись с помощью средств массовой информации.

Развитый интерес советских людей к разнообразным темам общественной и культурной жизни открывал им поле, на котором они могли общаться друг с другом за пределами узкобытовых и профессиональных интересов. Выступления ученых по телевидению с рассказами о новых направлениях развития науки и их значении для судеб общества, фильмы, стихи, исторические романы, статьи литературных критиков, выставки картин художников, театральные постановки и роли популярных актеров в этих спектаклях вызывали оживленные споры и переживания, но одновременно и ощущение общности.

Советское культурное и информационное поле не разделялось непреодолимыми социальными или национальными барьерами. Быстрое развитие образования, доступного для представителей всех слоев населения, стирало различия в социальном происхождении. Юноши разных национальностей служили в разных концах огромной страны в рядах единой армии. В институтах страны обучались представители всех 130 народов СССР, которых по окончании учебы направляли на работу в самые различные республики. Рост промышленности и городов усиливал процессы интернационализации. 69 процентов населения проживало в многонациональных городах, и это способствовало тому, что более 15 процентов всех браков в СССР были межнациональными.

Руководители страны в 1980-х годах говорили о создании единой общности – советского народа. Однако это не означало устранения национальных различий. Советский Союз состоял из 15 советских социалистических республик. В ряде из них существовали автономные советские социалистические республики (всего – 20), автономные области (всего – 8) и автономные округа (всего – 10).

Несмотря на то, что в соответствии с Союзном договором 1922 года и текстами конституций СССР 1924,1936 и 1977 годов союзные республики передавали все функции по обороне, внешней политике, хозяйственной деятельности законодательной и исполнительной власти СССР, каждая республика имела свои государственные и политические учреждения, имевшиеся в Москве. Здесь были свои центральные комитеты коммунистической партии, Верховные советы, Советы министров, академии наук, местные комсомолы и т. д. (Лишь у Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) этот набор институтов был неполным: она не имела своих республиканских структур партии, ВЛКСМ, профсоюзов. Не было у РСФСР и своей Академии наук.)

Несмотря на различия в численности населения, пропорциональном соотношении между этническими группами и статусом этих образований в Союзе каждому из них были гарантированы основные права национального самоопределения. В пределах этих образований документы оформлялись на родном языке помимо государственного языка

СССР – русского и языка союзной республики или области. Здесь все названия улиц, вывески, объявления делались на двух или трех языках. Во всех национально-территориальных образованиях существовали свои органы власти. Кроме того, каждое образование избирало своих представителей в Совет национальностей Верховного Совета СССР пропорционально своему статусу, чтобы иметь возможность отразить специфические интересы каждого национально-территориального образования на уровне центрального правительства.

Лица, принадлежащие к народу, название которого использовалось для названия республики, области или округа, имели право и возможность обучать детей в школах на родном языке. Во всех образованиях существовали газеты и другие издания, на языке национальной территории. При этом за годы советской власти объем печатных публикаций на языках национальных меньшинств опережал количество публикаций на русском языке. В то время как в СССР с 1940 по 1982 год число книг и брошюр, изданных на русском языке, возросло в 1,8 раза, а их тираж – в 4,7 раза, то издания книг и брошюр на латышском языке увеличились соответственно в 3,9 и 5,2 раза, на литовском – в 5 и 5, на эстонском – в 6 и 5,5. Везде увеличивалось количество национальных театров, музеев национальной культуры.

Права на развитие национальной культуры реализовали и те народы СССР, которые из-за малочисленности или разбросанности по территории Союза не имели своих национально-территориальных образований.

Развитие национальных культур всемерно поощрялось. Празднования годовщин со дня рождения классиков национальных литератур, видных государственных деятелей прошлого различных народов СССР превращались в события общенационального значения. Еще до поступления в школу дети всей страны читали книжки и смотрели мультфильмы, героями которых были персонажи из сказок и легенд народов Севера и Закавказья, Прибалтики и Средней Азии. «Братская дружба народов СССР», о которой постоянно говорилось в официальных речах, была предметом постоянного культивирования. Любой торжественный концерт, каких было немало в советское время, превращался в парад искусств многонациональной страны. На сцену или огромное поле стадиона выбегали в пляске танцоры грузинских, украинских, русских ансамблей. В четком ритме крутились пары из танцевальных групп Прибалтики. Звучали ударные инструменты Средней Азии и бубны народов Заполярья. Сочетание многообразия национальных культур и культурного единства страны способствовало укреплению дружбы народов СССР.

Прочность Союза выглядела особенно впечатляющей на фоне современного мира, в котором с середины 1940-х до середины 1970-х гг. были фактически ликвидированы все крупные многонациональные державы. Отсутствие в СССР очагов националистической борьбы и сепаратистских движений было особенно заметно по мере нарастания вооруженных столкновений, которые не прекращались в десятках стран мира, включая благополучные страны Запада, под лозунгами отделения этнического или религиозного меньшинства в самостоятельное государство.

В условиях установившегося межнационального и социального мира внутри советского общества угасло открытое или тайное сопротивление советской власти, существовавшее в значительной части страны в первые десятилетия после Гражданской войны, и на ее западных окраинах после Великой Отечественной войны. Сплочению советского общества способствовали массовые общественные и политические организации страны.

Первой ступенью политического воспитания, а затем вовлечения в политическую жизнь советских людей являлась пионерская организация имени В.И. Ленина, в которой состояли почти все дети в возрасте от 10 до 14 лет. В этой организации дети приобщались к общественно-политическим традициям советского общества. Они учились принимать коллективно решения на пионерских собраниях. На них же они выбирали своих руководителей на альтернативной основе.

Большинство советской молодежи в возрасте от 15 до 28 лет находилось в рядах Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ, или комсомол). Эта

мощная организация, насчитывавшая 40 миллионов членов, имела в своем распоряжении собственную печать, свои базы отдыха, свою организацию международного туризма. ВЛКСМ осуществлял контроль над трудовой деятельностью молодежи. К середине 1980-х годов под руководством ВЛКСМ трудилось 600 тысяч комсомольско-молодежных коллективов. Целый ряд крупных строек в СССР осуществлялись под руководством ВЛКСМ. На комсомольских собраниях первичных организаций, обсуждались вопросы, касавшиеся их жизни и отдельных комсомольцев, а также вопросы жизни страны, проводились выборы руководства и представителей на конференции более высокого уровня. Членство в комсомоле могло стать ступенью ко вступлению в ряды Коммунистической партии Советского Союза (КПСС).

К концу 80-х годов в рядах КПСС состояло около 20 миллионов человек, представлявших наиболее политически активных членов советского общества. На партийных собраниях решались все наиболее важные вопросы того или иного трудового коллектива, избиралось партийное руководство и делегаты на партийных конференции более высокого уровня. На них обсуждались вопросы развития советской страны. Нередко руководство партии направляло в первичные организации закрытые письма, в которых сообщалась информация, не публиковавшаяся в средствах массовой информации. Партийный комитет (или партбюро) первичной организации обсуждал вместе с руководством предприятия меры по реализации плановых заданий, вопросы, касавшиеся отдельных членов производственного коллектива.

На регулярно проходивших раз в пять лет съездах КПСС Центральный Комитет отчитывался о проделанной работе и принимались директивы для разработки пятилетнего плана развития страны. Съезды КПСС были важнейшими событиями в жизни страны, и подготовка к ним сопровождалась широкими обсуждениями планов развития страны, новых программ партии или ее устава, в которых принимали участие миллионы людей.

Сосредоточив в своих руках всю полноту контроля за политической, хозяйственной, социальной и культурной жизнью страны, центральные и местные органы КПСС были открыты для обращений как рядовых коммунистов, так и всех граждан страны. Письма в эти органы КПСС, приемы граждан были действенными каналами решения самых различных вопросов их жизни.

Помимо этих основных политических организаций, в стране существовали различные общественные организации (профсоюзы, творческие союзы, добровольные общества охраны природы и памятников старины и т. д.). Отделенные от государства церкви различных исповеданий и конфессий пользовались полной самостоятельностью в своих делах. Наступление властей на церковь, предпринятое в годы пребывания у власти Н С. Хрущева, было прекращено, и авторитет церкви в общественной жизни был высок.

Хотя наиболее важные вопросы политики принимались руководством КПСС, главными органами государственной власти считались Советы различного уровня, принимавшие законодательные решения и осуществлявшие контроль за их выполнением. Депутаты Советов всех уровней были обязаны принимать всех советских граждан, знакомиться с их письмами и в краткие, строго определенные сроки принимать решения по предложениям и жалобам граждан. На регулярно проводившихся выборах в Советы депутатов трудящихся всех уровней за кандидатов правящего блока коммунистов и беспартийных голосовало свыше 99 % избирателей. По сути, такие выборы были референдумом, в ходе которого давалась оценка деятельности правящей партии.

Несогласие с политикой страны открыто выражало меньшинство населения. Послесоветские исследования показывают, что число активных выступлений против властей было ничтожно малым. Зачастую они носили стихийный, неорганизованный характер и были связаны либо с недовольством местными властями, либо возникали на почве частных стычек по поводу задержания участников уголовно наказуемых преступлений. Число лиц, участвовавших в различных нелегальных антисоветских организациях, не превышало нескольких сотен человек. Соответственным образом уменьшались и репрессии властей

против оппозиционеров: в 70-80-х годах число находившихся в заключении за оппозиционные выступления не превышало двух-трех сотен человек по всей стране.

Эти факты, свидетельствовавшие об успехах Советской страны и влиянии их на остальной мир, были очевидны для свидетелей тех лет. Правда, со временем многое из этих свидетельств стало забываться, особенно под постоянным давлением антисоветской пропаганды.

Глава 27
Кризис советского строя и его крушение

Неоспоримые успехи советского общества не означали, что оно достигло в своем развитии состояния совершенства. Напротив, по мере развития советского общества и решения многих острых проблем возникали новые проблемы и новые противоречия. Поставленные перед ним и другими социалистическими странами цели построения социализма, а затем коммунизма уже предполагали постоянные перемены в общественном устройстве, экономической и политической организации общества. Ускоренное движение общества с целью добиться более высокого уровня развития требовало концентрации усилий всего народа. Это неизбежно приводило к принижению всего, что было или казалось второстепенными потребностями людей или отдельных групп общества.

В то же время на развитие социалистического общества в СССР и других социалистических странах значительное воздействие оказывала международная обстановка, постоянно чреватая угрозой нападения на эти страны. Трудная международная обстановка вынуждала предпринимать чрезвычайные усилия по укреплению обороны страны, ускоренному развитию тяжелой промышленности, подчинению всех сфер в жизни общества задачам национальной безопасности. Эти обстоятельства лишь усиливали требовательность к мобилизованности общества и нетерпимое отношение к тем, кто противопоставлял общественным задачам свои интересы. Эти стороны жизни социалистического строя объявлялись западной пропагандой наиболее существенными, а само социалистическое общество именовалось тоталитарным.

Хотя такая пропагандистская оценка игнорировала очевидные достижения советского строя в преобразовании общества и решении вековых проблем России, в то же время было очевидно, что приказной стиль управления СССР, сложившийся в чрезвычайных условиях ускоренной подготовки к войне, в ходе войны и в первые послевоенные годы, уже не отвечал новым требованиям жизни, потребностям людей.

По мере удовлетворения наиболее насущных проблем бытия у населения страны возникали новые, более высокие запросы. Если в первые пятилетки советские люди, переселявшиеся в дома с современными удобствами, довольствовались предоставлением им комнат в коммунальных квартирах, то в 1970-1980-е годы жизнь в коммунальных квартирах представлялась нетерпимой. Росли потребности в качестве питания, одежды и других товаров. В силу роста запросов населения бурный рост рождаемости в середине 30-х годов сменился его сокращением. Если значительная часть молодежи 30-х годов положительно воспринимала тогдашние условия быта по сравнению с нищенскими условиями дореволюционного существования и разрухи после гражданских войн, то молодежь послевоенных лет уже не была свидетельницей столь быстрых и грандиозных перемен. Между тем в послевоенный период запросы людей неуклонно возрастали, и они уже не могли удовлетвориться сравнительно скромными бытовыми условиями довоенных лет. Растущий разрыв между потребностями людей и уровнем производства высококачественных товаров требовал их увеличения. Между тем существовавшая экономическая система входила в противоречие с растущими потребностями советских людей, что порождало разнообразные проблемы.

Это стало ясно еще в 1951-1952 годах Сталину, когда он писан свою последнюю теоретическую работу «Экономические проблемы социализма в СССР». Тогда он говорил

видному экономисту Д.Т. Шепилову о необходимости «перестраивать экономику на действительно научной основе… Положение сейчас таково… либо мы подготовим наши кадры хозяйственников, руководителей экономики на основе науки, либо погибнем! Так поставлен вопрос историей». Видимо, этим и объяснялось стремление Сталина обсудить «экономические проблемы социализма в СССР». Также ясно, что вслед за этой работой он продолжал работать над этими «проблемами», а потому подготовил ее продолжение, с которым он ознакомил Молотова. Однако это продолжение исчезло после смерти Сталина. Поспешные перестройки экономических механизмов при Хрущеве лишь отбили охоту у советских руководителей к переменам, и начинавшаяся в середине 60-х годов экономическая реформа заглохла.

Между тем существовавшие в СССР экономические механизмы плохо стимулировали производство высококачественных потребительских товаров. Сложившиеся методы хозяйствования консервировали разрыв между производством товаров потребления и денежными возможностями населения. Существующая система оплаты труда плохо стимулировала высокое качество производства потребительских товаров и услуг. Денежные накопления населения росли, а многие предлагавшиеся рынком товары не пользовались спросом. Многие высококачественные товары производились в недостаточном количестве и их дефицит стал хроническим явлением советской жизни. В то же время по мере роста промышленного производства обострялись проблемы охраны окружающей среды, решение которых зачастую игнорировалось.

О неблагополучии в хозяйстве свидетельствовали многочисленные дискуссии, которые происходили в печати, на производственных совещаниях, на заседаниях научных советов, в общественных организациях, на партийных и комсомольских собраниях. Проблемы экономического развития страны стали предметом публицистических статей, художественной литературы, театральных постановок и кинофильмов.

В то же время несовершенные методы хозяйствования создавали почву для распространения хищений и коррупции. В советском обществе медленно, но верно стала складываться «теневая экономика» со своей «подпольной буржуазией». В этой социальной среде складывалось общественное сознание, глубоко чуждое социалистическим принципам страны. Медленно, но верно представители этого слоя стремились взять управление страной в свои руки. Нерешенность многочисленных проблем страны свидетельствовала о том, что политическая система в СССР также нуждается в совершенствовании.

Недостатки советской политической системы, проявившиеся еще в середине 30-х годов, когда Сталин, сравнив Коммунистическую партию с Антеем, высказал опасения, что она может оторваться от народа, лишь усугубились в дальнейшем. Однако, если в годы сталинских пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства напряженные условия способствовали отбору в ряды партии людей, наиболее преданных общественному долгу, то с годами требования к приему в КПСС новых членов снизились и стали более формальными. Поскольку почти абсолютное большинство руководящих должностей в стране от высших до низших звеньев управленческой системы занимали члены КПСС, было очевидно, что амбициозные люди стали стремиться вступить в партию вне зависимости от своих идейно-политических убеждений. Поскольку же пребывание на управленческих постах все чаще требовало высшего образования, то амбициозные люди старались обзавестись дипломом об окончании высшего учебного заведения, даже если у них не было особой склонности к повышению своего образовательного уровня.

Увеличение в управленческом слое лиц, озабоченных прежде всего улучшением их собственного положения, облегчало коррупцию и распространение антисоциалистической идеологии в высших эшелонах власти. Парадоксальным образом среди управляющего слоя общества быстро росло число тех, кого не устраивали социалистические порядки. Хотя представители этого слоя получали более высокую заработную плату, чем средние советские труженики, и имели различные привилегии, многие из них замечали, что их материальное

положение хуже, чем положение соответствующих лиц в управленческих и властных структурах капиталистических стран. К тому же, в отличие от представителей правящего класса в капиталистических странах, они не могли приобретать предприятия, землю и передавать их по наследству своим детям и внукам. Более того, допущенные ими ошибки в проведении политического курса партии, просчеты в хозяйственном руководстве, безнравственное поведение, а уж тем более преступления, связанные с коррупцией и разбазариванием государственных средств, могли привести к утрате ими властного положения.

Ощущение «обделенности» было особенно сильным в управленческих структурах союзных республик СССР, так как они могли сравнивать свое положение со статусом руководителей небольших независимых государств мира, которые обладали всеми атрибутами личной власти, порой неограниченной. Они знали, какой роскошью окружали себя многие из правителей небольших государств мира, не считаясь с бедственным положением своих сограждан. Но не только амбициозный секретарь республиканского ЦК или обкома мог мечтать о привилегиях мини-диктаторов ряда независимых государств. Такие мечты могли разделять и некоторые рядовые работники республиканского или областного масштаба. Если шансы стать в Советском Союзе министром, послом при ООН или в соседней стране, генералом у них были сравнительно невелики, то они резко повышались в случае предоставления его республике или автономной области независимости.

К тому же руководители местного масштаба знали, что даже в том случае, если они имели поддержку в своем непосредственном окружении, то они могли утратить свое положение из-за вмешательства центральных органов партийной или советской власти, вызванного реакцией на возмущение населения этих республик теми или иными нарушениями морали или закона. Такой контроль со стороны центра за своеволием руководителей на местах они объявляли попранием суверенных прав своего народа.

Эти настроения поддерживала и часть интеллигенции, связанной с верхами союзных республик. Поэтому в союзных республиках, начиная с РСФСР, росло число тех, кто разделял сепаратистские и националистические настроения. Идеализируя жизнь в буржуазном обществе, часть интеллигентов охотно реагировала на западную антисоветскую пропаганду, разделяла диссидентские установки. Немало людей из интеллигентской среды покинули СССР. Другие идеализировали дореволюционные порядки, противопоставляя их советским.

Хотя отдельные писания диссидентов подвергались громкому осуждению, а антисоветские настроения в интеллигентской среде были в центре внимания партийных органов и контрразведки, в руководстве Советского Союза игнорировали многие из существующих общественных проблем и старались не замечать процессы антисоветского и антисоциалистического перерождения управленческого слоя.

Тем временем на Западе работали сотни советологических центров, старательно изучавших советское общество. Исследовались хозяйственные, социальные, политические и этнокультурные стороны советской жизни. Тщательно изучалась история СССР. Исследования, позволявшие составить социологическую картину советского общества, готовились на основе регулярных опросов среди лиц, посещавших СССР или покинувших нашу страну. При этом особое внимание уделялось изучению уязвимых сторон советского общества.

Эти исследования имели прикладной характер и использовались для формирования государственной политики стран Запада в отношении СССР. В США, где эти работы велись особенно активно, они координировались Государственным департаментом, Министерством обороны и ЦРУ. На основе полученных выводов составлялись прогнозы развития событий в СССР и других социалистических странах. Такие прогнозы постоянно составлялись в различных советологических центрах стран Запада.

В 1978 году британские генералы, сотрудничавшие в НАТО, подготовили свой прогноз

разрушения СССР и социалистической системы в Европе, который был изложен в книге «Третья мировая война. Август 1985 года». Эта книга-прогноз была подарена премьер-министром Великобритании Джеймсом Калла-геном президенту США Джимми Картеру. Многие события, описанные в книге, казались в 1978 году невероятными: распад Югославии и вооруженный конфликт между сербами и хорватами, в который вмешиваются силы НАТО и Варшавского пакта, военные действия на территории Германии, которые вызовут волнения в Германской Демократической Республике, подъем массового рабочего движения в Польше, парализующий всю страну, военные действия Ирана в Персидском заливе, демонстрация в Алма-Ате с требованием убрать «русские войска» из Казахстана и заявление правительства Казахстана о провозглашении независимости, заговор украинских националистов, атомный взрыв, поражающий территорию Белоруссии. Развязка событий, назначенных на август 1985 года, происходила вследствие государственного переворота в Кремле, жертвами которого становились члены Политбюро, распад СССР и крах советской системы.

На Западе пропагандировались и прогнозы, составлявшиеся советскими диссидентами. Всемерно популяризировалась книга советского диссидента Андрея Амальрика «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?» Амальрик исходил из того, что ожидавшаяся им война между СССР и Китаем вызовет волнения среди населения, которые будут подавляться войсками. А это, по его прогнозу, «обострит межнациональную вражду… резко усилит националистические тенденции среди нерусских народов Советского Союза, сначала в Прибалтике, на Кавказе и Украине, затем в Средней Азии и на Волге». Автор полагал, что «во многих случаях партийные руководители различных национальностей могут стать инициаторами таких тенденций». «Падение режима, – предвещал Амальрик, – произойдет примерно между 1980 и 1985 годами». «Демократическое движение, – по словам Амальрика, – будет не в состоянии взять контроль в свои руки и решить проблемы страны». В результате этого «власть перейдет в руки экстремистских элементов и групп, а страна начнет погружаться в анархию, насилие и острую межнациональную ненависть. Границы новых государств, которые станут возникать на территории бывшего Советского Союза, будет чрезвычайно трудно определить».

Эти опубликованные книги лишь отчасти отражали ту прогностическую деятельность, которая велась в советологических центрах. Однако они позволяли понять, что в правящих кругах США, Великобритании и других стран Запада исходят из возможности крупных общественных потрясений в СССР и других социалистических странах в середине 80-х годов, При этом значительную роль в осуществлении дезинтеграции СССР должны были сыграть волнения в социалистических странах Центральной Европы и союзных республиках СССР, во главе которых могли встать местные партийные руководители.

Советологи обращали внимание на тех лиц в советском обществе, которые могли бы сыграть видную роль в грядущих событиях. Пристальное внимание уделялось тем. в ком советологи видели реформаторов, которые могли бы сыграть роль лидеров в процессе дезинтеграции СССР. Советолог Стивен Коэн составлял списки видных публицистов, ученых и других деятелей СССР, которые, по его мнению, были похожи на политических деятелей Венгрии и Чехословакии, сыгравших видные роли в событиях 1956 и 1968 годов.

Под этим же углом особо тщательно изучались сведения о партийных руководителях. В номере американского журнала «Проблемы коммунизма» за июль – август 1979 года Джерри Хаф опубликовал статью «Разрыв в поколениях и проблема преемственности Брежнева». Рассуждая о шансах тех или иных руководителей страны сменить Брежнева, Хаф исходил из вероятности того, что претендентами на пост станут Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, В.В. Гришин и М.С. Горбачев. По мнению Хафа, наибольшие шансы имел самый молодой из них – секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Автор статьи видел в Горбачеве будущего реформатора. Но советолог затруднялся дать ответ, когда Горбачев придет к власти. То обстоятельство, что в советологических кругах уже с середины 1979 года было обращено внимание на Горбачева как на потенциального первого руководителя СССР,

означало, что отныне каждый его шаг, а также каждое событие в жизни близких к нему людей становились предметом пристального внимания и активности государственных служб США.

Изучение всех слоев и течений в советском обществе, а также отдельных видных фигур позволяло державам Запада точно направлять усилия, предпринимаемые ими в ходе «психологической войны». Начавшаяся еще в середине 40-х годов активная антисоветская пропаганда, осуществлявшаяся в эфире, за 40 лет достигла немалых успехов в воздействии на массовое сознание значительной части населения СССР и других социалистических стран. Реальные трудности советской жизни изображались западной пропагандой как непреодолимые и органически присущие социализму. Различные проблемы, касавшиеся сравнительно небольшой части населения (например, задержки с получением виз на постоянный выезд из СССР за границу бывших сотрудников оборонной промышленности), становились темами яростных антисоветских кампаний, в ходе которых социалистическая система изображалась как олицетворение жестокости и антигуманности.

Эта пропаганда сочеталась с активными антисоветскими внешнеполитическими и внешнеэкономическими акциями. Вступление советских войск в Афганистан в конце 1979 года стало поводом для развязывания новых санкций против СССР. Была даже предпринята попытка сорвать Олимпийские игры 1980 года в Москве. В своих попытках расколоть социалистический блок Запад оказывал активную поддержку польскому движению Солидарности в 1980-1981 годах, которое возникло в точном соответствии с прогнозом британских генералов 1978 года.

Наступление на СССР и другие социалистические страны еще более усилилось с начала 1981 года. Пришедший к власти в США в январе 1981 года президент Рональд Рейган объявил Советский Союз «империей зла». Это словосочетание, взятое из популярного тогда боевика «Звездные войны», было дополнено программой «звездных войн» (или СОИ), предусматривавшей выведение из строя советской противоракетной обороны. США и другие страны Запада не скрывали своего намерения сокрушить СССР и его союзников военными, экономическими или политическими средствами или их сочетанием.

Смерть хронически больного Л.И. Брежнева, а затем кончины сменивших его на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР также тяжело больных Ю.В.Андропова и К.У. Черненко, привели к тому, что в точном соответствии с прогнозом Джерри Хафа во главе партии в марте 1985 года стал секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, уже известный с 1982 года как ответственное лицо за проведение в жизнь Продовольственной программы.

Задача ускорения развития советской экономики, выдвинутая Горбачевым в апреле 1985 года, получила широкую поддержку в советском народе. Выдвинутые им вскоре лозунги перестройки советского общества на основе демократизации политической жизни страны также пользовались всеобщей поддержкой. Получил поддержку и лозунг «гласности», направленный на прекращения сокрытия различных проблем страны как в настоящем, так и в прошлом. Хотя эти лозунги были не слишком хорошо обоснованы, советские люди видели в «перестройке» и «ускорении» способы решения многих давно насущных проблем. Успехи СССР в годы войны, освоении космоса и другие достижения в науке, технике и промышленности убеждали многих советских людей, что цели, поставленные Горбачевым, отвечают их представлениям о социализме как постоянно эволюционирующем в направлении совершенствования строе.

Однако в первые же годы реализации программ ускорения и перестройки произошли события, словно подтверждающие правильность прогнозов британских генералов. В апреле 1986 года произошел взрыв на Чернобыльской АЭС и радиоактивные осадки выпали на территории Украины и Белоруссии, а в декабре 1986 года в столице Казахстана Алма-Ате произошли волнения, вызванные недовольством избранием первым секретарем ЦК Компартии республики русского Колбина вместо казаха Кунаева. Эти и другие события в стране в значительной степени способствовали внесению нестабильности в жизнь советского

общества.

Между тем становилось очевидным, что лозунг ускорения экономического развития не был реализован. Горбачев и его союзники запутывались в осуществлении своей политики. Борьба в руководстве партии вокруг политического курса страны обострялась. Тем временем развязанная под предлогом гласности Горбачевым и Яковлевым кампания по раскрытию «белых пятен» в советской истории обернулась шумной атакой на советское прошлое, изображением его лишь как периода жестоких и несправедливых репрессий, в которых винили исключительно тогдашнее руководство СССР во главе со Сталиным. Таким образом была предпринята попытка усилить поддержку Горбачеву как гаранту от беззаконий. Одновременно кампания по очернению советской истории стала использоваться Горбачевым и его союзниками для устранения своих реальных и возможных соперников в руководстве, обвиняемых в сопротивлении «демократической перестройке». Вслед за исключением их из состава Политбюро и Центрального Комитета КПСС Горбачев и его союзники пошли по пути кардинальной ломки политической и хозяйственной системы СССР. Вместо трудной работы по созданию альтернатив в рамках социалистического строя, Горбачев и его союзники обращались к использованию уже готовых рецептов из идейно-политического арсенала буржуазного общества. Эти действия прикрывались часто повторяемыми Горбачевым и его союзниками лозунгами «Больше демократии!», «Больше социализма!».

Эти действия не приводили к улучшению жизни советских людей, а лишь вносили хаос и неуверенность в завтрашнем дне. Пытаясь поощрить частное предпринимательство, руководство страны открыло путь для теневой экономики, руководители которой были заинтересованы лишь в извлечении легкой спекулятивной прибыли. Их лозунгом стали слова: «Куй железо, пока Горбачев!» «Теневики» скрывали товары, продаваемые по спекулятивным ценам. Одновременно полки государственных магазинов пустели. Недовольство населения росло, а различные демагоги предлагали заведомо нереальные пути выхода под своим руководством. В стране усилились выступления национал-сепаратистов, а в ряде мест произошли межэтнические кровавые столкновения.

Между тем Горбачев терял управление страной. К концу 1990 года ситуация явно вышла из-под контроля. Горбачев осознавал остроту возникшего кризиса. В сентябре 1990 года его помощник Черняев записал в своем дневнике монолог своего шефа: «Толя! Что делать-то? За что ухватиться? У народа отвисает челюсть – куда податься!… Как соединить?» И, однако, Горбачев продолжал храбриться, заявляя: «Я ни о чём не жалею. Раскачал такую страну! Кричат "Хаос! "Полки пустые! ', "Партия разваливается!", "Порядка нет!.." А как иначе? История пока иначе не делается. Как правило, такие большие повороты сопровождаются большой кровью. У нас удалось до сих пор ее избежать… А дефициты и полки пустые… переживем. Нет. Не жалею ни о чем. И не боюсь».

Тем временем Запад усиливал давление на Горбачева, добиваясь от него отступления СССР на международной арене. Значительную роль в ухудшении экономического положения в СССР сыграло резкое падение цен на нефть и вызванное им сокращение доходов страны от продажи нефти. Одновременно Запад активизировал помощь силам внутри СССР и социалистических стран, выступавших против социалистических порядков. Эти действия во многом способствовали крушению социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и демонтаж организации Варшавского договора.

Смена строя в этих странах, за исключением Румынии, везде происходила бескровно, а потому эти государственные перевороты называли бархатными революциями. Хотя ПАСЕ изображает тогдашние общественные порядки в странах Центральной и Юго-Восточной Европы тираническими, в подавляющем большинстве этих стран их правительства не прибегали к насилию в попытках удержать власть в своих руках.

Несмотря на происходившие события в соседних странах и став свидетелями кризиса перестройки, многие советские люди еще не подозревали, что Горбачев, а также руководители союзных республик (Ельцин и другие) готовы пойти на ликвидацию социалистического строя и СССР. Когда был создан Государственный комитет по

чрезвычайному положению (ГКЧП) и возникло противостояние между ним и руководством Российской Федерации во главе с Б.Н. Ельциным, многие советские люди плохо понимали смысл происходивших событий. Например, те, кто 19 августа 1991 года пришел к стенам Верховного Совета РСФСР, не знали, что танки, прибывшие к стенам Белого дома, были вызваны Ельциным, а потому старались остановить их. Когда же по распоряжению Министерства обороны СССР танки были отозваны с тем, чтобы лишить Белый дом надежной охраны, «защитники Белого дома» радостно провожали танкистов, считая, что ими одержана победа. Кукловоды разыгрывавшегося спектакля не удосужились объяснить актерам массовки суть разыгрывавшихся сцен. По сути, людей использовали в роли Иванушек-дурачков, которые заливались слезами на свадьбе и кричали на похоронах: «Таскать вам не перетаскать!»

Уход ГКЧП с политической сцены после 2,5 суток его существования сопровождалось шумной пропагандой о «победе народной революции». Ясно, что никакой победы «защитниками Белого дома» не было одержано, хотя бы потому, что они не достигли успеха, которым обычно гордятся участники победоносных революционных восстаний. Простояв 2,5 дня возле здания Верховного Совета РСФСР, они не овладели ни одним государственным учреждением столицы (телефон, телеграф, банк и т. д.). Их «оборона» Белого дома оказалась бессмысленной, так как никаких попыток штурма этого здания не было предпринято.

Люди, собравшиеся в те дни возле Верховного Совета, не были представителями ни советского народа, ни столичного населения. Поэтому это собрание нельзя было назвать народным. Все последующие события показали, что заявления о революции прикрывали верхушечный переворот, который совершало правительство РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным против советского правительства, представленного в ГКЧП вице-президентом СССР Янаевым, председателем Кабинета министров СССР Павловым, силовыми министрами СССР. Незаконный арест членов ГКЧП и некоторых других лиц из высшего руководства страны свидетельствовал о мятеже сепаратистов против Союзного правительства.

В то же время заявления о том, что в стране победила народная революция, которые беспрерывно распространялись в те дни в средствах массовой информации, отражали позитивное отношение народа к понятию «революция». Ведь в течение 70 с лишним лет советские люди привыкли отмечать ежегодно день Великой Октябрьской социалистической революции. Положительное отношение к революции закреплялось названиями городов, улиц, площадей, связанных с революциями 1905 года и 1917 года, памятников в честь вождей и героев этих революций, многочисленными историко-революционными фильмами и книгами. Даже те советские люди, которые поддержали переворот Ельцина, не подозревали, что они выступили на стороне не революции, а контрреволюции.

Подавляющее большинство советских людей, пассивно или активно принявших государственный переворот 22 августа 1991 года, не замечали, что он носит не народный, а антинародный характер. Между тем уже в первые часы после начала мятежа Ельцина и его сторонников стало ясно, кто в наибольшей степени заинтересован в победе над советским правительством. В первые же часы после создания ГКЧП на улицу вышли брокеры созданных при Горбачеве первых бирж. Шествуя во главе с «новым капиталистом» Н. Боровым, они пронесли громадное трехцветное полотнище. После провозглашения в апреле 1918 года красного стяга официальным флагом России бело-сине-красный триколор был впервые поднят как знамя мятежа против центральной власти белыми войсками. Затем триколор использовался гитлеровцами в армии Власова. Третий раз в истории XX века триколор стал знаменем мятежа против советской власти в 1991 году. Активную поддержку мятежникам оказывал Запад. Американское посольство даже предлагало Ельцину политическое убежище.

Хотя Ельцин и его сторонники уверяли, что они выступают в защиту конституции и законности, одной из первых жертв контрреволюционного переворота в СССР стала законность. Вслед за беззаконными арестами членов советского правительства и ряда

руководителей КПСС последовали аресты руководителей компартий в прибалтийских странах, беззаконное запрещение Ельциным деятельности КПСС, а также запрет КПСС в ряде союзных республик, закрытие газет «Правда», «Советская Россия» и ряда других. На заседании Верховного Совета СССР поэт Евгений Евтушенко зачитывал фамилии тех, кто поддержал ГКЧП в открытом письме. Травля сторонников законной власти приняла такие масштабы, что целый ряд лиц, включая министра внутренних дел СССР Б.К. Пуго, начальника Генерального штаба Ахромеева, покончили жизнь самоубийством.

Ныне авторы резолюции ПАСЕ стараются уверить, что 15 лет назад победители над советской властью упустили возможность судить советский строй. Однако это не так. Несмотря на тщательные приготовления к расправе над КПСС и давление властей, попытки осудить советскую историю в ходе слушаний в Конституционном Суде в 1992 году провалились. Хотя представители правительства старались доказать преступность деятельности коммунистов на протяжении всей советской истории, выяснилось отсутствие каких бы то ни было оснований для таких обвинений коммунистов и советской власти. Конституционный Суд принял решение о незаконности запрета Коммунистической партии.

Провалились и попытки судить арестованных в августе 1991 года руководителей советского правительства. Опасаясь, что такой процесс может превратиться в суд над его организаторами, власти поспешили амнистировать членов ГКЧП. Однако генерал армии Варенников отказался от амнистии и пошел на суд, который полностью оправдал его.

В то же время беззакония «августовских победителей» подготовили почву для Беловежского сговора и противозаконного роспуска СССР в декабре 1991 года вопреки воле подавляющего большинства советских людей, проголосовавших 17 марта 1991 года в ходе всенародного референдума за сохранение СССР. За беззаконным роспуском Верховного Совета РСФСР Ельциным 21 сентября 1993 года последовала кровавая расправа со сторонниками конституционной советской власти 3-4 октября 1993 года. Коррупция во всех звеньях управления, безудержная преступность, по масштабам которой Россия вышла на одно из первых мест в мире, свидетельствовали о разгуле беззакония в стране.

Радостные возгласы о «победе народной революции» прикрывали грандиозное поражение народов нашей страны. За «триумф демократии», как стали называть арест членов ГКЧП, народ заплатил распадом СССР, экономическим крахом производства, межнациональными распрями, унесшими сотни тысяч жертв, разрушением систем образования и здравоохранения, деградацией науки и культуры. Мощная советская армия, защищавшая страну и ее союзников, оказывавшая помощь народам – жертвам агрессии, оказалась в состоянии тяжелого кризиса. Россия и другие независимые государства двинулись по пути превращения во второстепенные сырьевые придатки развитых капиталистических стран.

Распад СССР привел к дальнейшему обострению межнациональных конфликтов, жертвами которых в Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии, Нагорном Карабахе и других местах стали сотни тысяч человек. Миллионы людей, спасаясь от гибели, спешно покидали родные места, нередко бросая дома и свое имущество. Они превращались в бездомных, нищих изгнанников.

Распад СССР сопровождался воцарением произвола в ряде вновь образованных независимых государств. Принципы равноправия, в том числе национального, грубо попирались, особенно в прибалтийских странах. Русскоговорящее население в Прибалтике стало объектом грубой дискриминации. Это не мешало руководству прибалтийских стран постоянно твердить о нарушении прав человека в советское время, а затем принять активное участие в подготовке резолюции ПАСЕ.

События, приведшие к ликвидации советского строя и распаду СССР, неизменно встречались с восторгом на Западе. Запад мог торжествовать: прогнозы Амальрика и британских генералов были реализованы. Президент США Джордж Буш-старший откровенно объявил о том, что его страна выиграла холодную войну. В то же время ни одно из беззаконных деяний контрреволюционного режима, включая кровавую расправу в Москве

3-4 октября 1993 года, не было подвергнуто осуждению теми, кто призывает теперь осудить советскую власть.

Краткие выводы

Несмотря на огромные трудности, связанные с чудовищными разрушениями и уничтожением значительной части трудоспособного населения в ходе войны, советская страна сумела восстановить разоренное хозяйство и продолжить ускоренное развитие. Однако новым, серьезным препятствием на пути своего развития стали действия стран Запада, развязавших холодную войну против СССР. В ходе холодной войны враги коммунизма и социалистических стран постоянно прилагали усилия для поощрения подрывной деятельности в СССР и союзных с ним стран, с целью свержения существующих в них правительств и изменения политического строя. С помощью радиостанций и других средств пропаганды против социалистического строя велась клеветническая кампания, основные положения которой сейчас взяты на вооружение в резолюции ПАСЕ. И все же, несмотря на то, что Советской стране пришлось тратить значительные усилия на создание ракетно-ядерного щита и других средств обороны, ее послевоенная история ознаменовалась новыми достижениями в экономическом, научно-техническом, социальном и культурном развитии.

Достижения СССР стали примером для многих стран мира. В своей внешнеполитической деятельности СССР отстаивал дело мира, а также интересы народов, страдавших от колониализма, расизма и их последствий. В рамках ООН и его специализированных организаций СССР добился принятия многих норм международного права, отражающих требования большинства населения планеты. Все подобные международные правовые документы, принятые в ООН и ее специализированных учреждениях, были скреплены подписями советских представителей или одобрены ими. Провозглашение Советского Союза преступным государством поставит под сомнение их правомочность. Попытки объявить строй, существовавший в СССР, преступным неизбежно привели бы к аннулированию демократических завоеваний народов, достигнутых по примеру СССР или по его инициативе.

Кризис советской общественной системы в СССР не был следствием всенародного выступления против него, а порождением целого ряда причин, которые советские люди надеялись устранить без разрушения советского строя и ликвидации СССР. Крушение советского строя и СССР стало следствием государственного переворота, в организации которого сыграли большую роль усилия держав Запада. Этот переворот получил полную поддержку со стороны ведущих стран Запада.

Россия без советской власти, мир без СССР (вместо послесловия)

Объявляя свергнутый советский строй преступным, сторонники произошедших перемен утверждают, что после крушения социализма Россия вступила в эру демократии и свободы. Однако слова о «демократии» и «свободе» скрывают подлинное содержание тех перемен, которые произошли в России и других бывших союзных республиках СССР, а также социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Совершенно очевидно, что новый общественный строй стал полной противоположностью советского строя. Падение советского строя не только сопровождалось роспуском Советов всех уровней, но и привело к прекращению ведущей роли КПСС в жизни общества. Мощная организация 20-миллионной партии и ее огромный аппарат перестали играть роль в формировании решений на всех уровнях российского государства, начиная с отдельных предприятий и учреждений, кончая высшими правительственными органами. Запрещение на политическую деятельность на предприятиях и учреждениях привело к

ликвидации партийных организаций, парткомов, игравших ведущую роль в решении различных вопросов в жизни этих коллективов. Членство в какой-либо политической партии перестало служить условием для занятия каких-либо административных постов как в государственных, так и в частных учреждениях.

В то же время при выборе депутатов в Государственную Думу и местные органы власти избиратели теперь имеют возможность делать выбор среди десятков партий, имевших различные политические программы. К услугам избирателей имеются средства массовой информации, отражающие различные политические взгляды. Ведущая роль коммунистической идеологии в обществе сменилась плюрализмом идейных течений.

Существенно увеличилось число различных общественных организаций, члены которых занимают самые разные идейно-политические позиции, нередко взаимоисключающие. Заметно выросло число церквей всех вероисповеданий и конфессий. События в их жизни постоянно освещаются средствами массовой информации. Руководители правительства и местной администрации неизменно участвуют в главных религиозных праздниках.

Книжные издательства публикуют книги, издание которых было ограничено или просто невозможно в советское время. Электронные средства массовой информации предлагают телезрителям иностранные и отечественные фильмы и телесериалы, которых раньше практически не было на телеэкранах. По радио и телевидению ведутся дискуссии с участием радиослушателей и телезрителей на самые разнообразные темы, включая глубоко интимные, что было немыслимо в советское время.

В газетных киосках свободно продаются иностранные журналы, часто в российском издании. Число граждан России, посетивших страны дальнего зарубежья, существенно возросло по сравнению с числом советских людей, выезжавших за границу.

Многие сторонники новых порядков в России не без оснований обращают внимание на появление на прилавках магазинов и рынков заграничных товаров, которые прежде либо были дефицитными, либо вообще были незнакомы советским потребителям. Прекращение холодной войны, снятие экономической блокады и существенное увеличение торговли с Западом способствовали более активной продаже Россией сырья, прежде всего источников горючего, и соответствующий рост импорта различных потребительских товаров с Запада. Улицы российских городов оказались заполненными иностранными машинами, в учреждениях и жилых домах появились иностранные компьютеры и другие электронные приборы, а также мебель. Только с 1996 по 2005 год расходы россиян на приобретение транспортных средств возросли в 3 раза, мебели и бытовой техники – в 2 раза, компьютеров, музыкальных центров – в 1,3 раза.

Снятие ограничений на частное предпринимательство породило огромный рост предприятий розничной торговли, а ее ассортимент стал гораздо более разнообразным. Существенно выросли объем и разнообразие сферы услуг.

Хотя благами нового времени (обилие предлагающихся рынком товаров, расширившиеся возможности для получения информации и выезда за рубеж и прочее) смогла воспользоваться значительная часть населения, пропагандисты постсоветского строя умалчивают о том, что эти блага стали в полной мере достоянием лишь меньшинства населения. Высококачественные заграничные товары могло приобретать лишь состоятельное меньшинство (около 20 % от общего количества населения), доходы которого существенно выросли после 1991 года. Это меньшинство строило коттеджи в специально охраняемых поселках. Представители этого меньшинства регулярно меняли дорогостоящие иномарки машин и домашних приборов. Лишь представители этого меньшинства могли выезжать регулярно на заграничные курорты.

Интересы этого меньшинства отстаивали правительство и поддерживавшие его партии, и поэтому это меньшинство активно поддерживало правящие силы, способствуя их успеху на президентских, парламентских и местных выборах. В то же время политическая активность большей части населения упала так, что порой выборы приходилось отменять из-

за низкой явки избирателей (менее четверти зарегистрированных). Упадок интереса к общественно-политической жизни проявлялся в резком сокращении тиражей газет и журналов. (Впрочем, это объяснялось и возросшей стоимостью газет и журналов, а также одновременным сокращением покупательной способности большинства населения.)

Превращение постсоветского строя в полную противоположность советскому особенно ярко проявилось в том, что социальная защищенность сменилась полной беззащитностью труженика, потребителя, гражданина. Большинство бывших граждан СССР были разорены в ходе скачка цен в начале 1992 года. Их немалые денежные сбережения были уничтожены. Затем остатки сбережений были еще раз уничтожены в ходе дефолта 1998 года. Многие миллионы граждан стали жертвами финансовых пирамид или жилищных афер.

Приобретение квартир стало недоступным для многих людей. Резко возросшая квартплата и рост цен на коммунальные услуги бросили миллионы людей в пропасть нищеты. Потребление продуктов питания в среднем по стране существенно сократилось. Немало людей оказалось не в состоянии вносить деньги за квартплату и коммунальные услуги и были лишены жилья. Рост цен на городской транспорт, повышение стоимости железнодорожных и авиабилетов затруднили переезды многих малоимущих людей за пределы своего дома.

Резкое уменьшение покупательной способности заработной платы сопровождалось вопиющими задержками в ее выдаче, нередко составлявшими месяцы и даже годы. Затяжной спад в промышленном и сельскохозяйственном производстве привел к закрытию многих предприятий. При этом миллионы трудящихся остались без средств к существованию. Безработица, не известная нескольким поколениям советских людей, стала уделом миллионов. В поисках средств к выживанию многие бывшие граждане СССР покидали родные места, а вербовщики отправляли их на работу, нередко связанную с превращением их в бесправных рабов.

После затяжного спада в экономике (лишь к 2006 году экономика России приблизилась к общему уровню развития 1990 года, да и то главным образом за счет усиленного производства нефти и газа) и вследствие стремления новых хозяев экономить на всем, производственное оборудование приходило в упадок. Это приводило к росту числа аварий на производстве. Использование самолетов, автомашин и других средств транспорта, срок службы которых давно истек, вызывало резкое увеличение числа аварий и гибели людей. Импорт в Россию залежалой и недоброкачественной пищевой продукции, а также ослабление контроля над производством отечественных продовольственных товаров привели к резкому увеличению числа отравлений недоброкачественным питьем и другими съестными продуктами. Это стало причиной сотен тысяч смертей ежегодно.

Крайне ухудшилось положение пенсионеров. Пенсии безнадежно отставали от стоимости продовольственной корзины, и пенсионеры, полагавшиеся лишь на пенсии, едва могли себя прокормить. Денежные сбережения советских людей были уничтожены в результате скачка цен в первые дни 1992 года в ходе так называемых гайдаровских реформ. Дефолт 1998 года нанес еще один мощный удар по сбережениям людей.

Упадок системы здравоохранения, рост цен на лекарства, невозможность восстановить здоровье благодаря резко возросшей стоимости пребывания в санаториях, домах отдыха, а также транспорта способствовали повышению смертности в стране. Между тем рождаемость стала падать, и численность населения России с 1992 года неуклонно сокращалась. Как это всегда было в истории различных стран мира, падение рождаемости свидетельствовало о неуверенности молодых пар в надежности условий жизни. Фактическое вымирание России на протяжении 15 лет означало, что страна не может выйти из глубокого затяжного кризиса, чреватого уничтожением народов некогда великой страны.

Ухудшение материального положения школ и учителей, падение престижа учительской профессии и престижа школьных знаний вели к деградации образования. Ликвидация пионерской и комсомольской организации, нехватка средств у центров по внешкольным занятиям детей сопровождались ростом беспризорности и безнадзорности, невиданных со

времен гражданских войн. Сотни тысяч детей оказывались на улице, где их вовлекали в наркоманию и преступную деятельность.

Отречение от коммунистической идеологии создало идейный вакуум в обществе. Прежде объединенное целью построения коммунизма общество отчаянно пыталось найти «национальную идею», мечась между подчинением так называемым общечеловеческим ценностям (на деле ценностям буржуазного западного общества) и до реставрации монархистской идеологии (по сути, возврата к буржуазному обществу России до 1917 года).

Разъединенное общество продолжало разъедаться националистическими настроениями, сепаратистскими тенденциями. Последние особенно ярко проявились в ходе двух чеченских войн, а также в росте национал-сепаратистских сил в ряде республик Российской Федерации. Среди молодежи росли экстремистские националистические настроения, приведшие к межэтническим стычкам.

Отказ от общественных идеалов, на которых были воспитаны миллионы советских людей, породил вакуум в области морали. Принципы общественного долга и патриотизма, занимавшие первостепенное место в советской иерархии ценностей, многими были подвергнуты осмеянию и отброшены. Напротив, такие черты человеческой натуры, как себялюбие, карьеризм, культ потребительства, которые постоянно осуждались в советском обществе как проявления буржуазной морали, перестали быть объектами осуждения, а порой получали прямо противоположное, позитивное истолкование. Перевод межчеловеческих отношений на коммерческую основу стал считаться свидетельством «передовых» взглядов «свободного» общества. Хотя до падения советского строя его критики внутри страны и за ее пределами упорно распространяли миф о том, что расцвет частного предпринимательства приведет к улучшению качества труда, деградация трудовой этики, порожденная антиобщественными и эгоистичными установками, привела к заметному ухудшению качества изделий и услуг.

Свобода была истолкована как вседозволенность, а порой как торжество волчьих законов господства сильного над слабым. Дедовщина, возникшая в Вооруженных силах еще до падения советской власти, заметно усилилась и стала неистребимым злом Российской армии. В обстановке пренебрежения к интересам других людей и всего общества повсюду расцветала антисоциальная мораль теневой экономики и криминального мира.

Ощущение незащищенности людей усугублялось разгулом преступности в стране. Контроль преступных группировок за предпринимательской деятельностью привел к росту преступлений в борьбе за передел собственности или по отношению к рядовым гражданам. Жизнь в стране стала небезопасной. Россия, население которой было меньше, чем США, обогнала эту страну, известную высоким уровнем преступности, по числу убийств. Преступные группировки насаждают наркоманию, проституцию, нелегальный вывоз девушек и детей для притонов во все страны мира. Криминальные авторитеты стали контролировать общественную и политическую жизнь в целом ряде регионов страны.

Коррупция, которая стала разъедать советский управленческий аппарат в последние годы его существования, стала подлинным бичом современной России. Взятки в миллион долларов, получаемые отдельными чиновниками за разовые услуги, стали обычными. Поэтому деньги, которыми сорили власть имущие, намного превосходили доходы рядовых граждан за всю их жизнь. Отставной губернатор Саратовской области Аяцков между делом рассказывал тележурналисту о том, как другой государственный чиновник проиграл ему в бильярд две автомашины «Вольво». Однако информация о разложении верхов, постоянные разоблачения коррупции уже мало кого трогали, и они оставались без последствий.

Громогласные объявления о победе демократии прикрывали полный контроль, который осуществляли новые капиталисты и их политическая обслуга над решением основных вопросов экономической и политической жизни страны. Хотя в стенах Государственной Думы порой звучали обличительные речи в адрес правителей страны, этот высший законодательный орган власти был лишен полномочий, позволявших ему действенно контролировать работу правительства и президентской администрации. Решения,

которые определяли судьбы страны, принимались в узком кругу властных группировок. Так принимались решения о разгоне Верховного Совета в 1993 году, начале войн в Чечне, дефолте 1998 года, а также других внезапных поворотах во внутренней и внешней политике страны. Руководители же некоторых политических партий прикрывали политической клоунадой узурпацию власти узкими группировками.

Вслед за ликвидацией политической монополии КПСС в стране была установлена монополия партии власти, наименования которой менялись, но она фактически господствовала на всех уровнях управления страной. Оппозиция была сильно ограничена в своих возможностях пропагандировать свои взгляды. Советский демократизм на уровне предприятий и учреждений, проявлявшийся в ограничении власти администрации мнением партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, контролем со стороны вышестоящих административных, партийных, советских органов был заменен авторитарностью хозяина и его администрации. Планы работы предприятия перестали обсуждаться коллективно. Уволить человека с работы стало возможным по прихоти хозяина в одночасье.

Тяжелые проблемы хозяйства, ухудшение социальных условий жизни, авторитарность, коррумпированность и криминализация систем управления прикрывались массовой пропагандой и потоком масскультуры низкого качества, которые особенно активно распространялись по телевидению. Яркие шоу с обилием клоунады, ток-шоу, в которых раскрывались всевозможные интимные подробности семейной жизни, плоские и стандартные сериалы про бандитов пришли на смену советским телепрограммам и кинофильмам, создатели которых старались раскрыть глубокие проблемы человека в современном мире, ознакомить зрителей с главными проблемами современной жизни, достижениями науки, техники, искусства и литературы. Многие театры закрывались, а другие вынуждены были сокращать свои труппы и едва сводили концы с концами. Киностудии резко сокращали производство фильмов. Многие музеи влачили жалкое существование. Скандальное хищение сотен экспонатов в прославленном Эрмитаже его сотрудниками лишь свидетельствовало об экономическом и моральном кризисе в сфере культуры.

Падение престижа культуры проявилось и в падении интереса жителей России к чтению. По данным журнала «Книжный бизнес», только за период с 1996 по 2006 год «книжный бизнес потерял каждого четвертого читателя и каждого третьего покупателя». Хотя издавалось немало книг на самые разные темы, тиражи детективных и эротических сочинений лидировали. В стране Толстого, Достоевского и Чехова, в которой в последние годы ее советской истории активно творили Шукшин, Бондарев, Распутин, Белов, «писательницей десятилетия» была признана (на книжной ярмарке 2006 года) Александра Маринина, которая намного опережала других авторов по тиражам. Герои ее романов пребывали в мире захватывающих, а порой и фантастических приключений, имели немалые доходы и часто оказывались за границей. При этом писательница неизменно подчеркивала свое восхищение постсоветским потребительством, а советскую жизнь изображала как время нищеты, страха и всеобщего доносительства.

Многие же популярные нехудожественные произведения сочинялись в погоне за сенсациями и демонстрировали вопиющее невежество авторов в вопросах истории, психологии, естественных наук. На прилавках книжных магазинов было множество пособий по астрологии, гаданию, колдовству.

Распространение антинаучной информации способствовало появлению всевозможных суеверий. Как грибы после дождя в стране росло число всевозможных сект, главари которых откровенно вымогали деньги у населения, обещая невозможные чудеса. Примером этого стала деятельность шарлатана Грабового, который обещал воскрешать людей с помощью своей методики. Многие из сект, которых стали называть «тоталитарными», превращавших своих членов в фактических рабов, управлялись заграничными центрами и были направлены на разрушение традиционных ценностей России.

Как бы ни пытались скрыть власть имущие и подчиненная им пропаганда кризис, в который погрузилось общество, этот факт не является ни для кого секретом. Более того, через полтора десятка лет после свержения советской власти видные деятели правительства стали говорить о необходимости возвращения к тем или иным элементам советской организации, уничтоженным за годы контрреволюционных перемен. То министр обороны заявлял, что для борьбы с дедовщиной в армии следовало бы возродить должность заместителя командира по политической работе, как это было в советское время. То министр здравоохранения сетовал по поводу прекращения советской практики регулярной диспансеризации населения. Аварии на шахтах, вызванные вопиющим пренебрежением владельцев к безопасности шахтеров, вызвали разговоры о необходимости восстановления должности профсоюзного инспектора, который мог воспрепятствовать спуску шахтеров в шахту, если не было уверенности в обеспечении их безопасности.

В то же время для оправдания нынешнего общего кризиса страны апологеты постсоветского строя нередко говорят о его временном характере, о том, что страна просто переживает период раннего, еще «дикого» капитализма. Действительно, в своем стремлении отвергнуть все советское реформаторы отказались и от тех преобразований капиталистических отношений, на которые пошли на Западе, следуя примеру СССР, с целью предотвратить революционный взрыв в своих странах. Так, Россия значительно опережает многие капиталистические страны по разрыву в уровне доходов из-за недостаточно жесткого налогообложения по отношению к наиболее состоятельной части населения. По этой причине чуть ли не половина наиболее богатой сотни людей мира приходится на Россию.

С другой стороны, многие черты современного российского общества стали следствием слепого заимствования с образцов того капитализма, каким он стал в конце XX века. Контрасты между положением выходцев из «бедных» стран и основной массой населения и как следствие рост экстремистских настроений и терроризма, увеличение межэтнических конфликтов, характерные для капиталистического мира конца XX – начала XXI века проявились и в жизни постсоветской России. Моральный и идейный кризис западного общества, затронувший СССР до падения советского строя, в гораздо большей степени стал проявляться в России после краха социализма. Культ потребительства и эгоизма, пренебрежительное отношение к учебе, упадок трудовой этики, аполитизация значительной части населения, распространение наркомании, растущий кризис семьи и семейной морали, пропаганда порнографии, насилия, а также девиантного поведения, разлагающая моральные устои детей и молодежи, – все эти черты, проявляющиеся в послесоветской России, являются также характерными чертами западного общества, особенно развившимися со второй половины XX века.

Превращение России, других бывших союзных республик, а также социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы в капиталистические государства резко изменило международный климат. По логике резолюции ПАСЕ ликвидация «преступных режимов» должна была бы разрядить обстановку в мире. На деле ликвидация СССР привела к возникновению многих новых горячих точек на планете. Впервые после 1945 года война снова вернулась на европейский континент по мере того, как возникали межнациональные войны на территории распадавшейся Югославии.

В мире без СССР войны стали постоянным явлением в странах Азии. Гражданские войны, на которых грели руки поставщики оружия, сотрясали одно за другим африканские государства. При этом счет убитых в ходе этих войн шел на миллионы.

Вывод советских войск из Афганистана, падение правительства социалистической ориентации Наджибулы и зверская расправа со многими коммунистами не принесли мира в эту страну. Напротив, страна превратилась в поле боя между различными военизированными группировками, а некоторые из них стали восстанавливать средневековые порядки.

В мире без СССР Соединенные Штаты Америки и ее ближайшие союзники ощущали полную безнаказанность. Лишь после исчезновения СССР стала возможным агрессия стран НАТО против Югославии, сопровождавшаяся беспощадными бомбардировками Белграда и

других городов этой страны. Уход СССР с международной арены сделал возможным агрессию США и других стран НАТО против Афганистана, а затем против Ирака, агрессию Израиля против Ливана. Эти агрессии сопровождались массированными бомбардировками мирного населения, применением оружия, запрещенного международными соглашениями, содержанием в секретных тюрьмах пленных, издевательствами и пытками, а также другими вопиющими нарушениями норм международного права. Конгресс США даже принял закон, фактически разрешающий применение пыток в отношении тех, кого заподозрили в терроризме.

В то же время никто даже не осмелился привлечь США, Великобританию, Израиль и их сообщников за нарушение международных правовых норм. В мире без СССР страны Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, объявленные Соединенными Штатами частью «оси зла», живут в страхе нападения на них. Из опыта послесоветской истории международных отношений народы этих стран могут ожидать уничтожения мирного населения, жилья, хозяйственной и социальной инфраструктуры и воцарения хаоса. В постсоветском мире войны и угрозы войн стали судьбой многих народов планеты.

Принятая 26 января 2006 года резолюция ПАСЕ имеет одной из целей увести общественное мнение от преступлений, совершенных США и их союзниками, против народов мира и международного права. В то же время резолюция открывает еще один фронт наступления Запада на остальные народы мира. Предпринимая попытку извратить исторический период, связанный с борьбой за права трудящихся, за создание общества социальной справедливости и всеобщего счастья, авторы резолюции ПАСЕ стремятся объявить такую борьбу преступной и тем самым создать правовые условия для подавления такой борьбы.

По схожим причинам не прекращает пропаганды против советского прошлого и правящий класс России. Постоянное изображение советского прошлого как времени ужаса, пыток, всеобщей бедности направлено на то, чтобы заставить людей мириться с тяжелыми, а то и невыносимыми условиями современной жизни. В то же время, объявляя преступной борьбу трудящихся всех стран мира и нашей страны за свои права, достижения нашего народа в создании общества социальной справедливости и всеобщего счастья, власть имущие стремятся подавить сопротивление ограблению народа.

На телеэкране постоянно появляются наспех сработанные невежественные «документальные» фильмы, в которых советская история искажена до неузнаваемости. Каждодневно повторяются вопиюще неправдоподобные байки про Ленина и Сталина. Сделано немало различных телесериалов, посвященные разным периодам советского прошлого, но все они с поразительной монотонностью рассказывают о произволе советских властей, необоснованных арестах, пребывании в лагерях. Редкий юбилей актера, писателя, композитора, художника, ученого, талант которого расцвел в советское время и был высоко оценен советской властью, обходится без комментария телеведущего о том, как мучился юбиляр «под пятой» «жестокого режима», как он лишь чудом уцелел, как он втайне ненавидел советский строй и боролся против него. Даже к телерепортажу о том, как подрыв устаревшего промышленного здания, сооруженного в начале 20-х годов, не удался из-за того, что оно было сооружено на совесть, дается «объяснение» о том, что якобы здание оказалось прочным потому, что в ходе его постройки несколько советских инженеров было расстреляно за недостаточно хорошее качество бетона.

Вся трудная и противоречивая, сложная и героическая история Советской страны подвергается поношениям. Героями же объявляют тех, кто потерпел поражение – белогвардейцев времен гражданских войн, противников сталинской альтернативы в 20-х и 30-х годах, власовских предателей, бендеровцев и коллаборационистов из союзных и автономных республик СССР. Посмертно посрамляя советский строй, организаторы антисоветской кампании пытаются вернуть победу его давно поверженным врагам. При этом они скрывают, что на стороне врагов советской власти выступали иностранные интервенты и гитлеровские поработители, а, стало быть, они пытаются пересмотреть итоги войн XX века

против советской власти в пользу зарубежных врагов нашей Родины. Ныне, внося свой вклад в антисоветскую кампанию, они льют воду на мельницу резолюции ПАСЕ, хотя ее инициаторами были европейские государства, заинтересованные в том, чтобы еще раз ограбить Россию под предлогом компенсаций за мнимую оккупацию.

В случае подчинения нашей страны резолюции ПАСЕ помимо материального ущерба, который она понесет, помимо внесения в нашу страну новых идейно-политических распрей неизбежным следствием этого стал бы огромный урон для исторического сознания нашего народа. Авторы резолюции ПАСЕ и их «пятая колонна» в России изображают коммунистов и других борцов за построение социализма и коммунизма как преступников. Они уверяют, что для теории и практики коммунизма характерны «массовые нарушения прав человека… убийства и казни… голод… пытки» и т. д.

Не надо быть коммунистом, а просто признавать исторические факты, чтобы понять, в чем состоят характерные особенности коммунистической теории и практики. Прежде всего с момента появления первых коммунистических организаций их руководители выступали в защиту интересов миллионов рабочих и их семей, за ликвидацию строя, порождавшего беспощадную эксплуатацию, ограбление и уничтожение целых народов. Борьба коммунистов, а затем социалистов и социал-демократов за сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и быта, за предоставление всеобщего избирательного права, за прекращение дискриминации женщин и других социальных групп привела к значительным изменениям в социальной и политической жизни людей. Это была первая историческая победа, одержанная теми, кто разделял цели построения общества социальной справедливости и всеобщего счастья.

Для первой в мире социалистической революции, во главе которой стояли коммунисты, была прежде всего характерна реализация принципов, за которые с середины XIX века боролись коммунисты и социалисты всех стран земного шара: установление 8-часового рабочего дня, бесплатность и доступность основных социальных благ, создание равных условий для получения образования и доступа к культуре вне зависимости от социального и национального происхождения, развертывание строительства общества социальной справедливости – социализма, а затем общества полного удовлетворения всех потребностей человека – коммунизма.

В ходе строительства социализма и коммунизма для Советской страны стали характерны самые высокие темпы экономического, научно-технического, социального и культурного развития, которые до сих пор были известны в истории. Свидетельством этого стали итоги индустриализации в годы сталинских пятилеток, успехи СССР в области освоения космоса и других научных сферах. Хотя в дальнейшем темпы хозяйственного развития несколько снизились, стабильность экономического положения страны и отдельного труженика, жизнь без кризисов, безработицы, разорения стали характерны для советского социалистического общества. Хотя порой необходимые изменения в общественных отношениях отставали от уровня развитых стран, характерной особенностью советского общества являлась постоянная позитивная эволюция.

В XX веке успехи Советского Союза в решении социальных и экономических проблем, его достижения в науке и технике, образовании и культуре стали примерами для подражания во многих странах мира. И это также характерная черта советской истории.

Советский Союз сыграл решающую роль в срыве планов установления мировой гегемонии режимов расизма и милитаризма. Без СССР спасение мира от порабощения и уничтожения было бы невозможно. После победы во Второй мировой войне СССР сорвал планы развязывания ядерной войны и гибели значительной части человечества в ходе этой мировой катастрофы. Это стало следствием характерных для СССР качеств как великой державы мира. Одновременно СССР не раз спасал другие народы мира от локальных агрессий, помогал ликвидации колониальных и расистских режимов.

В тяжелых условиях XX века Советская страна понесла огромные жертвы. Они были прежде всего вызваны войнами и интервенциями против нашей страны, а также постоянной

необходимостью быть готовым к отражению внешней агрессии. В то же время немало жертв было вызвано революционными потрясениями общества, которые всегда и во всех странах мира сопровождали революции.

Нарушения законности, на которых спекулируют авторы резолюции ПАСЕ и их «пятая колонна» в России, были давно и самым решительным образом осуждены в СССР, как и в других социалистических странах. При этом все эти нарушения неизменно осуждались, как искажающие суть социалистического общества, как не характерные для социалистического строя.

Так же не характерными для социалистического строя, а точнее, враждебными его сути стали преступная деятельность, приведшая к созданию теневой экономики, коррупция государственных служащих, карьеризм среди части партийных деятелей, включая высших, который привел к противопоставлению частных их интересов целям советского общества. Именно эти преступные или аморальные тенденции, противоречившие сути социализма и коммунизма, стали питательной средой для сил антисоциалистического перерождения, а затем развала социализма и СССР.

Разрушение советского строя, развал СССР, ликвидация социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы стали подлинными преступлениями против нашей страны и всего человечества. На совести организаторов и соучастников этого преступления – гибель сотен тысяч людей, обнищание десятков миллионов, деградация науки, культуры, социальной сферы и системы образования.

В то же время крушение строя в СССР и других бывших социалистических странах, принесшие ухудшение положения, страдания и лишения миллионам людей, не является фатально неизбежной судьбой социализма. Во-первых, социалистический строй сохраняется в нескольких странах с общим населением более миллиарда человек. Во-вторых, события последнего десятилетия свидетельствует о наступлении социалистических сил в мире. Об этом, например, говорят политические процессы в ряде стран Латинской Америки. В-третьих, по историческим меркам.

Поражение социализма в ряде стран Европы после нескольких десятилетий его существования еще не означает его окончательного исчезновения. Как известно, буржуазные революции не только побеждали, но и терпели поражения, временно отступая под натиском сил контрреволюционной реставрации. Однако в конечном счете реставрации оказывались недолговечными и уступали место революционным силам. В России и других странах, где были свергнуты социалистические порядки, сохранились влиятельные политические силы, способные восстановить социализм. Очевидно, что страх перед наступлением этих сил и вызвал к жизни резолюцию ПАСЕ.

В то же время резолюция ПАСЕ является продолжением традиционной борьбы ведущих держав Запада против России, которая постоянно велась с использованием клеветнических обвинений в ее адрес.

Новым преступлением против нашей страны и всего человечества является попытка ПАСЕ навязать ложные представления о прошлом под угрозой уголовного наказания или политической травли. Попытка навязать нашему народу ложную память сродни с попытками спровоцировать беспамятство у отдельного человека и вытеснить подлинные воспоминания навязанными извне фантазиями. Такой человек становится инвалидом. Ущербным становится и общество, которое лишено подлинной исторической правды. Забыв под страхом уголовного преследования о достижениях рабочего движения всего мира и советского народа в преобразовании жизни на основах справедливости и всеобщего счастья, о решающем вкладе Советской страны в победу над силами порабощения и уничтожения человечества, мы ничего не поймем в том, что произошло в мире за последние 160 лет и в нашей стране за последние 80 лет.

Подмена глубоких знаний об истории пропагандистскими стереотипами ведет к уничтожению у общества способности извлекать уроки из прошлого и деформированию памяти народа. Народ, лишенный исторической памяти, неизбежно становится легкой

жертвой его врагов. Поэтому усилия, направленные на восстановление подлинной правды о прошлом во всей ее сложности, будут способствовать срыву планов порабощения народов нашей страны.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989.

Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М., 2003.

Бебель Август. Из моей жизни. М., 1963.

Безыменский Лев. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.

Безыменский Лев. Укрощение «Тайфуна». М., 2001.

Бережков Валентин. Рядом со Сталиным. Москва, 1998.

Битов Андрей. Уроки Армении (очерк). Из сборника «Образ жизни». М., 1972.

Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1958.

Василевский А .М . Дело всей жизни. М., 1973.

Верт Александр. Россия в войне 1941-1945. М., 1967.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 2-х т. М., 1944-1946.

Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. М., 1952.

Внешняя политика Советского Союза. 1947 год: В 2-х ч. М., 1952.

Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. М., 1953.

Восемнадцатый (XVIII) съезд ВКП(б). 10-21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1962.

Всемирная история: В 13-ти т. М., 1955-1983.

Гапон Георгий. История моей жизни. М., 1990.

Гегель Г.В.Ф. Собрание сочинений. Том 3. М., 1956.

Генри Эрнст. Заметки по истории современности. М., 1970.

Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991.

Дайнес Владимир, Краснов Валерий. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Материалы. Мнения. Размышления. М., 2000.

Двадцать пятый (XXV) съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1976.

Двадцать седьмой (XXVII) съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1986.

Двадцать шестой (XXVI) съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1981.

Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Поход на Москву. Минск, 1991.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1961.

Джаган Чедди. Запад на скамье подсудимых. М., 1969.

Долматовский Евгений. Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М., 1985.

Дорошевич В.М. Пытки (очерк). Рассказы и очерки. М., 1962.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969.

Жуков Юрий. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг. М., 2003.

Иосиф Виссарионович Сталин. Сборник Маркова Л.В. / Сост. М., 1994.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945: В 6-ти т. М„1960—1965.

История XIX века/Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938-1939.

История дипломатии. Том третий. М., 1943.

История дипломатии. М., 1958-1970.

История Коммунистической партии Советского Союза: В 8-ми т. М., 1967—1970.

История Латвийской ССР. Том 3. С 1917 по 1950 г. Рига, 1958.

История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней). Вильнюс, 1978.

История Украинской ССР: В 2-х т. Киев, 1969.

История Эстонской ССР. Том 3. Таллин, 1974.

Йонг Луи де. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция: В 2-х т. М., 1990.

Кара-Мурза Сергей. Советская цивилизация. От начала до великой победы. Книга первая. М., 2002.

Кастро Жозуэ де. География голода. М., 1954.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.

Кожинов Вадим. Россия. Век XX. 1901—1939. М., 1999.

Кожинов Вадим. Россия. Век XX. 1939-1964. М., 1999.

Куприн А .М . Юзовский завод (очерк). Собр. соч.: В 9-ти Том 9. М., 1964.

Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2000.

Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.

Кюстин Астольф де. Николаевская Россия. М., 1990.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55-ти томах). М., 1958—1965.

Ллойд Джордж Дэвид. Военные мемуары. М., 1934.

Маркс Карл, Энгельс Фридрих. Собрание сочинений: В 39-ти томах). М., 1955—1966.

Мартиросян А.Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М., 2003.

Матасов Василий. Белое движение на Юге России. 1917-1920. Монреаль, 1990.

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976—1985.

Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т. М., 1963—1966.

МикоянА .М . Так было. М., 1999.

Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005.

Мэнвелл Роджер, Френкель Генрих. Знаменосец «черного ордена» Гиммлер. М., 2000.

Народное хозяйство СССР в 1982 г. Статистический ежегодник. М., 1983.

Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М., 1982.

Нюрнбергский процесс (в двух томах). ML, 1954.

Овсяный И.Д. Тайна, в которой рождалась война. М., 1975.

Ольденбург Сергей. Царствование императора Николая II. М., 2003.

Октябрьская революция. Мемуары. М., 1999.

Орлов Александр. Сталин: в преддверии войны. М., 2003.

Переписка Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: В 2-х т. М., 1957.

Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет: В 2-х т. М., 1961.

Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы от 26 января 2006 года.

Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1968.

Робеспьер Максимилиан. Революционная законность и правосудие. М., 1959.

Розенберг Альфред. Миф XX века. Таллин, 1998.

Русская православная церковь. 1988-1988. Очерки истории 1917-1988. Выпуск второй. Издание Московской Патриархии. М., 1988.

Руссо Жан-Жак. Трактаты. М., 1969.

Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962.

Семнадцатый (XVII) съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934.

Сироткин Владлен. Кто обворовал Россию? М., 2003.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983.

Советская историческая энциклопедия.: В 16-ти т. М., 1961-1976.

Солженицын А.И. Двести лет вместе(1795-1995).: В 2-хч. М., 2000—2001.

Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Социальная деятельность ООН // Организация Объединенных Наций и социальные проблемы трудящихся. М., 1970.

Социология Великой Победы. М., 2005.

СССР – Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июнь 1941 г.: В 2-х кн. Вильнюс, 1989.

Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи / Сост. Лобанов М. М., 1995.

Сталин И.В. Сочинения: В 13-ти т. М., 1946-1951.

Сталин И.В. Сочинения (14,15 и 16 т.). М., 1997.

Суходеев Владимир. Сталин Военный гений. М., 2005.

Тарле Е.В. Крымская война: В 2-х т. М., 1950.

Твен Марк. Монолог короля Леопольда в защиту его владычества в Конго.

В защиту генерала Фанстона (памфлеты). – Собр. соч. Том 11. М., 1961.

Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1971.

Типпельскирх К. История второй мировой войны: В 2-х т.

Санкт-Петербург, 1994.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1968.

Тюленев И.В. Через три войны. М., 1960.

Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд (очерки). – Собр. соч.: В 9-ти т. Том 5. М., 1955—1957.

Уэллс Герберт. Россия во мгле. – Собр. соч. Том 15. М., 1964.

Фейхтвангер Лион. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.

Фест И. Адольф Гитлер: В 3-х т. Пермь, 1993.

Фришауэр Вилли. Взлет и падение Геринга. М., 2000.

Фостер Уильям. Очерк политической истории Америки. М., 1953.

Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. М., 1959.

Хрущев Н.С. Предотвратить войну, отстоять мир! Речи, беседы, выступления. М., 1963.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.

Четырнадцатый (XIV) съезд ВКП(б). Декабрь 1925. Стенографический отчет. М., 1926.

Чехов А.П. Из Сибири. – Собр. соч. Том 10. М., 1956.

Шелленберг Вальтер. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

Шервуд Роберт. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца: В 2-х т. М., 1958.

Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4-х т. Санкт-Петебург. 1897-1898.

Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. М., 1993.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: В 2-х кн. М., 1985.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991.

Эренбург Г. Б. Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время. М., 1951.

Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политика. М., 1965.

Яковлев Н.Н ЦРУ против СССР. М., 1983.

Amalrik Andrei. Will the Soviet Union Survive Until 1984? N.Y., 1971.

Brzezinski Zbigniew. Game Plan. A Geostrategic Framework of the Conduct of the US –

Soviet Contest. Boston. 1986.
Carell Paul. Hitler Moves East. 1941—1943. New York, 1967.
Churchill Winston S. Memoirs of the Second World War. (Abridgement). Boston, 1987.
Deutscher Isaac. The Prophet Armed. Trotsky: 1879-1921. Oxford, 1987.
Galbraith J.K. The New Industrial State. London, 1969.
Goebbels Joseph. Diaries. London, 1948.
Gross J. T. Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Byelorussia. Princeton, 1988.
Gunther John. Inside Latin America New York, 1941.
Hacket John et al. The Third World War. August 1985. N.Y., 1980.
Hitler Adolf. Mein Kampf. New York, 1959.
Jefferson Thomas. The Life and Selected Writings. New York, 1944.
Kilzer LouisC Churchill's Deception. The Dark Secret That Destroyed Nazi Germany. New York, 1994.
Maugham W. Somerset. Summing Up. London, 1978.
MontgomeryK.G. The Memoirs. New York, 1959.
Misiunas Romuald, Taagepera Rein. The Baltic States: Years of Dependence. 1940—1980. Princeton, 1980.
Roberts Priscilla. The Jewish Bankers, Russia and the Soviet Union. 1900-1940: The Case of Kuhn, Loeb and Company, American Jewish Archives Journal 69, nos. 1-2 (1997): 9-37.
Russel Bertrand. The Theory and Practice of Bolshevism. London, 1954.
Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany London. 1962.
Smal-Stocki Roman. The Captive Nations. New York, 1960.
Smith Denis Mack. iMussolini. New York, 1983.
Tachman Barbara. The Guns of August. New York. 1963.
Taylor A J. P. English History 1914-1945. London, 1975.
Taylor A. J.P. The Origins of the Second World War. New York, 1969.
Tocqueville Alexis de. Democracy in America. London, 1961.
Toynbee Arnold. A Study of History – London, 1945.
Trotsky Leon. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where It Is Going? London, 1937.
Trotsky Leon. The Russian Revolution. New York, 1959.
Whitehead Don. The FBI Story. New York, 1959.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

«Известия». «Известия ЦК КПСС». «Новый мир». «Правда» «Слово».
Congressional Record. New Republic. Problems of Communism.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

АВП СССР, ф. 012, оп. 2, п. 20, д.205, л. 17—32.
АВП СССР, ф. 012, оп. 2, п. 20, д.205, л. 33—47.
АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д.2111, л. 178—180.
АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 332, д.2281, л. 100.
АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 3136 д. 2115, л. 83—85.
АВП СССР, ф. 0154, оп. 32, п. 5, д.5, л. 148—162.
Партийный архив Института истории партии при ЦК КПЭ ф. 247, оп. 51, д. 190, л. 91—93.